

ISSN 0042-8779

ИВЛ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

9/97

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

9/97

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

- Был ли причастен К. Радек к гибели К. Либкнехта и Р. Люксембург? (Вступительная статья **Ю. Г. Фельштинского**) 3

СТАТЬИ

- Л. Н. Пушкарев** — История в общественном сознании России XVII века 36
- О. Р. Айрапетов** — Балканы. Стратегия Антанты в 1916 году 48

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- Г. В. Папакин** — Павел Петрович Скоропадский 61

ИЗ АРХИВА ИСТОРИКА

- А. М. Анфимов** — Неоконченные споры 82

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- А. В. Головнин** — Записки для немногих 114

СООБЩЕНИЯ

- В. А. Волков, М. В. Куликова** — Общество поддержки научных исследований им. **Х. С. Леденцова** 135

Выходит
с 1926 года

ТОО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- Л. С. Короткевич** — Иоганн Штраус в России 144
М. С. Бобкова — Жизненный путь Жана Бодена 149

ИСТОРИОГРАФИЯ

- А. Ф. Васильев** — Другая война: 1939—1945 155
В. С. Волков — В. С. Брачев. Русский историк Сергей Федорович Платонов 158
В. В. Сазонов — Я. Рокитянский, Р. Мюллер. Красный диссидент. Академик Рязанов — оппонент Ленина, жертва Сталина. Биографический очерк. Документы . 160
Ю. И. Игрицкий — Н. А. Машкин. Высшая военная школа Российской империи XIX — начала XX века 161
И. А. Дьяконова — Между Адриатикой и Енисеем. Путешествия в прошлое 163
В. Н. Токмаков — Религия и община в Древнем Риме; Л. Л. Кофанов. Обязательственное право в архаическом Риме: Долговой вопрос (VI—IV вв. до н. э.); В. А. Савельев. Римское частное право; Законы XII таблиц 164

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

- В. А. Александров** — Непредвзятое мнение читателя 167
Н. Н. Болховитинов — Можно ли так публиковать архивные документы? 171
И. Н. Сергеев — Царицыно: загадки кирпичных клейм 174

Был ли причастен К. Радек к гибели К. Либкнехта и Р. Люксембург?

Эта публикация — не обвинение Карла Радека в причастности к гибели Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Историк не может и не должен быть прокурором. Делается лишь попытка разобраться, что дают публикуемые ниже документы — «Дело Карла Радека» и «Дело Георга Скларца» для выяснения вопроса о возможном соучастии Радека в событиях 15 января 1919 г. в Берлине. Эти материалы базируются в основном на архиве Б. И. Николаевского. На многие возникающие вопросы еще только предстоит ответить.

Об убийстве 15 января 1919 г. виднейших германских революционеров Карла Либкнехта и Розы Люксембург написано немало книг и проведены формальные расследования германским правительством. Казалось бы, по крайней мере в этом вопросе наведена полная ясность. Но поставим это событие в контекст германо-советских отношений первых революционных месяцев, и мы увидим несколько иную картину.

Устранение лидеров германской компартии было выгодно В. И. Ленину. Брестский мир, как его ни оценивать с точки зрения интересов советской России, был, конечно, ударом в спину Либкнехту и германской революции. Заключение перемирия с кайзеровским правительством на Восточном фронте в марте 1918 г. уменьшало шансы на успех коммунистического восстания в Германии. Люксембург и Либкнехт стояли за поражение своего правительства в мировой войне, точно так же, как за поражение «своего» правительства стоял Ленин. Люксембург считала, что рабочий класс других европейских стран не имеет сил начать революцию, и поэтому поражение Германии увеличивает шансы революционного взрыва во всей Европе. Победа немецкого империализма с его огромными аппетитами и реакционным режимом, указывала Люксембург, наоборот, далеко отбросила бы назад человечество и привела бы к деморализации международного рабочего движения. Любая военная победа германской армии, писала Люксембург, «означает новый политический и социальный триумф реакции внутри государства».

Именно с вопросом о мире были связаны первые серьезные расхождения между Люксембург и правительством Ленина. «Ее надежды на то, что русская революция призовет международный пролетариат к борьбе, быстро угасли, — писал Пауль Фрелих. — Больше всего Роза боялась, что большевики могут игрой с немецкими дипломатами заключить опасный мир, типа «демократического мира» без аннексий и контрибуций, и добиться этим расположения германского генералитета»¹. Но ни Люксембург, ни

Либкнехту в страшном сне не могло привидеться, что ленинский мир окажется многократно худшим: Ленин подпишет мир антидемократический, с аннексиями, с контрибуциями, с выгодными для германского правительства дополнительными договорами.

Разумеется, Либкнехт и Люксембург подвергли брестскую политику Ленина суровой критике, так как она противоречила интересам германской революции. С осени 1918 г. эта критика становится резкой и открытой. «Теперь... нет уже прежнего большевизма с прежними целями. Отказавшись от надежды на немедленную революцию в Европе, он ставит себе целью восстановить народное хозяйство в России на началах сочетания государственного капитализма с частнокапиталистическими и кооперативными хозяйственными формами», — писала Люксембург в сентябре 1918 г. в брошюре «Русская революция»². Брестский мир Люксембург называла «вероломством по отношению к международному пролетариату».

Однако Люксембург не ограничилась критикой Ленина по вопросу о Брестском мире. Аграрную политику Совнаркома она подвергла критике слева: «То, что делают большевики, должно работать прямо противоположно, ибо раздел земли среди крестьян отрицает путь к социалистическим реформам». Развязанный большевиками террор и разгон Учредительного собрания — нарушение всех демократических норм, свободы слова и свободы печати: «Терроризм доказывает лишь слабость... Когда придет европейская революция, русские революционеры потеряют не только поддержку, но, что еще важнее, мужество. Итак, русский террор это только выражение слабости европейского пролетариата»³.

Иными словами, Люксембург проповедовала социализм, подавляющий меньшинство (как ей мерещилось это в «развитой» Германии), в то время как Ленин с Троцким строили социализм меньшинства, подавляющий абсолютное большинство и допускающий свободу, да и то с ограничениями, лишь для одной партии — большевистской.

Излишне говорить, что по требованию советского правительства публикация брошюры Люксембург в РСФСР была запрещена, а сама Люксембург подвергнута критике спартаковцами. Вот что писал об этом много лет спустя Б. Вольф⁴: «Все усиливавшееся подчинение спартаковского движения, ядра будущей коммунистической партии, Ленину и русскому коммунизму заставило ее друзей похоронить ее работу. Они заявляли, что Люксембург «не имела достаточной информации» и что работу ее публиковать «несвоевременно». Они заявляли даже, что она «изменила своим взглядам»⁵. Лишь в 1922 г. поссорившийся с Москвой руководитель германской коммунистической партии Пауль Леви опубликовал написанные Люксембург в сентябре 1918 г. статьи⁶, которые, по его собственным словам, партия приказала сжечь. Вольф продолжает: «Цензура его собственных друзей была сломана, наконец... Паулем Леви. Но и он опубликовал памфлет Розы Люксембург... только когда сам он порывал с Лениным и ленинизмом... В Германии и Франции памфлет был опубликован в 1922 году»⁷.

Победа революции в индустриальной Германии была не в интересах Ленина, так как в этом случае сельскохозяйственная Россия отступала на второй план. Во главе зарождающегося Третьего Интернационала становились Либкнехт и Люксембург. Какая роль в этой схеме отводилась Ленину, только что подписавшему мирный договор с германским имперским правительством, а ранее того принимавшего от немцев денежные субсидии, о чем в целом было известно, — остается только догадываться. Бреста Ленину не могли простить ни «левые коммунисты» в России, ни спартаковцы в Германии.

Политическую карьеру Ленина могло спасти лишь поражение германской революции. Ради этого подписывал Ленин Брестский мир в марте 1918 г., ради этого настаивал на его соблюдении до самой последней минуты. Не случайно Брестский договор был расторгнут постановлением ВЦИК за подписью Свердлова, а не декретом СНК за подписью Ленина: Ленин не готов был расторгнуть Брестский мир даже в ноябре 1918 г., когда Германией была проиграна мировая война.

Ради удержания власти Ленин пошел на саботаж германской революции. В письме партийному и советскому активу, опубликованном 4 октября 1918 г., Ленин из практических вопросов сконцентрировался на двух: советское правительство не намерено разрывать Брестский договор; необходимую для поддержки германской революции трехмиллионную армию будет иметь «к весне»⁸. Иными словами, Ленин открыто объявил и кайзеровскому правительству и немецким коммунистам, что Красная армия по крайней мере до марта 1919 г. не намерена вмешиваться в уже начавшуюся германскую революцию.

8 ноября в Компьене германской делегации были зачитаны условия, 15 и 19 пункт которых предусматривали «Отказ от Бухарестского и Брест-Литовского договоров, а также их дополнительных договоров... Возвращение русских и румынских денег, конфискованных и выплаченных немцам». 13 ноября Свердлов объявил об аннулировании Брестского мира. 14 декабря главком И. И. Вацетис потребовал от управления снабжения Красной армии прежде всего позаботиться о частях, продвигающихся на запад (пока что в оккупированные ранее немцами районы бывшей Российской империи): «Части, наступающие на запад, не обеспечены в достаточной степени довольствием, особенно хлебом. Предлагается срочно организовать под Вашей личной ответственностью это дело, так, чтобы войска не испытывали ни в чем недостатка. О Ваших мероприятиях донесите». Но Ленин был заинтересован в противоположном. Его резолюция: «Склянскому: паки и паки: ничего на запад, немного на восток, все (почти) на юг»⁹.

Это не означало, что он был против «мировой революции». Ленину было важно лишь, чтобы революция — не только русская революция, но и мировая — происходила под его руководством. Самостоятельные революции Ленину не были нужны точно так же, как позднее Сталину. Лучше всего это было продемонстрировано историей создания Коминтерна. Теоретически Коммунистический Интернационал считался братским союзом равных партий. На практике Ленин стремился сделать его инструментом советской внешней политики. Замаскировать эти планы было трудно, и ведущие руководители мирового коммунистического движения выступили против поспешной организации нового, Третьего Интернационала. «Из воспоминаний Пауля Леви и других руководителей основной группы «Спартак» известно, что особенно на этом настаивала Роза Люксембург, которая не хотела допустить превращения Коминтерна в приложение к ленинскому ЦК», — писал Николаевский¹⁰. Люксембург, пишет Вольф, надеялась восстановить довоенный Интернационал. Ленин же раскалывал Второй Интернационал для организации нового Третьего Интернационала. Созыву международного коммунистического конгресса для провозглашения Третьего Интернационала воспротивилось влиятельное крыло германской компартии во главе с Люксембург. Метод Ленина был всегда один и тот же: он боролся за свой курс, раскалывая тех, кого не мог контролировать¹¹.

Для этого и был послан нелегально в Берлин в конце декабря 1918 г. Карл Радек — личный враг Люксембург еще с дореволюционных времен. С чего началась эта вражда? Немецкий историк пишет: «Что в конце привело к разрыву с Розой Люксембург и ее друзьями — не совсем ясно. Все стороны оперировали сомнительными аргументами. Чтобы окончательно избавиться от Радека, который при расколе польских социал-демократов в 1911 г. поддержал меньшинство так называемого варшавского крыла, польское партийное руководство снова раскопало его давние «грехи молодости». В 1912 г. его исключили из социал-демократии Королевства Польского и Литвы. В вину ему было поставлено воровство. Обвинения подхватили руководители германских социал-демократов, чтобы таким образом политически расправиться с одним из самых неудобных и активных представителей левых.

«Дело Радека» занимало значительное место на съездах социал-демократической партии Германии (СДПГ) в 1912 и 1913 годах. В 1913 г. была принята резолюция, согласно которой «лица, исключенные из партии,

входящей в Международное социалистическое бюро, причина исключения которых привела бы также к исключению из немецкой партии», не могут стать или оставаться членами этой партии. Специальной резолюцией этому решению была дана обратная сила, и оно было применено к Радеку. Эти события не имели больших последствий для его деятельности. Радикальные газеты все равно предоставляли ему свои полосы. Ленин встал на сторону Радека и написал в связи с этим делом статью в «Vorwärts» (которая, однако, опубликована не была)¹².

Не исключено, конечно, что Люксембург уже тогда подозревала Радека в сотрудничестве с австрийской или германской разведкой, и именно по этой причине по внешне пустяковому поводу руководство польской, литовской, а затем и германской социал-демократических партий добивались исключения Радека. Люксембург была не одинока в своих требованиях. Комиссией, негласно расследовавшей деятельность Радека, руководил Ф. Э. Дзержинский. Как и Люксембург, он настаивал на привлечении Радека к ответу за растрату крупной суммы партийных и профсоюзных денег¹³. Понадобилось вмешательство Ленина, чтобы Радеку нашлось место в партийной организации России; он, как знаток Германии, сделался доверенным лицом Ленина в вопросах, касающихся ее.

В конце 1914 г. Радек, чтобы избежать призыва в армию (как австрийского гражданина) переехал в Швейцарию. В Берне он сблизился с Лениным и его группой и по всем принципиальным вопросам придерживался большевистской (ленинской) точки зрения. Правда, он расходился с Лениным по пункту о самоопределении наций и не был согласен с его тезисом о превращении войны империалистической в гражданскую. Но на социалистических конференциях в Циммервальде (1915 г.) и Кинтале (1916 г.) вместе с Лениным и Зиновьевым Радек возглавлял радикальное меньшинство циммервальдских левых.

В 1916 г. в статье «В тисках противоречий» Радек полемизировал с неким «Юнием», доказывая абсурдность, после двух лет войны, расчетов на «спонтанную революционность масс». По Радеку, социал-демократы могли опираться лишь на жесткую и идеологически монолитную организацию. Отходя от представлений Люксембург, основанных на идее «массовой революционной партии», Радек, очевидно, склонялся к ленинской концепции партии кадровой — организации революционеров. Позже выяснилось, что под псевдонимом «Юний» скрывалось авторство Розы Люксембург. Круг замкнулся теперь уже и на теоретическом уровне.

Когда в апреле 1917 г. ленинская группа возвращалась в Россию, Радек сошел на полпути. В Стокгольме он взял на себя руководство иностранным пунктом большевиков — учреждением, которое должно было стать связующим звеном между предстоящей пролетарской революцией в России и ее «самыми верным и надежным союзником», германским пролетариатом. Кроме Радека и его жены здесь работали Я. С. Ганецкий и В. В. Воровский. Часто приезжал Парвус, по праву считавший себя четвертым членом группы. Через Парвуса (А. Гельфанда), профессора Густава Майера и швейцарского социалиста Карла Моора, с которым Радек был знаком с 1904 г. (писал для газеты «Berger Tagwacht», где Моор был редактором), группа поддерживала контакт с германскими властями. В Стокгольме она издавала на немецком языке две газеты: «Korrespondenz Prawda» и «Vote der russischen Revolution». Подавляющая часть статей в них была написана Радеком. По просьбе Ленина Радек послылал для «Правды» статьи о внешней политике, старался подавить антиленинские тенденции внутри циммервальдского движения и создать самостоятельную организацию левых (его поддерживали итальянская коммунистка Анжелика Балабанова и ряд скандинавских левых). Благодаря их усилиям в Стокгольме собралась конференция — не всего социалистического Интернационала, как рассчитывали социалистические партии Европы, а лишь циммервальдистов. Но добиться опубликования манифеста, призывающего к всеобщей международной забастовке, им не удалось.

Возвратившись в Россию, Радек занимал разнообразные посты в совет-

ском руководстве. Но очевидно, что основная его работа принадлежала к области пропаганды идей мировой революции. Вступив в конфликт с Лениным и отказавшись поддержать ленинскую брестскую политику, Радек 7 октября 1918 г., после начала революции в Германии, указал в своей речи, что только рабочий класс Германии и рабочие Европы могли бы помочь советской России завершить начатое дело. «Без них мы не победим, и поэтому наша задача помочь победить им. И поэтому, товарищи, мы вступаем в самый великий, но и самый опасный период русской революции»¹⁴.

Вскоре Радек получил приглашение берлинского Совета прибыть в Берлин для участия в I съезде Советов Германии, назначенном на декабрь. Дважды до этого, в апреле и августе, Радек неудачно пытался пересечь германскую границу. Оба раза его выдворяли в РСФСР. На этот раз советская делегация, выехавшая в Берлин в конце декабря, состояла из пяти человек: Н. И. Бухарина, Х. Г. Раковского, А. А. Иоффе (высланного правительством Макса Баденского из Германии 4 ноября за организацию революционной деятельности), Радека и Игнатьева (секретаря делегации). Однако немецкие военные в Минске отказались пропустить делегацию через демаркационную линию. Бухарин, Раковский, Иоффе и Игнатьев вернулись домой. Радек въехал нелегально под видом возвращавшегося на родину военнопленного, под собственной фамилией — Собельсон — в сопровождении двух немецких коммунистов: Эрнста Рейтера и Феликса Вольфа. Они ехали на санях, по железной дороге, через Вильно, Эйдкунен и Кенигсберг. В начале января 1919 г. Радек прибыл в Берлин.

«Именно в этот момент убийцы заставили замолчать» Розу Люксембург, сообщает Вольф, рассказывая о конфликте Люксембург с Лениным по вопросу об Интернационале¹⁵. А еще через полтора месяца после убийства, происшедшего 15 января, в Москву прибыли участники I (учредительного) конгресса Коминтерна. Делегат германской компартии Гуго Эберлин от имени ЦК ГКП, настаивал на том, чтобы официальное оформление Коминтерна было отложено до следующего конгресса. Его требование было отклонено. 2 марта Коминтерн был образован, причем председателем Исполкома Коминтерна назначали Зиновьева, не написавшего ни одной серьезной теоретической работы¹⁶.

С этим было трудно согласиться немцам. В знак протеста Эберлин грозил даже выходом германской компартии из Коминтерна. И все-таки Коминтерн был образован так, как замыслил Ленин: он стал инструментом, помогавшим держать в повиновении немецких коммунистов, обязанных подчиняться свои советским единомышленникам лишь потому, что в России революция победила, а в Германии еще нет. «Возможно, что всю свою будущую жизнь она вела бы критику подчинения германского коммунизма русскому большевизму», — писал о Люксембург Г. Штюбель¹⁷.

В этом смысле показательна записка Троцкого Зиновьеву, Ленину, Радеку и Бухарину от 22 ноября 1922 г., касавшаяся, правда, не Германии, а Франции: «Создавать ли на Конгрессе [Коминтерна] новый центральный комитет французской коммунистической партии? Или же придать списку членов нового ЦК характер предложения, исходящего от Конгресса...? Ни одна из фракций не считает возможным прямое назначение членов нового ЦК здесь в Москве. Особенно этого боится левая: выйдет так, говорят они, что левые цекисты всегда вводятся Москвой, т. е. навязываются партии». Несмотря на это Троцкий считал, что «безусловно необходимо вопрос о составе нового ЦК разрешить [в] Москве» и описывал далее, как именно нужно это сделать¹⁸.

Но вернемся к событиям 1918—1919 годов. Подготовка самого покушения на Либкнехта и Люксембург началось, видимо, в ноябре или первых числах декабря 1918 года. Во время расследования убийства Либкнехта и Люксембург, проводившегося в 1920 г. правительством Веймарской республики, Антон Фишер — заместитель Вейса, военного коменданта Берлина, — дал письменные показания о том, что его ведомство с ноября вело «круглосуточный поиск и преследование Либкнехта и Люксембург, чтобы

не дать им заниматься агитационной и организаторской деятельностью». В ночь с 9 на 10 декабря 1918 г. солдаты 2-го гвардейского полка ворвались в редакцию спартаковской газеты «Rote Fahne» с намерением убить Либкнехта и Люксембург. Но их не оказалось на месте. В ходе расследования, предпринятого в 1922 г., несколько свидетелей показали, что уже тогда за головы Либкнехта и Люксембург было назначено вознаграждение в размере 100 000 марок. Эта награда была обещана Ф. Шейдеманом, одним из лидеров правых социал-демократов, в феврале — июне 1919 г. возглавлявшим германское правительство, и его близким другом Георгом Скларцем — дельцом, разбогатевшим на военных поставках¹⁹. Поскольку разбогатеть на поставках правительство кайзера давало лишь своим агентам и государственные заказы были самым простым способом создания незарегистрированных тайных фондов для финансирования любой необходимой правительству нелегальной деятельности, было ясно, что Георг Скларц — агент германского правительства еще с кайзеровских времен.

Скларц был также сотрудником известного политического деятеля, революционера и агента германского правительства Александра Парвуса. Заговор с целью убийства Либкнехта и Люксембург организовывали трое: будущий глава германского правительства Шейдеман, германо-русский социал-демократ и агент германского императорского правительства Парвус и его сотрудник революционер и бизнесмен Скларц, причем именно Скларц должен был выплатить вознаграждение в 50 000 марок за каждого убитого²⁰.

Оказалось, что на деньги «одного русского барона» была основана «Антибольшевистская лига». Руководил Лигой фон Тичка. Именно Лиге принадлежала попытка неудачного покушения на Либкнехта и Люксембург в первой половине декабря 1918 года. С разрешения городского Совета в январе 1919 г. в Берлине гвардейским кавалерийским дивизионом защиты, участвовавшим в аресте и убийстве Либкнехта и Люксембург, было занято здание отеля Эден, причем указывалось, что именно там будет располагаться служба помощи социал-демократии, так называемая Секция 14.

В 1922 г. при рассмотрении дела Тички было установлено, что руководили «Секцией 14» Шейдеман со Скларцем, что вознаграждение в 100 000 марок действительно ими было объявлено. Вот что показали под присягой сотрудник «Секции 14» Хассель, бухгалтер секции Зоненфельд и офицер Красник: «Фриц Хенк, племянник Шейдемана, уверенно говорил нам об имеющейся премии за головы и о том, что вся сумма находится в его распоряжении». На суде это было также подтверждено целой группой сотрудников правления рейхстага.

Приказ об убийстве Либкнехта и Люксембург был отдан устный. Их следовало доставить в отель живыми или мертвыми и тем, кто это делает, обещано 100 000 марок. Сыщики гонялись за обоими революционерами, соревнуясь друг с другом. Человек, координировавший их действия, сидел в коммандатуре. Это был прокурор Вайсман, который в январские дни получил от Эберта назначение на должность государственного секретаря.

На этих довольно неприятных для германских социал-демократов выводах и остановилось следствие. Всем было ясно, что лица, причастные к покушению 9—10 декабря 1918 г., скорее всего ответственны и за убийство, состоявшееся 15 января 1919 года. Но к организации убийства Либкнехта и Люксембург 15 января был причастен, видимо, еще один человек — большевик Карл Радек. К такому выводу пришел брат Карла Либкнехта — Теодор, известный германский социал-демократ, адвокат, занимавшийся многие годы неофициальным расследованием убийства.

Собранные Теодором материалы об убийстве брата погибли во время бомбардировки в ноябре 1943 года²¹. Возвращаться к этому вопросу Теодор, очевидно, не собирался. Но в 1947 году известный русский историк и собиратель архивов Б. И. Николаевский написал Теодору Либкнехту письмо. Николаевского интересовала совсем другая тема, в те годы непопулярная и опасная. Он безуспешно пытался доказать, то, что сегодня хорошо известно: виднейший швейцарский революционер социал-демократ Карл

Моор был агентом германского правительства и работал под кличкой «Байер»:

«Имя Карл Моор мне хорошо знакомо. Он был агентом немецкой военной разведки и в последние годы был связан с полковником Николаи. Я слышал, что он играл какую-то роль в швейцарском рабочем движении, но меня интересует следующее: у меня есть информация от абсолютно надежных людей, что это Карл Моор в свое время (в 1917 г.) связал Ленина с немцами и устроил проезд большевиков через Германию. С другой стороны, он был также связан с Карлом Радеком и связал Радека с полковником Максом Бауэром, когда тот был арестован в феврале 1919 г. в Берлине. У меня есть все основания предполагать, что ваш брат Карл встречался с Радеком и Карлом Моором незадолго до своего последнего ареста и очень серьезно поссорился с Карлом Моором»²².

В ответ Теодор Либкнехт сообщил Николаевскому сведения, которые следует назвать сенсационными и в которые отказался поверить даже Николаевский, — о роли Радека в убийстве Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Писем Либкнехта к Николаевскому, посвященных именно этому вопросу, в архиве Николаевского в Гуверовском институте обнаружить не удалось (сама переписка между ними довольно обширна, но касается главным образом Карла Маркса). Нет этих писем и в архиве Т. Либкнехта в Международном институте социальной истории в Амстердаме. Николаевский пробовал найти письма Т. Либкнехта в своем архиве, но безуспешно. «Никак я не могу найти старые письма Теодора Либкнехта, который мне писал о роли Моора (и Радека) в убийстве его брата», — писал Николаевский М. Н. Павловскому 24 марта 1962 года²³. Однако упоминания об этой переписке имеются в письмах Николаевского к третьим лицам. Поскольку это единственные юридические улики против Радека, хотя и их следует считать косвенными, приведем некоторые выдержки из переписки Николаевского, посвященные этому отнюдь не банальному сюжету. Добавим, что Николаевский далеко не сразу прислушался и поверил рассказам Теодора Либкнехта.

О личной нелюбви Радека к Розе Люксембург, до революции настоявшей на исключении Радека из польской и германской социал-демократической партий, Николаевский знал. Но как раз это и могло быть причиной слухов. 1947 год был не лучшим моментом для сенсаций такого рода. Погибший в чистках Радек считался жертвой режима Сталина. Доказательств у Теодора Либкнехта не было — только рассказ убежавшего от преследования брата. В конце концов, Карл Либкнехт мог ошибиться, предательство Радека могло ему померещиться. Николаевский замолчал — на десять лет. Лишь после смерти самого Теодора, после смерти Сталина, после разоблачений XX съезда, наконец, после публикаций в 1956—1958 гг. документов, раскрывающих связи в годы первой мировой войны большевиков (в том числе Радека), с одной стороны, и кайзеровского правительства и его агентов (прежде всего Парвуса), с другой, — Николаевский стал упоминать в письмах третьим лицам о выводах Т. Либкнехта.

Первое такое упоминание относится, видимо, к 1957 году. Вот что писал Николаевский бывшему руководителю французской компартии Б. К. Суварину: «Много говорил на эти темы с Теодором Либкнехтом (покойным), который считал и Радека, и особенно Карла Моора агентами нем[ецкого] штаба. Уверял меня, что к такому же выводу о Радеке пришел и Карл Либкнехт, с которым у Теодора был на эту тему разговор при последней встрече. Карл, по словам Теодора, был совершенно подавлен информацией, которую он когда-то от кого-то — Теодор не знал, от кого, — получил. Наиболее опасным Теодор считал Моора»²⁴.

Три года спустя Николаевский писал о том же Ричарду Враге, работавшему в 1934—1935 гг. в польской разведке: «О Радеке нужно говорить особо. Теодор Либкнехт мне рассказывал, что Карл Либкнехт в их последнюю встречу (накануне ареста Карла), говорил ему, что он узнал о Радеке, который тогда только что приехал нелегально из Москвы, «чудовищные вещи», о которых обещал рассказать во время следующей встречи. Этой

встречи не было, и Теодор считал, что Радек предал Карла. Вообще Теодор собирал материал о секретах немецкого штаба, у меня должны быть его письма (если не погибли...)... Знаете ли Вы что-либо о роли Карла Моора? Теодор Либкнехт считал его главным агентом немецкой армии в рядах социалистов»²⁵.

В письме итальянской социалистке Анжелике Балабановой от 20 апреля 1962 г. Николаевский расшифровывал, что именно узнал о Радеке Карл Либкнехт: «Особенно часто я вспоминаю теперь мои старые разговоры с Теодором Либкнехтом, который доказывал мне, что Радек предал Карла. Накануне ареста Карла Либкнехта он встретил Теодора на улице и на ходу сказал, что получил сведения о связях Радека с военными кругами и считает его предателем. Они условились встретиться на завтра, когда Карл должен был рассказать подробности, но ночью Карл Либкнехт был арестован и убит. Теодор все последующие годы собирал материалы и говорил мне, что убежден в правильности подозрений брата... В этих рассказах Теодора фигурировал и Моор как человек, который чуть ли не с конца 1880-х годов был агентом немецкой военной разведки в Швейцарии. Моор оказывал влияние на Радека, но последний имел и другие связи прямо с Николаем²⁶ и др. руководителями немецкой военной разведки»²⁷.

С 1962 г. Николаевский пишет о Радеке и Мооре довольно часто: «О том, что Карл Моор был платным агентом немецкой военной разведки в течение многих лет, мне кажется, теперь не может быть никакого сомнения. Впервые я об этом узнал еще лет сорок тому назад от Теодора Либкнехта. Мне кажется, последний об этом сообщал и в печати, в своем еженедельнике, который он тогда издавал в Берлине (кажется, под названием «Volkswille»), где он вел кампанию с требованием расследовать дело Карла. У меня должны быть письма и письма Теодора по этому вопросу, но я теперь никак не могу их найти. Во всяком случае «Байер» это действительно Карл Моор. Но здесь Вы подходите к самому острому вопросу истории того периода, а именно к вопросу о подкупе немцами большевиков»²⁸.

Несколько писем Николаевский написал М. Н. Павловскому, исследователю темных страниц большевистской истории, занимавшемуся в тот период германо-большевистскими связями времен первой мировой войны: «Рассказы Теодора Либкнехта имеют в виду связь не с м[инистерст]вом ин[остранных] дел, а с военной разведкой, архивы которой не попали к англо-американским органам. И, конечно, Радек не принимал непосредственного участия в убийстве. Речь здесь шла о другом, о том, что Радек выдал им [германской разведке] адрес Либкнехта и что за эту помощь самого Радека они спасли от ареста... Я не уверен, что в рассказах Теодора Либкнехта все неправильно. Он был безусловно честный человек, знал очень много, относительно Карла Моора он был полностью прав, в деле об убийстве брата он вскрыл очень многое, имел каких-то хороших информаторов. Что Радек был связан с очень большими немецкими разведчиками, для меня несомненно. (Сталин его не расстрелял в 1937 г., несомненно, потому что рассчитывал использовать его старые связи), а потому в этом вопросе мы еще можем натолкнуться на много неожиданностей»²⁹.

«В связи с находкой новых документов в немецких архивах приходится очень многое пересматривать заново. В частности, много приходится думать и о самом Ленине, который не мог не знать, откуда идут деньги, которые ему сотнями тысяч и даже миллионами слал Ганецкий, и еще больше о Радеке. Особенно часто я вспоминаю теперь мои старые разговоры с Теодором Либкнехтом, который доказывал мне, что Радек предал Карла [Либкнехта]. Накануне ареста Карла Либкнехта он [Карл Либкнехт] встретил Теодора на улице и на ходу сказал, что он получил сведения о связях Радека с военными кругами и считает его предателем. Они условились встретиться на завтра, когда Карл должен был рассказать подробности, но ночью Карл Либкнехт был арестован и убит. Теодор все последующие годы собирал материалы и говорил мне, что убежден в правильности подозрений брата. Каюсь, я тогда недостаточно серьезно относился к этим рассказам Теодора и не записывал их; но у меня должно иметься несколько

его последних писем из Швейцарии. В этих рассказах Теодора фигурировал и Моор как человек, который чуть ли не с конца 1880-х годов был агентом немецкой военной разведки, той ее части, которая ориентировалась на союз с большевиками для похода против Франции (была другая часть, которая ориентировалась на Францию для борьбы с большевиками, во главе ее были ген. Гофман, позднее — Людендорф)»³⁰.

Итак, современникам тех событий — Т. Либкнехту, Б. Вольфу и Б. Николаевскому заинтересованность советского правительства в устранении Люксембург и Либкнехта была очевидна, причем эта заинтересованность не исчерпывалась задачей дня (1918—1919 гг.). Вольф писал: «В то время как Карл Либкнехт и Роза Люксембург были убиты, [Вильгельм] Пик [арестованный вместе с ними] был пощажен для того, чтобы стать верной марионеткой контролируемой Москвою Восточной Германии. Лео Иогихес в течение нескольких дней разоблачал убийство, пока не был арестован сам и посажен в тюрьму Моабит, где сидел Радек.

10 марта Иогихес был также убит. Но Радек остался сидеть в камере и именно там начал переговоры, которые позднее привели к союзу между Красной армией и Рейхсвером и сталинско-гитлеровскому пакту. В этом смысле судьба Радека и Пика, с одной стороны, и Люксембург, с другой, является символом отношения Розы Люксембург и Ленина к вопросам о социалистических принципах и власти»³¹.

Иными словами, Вольф усматривал в устранении Либкнехта, Люксембург и Иогихеса (с оставлением в живых Пика) не случайность, а вполне планомерный акт, организованный германским и советским правительствами через немецкую военную разведку, с одной стороны, и Радека — с другой. Эта, казалось бы, фантастическая теория неожиданно нашла подтверждение в воспоминаниях самого Вильгельма Пика о последних днях и часах жизни Люксембург. Пик рассказывал, что Либкнехт и Люксембург первоначально использовали квартиру в районе Новокёльна. Но там их работа бросалась в глаза, и уже через два дня квартиру пришлось менять. Переезд состоялся вечером 14 января и был крайне рискован уже потому, что солдаты останавливали в поисках оружия любой транспорт (именно по этой причине Люксембург и Либкнехта нельзя было вывезти из Берлина). Однако, пишет Пик, «из-за одного еще не раскрытого предательства Белая гвардия уже на следующий день знала новое место пребывания Розы Люксембург и Карла Либкнехта. Когда я вечером 15 января около 9 часов хотел обоим товарищам занести на квартиру и передать им необходимые удостоверения личности на случай проверки их дома, квартира была уже занята военными, а Карл Либкнехт арестован и увезен. Роза Люксембург находилась еще в квартире и охранялась большим количеством солдат. У выхода из квартиры я был задержан солдатами... Через некоторое время меня и Розу Люксембург доставили в Эден-отель»³².

Арестованный Пик представился другим именем. Его держали под арестом сначала в гвардейском кавалерийском дивизионе защиты, на следующий день доставили в пункт возле зоологического сада, и наконец — в управление полиции, откуда 17 января Пик загадочным образом бежал в нейтральную Швейцарию.

Но не будем обвинять Пика в малодушии либо предательстве, не имея на то оснований. (Похоже, что все-таки ему дали бежать. И, если верить Вольфу, далеко не случайно.) Нам важно установить, что и по мнению Пика Либкнехт и Люксембург были арестованы и убиты в результате «не раскрытого предательства».

И еще по крайней мере один раз прозвучало, причем в суде, обвинение в том, что в смерти Либкнехта и Люксембург виноваты коммунисты. Утверждения эти исходили от офицеров, непосредственно причастных к убийству, и, по понятным причинам, серьезно никем не воспринимались. Видимо, в самом начале второй мировой войны Николаевский составил для себя план так и не написанной им книги «Судьбы Коминтерна». Эта страничка текста стоит многих докторских диссертаций:

«Мысль о необходимости разрыва с социалистическим Интернационалом

у Ленина с 1914 г. (его тезисы о войне). Особая позиция внутри Циммервальдского объединения. Первый конгресс (март 1919 г.) — почти исключительно из эмигрантов, живших в Москве. Борьба между сторонниками Розы Люксембург и Лениным (Роза Люксембург против создания Коминтерна из-за боязни подчинения его Ленину). Концепция мировой революции у Ленина и Троцкого. Вопрос о колониальных движениях: полемика Ленина против Розы Люксембург. Стремление Ленина толкнуть немцев на создание «фронта на Рейне». Миссия Радека... Большая политика: борьба за революцию в Европе, сплетающаяся с попытками соглашения с немецкими милитаристами для разгрома Польши в 1920 г.; «туркестанская тактика» Бела Куна; поддержка крайних националистов в борьбе против французской оккупации Рейна; план большого восстания 1923 г. в Германии (Саксония, Гамбург) и его крушение (октябрь 1923 г.) Остальные страны Европы и др. имеют только подсобное значение... 21 условие приема в Коминтерн, чтобы закрыть доступ «оппортунистам». Западноевропейское бюро... Период борьбы фракций (1924—1929 гг.). Острая борьба фракций, особенно в Германии, как реакция на путчизм. Стремление правых в Советском Союзе освободиться от бремени тактики «мировой революции» (Рыков)... Сталинская стратегия подготовительного периода (стремление уничтожить средние группы и оставить противостоящими друг другу фашизм и большевизм... Спор Сталина с Кларой Цеткин. Основная идея тактики Сталина: основной движущей силой мировой революции является СССР... Все остальные играют лишь служебную роль... 1929—1939... Все силы на взрыв «Веймарской республики». Прямая поддержка нацистских забастовок и пр. Провоцирование вооруженных столкновений. Официальная теория: «Гитлер играет роль ледокола революции, расчищая дорогу для коммунистов». Соглашение с немецкими милитаристами для второй войны... [стремление] к прямому союзу с Гитлером. Тактика «единого фронта» в 1934—1939 гг. для Сталина — прикрытие политики подготовки соглашения с Гитлером»³³.

Здесь действительно раскрыта вся суть советской коминтерновской политики, от создания Коминтерна Лениным до уничтожения его Сталиным. Тот же мотив прослеживается в другой, менее заостренной, но столь же показательной записке Николаевского, сделанной для себя:

«Стратегия мировой революции по Ленину. Антианглийские элементы в этой концепции. Руководящая роль, отводимая в этих планах революционному движению в Германии... Подготовка расколов в рабочих партиях Запада: коммунистические партии должны стать послушными орудиями в руках Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала, который, пребывая в Москве, находится под постоянным контролем и руководством коммунистической партии России. Спор между Лениным и Розой Люксембург о значении национально-освободительных войн, как теоретическая посылка для соглашения с немецкими националистами. Первые нити, которые протягиваются между Коминтерном и немецкими националистами (1919 г.).

Радек и Людендорф. Борьба двух тенденций в политике Коминтерна: ориентация на революцию старого типа, с одной стороны, и ориентация на соглашение с руководящими националистическими кругами. Борьба этих двух тенденций в 1923 году. Итоги немецкого поражения 1923 года. Публикация набросков Ленина против Розы Люксембург (январь 1924 г.) Отказ от «революционной романтики». Ориентация на сокрушение власти Антанты в Европе в результате дипломатических и военных конфликтов между разными странами (Бухарин в «Большевике» 1924 г.)»³⁴.

Проводником этой политики в 1918 — двадцатых годах как раз и были Радек, с одной стороны, и Карл Моор, с другой. Николаевский пишет: «Политику, которую этот Карл Моор начал проводить с 1918—1919 гг., когда он из доверенного лица разваливавшейся немецкой военной разведки начал превращаться в политического коммивояжера, пытающегося завоевать доверие московского Политбюро старательным проведением работы по сколачиванию, как определил Радек, союза немецких генералов-реваншистов с советскими коммунистами-милитаристами для совместной борь-

бы против Запада. Это — особый период в биографии Карла Моора. Начало его можно определить довольно точно: с момента, когда он 7 марта 1919 г. появился в Стокгольме, приехав с поручениями от Ленина. Это он маклеровал те встречи Радека с немецкими военными и разведчиками, о которых рассказывает Радек в своих воспоминаниях о немецком «Ноябре»³⁵.

С момента своего ареста, последовавшего в Берлине в начале февраля 1919 г., Радек уже не скрывал связей с немецким правительством. С прекращением официального судебного дела германского правительства по обвинению его в подрывной деятельности — изоляции Радека пришел конец. Он все еще оставался в тюрьме Моабит, но ему разрешили там в бывшей квартире тюремного сторожа в почти неограниченном количестве принимать посетителей. В салоне Радека часто бывали высшие германские офицеры, с одной стороны, связные германской компартии — с другой. Среди высокопоставленных гостей салона Радека был Вальтер Ратенау, будущий министр иностранных дел Германии (подписавший с советским правительством в 1922 г. Раппальский договор и в том же году убитый за это террористами). Ратенау приходил к Радеку договориться об условиях возобновления дипломатических отношений между Германией и советской Россией³⁶.

Моор привел также к Радеку барона Ойгена фон Рейбница, товарища Людендорфа по кадетскому корпусу. Живший затем какое-то время у Рейбница Радек назвал Рейбница первым представителем «национал-большевизма». Рейбниц действительно выступал впоследствии за союз с советской Россией с целью освобождения Германии от Версальского договора. Однако национал-большевистские идеи находили отклик не только в офицерских и академических кругах, но и в рядах ГКП, прежде всего в Гамбурге.

Организацией встреч Радека (и добычей фальшивых паспортов для его посетителей) занимался старый знакомый — агент германского правительства, швейцарский социал-демократ Карл Моор. Отправившись в Россию вскоре после большевистского переворота, он с небольшими перерывами пробыл там почти полтора года и в марте 1919 г. возвратился в Берлин. Там Моор пытался добиться согласия германского правительства на совместные советско-германские действия против Антанты и параллельно стал главным связующим звеном между Радеком и внешним миром. Моор получил разрешение германских властей говорить с Радеком с глазу на глаз и стал его представителем во всех контактах. Вот как описывала организацию встречи с Радеком Рут Фишер (Эльфрида Фридлендер, урожденная Эйслер) — видная руководительница австрийской, а затем и германской компартий, переселившаяся из Вены в Берлин в августе 1919 г.: «Радек хотел познаться со мною и послал ко мне Моора, чтобы тот привел меня в Моабитскую тюрьму. К моему громадному удивлению Моор привел меня в ставку Генштаба на Бендлерштрассе, где перед нами автоматически открывались все двери. Один из офицеров передал мне паспорт с явно фальшивой фамилией и биографическими данными, и с этим паспортом я имела право трижды в неделю приходить к Радеку в его камеру».

По мнению Фишер Радек начал склоняться к национал-большевизму уже в октябре 1919 г., когда Юденич стоял у Петербурга. В то время, находясь в тюрьме, он приготовился к самым плохим известиям из России и надеялся добиться взаимопонимания с определенными кругами германской армии и обеспечить себе защиту от войск союзников (которые могли добиваться — и действительно добивались — его выдачи, как противника Антанты). В это время он и начал принимать у себя двух видных представителей германского (гамбургского) национал-большевизма — Генриха Лауфенберга и Фрица Вольфгейма. А еще через два месяца, в доме у барона фон Рейбница и на квартире шенбергского комиссара полиции Шмидта, в ожидании отъезда в Россию, он дискутировал на тему о национал-большевизме с офицером германской военной разведки полковником Бауэром и контр-адмиралом фон Гинце, доказывая, как и в своем «салоне»,

что «Ленин желает союза с Германией против западных государств-победителей»³⁷.

Это было продолжение ленинской брестской политики. Ее фундаментом служили дореволюционные тайные германо-большевистские отношения, перспективой — Рапалльский договор, секретное советско-германское военное сотрудничество, успешно подрывавшее Версальскую систему. Ее апогеем стал советско-германский пакт о разделе Европы, подписанный в 1939 г. Молотовым и Риббентропом. «Линия политических отношений между Германией и Россией, ведущая от Брест-Литовска к 23 августа 1939 г. и 22 июня 1941 г..., внешне столь причудливая, в действительности — совершенно прямая: это линия тайного соглашения, преступного сговора!». Таковы последние строчки в дневнике Теодора Либкнехта, всю свою жизнь расследовавшего убийство брата.

Ю. Г. Фельштинский

Примечания

1. FRÖLICH P. Rosa Luxemburg. Gedanke und Tat. S. 284.
2. Архив Гуверовского института при Стэнфордском университете, колл. Б. И. Николаевского (АГИН), ящ. 6, папка 12; Роза Люксембург о большевиках. Листовка РСДРП. Перепечатка из «Социалистического вестника», ящ. 1, 1922. Издание Петроградского комитета РСДРП. Февраль 1922 г., с. 2.
3. ВАРСКИ А. Роза Люксембург. Тактические проблемы революции. Гамбург. 1922, с. 7.
4. Бертрам Вольф (1896—1977) возглавлял фракцию в американской компартии и в 1929 г. был исключен из партии за фракционную деятельность. До конца 1937 г. выступал с поддержкой обвинений против оппозиции, выдвинутых на московских процессах. В конце 1937 г. публично отмежевался от своих прежних взглядов и выступил против процессов. Позже вообще отказался от коммунистической деятельности, стал профессором. Автор ряда книг, самая известная из которых — «Трое, сделавшие революцию».
5. АГИН, ящ. 727, п. 4; WOLF B. Rosa Luxemburg and V. I. Lenin: The Opposite Roles of Revolutionary Socialism. — The Antioch Review (Ohio), Summer, 1961, p. 222.
6. Пауль Леви выпустил книгу под названием «Русская революция. Критическая оценка слабости Розы Люксембург» (Берлин. 1922).
7. WOLF B. Op. cit., p. 222.
8. ЛЕНИН В. И. Полн. собр соч. Т. 37, с. 99.
9. Там же. Т. 50, с. 221, 457.
10. АГИН, ящ. 510, п. 1.
11. WOLF B. Op. cit., p. 216.
12. Подробнее об этом см. GOLDBACH M.-L. Karl Radek und die deutsch-sowjetischen Beziehungen 1918—1923. Bonn — Bad Godesberg. 1973.
13. Из письма С. Ю. Бадаша Ю. Г. Фельштинскому, 29.VII.1989. Запись рассказа отца С. Ю. Бадаша.
14. RADEK K. Der Zusammenbruch des Imperialismus. S. 1. 1919, S. 44.
15. WOLF B. Op. cit., p. 216.
16. Бежавший от Гитлера в СССР Эберлин в 1937 г. был расстрелян.
17. ШТЮБЕЛЬ Г. «Ich habe Sie richten lassen». — Die Zeit, 13.I.1989, S. 41 (статья, посвященная 70-летию убийства Люксембург и Либкнехта).
18. The Trotsky Papers. Т. 2. Гага. 1964, p. 760, 762.
19. См. ХАФФНЕР С. Революция в Германии 1918—1919. М. 1983, с. 158, 163.
20. Государственный архив ФРГ, ф. 43, п. 1239. Дело Скларца.
21. См. Архив Международного института социальной истории в Амстердаме (МИСИ), колл. Теодора Либкнехта, п. 10. Записи Т. Либкнехта дневникового характера.
22. АГИН, ящ. 489, п. 2. Письмо Николаевского Т. Либкнехту, 16.XII.1947. На нем. яз.
23. АГИН, ящ. 496, п. 3. Письмо Николаевского М. Н. Павловскому, 24.III.1962.
24. МИСИ, колл. Суварина, письмо Николаевского Суварину, 11. IV.1957.
25. АГИН, ящ. 508, п. 48. Письмо Николаевского Р. (Георгию Иосифовичу) Враге, 15.VII.1960.

26. Полковник Вальтер Николаи, руководитель 3-го бюро — военной разведки Германии. После первой мировой войны, формально уйдя в отставку, оставался в разведке. В июле 1932 г. зарегистрирована его поездка из Берлина в Мюнхен для встречи на квартире командира германских штурмовиков Эрнста Рема с нацистскими руководителями, в том числе с Гиммлером и Гессом.
27. МИСИ, колл. Балабановой, письмо Николаевского Балабановой, 20.IV.1962.
28. АГИН, ящ. 500, п. 19. Письмо Николаевского О. Шюддекопфу), 25.VIII.1962; ящ. 4478, п. 21. Письмо Николаевского Г. Эккерту, 14.IV.1964, где он цитирует свое же письмо Шюддекопфу.
29. АГИН, ящ. 496, п. 3. Письмо Николаевского Павловскому, 2.IX.1962.
30. Там же. Письмо Павловского Николаевскому, 11.VIII.1962.
31. WOLF В. Op. cit., p. 222.
32. LUXEMBURG R. Ein Leben für die Freiheit. Frankfurt a/Main. 1980, S. 308—309 (Вильгельм Пик. Сообщение о последних часах).
33. АГИН, ящ. 511, п. 41. НИКОЛАЕВСКИЙ Б. Судьбы Коминтерна (план книги).
34. АГИН, ящ. 510, п. 24. НИКОЛАЕВСКИЙ Б. Итоги русского эксперимента (Пути развития российского большевизма), с. 4.
35. Там же, ящ. 478, п. 21. Письмо Николаевского Г. Эккерту, 26.XII.1962.
36. Там же, ящ. 18, п. 27. От бюро печати при полномочном представительстве РСФСР в Эстонии, 9.VIII. 1921, с. 2.
37. ШТЮБЕЛЬ Г. В «Die Zeit», 13.с.1989, в статье, посвященной 70-летию со дня смерти Розы Люксембург и Карла Либкнехта.

Дело Радека ¹

№ 1. [Обзор печати] Партийные новости. Дело Радека. 8 мая 1914 г. ²

«Vorwärts» пишет:

Правление партии получило длинное заявление от правления социал-демократической партии России, Польши и Литвы и товарища Люксембург, представителя группы Еврейского социалистического союза, по делу Радека. В нем оспаривается прежде всего какое-либо право парижской комиссии по расследованию выносить приговор по делу Радека. Польская социал-демократия в организационных вопросах является полностью самостоятельной. Парижская комиссия не была назначена центральными инстанциями русской партии и не включала представителей польской социал-демократической партии.

Расследование является не только правовым, но и фактическим безобразием. Представленные свидетели в своем огромном большинстве не могли представить никаких доказательств. Те свидетели, которые могли бы дать решающие показания, либо отказались их дать, либо не смогли быть опрошены. Для польской партии с делом Радека было покончено тогда, когда на польском партийном съезде было оглашено заявление Радека, его последнее слово. Немецким инстанциям представлен для проверки общий материал и показания свидетелей. В письме правления немецкой партии, направленном в «Vorwärts» вместе с этим заявлением, говорится: «Решение парижской комиссии по расследованию не изменило правового статута, принятого на Йенском партийном конгрессе».

Такое же заявление многим правления польской партии с точно таким же сопроводительным письмом правления немецкой партии поступило и к нам. Мы отказываемся действовать, основываясь на этом материале, а считаем необходимым рассмотреть всю партийную прессу по этому вопросу. Достаточно указать на то, что парижская комиссия была образована по инициативе бюро зарубежных секций социал-демократической партии России, Польши и Литвы с помощью делегатов от русских партийных инстанций и что эти инстанции публично признали решение комиссии и подтвердили, что тов. Радек является полноправным членом русской

партии. Мы уже приводили соответствующее заявление тов. Ленина как представителя Центрального комитета. И тов. Семковский, зарубежный секретарь организационного комитета русской социал-демократической партии, направил тов. Радеку письмо (датированное 28 апреля [1914 г.]), в котором подтверждается, что для организационного комитета парижская комиссия была «разумеется, вполне авторитетной» (в нее входил и представитель организационного комитета тов. Павлович) и что решение комиссии, принятое единогласно, принимается комитетом. Так объяснили обе группы русской социал-демократии признание тов. Радека полноправным членом партии. Наконец, тов. Радеку направил следующее письмо тов. Троцкий:

«По поручению объединенной группы русских социал-демократов в Вене сообщаю Вам, что группа приняла к сведению решение парижского партийного суда. Разрешите выразить огромное удовлетворение по поводу того, что Вашей деятельности в рамках русской социал-демократической рабочей партии не будет больше создаваться никаких формальных препятствий.

Разумеется, наша группа не вдавалась в подробности так называемого «дела Радека». Состав парижского партийного суда дает группе полную уверенность в том, что суд проводился абсолютно объективно и внепартийно.

С наилучшим партийным приветом

Троцкий

5 мая 1914 г., Вена».

Теперь наш читатель может составить собственное мнение о заявлении так называемого правления польской партии, которое остается в блестящей изоляции, покидаемое всеми членами.

Но необходимо выяснить и поведение правления немецкой партии в отношении этого дела. То же самое правление партии, которое вначале отказало в публикации парижского решения, вдруг заторопилось проинформировать об этом деле партийную прессу, когда заговорил Иоганн Тышка. Подобными действиями правление партии подтверждает то мнение, которое сложилось с самого начала разбора дела о Радеке: правление не в состоянии судить об этом деле с полной объективностью, необходимой для самых высших инстанций партии, стремящейся быть в первых рядах международного социал-демократического движения, каковой является социал-демократическая партия Германии. И это надо иметь в виду следующему партийному съезду, если он не хочет повторить ошибку Йенского конгресса, и определить свою самостоятельную точку зрения по делу Радека.

№ 2. [Информация для партийной прессы]

Не подлежит опубликованию в печати³.

21 августа 1912 г. правление социал-демократической партии России, Польши и Литвы сообщило социал-демократической партии Германии, что товарищ Карл Радек исключен из рядов партии.

Затем 26 августа в правление партии поступил обвинительный приговор по делу Радека и одновременно протест Радека по этому приговору. Так как «заявления» друзей Радека, направленные правлению партии, в скором времени будут опубликованы в некоторых немецких партийных газетах, то правление партии сочло необходимым предоставить всей партийной прессе следующие документы для информации:

1. Приговор по делу Радека.
2. Письмо Радека от 25 августа 1912 года.
3. Письмо Малецкого и Ганецкого.
4. Письмо Кракуса и Александра.
5. Письмо Радека от 27 августа 1912 года.
6. Заявление правления социал-демократической партии России, Польши и Литвы.

Правление партии передает германской партийной прессе полученное

от правления социал-демократической партии России, Польши и Литвы сообщение об исключении одновременно с соответствующими документами. Партийная пресса должна с особой осторожностью рассмотреть это неприятное дело, которое раньше было внутренним делом социал-демократической партии России и Польши.

Приговор партийного суда по делу Радека

После проверки показаний и документов по делу Радека, обвиняемого по следующим пунктам:

- 1) кража книги Зембатого и ее продажа;
- 2) кража книг из редакции «Narzęd» и их продажа;
- 3) кража 300 руб., принадлежавших профсоюзам, взятых Радеком на временное хранение и не переведенных на счет;
- 4) сокрытие от партийных инстанций во время приема в партию в 1905 г. фактов, указанных в пунктах 1 и 2 и других небольших деликтов, — суд признал виновность Радека по этим пунктам.

Что касается п. 1, суд счел необходимым проверить это дело, хотя оно уже разбиралось судом в 1904 году. Основанием для новой проверки этого дела настоящим судом послужило то обстоятельство, что объяснения Радека, сделанные на предыдущем разбирательстве, привели к решению о несостоятельности обвинения, в то время как сами объяснения были лживыми.

Суд в своем решении основывался на следующих фактах:

I. Кража и продажа книги Зембатого.

В письме от 24 сентября 1910 г. Радек называет Зембатого «многоуважаемым товарищем». Это не помешало Радеку «позаимствовать» у него книгу особой ценности. В письме от 21 января 1912 г. Зембатый сообщает следующее:

«С приближением праздничных дней я хотел покинуть Краков. Карл Радек не имел квартиры для ночлега, поэтому я дал ему ключи от своей квартиры с тем, чтобы ему было где переночевать. У меня в квартире много книг; наиболее ценные были в закрытой коробке, в том числе труд Струве «История философии», принадлежавший не мне. Когда я вернулся, Карл Радек уже подыскал себе другую квартиру и больше у меня не ночевал. В какой-то момент владелец книги потребовал книгу обратно... Тут я и обнаружил отсутствие книги, чем был очень огорчен, ибо книга стоила дорого (10 крон), а издание редкое. Я уже не говорю о том, что, кроме этих книг, отсутствовали кое-какие другие. Через некоторое время, две-три недели, коллега Вессербергер, владелец книги, известил меня о том, что он нашел ее и знает, кто вор. Владелец книги рассказал, что когда искал один учебник в антикварной лавке Диаманда на Шпитальгассе, то увидел пропавшую книгу сочинений Струве, которую узнал по нескольким знакомым ему пятнышкам. Он просмотрел ее и заметил на последней странице дату поступления книги в лавку и имя продавшего ее человека. — Карл...⁴ (это была запись антиквара). Когда я узнал об этом, то обратился к Радеку с требованием возврата мне книги. Я написал ему по этому поводу письмо. Он ответил мне руганью. Возникла необходимость судебной проверки этого дела. Такой суд состоялся. Суд официально установил, что Радек действительно продал книгу (два представителя суда установили это у владельца лавки Диаманда). Приговор повлек бы за собой исключение Радека из союза «Рух»⁵ и падение в глазах коллег и среди членов партии. Поэтому ко мне обратились коллеги Мозцоро и Доманский с ходатайством прекратить официальное рассмотрение дела, дабы не порочить честь и будущее коллеги. Радек обещал, что отныне он будет честен и возместит ущерб. По этим мотивам и по просьбе Мозцоро и Доманского я прекратил дело. Я должен сказать, что товарищ Радек не только не возвратил мне книгу, но и не выполнил ни одного из данных мне обещаний.

Доманский, верховный третейский судья в упомянутом свидетелем третейском суде, состоявшем из пяти человек, заявил 31 марта 1912 г.: «Суд убедился в виновности Радека в том, что он действительно продал книгу Зембатого. Однако, принимая во внимание молодость Радека и стремясь не

портить ему будущее, суд не выносит ему наказания, а ограничивается предупреждением. Зембатовый, со своей стороны, также признал, что считает дело улаженным».

Далее, 31 марта 1912 г. Доманский показал, что когда в 1911 г. к нему как к арбитру с просьбой о подтверждении приговора 1904 г. обратился Радек, то он, Доманский, имел об этом разговор с Гроссманом, одним из арбитров. Оба они установили, что суд все же признал вину Радека. Гроссман в мае 1911 г. сделал письменное заявление, которое Доманский, как он сейчас утверждает, послал Радеку. В этом заявлении Гроссман говорит, что суд вынес Радеку предупреждение с надеждой, что в будущем он (Радек) не позволит себе ничего подобного.

Далее, другой член суда 1904 г., Гл. ... ⁶, в письме от 21 ноября 1911 г. пытается воздержаться от показаний, ибо «показания Зембатого и Доманского достаточно убедительны». Этим он подчеркивает свое полное доверие к правдивости показаний этих свидетелей, которые принимали участие в суде 1904 году.

Суд напоминает, что все названные здесь свидетели по этому делу, за исключением Дж. Доманского, ни во время суда 1904 г., ни позднее не принадлежали к нашей партии. И Радек не был тогда членом партии.

II. Дело о краже и продаже книг из редакции «Narzęd».

Обвинение основывается на признании, которое вынужден был сделать сам Радек в письме от 24 сентября 1910 г. в редакцию одной из наших партийных газет, когда он искал защиты у партии против опубликованных Геккером в прессе обвинений против Радека.

В этом письме Радек пишет: «Единственное, в чем меня могут обвинить в этой области ⁷, это случай, когда я взял на время некоторое количество хлама — книг, которые были присланы в редакцию для рецензий и свалены в кучу. В критическом для себя положении в начале 1904 г. я их продал. Исходя из того, что Геккер не сделал это дело достоянием гласности, я заключаю, что об этом не знают; но хочу заметить, что перед судом я об этом скажу» ⁸.

Как видно из приведенных слов Радека, речь идет не о взятии книг для ознакомления, а о краже. Такие обороты речи Радека, как 1) речь идет о «хламе», 2) редакторы «Narzęd» все равно забрали бы книги себе — суд не принял во внимание, ибо 1) книги были ценными, так как Радек смог их продать, 2) стоимость играет здесь второстепенную роль, так как речь идет о присвоении книг тайком, без уведомления редакции. Когда Радек далее утверждает, что редакторы «Narzęd» взяли бы книги себе, то это ни в коей мере не оправдывает Радека, даже если бы это и было так. Однако нет никакого основания предполагать, что они это сделали бы тайком и собственность партийного органа реализовали бы в свою пользу, в то время как именно этот факт и составляет содержание обвинения против Радека.

III. Дело о краже профсоюзных денег.

Суд не считает значительным для себя вопрос, от какого товарища Радек принял деньги для перевода на счет, был ли это товарищ Юлиан или другой член Центральной комиссии профсоюзов. Для суда важно следующее:

1) Радек не может отрицать и сам признает факт, что он получил деньги профсоюза для перевода их на счет;

2) эти деньги не переведены на счет;

3) тов. Станислав, которому, по утверждению Радека, он передал деньги для перевода на счет, категорически это отрицает; Радек не приводит абсолютно никаких доказательств того, что деньги были переданы тов. Станиславу;

4) высказывание Радека (письмо от 18 февраля 1908 г. к Доманскому, который рассматривал это дело) находится в острейшем противоречии с письмом Радека к тов. Станиславу от 10 марта 1908 г. по этому делу. В письме к тов. Доманскому Радек категорически утверждает, что передал тов. Станиславу деньги. В то же время тремя неделями позже в письме

к тов. Станиславу Радек всего лишь ставит вопрос о том, не передавал ли он ему денег, причем добавляет: «мне (Радеку) кажется», что передавал и т. д.;

5) после получения ответа от тов. Станислава на свое письмо от 10 марта 1908 г. Радек не переслал этот ответ Доманскому и не показал его до сих пор, хотя, по его утверждению, в этом ответном письме якобы подтверждается передача денег; в то же время Радек утверждает в заявлении от 6 декабря 1911 г., что тов. Станислав, видимо, должен был ему ответить, но точно, дескать, Радек этого не помнит. В действительности, тов. Станислав категорически отрицает, что в своем ответном письме Радеку он подтвердил получение каких-либо от Радека денег (да и Радек ответа этого не предьявлял);

6) нет никаких сомнений в достоверности слов тов. Станислава. Это подтверждает и представитель правления партии;

7) неясен в высказываниях Радека и размер полученной им суммы: один раз он называет цифру в 300—500 руб., другой — 200—300 руб., третий — 300 рублей. В связи с этим суд считает, что Радек не считает нужным вспомнить точную цифру для того, чтобы намеренно преуменьшить само дело;

8) целый ряд противоречий имеется в высказываниях Радека относительно лица, от которого он получил деньги. Его показания теряют всякую достоверность в свете категорических показаний кассира комиссии профсоюзов тов. Макара. Более того, они только подтверждают тот факт, что Радек тов. Станиславу денег не передавал;

9) Радек, кроме этого единственного случая, больше ни разу не занимался денежными делами профсоюзов. Этот единственный случай он, наверняка, должен был помнить. И противоречия в его показаниях наводят на размышления;

10) утверждение Радека, что он передал деньги тов. Станиславу, заслуживает мало доверия, так как, по словам кассира Макара, Радек был обязан вручить деньги не тов. Станиславу и не кому-либо другому, а только и единственно ему, Макару. Радек знал это, но сказал Макару, что не передаст ему денег, а оставит их у себя, поскольку ввиду болезни Макара так будет надежнее;

11) об этом свидетельствует также сопоставление всех временных данных, которые указаны Радеком относительно передачи денег тов. Станиславу, с данными в показаниях Макара.

IV. Дело об утаивании от партийных инстанций во время приема Радека в партию в 1905 г. фактов, указанных в обвинении в пунктах 1 и 2, других, более мелких деликтов.

Суд установил, что Радек при своем вступлении в партию умолчал перед партийными инстанциями о деликтах, указанных в пунктах 1 и 2. Напротив, в незначительных проступках он признался, чем вызвал впечатление откровенного и раскаявшегося. А именно, в своем письме от 6 сентября 1905 г., в котором он просил о принятии в партию, Радек признает свои проступки: «не оплачен частный долг, партийный счет, не оплачена сумма в пару крон, мелкие обманы». Этот перечень был неполным, ибо [хотя] Радек не утаил вышеуказанные «юношеские шалости», как он их называет в письме, но проинформировал неправильно. Как следует из показаний Зембатого, Радек получал от него в 1904 г. различные материалы для распространения, на довольно большую сумму, причем около 90 крон Радек из нее присвоил.

Скрывая свое прошлое и изображая его фальшиво, он ввел в заблуждение редакцию «Sozialdemokratische Rundschau», которая впоследствии встала на его защиту. Точно такого же результата добился Радек в редакции партийной «Wochen», которая взяла его под защиту в деле Радек — Геккер. В своем письме от 24 сентября 1910 г. он обещал о каждом своем позорном пятне из прошлого рассказать на третьей инстанции. Среди прочего он писал: «Я не хочу вывернуться с помощью лжи, но человеку необходимо дать возможность исправиться».

Это обещание он повторил в своем письме от 6 мая 1911 г., когда член

правления партии задал ему вопрос, может ли он, согласно своему обещанию, изложить третьейскому суду дело о краже книг из редакции «Naprzód». Тогда он писал: «Партии и мне необходимо использовать выдвинутые против меня Геккером обвинения для радикального выяснения моего прошлого, о котором полно слухов, наносящих мне и партии вред». Но когда дело дошло до перехода от обещаний к делу, Радек неизменно от этого отказывался.

V. Относительно других дел, кроме этих четырех, суд заявил:

а) По делу Радек — Геккер из материалов, собранных комиссией, можно со всей уверенностью сказать, что обвинения Геккера были безосновательны и носили ложный характер. Суд установил при этом, что Геккер и Дажинский отказались предоставить доказательства их обвинения для третьейского суда, о чем было опубликовано в «Verein Arbeiterpresse». Они также отказались дать показания нашей комиссии по расследованию.

б) Что касается материала, предоставленного нашему суду, и других обвинений, выдвинутых против Радека, то суд считает этот материал недостаточным для вынесения приговора. Во всяком случае суд партии имеет своей целью установление не меры наказания обвиняемого, а его морального облика, чтобы защитить партию от лиц, чей моральный облик не соответствует требованиям социалистической партии.

Суд считает необходимым констатировать, что эти материалы содержат, с учетом других обвинений, очень характерные детали. Так, например, Зембатовый показал, что когда он однажды попал в очень тяжелое материальное положение и узнал, что Радек получил деньги, то потребовал от него возратить долг в 50 франков. Радек ответил цинично, что его социал-демократические убеждения запрещают ему возвращать долги. Другой свидетель, Гейнар, знакомый Радека, пишет, что Радек в 1903—1904 гг., будучи студентом университета, совершил следующий непристойный поступок. После того, как Радек провел у него ночь в Тарнове, он рано утром, в отсутствие хозяина, намеренно осквернил его кровать... (дано непарламентское выражение) и взял его костюм. Радек потом сказал, что это была шутка. Одежду он, впрочем, не вернул.

Относительно всех вышеизложенных фактов суд постановляет:

Если бы Радека можно было обвинить только в краже книг у Зембатого и из редакции «Naprzód», то с учетом того, что в последующие годы его деятельность и его вклад в общее дело свидетельствовали о том, что его моральный облик изменился к лучшему, эти проступки можно было бы объяснить его молодостью и считать, что он искупил грехи молодости своей деятельностью во время революции. Однако кража 300 руб. в 1906 г. показала, что революция не смогла поднять его моральный облик, и он не побоялся совершить поступок, который в тяжелых условиях нашей борьбы мог подорвать доверие к профсоюзной организации и к партии, а именно — умолчать о содеянном и нанести материальных ущерб профсоюзной организации, которая с большим трудом собирает свои мизерные средства. Учитывая все это, суд усматривает в краже Радеком профсоюзных денег продолжение прежнего его образа жизни и рассматривает все указанные действия Радека в их взаимосвязи.

Исходя из этих соображений, суд признает, что моральный облик Радека несовместим с принадлежностью к партии, нарушает интересы партии и, согласно параграфу 1 устава партии, исключает Радека из социал-демократической партии России, Польши и Литвы.

Суд рекомендует правлению партии востребовать с Карла Радека 300 рублей профсоюзных денег °.

21 августа 1912 г.

Следуют подписи членов судейской коллегии

* * *

Помимо приговора имеется следующее письмо Радека правлению партии:

Правлению социал-демократической партии Германии

Уважаемые товарищи!

29 июля я получил от правления социал-демократической партии России, Польши и Литвы, членом которой я являюсь с 1905 г., сообщение, что на его заседании от 26 числа принято решение о передаче партийному суду расследования вопроса — совершил ли я три моральных проступка (в 1904 и 1906 годах). В партийном уставе иностранных групп ясно указано, что подобное решение может приниматься только зарубежной группой (секцией), к которой принадлежит соответствующий товарищ, так что решение правления польской партии носит явно выраженный незаконный характер. Но так как я считаю недопустимым делать что-либо на свой страх и риск, то я обратился в бюро зарубежных групп нашей партии с просьбой решить, должен ли я подчиниться этому решению. 16 числа этого месяца я получил сообщение о заседании партийной конференции, где правление польской партии хотело бы рассмотреть и мое дело. Я обратился к партконференции с просьбой разрешить мне представить ей существо дела с формальной стороны, на что я и получил 18 числа этого месяца следующий ответ: «Союзная профсоюзная и партийная конференция решила на совместном заседании после предварительного прочтения писем Радека и Кракуса организовать суд из трех участников конференции для расследования обвинений, указанных в решении правления партии, и вынести приговор.

Если Радек не предстанет перед судом, то дело будет проверяться без его присутствия и приговор будет вынесен на основе документов. Обоснованный приговор должен быть опубликован. Что касается жалобы Радека на действия правления партии, которое якобы действовало по отношению к нему на основе предвзятых побуждений, то конференция постановила, что для вынесения приговора будут расследованы следующие вопросы: были ли бесосновательны выдвинутые против Радека обвинения, имели ли они фактическое обоснование; или же это были лишь предположения правления партии; имеет ли Радек право обжаловать действия правления партии и требовать разъяснений.

В заседании суда принимает участие как наблюдатель и в качестве секретаря член правления партии, избранный конференцией, но не состоящий членом суда. Так как суд чрезвычайный, то его состав, избранный на профсоюзной и партийной конференциях, не подлежит изменению по требованию обвиняемого». Это решение от первой до последней строчки является нарушением нашего партийного устава, как и устава зарубежных групп, изменить который может только партийный съезд, но не конференция.

Ибо 1) наш партийный устав не признает никаких совместных конференций профсоюзов и партии, ни объединенных заседаний таких собранных по отдельности конференций;

2) наш устав не предоставляет конференциям права организовывать суды и определять их состав;

3) право создавать суды имеют по партийному уставу только местные организации и зарубежные группы, причем состав суда определяет бюро зарубежных секций, если лицо, подавшее жалобу, член зарубежной организации;

4) решением отклонено мое право на защиту; в решении снижено количество членов суда до трех человек (по уставу зарубежных групп число членов определено пятью); я имею право на отклонение двух судей;

5) решение означает вмешательство в компетенцию суда, так как не дает возможности проверить роль правления партии во всем деле и определяет необходимость вынесения судом приговора;

6) решение подчеркивает чрезвычайный характер суда, хотя ни устав зарубежных групп, ни устав социал-демократической партии России и Польши, ни устав социал-демократии России (являющейся частью первой партии) не говорят что-либо о чрезвычайных судах.

Хотя это решение, как и его полуторагодовая история, показало мне очевидность того, что здесь речь идет об ударе против меня, подготовленном по политическим причинам, как против представителя направления,

ведущего около двух лет открытую борьбу с правлением социал-демократической партии России и Польши, я пришел на заседание суда и вел в течение часа переговоры. Они, к сожалению, закончились тем, что я заявил, что не в состоянии доверить свою честь этому чрезвычайному суду. Я покинул заседание после того, как оставил председательствующему, совершенно незнакомому мне рабочему, следующее заявление:

*Суду, образованному конференцией социал-демократии России,
Польши и Литвы*

Я утверждаю, что ни устав зарубежных групп нашей партии, ни устав партии не знает чрезвычайного суда, что по уставу зарубежных групп я могу быть предан суду только на основании решения группы.

Но если даже чрезвычайный суд при особых обстоятельствах и допустим, то я должен знать (прежде чем вручить свою честь такому суду), почему конференция организовала такой чрезвычайный суд.

Суд отказался мне объяснить, почему число судей определено тремя, а не пятью лицами, что за условия заставили изменить объективность расследования дела. Суд отказался мне объяснить, почему у меня нет права отклонить половину судей, что гарантировано мне по уставу.

Далее, суд отклонил протест представителя правления партии тов. Доманского, не допустив моих доверенных лиц, товарищей Малецкого и Кракуса, что не позволял себе даже царский военный суд в отношении обвиняемого.

Суд пошел дальше: он отказался выдать мне на руки обвинительный акт, что лишило меня возможности пригласить таких важных свидетелей, как тов. Ганецкий, который мог бы пролить свет на все недоразумения, связанные с делом о деньгах (оно известно правлению партии); он решает это дело с помощью тов. Станислава, единственного свидетеля этого важнейшего дела о 300 рублях. Тов. Доманский, играющий роль обвинителя, пошел еще дальше. Он воспользовался своим правом решить данный вопрос без заслушивания главного свидетеля, тов. Ганецкого.

В таких условиях суд не имеет ни малейшей возможности объективного рассмотрения дела. Но так как я полностью осознаю значение отклонения мною такого суда, я готов признать его правомерность, если три выдающихся немецких товарища — тов. К. Каутский, Гаазе, председатель немецкой социал-демократии, и тов. Р. Гильфердинг, редактор центрального органа немецкой социал-демократии, после предварительной проверки формальной стороны дела решат, что я должен подчиниться этому суду.

Если суд отклонит эти мои требования, то я не смогу признать этот суд объективным, и мне останется только обратиться как к польским, так и к международным кругам с вопросом, допустимо ли осуждать товарища полевым судом.

Карл Радек

19 августа 1912 г.

«Суд» отклонил мое последнее требование, поэтому я покинул его заседание. Приговор этого суда мне вручен не был.

Я считаю необходимым сообщить вам эти факты, так как мне известно, что правление польской партии оповестило вас о назначенном против меня процессе с тем, чтобы, вероятно, повлиять на мое положение — действительного члена немецкой социал-демократии и сотрудника немецкой партийной прессы.

Я не могу вам сразу представить документы, из которых было бы ясно видно, что все дела, на основании которых сейчас правление польской партии пытается приписать мне моральные ошибки, были ему прекрасно известны в 1908 и 1910 гг., когда правление энергичным образом защищало меня против грязных нападок моих политических противников. Я не буду сейчас описывать политическую подоплеку дела. Формальная сторона его (что касается польской партийной организации) ясно видна как из сказанного, так и из направленного вам заявления большинства нашего зарубежного бюро, тов. Малецкого и Ганецкого. Она также освещена ведущими

товарищами русской социал-демократии, к которым я обратился. Самое существенное вытекает из заявления комиссии по расследованию. Я ни секунды не сомневаюсь, что вам должна быть совершенно ясна формальная сторона такого суда и каждое его решение, если Вы считаете, что без согласия польской социал-демократии Вы не имеете права проверять фактическую сторону дела.

Но прежде, чем Вы проверите, я хотел бы обратить внимание на другое. Я — член немецкой партийной организации, делегат от партийных товарищей из Бремена на Хемницкий партсъезд, постоянный член вашего органа и имею право на защиту по немецкому партийному уставу от таких попыток политического вероломного убийства.

Пока я не получу от вас как от правления немецкой партии ясного решения, что я не могу воспользоваться моими правами, что меня временно освобождают от обязанностей до полного выяснения дела (организационной и писательской деятельности), я буду продолжать преследовать своих противников, разумеется, представив в редакции «Leipziger Volkszeitung», «Bremer Bürgerzeitung» и бременскую партийную инстанцию документы по этому делу. Ясно, что без твердого решения немецких партийных инстанций здесь нельзя обойтись (ибо я не знаю какого-либо «чрезвычайного» случая в моей деятельности в польском рабочем движении, который дискредитировал бы меня). Здесь совершенно не имеет значения, будет ли это решение соответствовать моим чувствам или нет. Я прошу вас, если Вы будете решать вопрос о моем положении в немецкой организации, выслушать меня на заседании правления в полном составе.

Далее, обращаю ваше внимание на то, и такое решение абсолютно необходимо, чтобы правление польской партии сообщило вам об исходе чрезвычайного суда, чтобы дело уладилось до Хемницкого партсъезда с тем, чтобы избежать на этом съезде нападок на меня правлением польской партии и чтобы мне не пришлось обращаться к партийной общественности с просьбой о защите. Если необходимо обсудить дело (т. е. не только мою точку зрения) в немецкой организации, то я прошу дать мне время для уведомления моих польских и немецких доверенных лиц.

Я прошу вас о скорейшем решении вопроса по делу, и я не хотел бы специально подчеркивать, что я отношусь с полным доверием к вашему мнению.

С партприветом

Карл Радек

25 августа 1912 г.

В порядке очередности документов далее идет следующее заявление правлению партии:

Правлению социал-демократической партии Германии

Уважаемые товарищи!

Как члены социал-демократии России, Польши и Литвы, как товарищи, знающие жизнь нашей партии (так как мы занимаем ответственные посты в партии и были на двух последних партсъездах выбраны в правление), мы считаем необходимым обратиться к вам, чтобы выполнить наш долг перед товарищем Радеком.

Как нам стало известно, тов. Радек должен предстать перед партийным судом, организованным правлением социал-демократической партии России и Польши. Мы знаем также, что вы оповещены уже о выдвинутых правлением польской партии против тов. Радека обвинениях. Вы должны, вероятно, также заняться этим делом. Лучше было бы, если бы вы имели возможность познакомиться не только с точкой зрения правления польской партии, но и с нашей точкой зрения об этом деле. Здесь стоит вопрос о моральной жизни или смерти товарища, речь идет о его политическом существовании.

Правление польской партии направило дело Радека на состоявшуюся недавно партконференцию. Оно сообщило тов. Радеку решение, в котором говорится, что он приглашается на чрезвычайный суд. В то же время по этому решению тов. Радек лишается права отклонить часть судей.

Мы должны заявить по этому поводу следующее. Способ и вид образования суда является прямым превышением буквы и смысла партийных законов, которые созданы для того, чтобы каждому члену партии обеспечить правовые гарантии. Наш организационный устав не знает чрезвычайных судов и не предоставляет права партийным инстанциям лишать товарища права отклонения части судей. Подобные нарушения соответствующих партийных законов лишают доверия к такому суду, и товарищ Радек имеет право подобному суду не вручать дело о его чести.

Далее мы должны подчеркнуть, что вообще все дело носит ярко выраженный политический характер, что здесь речь идет о явно тенденциозном процессе. Это видно уже из тех фактов, что комиссия по расследованию, созданная правлением польской партии и по требованию тов. Радека, в одностороннем собранном материале правления партии не нашла достаточных причин для выдвижения обвинений. А правление партии на основе этого материала выдвинуло обвинения без всяких церемоний. Те люди из правления партии, которые рискнули без каких-либо явных причин бросить в лицо варшавской партийной организации неслыханное обвинение — что они якобы были орудием тайной полиции — те же люди хотят не судить тов. Радека как своего политического противника, а убить его.

И так же, как варшавская организация с документами в руках доказывает и уже доказала всему миру, что правление партии хочет добиться ее политического и морального убийства, так и мы считаем своим долгом выразить наш горячий протест против неслыханной попытки правления польской партии морально убить товарища за его политические убеждения.

Тов. Радек уже два года назад подвергался нападкам, самым хамским и низким, со стороны своих политических противников из буржуазного и социал-националистического лагеря. Нам очень жаль, что теперь то же самое правление партии, которое тогда сочло нужным энергично защитить тов. Радека от этих грязных нападков, встало на путь уничтожения Радека как политического противника.

К сожалению, положение в нашей партии таково, что в ней нет объективных инстанций, которые бы при всеобщем доверии имели возможность рассмотреть дело, отбрасывая в сторону политические страсти.

Поэтому мы обращаемся к вам, уважаемые товарищи, с просьбой взять дело в свои руки с целью беспристрастной проверки фактов и для избежания политического убийства товарища.

Если вам понадобится какая-либо другая информация, мы просим обращаться по адресу...

С партийным приветом

Малецкий, Ганецкий

Краков, 23 августа, 1912 г.

Правлению социал-демократической партии Германии

Уважаемые товарищи!

Мы считаем необходимым поставить вас в известность, что правление партии социал-демократов России, Польши и Литвы решением от 26 июля организовало партийный суд по делу тов. Карла Радека, который должен рассмотреть, виновен ли он в совершенных 8—6 лет назад трех моральных проступках.

Против этого решения протестовало большинство бюро зарубежных групп социал-демократии России, Польши и Литвы, так как оно идет вразрез с нашим организационным уставом. Параграф 18 утвержденного правлением партии устава о нашей зарубежной деятельности гласит: «По мотивированному обоснованию не менее трех партийных товарищей член секции может подвергнуться партийному суду; секция, к которой относится обвиняемый, определяет, должен ли он предстать перед партийным судом или необходимо дело передать в третейский суд. Партийный суд должен состоять из пяти человек, выбираемых бюро зарубежных секций нашей партии, причем обвиняемый имеет право отклонить кандидатуры двух судей».

Правление партии не придерживается этого пункта, причем оно лишило берлинскую секцию нашей партии (к которой принадлежит названный Радек) права решать, действительно ли необходимо устроить партийный суд для разбора обвинений, выдвинутых против тов. Радека.

Правление партии не приняло во внимание этот наш протест, а передало дело состоявшейся недавно партийной конференции. Она решила передать тов. Радека специально созданному чрезвычайному суду всего из трех человек, не заслушав тов. Карла Радека, не учитывая протеста и результатов, полученных комиссией по расследованию обвинений, выдвинутых против тов. Радека, комиссией, организованной правлением партии. Эта комиссия заявила, что собранный материал является односторонним, так как тов. Радек не был заслушан по ряду вопросов, связанных с обвинением, выдвинутым правлением партии. Но даже этот материал не свидетельствовал о виновности Радека.

Основываясь на ярко выраженном чрезвычайном характере суда, конференция лишила Радека его права изменить половину членов суда, права, которое гарантируется ему и уставом зарубежных секций, и общим партийным уставом. Несмотря на это, тов. Радек появился перед судом. Но после того как ему отказали в присутствии на заседании суда двух его доверенных лиц и его жены; отказали в объяснении причин образования не предусмотренного в партийном уставе чрезвычайного суда; отказали в выдаче обвинительного акта для необходимого оповещения по телеграфу свидетелей, — тов. Радек заявил, что он подчинится приговору суда только в том случае, если тов. Гаазе, Каутский и Гильфердинг проверят формальную сторону дела. В этом случае он обязан признать этот суд. Когда и это предложение, было отклонено по требованию правления партии, тов. Радек покинул заседание этого суда, оставляя за собой право письменного протеста против таких неслыханных действий.

Мы, нижеподписавшиеся, образуем большинство зарубежного бюро социал-демократии России, Польши и Литвы. Поэтому мы объявляем этот чрезвычайный суд не только абсолютно незаконным, противоречащим партийному уставу, но и заявляем также, что выражаем заранее самый энергичный протест против какого-либо приговора этого суда. Нарушение партийного устава и всех правовых норм правлением партии указывает на то, что нельзя говорить об объективном расследовании каких-то моральных проступков тов. Радека. Если бы Радек такие проступки совершил, то комиссия по расследованию передала бы его дело в обыкновенный партийный суд, который и вынес бы приговор без лишения тов. Радека прав на защиту. Нарушение партийного устава и прав тов. Радека служит доказательством того, что в этой комедии с судом речь идет о попытке политического убийства тов. Радека, который с начала раскола мнений в нашей партии стал противником правления партии и кажется ему особенно опасным, как один из немногих противников оппортунистического направления.

На основе этих фактов и на основе заявления комиссии по расследованию (в котором говорится, что комиссия не нашла в односторонне собранном против тов. Радека материале доказательств выдвинутых против него обвинений), мы заявляем, что мы, как и раньше, полностью доверяем тов. Радеку, будем и далее давать ему партийные поручения и возьмем его под защиту против любых нападков на него, задевающих его политическую и моральную честь, которая может быть затронута в приговоре незаконного, неавторитетного суда, принятом в отсутствие Радека.

Это наше заявление мы направляем правлению партии немецкой социал-демократии, редакциям газет «Vorwärts», «Neue Zeit», «Leipziger Volkszeitung», «Bremer Bürgerzeitung» и органам всех направлений социал-демократии России.

Большинство бюро зарубежных секций социал-демократии России, Польши и Литвы.

Кракус, Александр
26 августа 1912 г.

Правлению социал-демократической партии Германии

Я получил сегодня приговор чрезвычайного суда, датированный 21 числа с. м., который расследовал в мое отсутствие выдвинутые против меня обвинения. Меня обвиняют в присвоении книг (дважды) в 1904 г. и в присвоении партийных денег в 1906 году.

По этому приговору, о формальной стороне которого я уже писал в моем первом письме, я хочу заявить лишь самое существенное:

1. По делу Зембатого (1-й пункт обвинения) у меня есть приговор третейского суда от 1909 г., председателем которого был тот же Доманский, который сейчас как обвинитель от имени правления польской партии считает допустимым, чтобы старое дело (третейский суд под его председательством объявил меня невиновным) вновь было проверено, хотя никаких новых моментов здесь не появилось. У меня на руках заявление, сделанное в прошлом году вышеуказанным Доманским, что тогда (в 1909 г.) я был признан невиновным. В заключение: я не был заслушан по этому делу на предварительном расследовании.

2. По делу книг редакция «Narzęd» ссылается на мое письмо к Тышке от 29 сентября 1910 года. Это письмо — единственный документ по этому делу. Однако это не помешало Тышке от имени редакции нашего партийного листка взять меня под защиту самым энергичным образом как человека и партийного товарища (заявление от 9 октября 1910 г.) и даже позволило ему написать мне письмо от 28 сентября 1910 г. (оно у меня на руках), в котором он сердечно сообщает, что сожалеет о том, что не может оказать мне еще большую защиту по цензурным соображениям. А сейчас меня на основании этого письма заклеили вором. И по этому вопросу я не был заслушан на предварительном заседании.

3. Посягатели на мою честь все же чувствуют, что вопрос, продал ли голодный юноша чужую книгу, не может убить политика и писателя не только в капиталистическом, но даже в социалистическом мире. Они приплели мне присвоение 300 руб. партийных денег, т. к. они уверены, что это может убить меня в глазах каждого рабочего. Прежде чем я докажу полную несостоятельность такого обвинения, я обращаю ваше внимание на следующие пункты:

а) Из самого приговора вытекает, что дело уже проверялось зимой 1908 года. Из высказываний Доманского следует, что оно было проверено и второй раз правлением польской партии в 1910 году. В основу были положены показания свидетеля, который возбудил иск (отмечены разночтения моих утверждений и товарища Станислава). Хотя польскому правлению не пришлось в голову тогда обвинить меня в нечестности. Даже оно предложило в 1908 г. мою кандидатуру эзенстохаурской организации при выборах на партийный съезд, а в 1910 г. послало меня на Копенгагенский международный конгресс.

б) Во всем обосновании приговора суд не может утверждать, что существует малейшее доказательство того, что эти 300 руб. пропали. Я в 1908 г. объяснил, что я их получил, а Станислав — что я их ему не передавал. Поскольку не было расследования того, кто именно из нас двоих мог хранить деньги, был сделан вывод, что я эти деньги взял. Вероятность ошибки здесь учтена не была.

в) Меня вынудили (хотя я до сих пор избегал этого делать) в моем протесте-заявлении «чрезвычайному суду» (о чем я сообщал вам в моем письме от 25 числа сего месяца) обратить внимание суда на полную неправдоподобность показаний главного свидетеля — Станислава. Я просил пригласить товарища Я. Ганецкого, члена правления партии, который во время революции заведовал кассой партии, для выяснения показаний Станислава. Я установил, что этот суд счел возможным поверить заявлению товарища Станислава на основе одного подтверждения Доманского и не счел нужным обратиться к товарищу Ганецкому.

Несколько важнейших моментов этого «приговора». Я докажу перед форумом русских и польских социал-демократов, что в этой циничной и притом неуклюжей попытке убить меня как политика виновны не под-

писавшие приговор судьи (они только слепые орудия), а те четверо из недееспособного правления партии, которые сейчас разваливают нашу партию. Я буду вести борьбу с помощью моих польских и русских партийных друзей за свою честь до тех пор, пока не заклею позором эту подлость.

К вам, правлению социал-демократии Германии, членом которой я состою, я обращаюсь с просьбой предпринять необходимые шаги для образования партийного суда, который рассмотрит выдвинутые против меня обвинения. Я не требую ничего, кроме строгой и объективной проверки, и я уверен, что после этой проверки я буду продолжать бороться в рядах немецкой социал-демократии как полноправный ее член (я состою в партии уже четыре года).

Я прошу о допущении на ваше заседание, где будет обсуждаться в моем присутствии дело, трех моих немецких партийных товарищей, чьи имена я еще назову, и товарища А. Малецкого, члена правления польской партии.

С партийным приветом

К. Радек

27 августа 1912 г.

Из заявления правления социал-демократической партии России, Польши и Литвы

...Мы не собираемся вступать в какую-либо полемику с К. Радеком после того, как он был изобличен и исключен из партии.

1. Если К. Радек пытается оспаривать компетенцию правления партии в создании партийного суда по его делу и утверждает, что дело по иску могла рассматривать только зарубежная группа (секция) социал-демократии России и Польши, к которой он относится, причем он ссылается на § 18 регламента этой группы, то это только уловка. Этот параграф, как и другие упоминаемые параграфы относительно судопроизводства и нашего партийного устава, касаются третейских и партийных судов, образованных по заявлению отдельных товарищей, но не касаются партийных судов, которые образуются вследствие вмешательства партийных инстанций — правления партии, руководящих комитетов местных организаций, партийного съезда.

Право правления на создание партийных судов так же мало подлежит сомнению, как, например, и право на них партийного съезда (хотя в немецком партийном уставе это право не упоминается). Это право было и остается, и практикуется, разумеется, в нашей партии, причем, в 1906 г. партийная конференция даже выразила правлению партии признательность за то, что оно учредило суд над человеком, вредящем делу партии. Последняя конференция (о положении таких конференций согласно партийному уставу будет ниже) заявила без ссылки на дело Радека следующее: «Конференция установила право правления партии как высшей и руководящей инстанции создавать суд для членов партии и образовывать суд; это право не подвергается сомнению и используется в интересах самой партии».

Это постановление конференции последовательно вытекает из положений партийного устава, который, исходя из существующих нелегальных условий работы партии, предоставляет руководству партии более широкие полномочия, чем это дается в легальных партиях. Так, § 13 партийного устава гласит: «Правление руководит политической деятельностью партии по всей стране и представляет ее за рубежом; контролирует и руководит деятельностью локальных организаций и зарубежных организаций; контролирует исполнение решений партийного съезда; утверждает вновь созданные партийные организации и распускает их в случае тяжелых ошибок в отношении партийной дисциплины и партийных интересов; решает вопрос о распределении сил и партийных средств; руководит партийной кассой; решает спорные вопросы внутри организаций и между ними; назначает представителей социал-демократии России, Польши и Литвы в орган общей партии и представителя в Интернациональное социалистическое бюро».

Ясно, что правление, которому дано право роспуска целой организации (что, например, необходимо при быстром решении вопроса в случае

втирания в ряды партии шпионов и провокаторов), также имеет возможность поставить отдельных членов перед партийным судом. Никто еще не оспаривал этого права, кроме Радека и его друзей.

Понятно, что К. Радек предпочитает быть судимым не высшими партийными органами, а одной из зарубежных секций, которая насчитывает десяток членов, среди которых он сам, его жена, его свекр и пара его личных друзей. Поэтому нет никаких оснований для партийного правления действовать вопреки своим обязанностям.

II. После того как К. Радек не признал права правления партии, он и его друзья отказали еще в этом праве и конференции, которая завершила создание суда по делу Радека. Тем, что они не признали решений конференции, они поставили себя вне партии. Ибо решения наших партийных конференций обязательны для каждого ее члена. Эти конференции не факультативные совещания, а учреждения, предусмотренные уставом, с самыми широкими полномочиями (§ 14 устава). Конференции — это представители всей партии, всех партийных организаций в стране, они представлены на них каждым вторым делегатом. Конференции дополняют правление партии, и правление при проведении важных мероприятий (как цитируется выше) должно получать на это согласие конференции.

Важное значение конференций для нашей партийной жизни доказывается, например, тем, что последняя конференция решала следующие вопросы: избирательная тактика при выборах в Думу, положение нашей партии при распаде всероссийской партии (к которой мы относимся как составная часть), социальные вопросы. Эта конференция имела такое же значение, что и партийный съезд, а то и большее, так как она была проведена с участием, с совещательным голосом, представителей наших профсоюзов.

Когда Радек и его друзья говорят о «чрезвычайных» судах — это только одна из бесчисленных неудачных уловок. Суд чрезвычайный постольку, поскольку образование судов не относится к постоянным функциям как конференций, так и партийных съездов всех без исключения социалистических партий.

Что касается самого суда, то следует заметить:

1. Он был образован не по поручению правления партии, которое не включало дело Радека в повестку дня из-за перегруженности программы конференции, а вследствие иска К. Радека и его друзей к конференции против правления партии.

2. Именно поэтому конференция не предлагала создать суд правлению партии, а организовала его сама.

3. Правление партии не участвовало в голосовании по этому вопросу и не предлагало кандидатов в судьи.

4. Судьями были выбраны надежные товарищи, которые уже десяток лет участвуют в движении, и ни один из них не знал К. Радека персонально. Поэтому у него не было оснований на право отклонения судей, что в данных условиях и не было практически проведено. Позже Радек во время переговоров сам говорил, что ничего не имел против состава суда.

5. Когда К. Радек хотел поставить членов суда в зависимость от мнения трех немецких товарищей, это было ничем иным как попыткой оттянуть время. Суд получил свой мандат от конференции и не может быть в зависимости от вмешательства посторонних товарищей.

III. Письмо так называемого «большинства зарубежных секций», подписанное Кракусом и Александром — блеф и введение в заблуждение немецких товарищей, не знающих всех тонкостей:

1) бюро состоит из четырех человек, которые равноправны в праве голоса, из которых двое — секретарь бюро и представитель правления в бюро протестовали самым решительным образом против написанного Радеком и подписанного двумя его марионетками заявления;

2) письмо не было представлено бюро и было отослано без предварительного согласия с двумя его другими членами;

3) если бы оно не было отослано, оно было бы отклонено;

4) письмо — фальсификация, так как создает впечатление, что исходит

от важной партийной организации. Мы утверждаем, что зарубежные секции — это вообще не партийные организации в полном смысле слова, и если они не подчиняются нашим партийным инстанциям, то не имеют большего значения, чем относящийся к германской партии немецкий социал-демократический читательский клуб в Лондоне, Париже и т. д. В решении нашего VI партийного съезда сказано ясно: «Зарубежные секции, которые занимают в партийных инстанциях только положение вспомогательной группы, не могут считаться правомерными партийными организациями в стране и т. д.» (Протоколы VI партсъезда, с. 21).

Эти эмигрантские и студенческие группы подчинены, согласно партийному уставу, правлению, которое руководит их деятельностью через «бюро зарубежных секций», причем своему представителю в этом бюро правление предоставило право вето (§ 27 устава партии). На основе всего вышесказанного значительность этого «большинства» можно рассматривать как курьез.

Но для этого блефа характерно следующее: в письме описывается со всеми подробностями предварительное заседание, в котором два доверенных лица Радека не участвовали, и один из них был от суда на расстоянии 20 часов по железной дороге. То, что обсуждать судопроизводство не входит в функции бюро, понятно само собой.

IV. Комиссия по расследованию была ничем иным, как техническим вспомогательным органом правления партии. Причины ее роспуска видны из примечания приговора суда, где суд вынужден был объявить серьезное порицание комиссии. Она была распущена:

а) из-за халатной работы; работа комиссии тянулась девять месяцев и была еще на шесть недель прервана из-за разъездов одного из членов;

б) два члена комиссии позволили себе в последнее время пренебрежение своими обязанностями, фактически стали доверенными людьми Радека, а не партии. Они дошли до бессмыслицы, отвергая представительство партии в комиссии по желанию Радека. Радек становился ответственным за деятельность комиссии, которая была создана по его требованию и предложения которой он одобрял или отбрасывал. Оба члена комиссии особенно виновны в том, что прежде несколько раз подчеркивали незначительность дела Радека, а теперь, когда в их руках уже не было материала и они находились друг от друга на далеком расстоянии, объявили приговор суда значительным. Так все и проявилось.

V. По письму, подписанному Малецким и Ганецким, мы не можем не выступить. Они не являются членами правления партии, как утверждает Радек, и какой-либо деятельностью для партии на протяжении нескольких лет уже не занимаются. Ганецкий известен как постоянный лгун. Оба представляют собой эмигрантское отребье со всей их грязью и скандальностью.

VI. К. Радек одержим идеей представить себя жертвой своих политических убеждений. Мы же утверждаем:

1. Он встал в оппозицию к правлению, так как правление расследовало его криминальные действия и назвало их мошенническими.

2. Так как наша партия вместе с правлением считается левым крылом международной социал-демократии, то он должен относиться к оппортунистам так же и в Германии, где он делает из себя радикала.

3. Ранее Радек присоединился к спору, который разгорелся внутри варшавской организации. Но спор возник, когда уже шло разбирательство по делу Радека, что не помешало ему представить себя как жертву различия мнений и жертву намеренного преследования.

Если Радек утверждает, что его прегрешения уже давно известны партии, то этим он делает серьезный упрек правлению, что тем не менее не является ни в коем случае оправданием его поступков. Однако это не так. Суд установил, что Радек солгал и обманул правление партии несколько раз. Только поэтому стала возможной его публичная защита и то, что он был удостоен мандата.

VII. К «существенному» в заявлении Радека от 27 августа относится следующее:

1. Он сообщает, что Доманский, член правления, знал о деле Зембатога, случившемся в 1904 г. и не имевшем отношения к партии. Но Радек умалчивает, что когда он в сентябре 1905 г. обратился с молящей просьбой о приеме в партию, Доманский вот уже несколько месяцев как сидел в тюрьме и поэтому не мог предоставить тогдашним партийным инстанциям никаких сообщений о Радеке. Позднее Радек также лгал, вводя правление в заблуждение о приговоре по этому делу 1904 года.

2. Радек уверял, что дело о 300 руб. было уже проверено зимой 1908 г., хотя иск поступил значительно позже. Но он умолчал, что Доманский, который в феврале и марте 1908 г. занимался этим делом, не успел начать расследование, так как в апреле 1908 г. был арестован и только в начале 1910 г. вернулся из Сибири. Из актов следует, что правление получило сведения о деле только во второй половине 1911 года. Вскоре после этого была образована комиссия по расследованию.

Так же обстоит дело с прочими утверждениями Радека: умалчивания, изворотливость и полуправда — это хуже, чем простая ложь. После того как суд проверил все подробности, мы не могли с ним не согласиться. Против одного мы решительно возражали: против лжи, которую Радек использовал для своего спасения, обвинив товарища Станислава, и в этом Радека поддержал его прихлебатель Ганецкий.

VIII. Необходимо в нескольких словах выразить политическую подоплеку основных свидетелей Радека. В нашей варшавской организации произошёл раскол. Об этом имеется соответствующий официальный документ:

Сообщение в Международное социалистическое бюро в Брюсселе

Мы доводим до сведения Международного социалистического бюро, что недавно в Варшаве произошёл раскол тогдашней локальной партийной организации социал-демократии Польши и Литвы. Речь идет о небольшой группе организаторов, которая обвиняется в ряде тяжелых проступков против устава, дисциплины и единства партии, и не хочет проведения партийного суда над двумя своими руководителями. Раскол имеет не политическую основу (различия мнений) — он, к сожалению, продукт недисциплинированности и дезорганизующей деятельности некоторых лиц. Несомненно установлен тот факт, что в варшавскую организацию социал-демократии Польши и Литвы (как, впрочем, во все революционные организации царской империи) проникли агенты-provokatory, втершиеся в доверие. По мнению нашей варшавской партийной организации (и по нашему собственному мнению), они стремились без всяких политических причин перед выборами в Думу произвести наметившийся раскол при деятельном участии политической полиции.

Группа варшавских товарищей уже вновь создала свою местную организацию на основе партийного устава и с согласия правления партии, после чего они установили, что горсточка дезорганизаторов совершила раскол и этим поставила себя вне партии. Этой группой были выявлены действующие в ней provokatory. В связи с этим мы сообщаем, что небольшая группа отщепенцев, которая противоправно действует от имени «Варшавского комитета социал-демократии Польши и Литвы» и на основе § 13 партийного устава формально распущена, не относится ни к социал-демократии Польши и Литвы, ни к социал-демократической рабочей партии России, чьей автономной группой та является.

С социал-демократическим приветом

Правление партии социал-демократии Польши и Литвы

8 июля 1912 г.

Выступающие за Радека Малецкие, Ганецкие и прочие Кракусы, или как их там еще зовут, являются заграничными пособниками и закулисными руководителями этих отпетых раскольников. Радек плавал в этой трясине как раз тогда, когда убедился в угрозе расследования. Это болото объеди-

нило людей по общности интересов. Партия на своей конференции уже рассчиталась с этим сообществом.

Что касается заявления о «тенденциозности процесса» и «политическом убийстве», то, чтобы покончить с этим, мы утверждаем: в своих письмах от 6 и 20 июля 1912 г., а также перед принятием решения от 26 июля о создании суда над Радеком, мы предлагали правлению немецкой партии взять все дело Радека в свои руки, создать комиссию по расследованию и т. д., так как он является и членом немецкой партии. Мы потом и суду, который был организован партийной конференцией и который Радек отверг, сделали аналогичное предложение, а именно: обратиться к немецкой партии для оценки виновности, чтобы дело довести до конца. Разумеется, мы сделали это не потому, что мы имели какие-то сомнения в возможности соблюдения всех требований объективного проведения соответствующего процесса внутри нашей партии, а потому, что мы хотели выбить почву из-под ног всяких авантюристов, лишить их всяких путей для уловок и интриг. Наши предложения были отклонены правлением социал-демократической партии Германии (предложения, сделанные и правлением, и судом, образованным конференцией).

Решением нашего суда мы считаем дело законченным и для нас, и для нашей партии.

Правление социал-демократической партии России, Польши и Литвы
По поручению: И. Карский.

«Bremer Bürgerzeitung». Приложение № 3. 25-й год издания, № 107¹⁰

Партийные новости.

Партийная пресса в связи с новой стадией рассмотрения дела Радека, разумеется, выражает свою точку зрения по этому вопросу. Она высказывает мнения, публикует отдельные заявления партии и единодушно признает, что публикация парижских решений доказывает несостоятельность решения Йенского партийного съезда. Посмотрим, что же напечатано в настоящее время в прессе. *«Dresdner Volkszeitung»* пишет:

По этим публикациям можно прежде всего установить, имела ли право социал-демократическая партия Польши и Литвы действовать как самостоятельная международная организация, т. е. исключить Радека из рядов партии, или же она подчиняется центральным инстанциям Российской социал-демократической [рабочей] партии, которая сейчас объясняет через свою комиссию, что причин для исключения Радека из социал-демократической партии Польши и Литвы не было.

Согласно заявлениям докладчика кассационной комиссии на предыдущем партийном съезде в Йене тов. Русселя и представителя правления тов. Мюллера, считалось, что партийная организация, исключившая Радека, является абсолютно самостоятельной и независимой от центральных инстанций русской социал-демократической партии, подчиняющейся Международному социалистическому бюро. Поэтому ее решения должны признавать все входящие в бюро братские партии. Если же дело обстоит иначе, то тогда решение Йенского партсъезда о недопущении Радека в немецкую партийную организацию основано на неправильных предпосылках и несостоятельно.

А вот что думает по этому поводу очень сдержанная газета *«Hamburger Echo»*:

К сожалению, на Йенском партийном съезде, который должен был заняться рассмотрением дела Радека, все было поставлено с ног на голову и, более того, дело не доведено до конца. Если бы представленное заявление тов. Розы Люксембург было принято (а оно позволило бы немецкой партии расследовать дело и принять решение), то расследование по злосчастному делу Радека закончилось бы. Но спор вновь закончился безрезультатно, и когда необходимо было принять какое-то решение, большинство Йенского партийного съезда сделать этого не смогло. *«Duisburges Parteiblatt»* пишет:

«Немецкая партия была избавлена от этого промаха, если бы

партийный съезд в Йене не принял своего прошлогоднего решения, которое означало полное непонимание дела. Со стороны товарищей Либкнехта и Катценштейна, а также других делегатам было указано на возможные последствия заявления, принятого в конце концов большинством голосов по делу Радека. Но эти указания не были тогда приняты во внимание.

Эрфуртская газета «*Tribüne*»: Необходимо, в конце концов, раз и навсегда покончить с делом, где с самого начала было объявлено о неправомерности исключения!

Газета «*Volkszeitung*» в Цитау: Известно, что Йенский партсъезд счел обязательным и для немецкой партии решение об исключении Радека из социал-демократической партии России, Польши и Литвы без собственной проверки. Логично и решение высших партийных инстанций России, принявших решение о непризнании исключения и объявивших свое решение обязательным для немецкой партии.

«*Leipziger Volkszeitung*»: Так как, согласно заявлению Йенского съезда, решения зарубежных братских партий о признании или непризнании членства в их партиях принимаются и немецкой социал-демократией, то теперь не существует никаких препятствий для принятия тов. Радека в немецкую организацию.

«*Chemnitzer Volksstimme*»: Теперь немецкая партия убедилась в бессмысленности решения, принятого на последнем партийном съезде благодаря уговорам правления партии. После бурного выступления тов. Германа Мюллера в Йене против интеллигенции было принято постановление о том, что решения зарубежных социал-демократических партий об исключении своих членов, если они имеют веские основания, должны быть без дальнейшего расследования обязательны и для немецкой партийной организации. Это печальное постановление тотчас же повлиало на дело Радека: на следующем партийном съезде в Вюрцбурге должна развернуться обширная дискуссия о том, может ли Радек (который признан членом двух партий Интернационала, но одной партией по неким недостаточным причинам исключен из рядов) быть членом немецкой партии или нет. Разумеется, необходимо тотчас же отменить бессмысленное йенское решение — бесславную страницу для правления и большинства немецкой партии. Члены немецкой партии должны были вовремя прислушаться к предостережениям, вместо того, чтобы развешивать споры и заниматься бранью и высмеиванием. Необходимо еще раз повторить: Радек имеет право на немецкий партийный суд. Ответ так называемого правления польской партии не смог повлиять на точку зрения партийной прессы, несмотря на сопроводительное к этому ответу письмо правления немецкой партии. Так, «*Frankfurter Volksstimme*» пишет: Несмотря на заявление правления партии, необходимо осуществить повторное рассмотрение дела Радека.

Эрфуртская «*Tribüne*» считает: Остается только сожалеть, что решение Йенского съезда не основано на точной проверке материала. Фактическое закрытие неприятного дела было бы возможно только при условии принятия предложения тов. Люксембург, которая предложила, как известно, рассмотреть дело Радека немецкой партией. Радек был членом немецкой партии и занимал значительное место в ее деятельности, поэтому немецкий партийный суд и должен был бы решить дело.

И в заключение, «*Chemnitzer Volksstimme*» поясняет: Заявление правления партии принято в широких партийных кругах со смехом; социал-демократия России и Польши, вероятно, состоит только из членов правления, поскольку простые члены партии уже не выступают. Организованные группы социал-демократии России и Польши в Варшаве и Лодзи уже давно присоединились к другой партии. Характерно, что социал-демократия России, Польши и Литвы уже не имеет своего органа печати. Радек признан полноправным членом новой социал-демократической партии России и Польши, а также и русской социал-демократии. Две группы Интернационала признали; одна группа — исключила. Таким образом, остаются сомнения в решении в пользу обвиняемого. Но правлению немецкой партии не хватило мужества быть последовательным, оно было единст-

венным судьей, который воспротивился повторному рассмотрению дела. Правление поддержало решение социал-демократии России, Польши и Литвы, хотя тов. Люксембург была единственным представителем этой партии. Если партия еще раз вступит на такой качающийся мостик, это кончится печально.

Необходимо отметить единодушие партийной прессы различных направлений.

«Vorwärts» (Берлин) 14.VIII.1912. К делу Радека

Тов. Роза Люксембург прислала нам в понедельник письмо, касающееся дела Радека. Так как мы считаем, что это дело очень мало пригодно для дискуссии среди немецкой партийной общественности, мы посоветовали тов. Люксембург опубликовать свое заявление в газете «Bremer Bürgerzeitung», которая с большим усердием ведет кампанию в защиту Карла Радека. Товарищ Люксембург отослала свое заявление нашему партийному листку в Бремене, который, однако, не посчитал нужным опубликовать заявление в газете. Поэтому после повторной просьбы тов. Люксембург мы решили предоставить ей, как известной в Германии представительнице социал-демократии Польши и Литвы, возможность высказаться по поводу тяжелого обвинения. Товарищ Люксембург пишет:

«Близоруко усердная в деле Радека «Bremer Bürgerzeitung» придерживается точки зрения, что нельзя молчать тогда, когда дело касается дорогих ей интересов и взглядов радикального направления в партии. Из номера в номер ведут наши бременские друзья сентиментальную агитацию, направленную против польских партийных инстанций, осудивших Радека, обвиняя и в недобросовестном тенденциозном суде и изображая Радека великомучеником, пострадавшим за свои взгляды, проводя великолепную параллель с пастором Траубе.

То, что Радек использует небо и преисподнюю, изображая из себя жертву судебного убийства, это по-человечески понятно. Понятно и то, что польские студенты и эмигранты (разыгрывающие из себя обиженных) и те элементы, чье самолюбие задело правление польской партии, подстегнутые Радеком, хватаются охотно за возможность еще раз публично выразить свое «глубочайшее убеждение» в плохих руководителях польской социал-демократии. И это опять не является неожиданным для тех, кто знает истинное положение; это может вызвать только протест и смех.

Особенно трогательно звучит, например, торжественная клятва главного русского свидетеля Радека — «истинного основателя социал-демократии России» Аксельрода и его друзей, которые рассказывают, что у них в России не известна «практика чрезвычайных партийных судов» и что «у них также прекрасно обстоит дело с гарантией прав для обвиняемого» и соблюдают все формальности, почти как в английской палате лордов, хотя каждый знает, что в действительности это не так, что, к сожалению, в эмигрантских кругах русской партии бушует самый первобытный кулачный бой во фракционной борьбе. Ярким примером служит известная брошюра Мартова, друга «основателя» (переведена на немецкий язык). Каждый знает, что в этих кругах «обвиняются» не только отдельные личности, но и целые группы и направления, их объявляют без какого-либо судебного производства, обыкновенного или чрезвычайного, исключенными из партии, причем лишают их чести противоположные группировки и фракции.

Такая прекрасная «практика партийного судебного производства» позволяет с недавних пор остро выступать против польской социал-демократии. Такое положение дел дает нам право спросить сегодня у «истинного основателя» и его друзей: где же существует, собственно, та русская единая партия, о которой они говорят, и что еще осталось от нее, кроме названия?

Далее, каждый знакомый с истинным положением дел знает, что настоящие шесть главных свидетелей по делу Радека представляют то направление русского движения, которое сам Радек два года назад охарактеризовал в немецкой партийной прессе как «ликвидаторское направление», т. е. как крайнее оппортунистическое крыло. И кто удивится, что эти русские товарищи проявляют жгучую ненависть к польскому партийному

руководству (она особенно выразилась в этом деле), ибо польские партийные руководители на протяжении нескольких лет твердо проводят линию против оппортунистического движения не только в Польше, но и (имея членство в русском Центральном комитете) в самой России. Именно поэтому польские руководители и подвергаются острейшим нападкам со стороны Аксельрода и его друзей.

Все это относится к малоприятным внутренним делам русского движения, которые отражаются и в немецкой прессе, хотя в этом нет необходимости. Но я нахожу совершенно непростительным, что и серьезная немецкая партийная газета так близоруко увлеклась подобным делом без какого-либо углубленного изучения обстоятельств, основываясь единственно на показаниях Радека, и публично серьезно обвиняет руководителей и руководящие органы братской партии (редакционная передовая от 9 числа сего месяца¹¹ в этом отношении выдвинула такие неслыханные, невообразимые обвинения). «Bremer Bürgerzeitung» правомерно выступила против оппортунистических листов, которые хотели связать Радека с делом Геппинга и, главным образом, с радикальным направлением. Но эта бессмысленная тактика имеет оборотную сторону, так как наши друзья из Бремена непременно хотят притянуть Радека под знамя радикализма.

Однако легенда о политической жертве — Радеке объясняется двумя простыми причинами. Во-первых, все без исключения польские ораторы — сами представители радикального направления, и каждый из них, отдав более 20 лет работе в русско-польском движении, сделал больше для дела революционного марксизма, чем две дюжины Радеков. Во-вторых, Радек играл менее значительную роль в польском движении, чем в каком-либо другом. Он принимал небольшое участие в определении позиций этой партии в принципиальных и тактических вопросах, в решении насущных вопросов теории и тактики, и, по-моему, он опубликовал только одну статью по польскому движению. Мне известна только одна неопубликованная статья Радека по тактически спорному вопросу: в ней была выражена поддержка «нейтральным» профсоюзам, разъяснено, как они работают в Польше в противоположность социал-демократическим профсоюзам (копия статьи еще находится в редакции). И для меня до сих пор являются полной загадкой «тактические» идеи ранней оппозиции Радека по отношению к правлению польской партии.

Наконец, «Bremer Bürgerzeitung» известно, что правлению польской партии доставляет мало удовольствия заниматься делами Радека. Мы несколько раз обращались к немецкой партии с просьбой заняться этим делом и только после ее отказов должны были покориться этой неприятной необходимости.

Было бы лучше, если бы друзья из Бремена спокойнее и осторожнее разобрались в этом деле. Подобное слепое усердие не принесет пользы радикализму, а только повредит ему.

Р. Люксембург».

В четверг вечером в Бремене состоялось собрание социал-демократического союза, которое было посвящено исключительно делу Радека. Радек был принят в эту организацию партийным секретарем по соответствующему заявлению. На собрании прежде всего долго дебатировался вопрос, был ли такой прием в члены партии допустим. Согласно § 2 устава союза прием в члены союза запрещен, если подавший заявление не безусловно чист. Партийный секретарь мог принять Радека в члены союза, ибо виновность Радека до сих пор не доказана.

Правление союза обнародовало на собрании доклад комиссии, которая занималась расследованием дела Радека. По этому докладу прошли многочасовые острые дебаты. Мнения разделились: часть выступавших поддержала результаты расследования, другая высказалась решительно против. Решающим в принятии резолюции было заявление партийного секретаря о том, что правление партии в Берлине устранилось от принятия каких-либо решений по делу Радека, но в то же время доклад о разбирательстве дела

послало в партийную прессу. Это заявление вызвало острые нарекания в выступлениях разных ораторов в адрес правления партии.

Наконец, большинством голосом было принято постановление о создании комиссии по расследованию дела Радека и выбраны девять членов комиссии.

(Продолжение следует)

Примечания

1. Материалы дела Радека, исключенного из социал-демократической партии за мошенничество, хранятся в Архиве Гуверовского института (Стэнфорд, Калифорния, США), в фонде Б. И. Николаевского, ящ. 796, п. 14. Документы представляют собою фотостаты немецких газетных статей, прежде всего газеты «Форвертс», органа германской социал-демократической партии, а также фотостаты не публиковавшихся в прессе партийных материалов, касавшихся Радека. Документы даются в переводе с немецкого, на русском языке публикуются впервые.
2. Датировано Николаевским. — *Приписка сделана рукой Николаевского.*
3. Рукописный гриф на русском языке.
4. Настоящее имя Радека мы здесь и в дальнейшем опускаем, мы заменяем его псевдонимом. — *Прим. редакции газеты.*
5. Союз, объединяющий академическую социалистическую молодежь в Кракове. — *Прим. суда.*
6. Фамилия в документе опущена. — *Прим. Ю. Ф.*
7. В области кражи чужого имущества. — *Прим. суда.*
8. Речь идет о несостоявшемся третейском суде Радек — Геккер. — *Прим. суда.*
9. Примечание. Относительно жалобы правлению партии члена комиссии по расследованию, тов. Кракуса, суд заявляет (на основе общей переписки между Радеком, комиссией, правлением партии и писем и документов комиссии от 7 июля, 21 июля, 25 июля и письма Кракуса на конференцию от 17 августа с. г.), что решение вопроса о докомплектовании комиссии, которая состояла только из двух членов, было, вынужденным. Если бы эта комиссия работала в прежнем составе, то расследование затянулось бы на два квартала. Но в последние шесть недель комиссия перестала быть партийным органом и стала органом частных интересов Радека; комиссия подтверждала только те показания, которые находились в резком противоречии с фактами, с ее партийным долгом и ее собственными заявлениями, но которые были угодны Радеку, а с точки зрения ценности для суда были малозначительными. Это свидетельствует только о том, что комиссия забыла свои элементарные обязанности перед партией и использовала врученный ей правлением партии мандат в целях, не имеющих ничего общего с задачами комиссии. Это касается, в первую очередь, Кракуса, который осмелился выступить перед судом как доверенное лицо обвиняемого, чье дело он рассматривал. Поскольку Кракус, выясняя истину, во всем представлял и точку зрения Доманского (о чем он сообщил в своем письме от 17 августа), этот упрек относится и к последнему.
Суд установил, что комиссия собрала все материалы, которые можно было собрать, и что к моменту роспуска комиссии расследование было закончено. Отсутствующие по некоторым пунктам показания Радека, как видно из материала, не могли оказать никакого влияния на решение вопроса, и поэтому не имело значения, предстанет ли лично Радек перед судом, тем более, что эти показания могли быть затребованы самим судом.
10. Дата не указана. Первая половина августа 1912 года. — *Прим. Ю. Ф.*
11. 9 августа 1912 года. — *Прим. Ю. Ф.*

История в общественном сознании России XVII века

Л. Н. Пушкарев

Историческая мысль в России XVII в., особенно в первой его половине, испытывала мощное воздействие крупнейших политических событий того времени — Крестьянской войны 1606—1607 гг. под предводительством И. И. Болотникова и героической борьбы русского народа с иностранными интервентами в начале XVII века. Спецификой исторических трудов первой половины XVII в. было и то, что их авторы одновременно были и очевидцами описываемых событий. Их сочинения преследовали цели не столько научные, исследовательские, сколько нравственные, поучительные. Они были и публицистическими, и художественными, и историческими. Как образцы трудов подобного рода можно назвать «Сказание» Авраамия Палицына, «Временник» Ивана Тимофеева, «Повесть» кн. И. М. Катырева-Ростовского, «Словеса» кн. И. А. Хворостинина и ряд других.

Вышедшая из средневековья идея провиденциализма (божественной предопределенности хода истории), хотя и поддерживалась авторами исторических повестей начала XVII в., но дополнялась размышлениями над морально-этическими и социально-классовыми причинами, вызвавшими Смуту в Русском Государстве¹. Равным образом и идея «Москва — третий Рим», столь популярная в XV—XVI вв., уже не соответствовала изменившимся историческим обстоятельствам и постепенно угасала². На смену ей пришла (также возникшая ранее) идея самовластия человека³, а вслед за ней вновь — перед лицом грозящей Родине гибели со стороны интервентов — начинает владеть умами старинная, уходящая своими корнями в Киевскую Русь идея единства Русской земли, раздираемой иноземцами⁴.

Своеобразием исторических сочинений первой половины XVII в. было и то, то при всей их современности описываемым событиям, при всей их публицистичности, они постоянно обращались к опыту прошлой истории родной страны и особенно часто к событиям XVI века. В этом отношении необыкновенно показательны «Написание вкратце о царях московских, о образех их и о возрасте, и о нравах» из «Повести» кн. Катырева-Ростовского. Характеристики Ивана Грозного, Ксении Борисовны Годуновой, Федора Борисовича Годунова, Федора Ивановича, Бориса Годунова, Лжедмитрия I и Василия Шуйского кратки, но выразительны. Это не просто словесные портреты, это и размышления о характере исторических лиц. В повести содержится один из первых в нашей литературе развернутых словесных женских портретов — царевны Ксении: «Отроковица чюдного домышления,

Пушкарев Лев Николаевич — доктор исторических наук, Институт российской истории РАН.

зелной красотою лепа, бела вельми..., румяна, червлена губами, очи имея черны, велики... Во всех женах благочинниша и писанию книжному навычна, многим цветящие благоречием»⁵.

И в других произведениях этого времени присутствуют характеристики исторических деятелей. Налицо — стремление оставить потомкам образы живых людей своей смутной эпохи. Особенно выразительны «Словеса дней и царей и святителей московских, еже есть в России» кн. Хворостинина. Само заглавие нацелено на то, чтобы представить читателям — и современникам, и будущим — живые портреты деятелей конца XVI — начала XVII в. — правда, довольно субъективные, а нередко и весьма противоречивые⁶.

Расширяющееся и углубляющееся внимание к прошлому Русской земли, давно уже отмеченное исследователями, — это, несомненно, показатель роста национального самосознания, свидетельство продолжающегося формирования русской нации и русского национального характера, то есть процессов, начавшихся еще в предшествовавшие годы. Лишним доказательством повышения интереса к истории служит наличие исторических трудов в книжных собраниях и крупных феодалов, и рядового духовенства, и горожан, и в церковных и правительственных библиотеках⁷. Сред этих книг — хронографы, краткие летописцы, исторические повести, родословцы. Показательно, что выписи из подобных книг присутствуют даже на полях других рукописных книг⁸.

Сочетание острой публицистичности с глубоким, проникнутым патриотизмом вниманием к прошлому Русской земли придает историческим трудам начала XVII в. неповторимую своеобычность. Можно сказать, что исторические труды этого времени — это своеобразные «былое и думы» современников Смуты. «Былое» — это воспоминание о славном прошлом России, о прежнем единстве и самостоятельности Русского государства, а «думы» — это размышления о горьких невзгодах, обрушившихся на Родину, о поисках выхода из этого нелегкого положения⁹.

Большинство авторов, пытавшихся понять причины Смуты, как известно, считали ее наказанием Божьим — «како грех ради наших попусти Господь Бог нашъ праведное свое наказание от конецъ до конца всея Росиа»¹⁰. Что же это за прегрешения? Рабы захотели стать господами — вот главная причина Смуты! Нашествие же иноземных захватчиков — лишь продолжение и следствие внутренних неурядиц. Устой общества, в котором Богом каждому было определено соответствующее (причем постоянное!) место, нарушились, — и в результате зашатался фундамент общества¹¹. Тема классовой борьбы властно вошла в исторические труды XVII века. Борьба «лучших» людей (игумены, священники, боярские дети и проч.) с «меньшими» (ратные люди, стрельцы, казаки, городские низы и поселяне) — вот что стало содержанием сказаний о междоусобицах. При этом виновниками бед, постигших Россию, в одних трудах признавались бояре и «сильные люди», градодержатели, в других — восставшие крестьяне, стремившиеся сделаться равными своим господам¹². Именно эти размышления и были главным в произведениях периода Смуты. Прошлое же привлекалось для рассуждений о причинах бедствий, постигших Русское государство, и путях преодоления их. Когда же эти пути определились и когда обстановка в стране существенно изменилась, то в последующих работах «былому», прошлому стало уделяться гораздо больше внимания.

Так, в 1617 г. возникает новая редакция Хронографа (автор которого воспользовался в качестве своего источника, в частности, и «Хроникой» польского историка XVI в. Мартина Бельского), по-новому осветившая события и европейской, и русской истории. Из этой редакции русские читатели впервые узнали «О островах диких людей, как немецкие люди называют Новый свет, или четвертая часть вселенная», о путешествиях Христофора Колумба и об открытиях Америго Веспуччи. Борьбу же классов и социальных сил Хронограф изображал как столкновение добрых и злых людских побуждений. Так, Иван Грозный сначала рисовался положительным героем с «многомудрым умом», а затем — «парение похоти прменяет ум незлоблив» на уничтожение и родственников, и вельмож. Да

и Григорию Отрепьеву «предста темномудрый дух и вложи в сердце его... развратное помышление»¹³. Снова божественные и нечистые силы управляют ходом истории!

Всю первую четверть XVII в. тема Смуты была преобладающей в историко-публицистических произведениях. Даже когда притупилась острота переживаний, связанных с польско-шведской интервенцией, они долго еще продолжали волновать авторов. Но во второй четверти XVII вв. стали появляться и чисто исторические труды, такие, как «Повесть о зачале Москвы»¹⁴, в которой столица Русского государства приравнивается к Риму и Византии на том основании, что все они заложены «на крови». В этой повести возникновение Москвы окружено большим количеством подробностей — вымышленных и легендарных. Автор вроде бы и стремится к исторической достоверности, но одновременно желает «домыслить» историю, рассказать о личной жизни реальных исторических лиц. Правда и вымысел, документ и легенда причудливо переплетаются в этой легендарно-исторической повести. Для историков она интересна тем, что в ней составитель не просто переписывал труды своих предшественников, но и сверял тексты с первоисточниками и умело сводил их воедино по разным спискам. Это — уже качественно новый уровень создания исторического труда. Так, в списке этой повести, хранящемся в Российской государственной библиотеке (отдел рукописей, собр. Н. П. Румянцева, № 415) есть запись писца: «Сия повесть свожена. Где и у ково услышитца или увидитца, и брано, и свожено, и сходилось, только зде справлено речи мало нечто. А сводил не с одного переводу». Перед нами — творческий осознанный труд историописателя, а не простого переписчика.

Вот еще один пример историко-литературных повестей этого времени — «Повесть о взятии Азова» в 1637 г. и его обороне от турецких войск в 1642 году. Она возникла в казачьей среде и основывалась как на фольклорных преданиях, так и на документах из канцелярии Войска Донского. Подчеркивая силу и могущество Русского государства, повесть одновременно отразила негодование казаков боярами и помещиками-крепостниками. Документальность повествования и постоянные ссылки на источники сочетаются в повести с яркими батальными сценами в духе традиционной древнерусской книжности¹⁵.

Около 1630 г. в кругах, близких к патриарху Филарету, было создано обобщающее историческое повествование «Новый летописец», включившее в свой состав описание событий русской истории с конца царствования Ивана Грозного и до 1630 года. В «Летописце» — цельная историческая концепция, в которой традиционная религиозная оценка событий (по словам А. И. Яковлева, «шаблон летописной присказки: по грехом нашим»¹⁶) сочетается с продуманной политической тенденцией — апологией абсолютизма. Причину Смуты автор видит в насильственном пресечении «благотворного корени» — царской династии Рюриковичей. За этим последовали многие другие преступления Годунова — основного виновника Смуты. Да и Василий Шуйский, по этому летописцу, не был избран «всенародно». А династический кризис повлек за собой самозванчество, и только «законное» избрание на престол «пресветлой отрасли праведного корени» Михаила Федоровича ознаменовало собою окончание Смуты¹⁷.

Исторические сюжеты использованы автором для анализа современной ему политической жизни. Мысль о благотворности и богоустановленности самодержавия предвосхитила и экономические предпосылки создания абсолютной монархии, и политические преобразования, относящиеся к концу XVII — началу XVIII века. Историческая мысль как бы стимулировала развитие общества, указывая ему дальнейшие пути развития и направления его укрепления.

«Новый летописец» был лишь началом процесса централизации создания официальных исторических трудов. В 1657 г. был создан «Записной приказ», который должен был начать работу над продолжением «Степенной книги», составленной еще при Иване Грозном. Приказ просуществовал всего два года и по неизвестным до сих пор причинам был ликвидирован¹⁸.

Но само его сознание говорило уже о многом. В обществе утверждалось понимание ценности истории для общества. История ценилась и ранее в русском летописании, в историко-публицистической литературе XVI в. (особенно в сочинениях И. С. Пересветова¹⁹), но это были чаще всего отвлеченные, умозрительные рассуждения. Во второй же половине XVII в. они начали обретать плоть и кровь. Авторы исторических трудов этого времени осознавали уже значение источников. Они столкнулись с трудностями их собирания (а позднее и отбора), стремились сохранить свидетельства современников, расширить ареал поисков источников — и в местах хранения официальных документов (Посольский приказ или патриарший двор), и в частных собраниях. Главное же — авторы второй половины XVII в. стали осознавать политическую и нравственную роль своих исторических сочинений.

Это понимание пришло не сразу. Вначале исторические труды имели скорее прикладное, подсобное значение. Так, при патриаршем дворе в 1658 г. была составлена «Летопись о многих мятежах» — на основе переработки «Нового летописца» и использования разрядных записей, исторических повестей и богословской литературы. Описывая события 1584—1655 гг., «Летопись» уделила главное внимание церковным вопросам (исправление текстов церковных книг), оставив в стороне исторические идеи прошлого, но сохранив некоторые сведения по истории 30-х—50-х годов XVII века. Впрочем, несмотря на свое название, «Летописью» это сочинение не было²⁰. Настоящие же летописи создавались в это время не только в Москве, но и в Новгороде Великом, Тобольске, Устюге Великом, Вологде, Ростове Великом и Архангельске, Холмогорах и Нижнем Новгороде, в Рязани и Костроме. Широкое распространение получили сибирские летописи — Есиповская, Строгановская, Кунгурская, Ремизовская и др. «На основе устных преданий и рассказов очевидцев, чертежей и отписок землепроходцев, а также личных наблюдений они сообщают о местах сражений дружины Ермака и царских отрядов с отрядами Кучума и Кучумовичей, даты постройки острогов, места их расположения, фамилии инициаторов и руководителей строительства»²¹.

Вершина сибирского летописания — «История Сибирская» С. У. Ремизова («Ремизовская летопись»), содержащая уже «элементы научного подхода к историческим событиям и привлечение нового круга источников, в том числе народных преданий и легенд»²². Но и эти летописи были ограничены кругом преимущественно местных вопросов, связанных с деяниями воевод и князей церкви. Значения истории в жизни общества они не касались. Главная их тема — «взятие Сибири». Отличаясь определенным прагматизмом, они тем не менее были важным элементом историографии XVII в., но в круг теоретических памятников общественной мысли не вошли.

Прикладное (как мы увидим ниже) значение имела и идея создания генеалогического труда, воспроизводившего родословную русских царей от Владимира Святославича до Алексея Михайловича. Эту идею воплотил в жизнь дьяк Ф. И. Грибоедов — активный участник политической жизни в России второй половины XVII века. В 1669 г. он, по поручению царя, составил «Историю, сиречь повесть или сказание вкратце, о благочестивнодержавствующих и свято поживших, боговенчаных царей и великих князей, иже в Рустей земле богоугодно державствующих». Цель этого труда — связать династию Романовых с династией Рюриковичей, а через них — с римским императором Августом. Тем самым, по замыслу заказчика, укреплялся международный авторитет России. «История» Грибоедова хотя и бытовала в рукописной традиции (известно 10 ее списков), тем не менее историей (в нашем понимании этого слова) не являлась. Речь в ней шла только о судьбе и предыстории дома Романовых. Не было в ней рассказов о борьбе русского народа с монголо-татарским игом, о воссоединении Украины с Россией и т. п. С. Ф. Платонов предполагал, что по этой «Истории» учились царские дети²³. Возможно так и было.

Первой же по-настоящему учебной книгой по русской истории стал

«Синописис», созданный в центре науки и просвещения Восточной Европы — в Киево-Могиланской коллегии в начале 70-х XVII века²⁴ и выдержавший с 1674 г. несколько изданий²⁵. Созданный под наблюдением Иннокентия Гизеля²⁶, он исходил из обусловленности человеческой истории Божьей волей, хотя и выделял «деяния людские» как реальную причину развития исторических событий. В книге много ссылок на богословскую литературу, но все же основное ее направление — светское. Составитель «Синописиса» широко использовал в качестве своего источника летописи и хроники, в том числе и польские²⁷. «Синописис» как бы завершает собою «сарматскую» теорию расселения славян, в основе которой лежала мысль об их этническом кровном родстве, впервые высказанная Ю. Крижаничем. «Синописис» проникнут стремлением объединить всех славян в борьбе против угрозы татаро-турецкого ига. Впоследствии «Синописис» не раз включался составителями летописей в число своих источников. Долгое время он пользовался популярностью в самых различных слоях русского общества. Его читали и в царских палатах, и в крестьянских избах. Он вошел в патриаршие летописи второй половины XVII в. и в дворянские летописи-родословцы. Среди последних выделяется «Генеалогия» Игнатия (в миру — Ильи Александровича) Римского-Корсакова²⁸. Он возводит свой род сквозь глубь веков прямо к Адаму, признавая, правда, при этом, что от него ведут свое происхождение все люди. От Адама автор переходит к Геркулесу и его сыну Корсу, от которого якобы и ведет свой род Римский-Корсаков.

Новым словом было требование Игнатия подтверждать источниками все приводимые в летописи сведения. При этом достоверным он считал лишь тот факт, о котором непротиворечиво сообщают различные и независимые друг от друга источники. В тех же случаях, когда Игнатий давал свое собственное толкование, он старался делать это «не от своей головы и разума, но от славных творцов, которые о тех делах писали»²⁹. «Генеалогия» Римского-Корсакова свидетельствует о растущей роли творческой мысли в исторических трудах того времени. Работы более 60 авторов перечислил Игнатий в качестве источников своей «генеалогии» — от Гомера и Аристотеля до Эразма Роттердамского, Мартина Бельского и Мацея Стрыйковского. Он выступал как этнограф, географ и лингвист, был знаком с язычеством, геральдикой, не чужд поэзии и дидактики. Перед нами — энциклопедически образованный, талантливый, нестандартно мыслящий и много знавший человек. Он по праву должен занять видное место в общественной мысли второй половины XVII века.

Таким же эрудитом был и Юрий Крижанич — хорват по национальности, католик по вероисповеданию, просветитель по призванию. Он долгое время жил и творил в России и выработал собственную оригинальную историческую концепцию³⁰, а также разработал программу реформ, которая должна была ускорить историческое развитие России и приблизить ее к передовым европейским странам. Крижанич ратовал за абсолютизм европейского типа, освящая его авторитетом не только Священного писания, но и разума. Впрочем, передовые для своего времени идеи Крижанича не стали достоянием русского общества: сосланный по нелепому доносу в Тобольск он прожил там 15 лет, «Богу всемогущему многогрешен и всему миру безделен, некорыстен и непотребен..., как скотина в хлеву» — так с горечью писал он о себе³¹.

Провозвестник идеи славянского единства, Крижанич боролся за независимость России и других славянских стран от турок и Запада. Его взгляды не совпадали с целями папского престола, стремившегося в то время подчинить себе и Россию, и славянство в целом³². Крижанич же думал лишь об унии православной церкви с католической. Он не был понят современниками, а его заслуги были оценены лишь после смерти. Крижанич, живший в старой допетровской Руси, был одним из первых мыслителей нового времени. Его творчество — звено, связующее культуру нового времени с ее древнерусскими истоками и русскую общественную мысль с европейской. Он был и русским, и общеславянским деятелем.

На вторую половину и особенно на конец XVII в. приходится время

резких перемен в самом понимании истории русским обществом. Заметно возрос интерес к историческому процессу как таковому, усилилось стремление понять его причины, смысл прошлого, выяснить не только поучительную, но и нравственную сущность исторического знания. Все это постепенно сопровождалось сменой форм исторического повествования. Старые, традиционные формы — летописи, хронографы, исторические повести и проч. — начали сменяться новыми, уже не летописного, а повествовательного характера. Появились исторические сочинения, предвосхищающие исторические исследования XVIII века.

Понимание значения не только Божьей воли, но и разума в истории привело во второй половине XVII в. к созданию трудов, в которых выступает стремление установить земную (а не небесную!), реальную (а не божественную!) причину исторических событий. Одновременно авторы подчеркивали роль знания, разума в интерпретации явлений прошлых лет в выяснении нравственного смысла исторических событий. Для русского общественного сознания этого периода характерна идея переменчивости мира, человеческой жизни. Она господствует в это время не только в исторических трудах, но и в драматических произведениях («Артаксерксово действо»), во многих стихотворениях Симеона Полоцкого, в сочинениях известного поэта и просветителя Сильвестра Медведева³³. Последний во вступительных виршах к своему «Созерцанию краткому» так писал о назидательном смысле истории:

«Писание сие хотящу читати,
Достоит ему право рассуждати:
Тем, человеце, в жизни сей стрегися,
В законное же зеркало смотрися.
От него можешь бело, черно знати
И яко тебе будет умирати»

Образ зеркала, глядя в которое человек познает и себя и окружающий мир, использовался в XVII в. не только применительно к истории. Вспомним «Великое зеркало» — сборник нравоучительных повестей и притчей, переведенный в сокращенном виде с польского на русский язык в Москве в 1677 году, или «Юности честное зеркало» — педагогическую книгу, имевшую целью приучить юношество «к приличным манерам», «к житейскому обхождению». Один из сборников нравоучительных рассказов из древней и средневековой истории также назывался «Книга зерцало старовещности» (то есть «Книга зеркало истории»). Глядя в историю как в зеркало, читатель находил в ней отражение тех же идей, которые волновали его, ответ на те вопросы, которые возникали у него в повседневной житейской практике.

Место, роль и значение истории в общественной мысли России во второй половине XVII в. лучше всего могут быть проиллюстрированы на примере различного рода предисловий к историческим сочинениям того времени, как отечественным, так и переводным. Таково предисловие анонимного переводчика компиляции Марка Юнина Юстина, римского писателя II—III вв., которая на русском языке получила название «Пяти монархий древних описание». Переводчик, опираясь на авторитет Фукидида, так определяет смысл истории: «История есть аки позорище некое, на нем же обретаются лица и комедию съделовают... Зде, на позорище сем, историк счисляет грады, законы их, защищения, чины, нравы, премудрости, богатства, различная и весьма многообразная тщания». Прославляя историю, автор говорит далее, что она «изъображения жизни человеческия изваяет». Он приводит высказывания Геродота и Цицерона об истории: «История ни что иное есть, точию свидетельница всех веков, свет во истине, живот памяти, жизни учительница, посланница старовещности»³⁴.

При дворе царя Федора Алексеевича на рубеже 70—80-х годов XVII в. была начата работа над обобщающим трудом, целью которого было рассказать о прошлом русского народа, о славных его делах, «которые покрыты были темнотию забвения»³⁵. Поэтому государь, «по обычаю

историографов», повелел собрать из всех древних исторических трудов (русских, греческих, польских и латинских) сведения о происхождении русского народа, что и в какой последовательности происходило на Руси — «по чину и по веком до сих времен», и все это изложить «во единой исторической книге... по обычаю историков».

Была ли такая книга создана, мы не знаем. До нас дошло только предисловие, но зато в нем содержится новый взгляд на предмет истории, и на задачи работы историка. Прежде всего безымянный автор утверждает, что ничто так не очищает, не украшает и не исправляет человека «и душевно, и телесно, как ведомость и познание разных вещей». То же самое говорил и «крайнейший философ Аристотель», который в первой книге своей «Метафизики» написал, что «все человецы естественно желают видети и познати всех вещей». Следовательно, право человека на знание и законно, и естественно: «потому что тем ко искусству и к совершенству придут». Эти спокойные и исполненные уверенности в их правоте мысли резко отличаются от совсем недавних еще поучений церковников: «Не ищи, человеце, мудрости, ищи, человеце, кротости». Стремление человека к познанию — естественно: оно выражает его тягу к совершенству.

Автор горячо и убежденно говорит, что ничто так не украшает человека «и гражданское пребывание исправляет, и приведет его к ведомости всяких искусных дел и вещей, и к совершенного человека, что история». Истории все доступно и все посильно, считает он. Особенное значение имеет история для воспитания гражданских обязанностей человека. Раньше общественная мысль России таких задач перед историей не ставила. Только в XVII в. возникает задача воспитывать у юноши умение «честно гражданствовати» (С. Полоцкий), а истории — «гражданское пребывание исправлять». При этом автор ссылается не на авторитет Священного писания и не на отцов церкви, а вновь обращается к «славному Кикерону» (Цицерону), утверждавшему, что история — учительница жизни и свет истины, и к «премудрому еллинскому историку Фукидиду», называвшему историю «вечным наследием». История, говорит автор предисловия, «научит нас искусством и случаем иных, прежде бывших, и сие от прешедших дел настоящее познавает, а будущее разумом изобразует». Итак, уже в XVII в. в общественной мысли появилось понимание связи прошедшего с настоящим и будущим: изучая прошлое, мы познаем настоящее и разумом прозреваем будущее.

«Премудрый еллинский историк Полибий пишет», говорится далее в предисловии, что есть два пути познания: на собственном опыте и на чужом. Второй путь несравненно легче: мы, как в зеркале, наблюдаем чужие поступки и учимся на чужих ошибках: «не так словесное учение двигает нас, как история». Автор вспоминает давно известный «Тестамент Василия, царя греческого», тоже прославлявший изучение истории. Он далее утверждает: древние славные цари, как «Александр Великий, и Юлий, и Август Кесарис, Костянтин, Феодосий и Устиний Великие, все предков своих историю сами прочитаху, но и ученым людям при себе будущим предков своих и их дела и истории сложити и писати повелеваху». Там, где не принят во внимание исторический опыт, там людей ждет неудача, ибо «во всех делах, искусствах и учениях свободных, в которых история молчит, великое неисправление видится и несовершенство».

Вознося так высоко историю, автор предисловия накладывает на историка обязанность быть образцом научной объективности и беспристрастности. Два древних историка представляются автору достойными внимания и подражания. Первый из них — это «премудрый Евстафий, архиепископ Фессалоникский, толкователь славного и первого поэта или творца Омира» (Гомера). Евстафий разделил всю гражданскую историю на четыре части: топографическую (рассказывающую о местностях и станах), деятельную (повествующую о событиях и обычаях народов), летную (то есть хронологическую, отмечающую время и взаимосвязь событий) и родословную (посвященную происхождению народов).

Второй автор — древнегреческий историк, современник Тита Ливия, Дионисий Галикарнасский. Он поставил перед каждым историком ряд

условий. 1) «Чтобы историк выбрал бы повесть красную и сладкую, чтобы сердце чтущих веселил». 2) «Чтобы знал, откуда начинать историю и до каких мест писать». 3) «Что знал, что подобает во историю молчанию предати и что пристойно объявити». 4) «Чтобы всякое дело на своем месте написано было, где доведется, и пристойно расположено». И 5) «Чтобы душа историков была бы тихая и ничем не смущенная, также и слово бы было чистое, свойственное, и разумичное, и ясное, тихий бы был историк и не суров, и правдою б все писал, а не ласкательством или иным каким страстием повинен, и чтобы к добрым делам слогом и словом своим будто совеселится, а противным — сопечалуется».

Исходя из этого, автор предисловия поставил — впервые в русской науке! — вопрос об источниках исторических сочинений. Под источниками он понимает труды историков-предшественников и народные предания. Для того, кто собирается писать историю, требуется, чтобы он «историю свою собрал из добрых и достоверных прежних историков, наипаче из тех, которые меж собой согласуются и которые наипаче от народа того яко верны восприняты суть», а тем историкам, которые «только слухом или своим мнением пишут, не верить вовсе». Главное требование, которое автор предъявляет к историческому труду: чтобы он был «истинным». История без истины — это как слепой человек. Автор должен и хвалить, и осуждать, но по заслугам. Истина — это начало всякой мудрости. Все предшествовавшие исторические труды — летописи, хронографы и т. д. — несовершенны, они не согласовываются между собой. Потому-то Федор Алексеевич и повелел создать новый исторический труд, в котором предполагалось описать все события церковной, гражданской, военной и дипломатической истории и издать эту книгу типографским способом — от этого будет польза не только русским, «но и иным народам будет познание и ведомость». А создать такую книгу лучше всего может именно русский автор, «потому что всякой народ про себя и про дела свои и про страну свою лучше умеет списати, нежели чужой». У всех народов есть печатные истории, и «только московский народ и российскую историю общую от начала своего не сложил, и не издано типографии по обычаю».

Перед нами — свидетельство возросшего интереса к истории в общественном сознании России, попытка выяснить и познавательный, и поучительный смысл явлений прошлого. Не порывая с провиденциализмом, авторы предисловий отдают явное предпочтение светскому, а не церковному началу. Впервые в общественной мысли были сформулированы задачи авторов исторических трудов. Пусть не вполне определенно, расплывчато, но все же это решительно отличается от задач, которые ставил перед собой безымянный летописец недавнего прошлого, бесстрастно наблюдавший и добро, и зло, не ведавший ни радости, ни гнева!

Мысль авторов предисловий о том, что история — это некое зрелище («позорище»), в котором «обретаются люди и комедию съделывают», перекликается с известным приписываемым Шекспиру изречением: «Весь мир — театр, а мы — его актеры». Именно из этого зрелища черпает автор нужные ему материалы, а читатель — поучительный смысл. История начала занимать высокое положение в обществе.

До самого последнего времени началом появления в России исторической науки считалось первое тридцатилетие XVIII в., а первым русским историком (в нашем понимании этого термина) назывался обычно В. Н. Татищев. Эта точка зрения имеет под собой достаточно мотивированное обоснование и пользуется стабильным признанием³⁶. Именно в петровское время произошел переворот не только в культурной жизни России, но и в сознании общества, в том числе и в осознании себя во времени, в ощущении связи времен. Однако за последнее время появились работы, отмечающие, что первым «фундаментальным произведением, знаменовавшим собой переход от исторического повествования к историческому исследованию в России... важным шагом в становлении отечественного источниковедения»³⁷ была «Скифская история» московского дворянина стольника Андрея Ивановича Лызлова. Она была закончена им в 1692 г. и главной

темой имела рассказ о борьбе Руси, славян и вообще народов Южной и Восточной Европы с кочевниками. Почти 800 страниц этого выдающегося труда были основаны на изучении ряда русских и иностранных источников. При этом Лызлов, как утверждает Е. В. Чистякова, от пересказа сведений источников перешел к исследованию крупного социально-исторического явления — векового противостояния оседлых народов Европы натиску кочевых народов Азии (Лызлов именует их «скифами»).

«Скифская история» звала русское общество к напряжению всех сил в решительной схватке с агрессорами, к уничтожению очагов войны, к освобождению европейских народов от османского ига. Книга охватывала историю огромного региона Азии и Европы с глубокой древности и до конца XVI века. Автор понимал историю как процесс, как цепь взаимосвязанных героев и их действий, огромных людских масс. Он рассказал в своей книге о борьбе греков, персов и римлян с кочевниками, Древней Руси — с печенегами, половцами, хазарами, монголо-татарами, раскрыл противостояние стран Восточной Европы Золотой Орде и Османской империи, изложил историю Казанского, Астраханского, Сибирского и Крымского ханств, Османской империи и борьбу стран Европы с Оттоманской Портой. «Скифская история» призывала все народы Европы к объединению для борьбы с сильным агрессором, но не к истреблению «неверных», а к крепким международным договорам, к мирному сосуществованию народов. Лызлов был убежден: вековые кровавые войны, вражда племен и государств могут быть побеждены и укрошены не всеобщей войной православного мира с магометанским, не уничтожением «агарянского племени», а обузданием агрессивных сил.

Книга Лызлова органически вписывается в важную для конца XVII в. в России тему войны и мира, усиленно обсуждавшуюся в публицистике того времени. Это был остро современный труд, урок изучения многовековой истории страшных разорений и бед, которые несли нашествия кочевников. Идейное обоснование внешней политики России, вынесшей на своих плечах основную тяжесть борьбы с кочевниками и спасшей Европу от нашествия Золотой Орды, связывало историю с политикой в общественном сознании русского общества. Да и в целом отличительной чертой большинства исторических сочинений XVII в. является соединение познания прошлого с решением актуальных проблем современности. Отсюда и публицистичность содержания, и новая форма, ориентированная на более широкие слои читательской публики, и их соответствие коренным интересам дворянства и формирующейся абсолютистской монархии. Исторические труды были и научными, и политическими сочинениями.

Это, в частности, связывало Россию второй половины XVII в. со странами Европы, с широким течением славянского возрождения, изменившего «самый тип исторического мышления»³⁸. В России медленно, но верно менялся взгляд на историю; историческое развитие понималось уже не только как проявление воли Провидения, но и как действия людей, поведение исторических лиц, влияние жизненных обстоятельств³⁹. Объяснение исторических фактов «Божьей волей» постепенно сменяется причинно-следственным толкованием событий, поисками логических связей между ними. Эти проблески рационалистической мысли знаменуют собой постепенный переход от летописного периода истории к исторической науке нового времени.

Совершился ли этот переход уже в конце XVII в., как полагают Е. В. Чистякова и А. П. Богданов? Думаю, что приведенные ими факты недостаточны для подобного утверждения. При всей глубине содержания и яркости формы сочинения Медведева, Лызлова и других авторов этого времени не дают еще основания для пересмотра сложившейся традиции. Исторические знания стали превращаться в историческую науку лишь в эпоху Петра. Процесс этот был достаточно сложным и противоречивым. Он нуждается, конечно, в дальнейшем изучении и детализации.

Особенностью этого перехода является, в частности, и то, что летописные формы повествования не исчезли в течение всей первой четверти XVIII

века. Они продолжали жить вместе с историческим повествованием. Летописная форма изложения, видимо, соответствовала тогдашнему пониманию «связи времен». Она зримо подчеркивала то чувство историзма, которое уже явственно стало проявляться в общественной мысли. Осознание «потока времени» и значения исторического опыта для понимания совершившихся событий — вот что отличало общественную мысль конца XVII — начала XVIII в. от предшествовавшего времени.

Однако все вышесказанное, равно как и зачатки критики источников, еще не свидетельствовало о возникновении науки истории. Теоретический уровень работ на исторические темы был еще низок. Телеологическое понимание исторического процесса еще не сложилось, хотя зачатки установленной Богом «целесообразности устройства природы» уже появились. Рассматриваемое время в истории общественной мысли — это тот порог, за которым и начался культурный перелом петровских преобразований. Только при Петре наступил переход к новому, более высокому типу общественного сознания (в том числе и к новому осознанию своего прошлого и себя во времени), к возникновению истории как науки.

Чем же была история для общественного сознания России XVII века? В своей славной истории русские люди черпали силы для борьбы с возникавшими трудностями жизни, искали и находили оправдание важным политическим и социальным реформам, утешение от невзгод, лишений и разорений, она питала веру русского народа в великую грядущую судьбу родного государства.

Примечания

1. В первой редакции начальных глав «Сказания» Авраамия Палицына в качестве причины, вызвавшей божественное возмездие, указывается на «безумное молчание, еже о истинне к царю не смеюще глаголати о невинных погибели». См.: ЯКОВЛЕВ А. И. «Безумное молчание». — Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. Ч. 2. М. 1909.
2. ГОЛЬДБЕРГ А. Л. Историко-политические идеи русской книжности XVI—XVII вв. Автореф. докт. дисс. Л. 1978; ИВАНОВ А. Б. Третий Рим: Русь XIV—XVIII вв. М. 1991.
3. См. об этом: КЛИБАНОВ А. И. У истоков русской гуманистической мысли. — Вестник истории мировой культуры, 1958, № 1.
4. Временник Ивана Тимофеева. М.-Л. 1951, с. 87, 257—258; ШАПИРО А. Л. Историография с древнейших времен по XVIII век. Л. 1982, с. 105.
5. Русская историческая библиотека. Т. 13. Изд. 2-е. СПб. 1904, с. 709. Размышления над характером человека — характерная и новая для своего времени черта историографии начала XVII века. См. об этом: ДЕРЖАВИНА О. А. Анализ образов повести XVII в. о царевиче Дмитрие Угличском. — Ученые записки Московского педагогического ин-та. 1946. Вып. 1, с. 30; ЛИХАЧЕВ Д. С. Проблема характера в исторических произведениях начала XVII в. — Труды Отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). Т. 8. М.-Л. 1951; его же. Человек в литературе Древней Руси. М.-Л. 1958.
6. СЕМЕНОВА В. П. И. А. Хворостинин и его «Словеса дней». — ТОДРЛ. Т. 34. Л. 1979.
7. См. об этом: БАКЛАНОВА Н. А. Русский читатель XVII века. — Древнерусская литература и ее связи с Новым временем. М. 1967; ЛУППОВ С. П. Книга в России в XVII веке. Л. 1970 (здесь же см. и литературу вопроса); его же. Русский читатель XVII — первой половины XVIII века. — Федоровские чтения. 1976. М. 1978.
8. См. об этом: Государственный исторический музей. Отдел письменных источников. Собр. И. Е. Забелина, № 419 (Сборник XVII в.). См. также: СМЕТАНИНА С. И. Записи XVI—XVII вв. на рукописях собрания Е. Е. Егорова. — Археографический ежегодник за 1963 г. М. 1964.
9. См.: ДОЛИНИН Н. П. Развитие национально-политической мысли в условиях крестьянской войны и иностранной интервенции в начале XVII века. — Научные записки Днепропетровского гос. ун-та. Т. 40. Киев. 1951, с. 133.
10. Сказание Авраамия Палицына. М.-Л. 1955, с. 101. См.: ЧЕРЕПНИН Л. В. Общественно-политические взгляды Авраамия Палицына. — Там же. Эта же, хотя и несколько измененная формулировка («за умножение грех наших») встречается и в других повестях. См.: ЕНИН Г. П. Неизвестная повесть о Смутном времени. — Памятник культуры: Новые

- открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1977. М. 1977; Салмина М. А. «О причинах гибели царств», сочинение начала XVII века. — ТОДРЛ. Т. 10. М.-Л. 1954.
11. См. об этом: ЧЕРЕПНИН Л. В. Русская историография до XIX века. М. 1957, с. 113.
 12. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1. М. 1955, с. 93, 94. Особенно ярко классовая борьба отразилась в псковских повестях начала XVII века. См.: ПОПКОВ В. Н. Псковские повести начала XVII века. Автореф. канд. дисс. М. 1972; его же. Соотношение объективного и субъективного в псковских повестях начала XVII века. — Традиции и новаторство в русской литературе: Сборник трудов Московского областного пед. ин-та им. Н. К. Крупской. М. 1973.
 13. ПОПОВ А. Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М. 1869, с. 183, 190.
 14. Такова последняя датировка повести. См.: Повести о начале Москвы. М.-Л. 1964, с. 81. Об иных точках зрения см.: ШАМБИНАГО С. К. Повести о начале Москвы. — ТОДРЛ. Т. 3. М.-Л. 1936, с. 76; ТИХОМИРОВ М. Н. Сказания о начале Москвы. — Исторические записки. Т. 32. М. 1950.
 15. Воинские повести Древней Руси. М. Л. 1949.
 16. ЯКОВЛЕВ А. И. Ук. соч., с. 664.
 17. ЧЕРЕПНИН Л. В. «Смута» и историография XVII века. — Исторические записки. Т. 14. М. 1945. Впервые этот источник был изучен С. Ф. Платоновым в монографии «Древнерусские сказания о Смутном времени как исторический источник» (СПб. 1888, с. 246—269).
 18. Вполне возможно, что это как-то было связано со смертью последнего главы этого приказа дьяка Г. Кунакова в 1659 году. См.: ЧИСТЯКОВА Е. В., БОГДАНОВ А. П. «Да будет потомкам явлено...» М. 1988, с. 34—37.
 19. ЛИХАЧЕВ Д. С. Иван Пересветов и его литературная современность. — Сочинения И. Пересветова. М.-Л. 1956.
 20. ЛИХАЧЕВ Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М. Л. 1947, с. 424.
 21. КОПЫЛОВ А. Н. Памятники истории и культуры Сибири конца XVI — середины XIX в. — Вопросы истории Сибири досоветского периода (Бахрушинские чтения). 1969. Новосибирск. 1973, с. 46.
 22. История Сибири. Т. 2. Л. 1968, с. 168; ГОЛЬДЕНБЕРГ Л. А. Семен Ульянович Ремезов. М. 1965; АНДРЕЕВ А. Н. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 1. XVII век. М. Л. 1960.
 23. См.: Федора Грибоедова «История о царях и великих князьях земли Русской» По списку СПб. духовной академии № 306. Сообщение С. Ф. Платонова и В. В. Майкова. СПб. 1896, с. XI. См. также: История русской литературы. Т. 2. Ч. 2. М. Л. 1948, с. 272—273.
 24. ХИЖНЯК З. И. Киево-Могиланская академия и ее роль в межславянских культурных связях. Автореф. канд. дисс. Киев. 1971, с. 15.
 25. МАСЛОВ С. И. К истории изданий киевского «Синописа». — Сб. Отделен. рус. яз. и словесности АН СССР. Т. 101. Ч. 3. Л. 1929.
 26. СУМЦОВ Н. Ф. Иннокентий Гизель. Киев. 1884, с. 43.
 27. ПЕШТИЧ С. Л. «Синописис» как историческое произведение. — ТОДРЛ. Т. 15. М.- Л. 1958; РОГОВ А. И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его хроника). М. 1966, с. 301—303.
 28. БЕЛОБРОВА О. А., БОГДАНОВ А. П. Игнатий Римский-Корсаков. — ТОДРЛ. Т. 40. Л. 1986.
 29. ЧИСТЯКОВА Е. В., БОГДАНОВ А. П. Ук. соч., с. 88—89.
 30. АЛПАТОВ М. В. Историческая концепция Юрия Крижанича. — Советское славяноведение. 1966, № 3.
 31. КРИЖАНИЧ Ю. Собр. соч. Вып. 3. М. 1892, с. 99.
 32. Не выдержала критики попытка изобразить Ю. Крижанича папским шпионом (см. ЕПИФАНОВ П. П. Происки Ватикана в России и Крижанич. — Вопросы истории, 1953, № 10).
 33. См. об этом: ДЕМИН А. С. Русская литература второй половины XVII в. М. 1977; Сильвестра Медведева «Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве». — Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1894. Кн. 2. Отд. 2, с. 2; ВОЛКОВ М. Я. «Созерцание краткое» как источник по истории общественно-политической мысли. — Общество и государство феодальной России. М. 1975; БОГДАНОВ А. П. Сильвестр Медведев. — Вопросы истории, 1988, № 2; его же. Летописец и историк конца XVII века: Очерки исторической мысли «переходного времени». М. 1994.
 34. Библиотека Академии наук. Отдел рукописей. 16.17.30. Л. 5, 9.

35. Предисловие к исторической книге, составленной по повелению царя Федора Алексеевича. — ЗАМЫСЛОВСКИЙ Е. Е. Царствование Федора Алексеевича. Ч. 1. Введение. Обзор источников. СПб. 1871. Приложение. с. СLI (далее текст цитируется по этому изданию без указания страниц).
36. См.: ИРОШНИКОВ М. П. Татищев. — Советская историческая энциклопедия. Т. 14. М. 1973, с. 146; Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1. М. 1955, с. 169—189; ПЕШТИЧ С. Л. Русская историография XVIII в. Т. 1. Л. 1961.
37. ЧИСТЯКОВА Е. В., БОГДАНОВ А. П. Ук. соч., с. 132.
38. РОБИНСОН А. Н. Историография славянского Возрождения и Паисий Хилендарский. М. 1965, с. 10—11.
39. См. об этом: ЧИСТЯКОВА Е. В. Формирование новых принципов исторического повествования. — Русская литература на рубеже двух эпох (XVII — начало XVIII в.) М. 1971.

Балканы. Стратегия Антанты в 1916 году

О. Р. Айрапетов

22 ноября 1915 г. Имперский Генеральный штаб Великобритании получил от военного представителя Британской империи при русской Ставке Дж. Генбери-Вильямса телеграмму. Она содержала предложения начальника штаба русского фронта — М. В. Алексева на будущую кампанию: «Союзники в нынешней ситуации на обоих фронтах вынуждены атаковать противника в направлениях, где он наиболее силен и наименее поддается этим атакам, на позиции, которые укрепляются им всеми доступными техническими средствами. Следовательно, союзники вряд ли могут рассчитывать на достижение больших стратегических результатов, даже если они окажутся в состоянии ценой больших потерь достичь тактического успеха»¹.

Здесь необходимо небольшое отступление. В военном и политическом руководстве практически всех ведущих участников первой мировой войны боролись сторонники двух подходов к методу достижения победы. Одни считали, что кратчайший путь к ней лежит через уничтожение сильнейшего противника на самом сильном участке, им занимаемом. Другие предполагали, что успех лежит в менее внешне эффектных действиях, а именно в нанесении удара по наименее сильным союзникам противника, по слабейшим звеньям его обороны, и в перспективе в постепенном разрушении противостоящей коалиции. В Англии, Франции и Германии эти школы получили приблизительно одинаковые названия «западников» и «восточников». Первые надеялись решить судьбу войны на Западном фронте — под Верденом, на Сомме, вторые — на Восточном фронте — на Галлиполийском полуострове, в Македонии или у границ России. К «западникам» можно отнести английского генерала В. Р. Робертсона, занимавшего в 1915—1918 гг. пост начальника Имперского Генерального штаба, его предшественника на этом посту генерала А. Дж. Мюррея, фельдмаршала Д. Хейга, сменившего в 1915 г. генерала Дж. Френча на посту командующего Британскими экспедиционными силами во Франции, командующего французской армией в 1914—1916 гг. маршала Ж. Жоффра, а также всех его преемников: Р. Нивелля, А.-Ф. Петена, Ф. Фоша.

Из наиболее видных «восточников» следует прежде всего назвать Д. Ллойд-Джорджа, Х. Китченера, У. Черчилля, Р. Пуанкаре, А. Бриана, А. Тома, генерала Ж. Галлиени и генерала М. Саррейля — командующего

Айрапетов Олег Рудольфович — кандидат исторических наук, доцент Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Салоникским фронтом. Нетрудно заметить, что среди «западников» преобладали профессиональные военные, а среди «восточников» — политики.

Довольно точно описал постепенное изменение позиции французского командования русский военный агент (атташе) во Франции А. А. Игнатъев: «Французы, воспитанные на наполеоновской стратегии, считали, что война может быть выиграна только после разгрома главного противника и на кратчайшем стратегическом направлении. — Все силы против Германии, а об австрийцах поговорим, когда вы будете в Берлине, давал мне советы в начале войны Мессими (военный министр. — А. О.). К тому же французы ощущали присутствие немцев у самых ворот Парижа и, при столь мне известной узости политических горизонтов, долгое время не были склонны уделять свои силы на Салоникский фронт. Сентябрь их протрезвил, и Жоффр стал прислушиваться к мнению Алексева, считавшего, что при борьбе с коалицией удар надо направлять против более слабого противника, чтобы отколоть его от более сильного. В конце концов и Россия и Франция были склонны к развитию операций на Салоникском фронте, не рассчитывая даже особенно на содействие Италии, хотя аппетиты ее на Балканском полуострове им были хорошо известны»². Попытки Ллойд-Джорджа настаивать на выборе юго-восточного направления в качестве главного для союзников подверглись критике со стороны английских военных, хотя сами они к началу 1915 г. были несколько обескуражены непредвиденным ходом и масштабами войны. «Союзная стратегия во Франции была кровавой ошибкой, которая чуть не привела нас к непоправимому поражению, — вспоминал Ллойд-Джордж. — Когда она провалилась, союзники не имели наготове другого разумного плана. Наши генералы были совершенно сбиты с толку решением немцев окопаться. Они не сумели придумать ничего лучшего, как пожертвовать миллионами людей в безнадежном усилии прорваться»³.

В Германии к «восточникам» принадлежали в первую очередь члены «великой тройки» — генерал-фельдмаршал П. фон Гинденбург, генералы Э. Людендорф и М. Гоффман, а к «западникам», после отставки Г. фон Мольтке, последовавшей 14 сентября 1914 года, генерал Э. фон Фалькенгайн, военный министр и начальник Генерального штаба до августа 1916 года. Судьба войны на истощение, навязанной союзниками Германии, решалась на Западном фронте, но для победы во Франции немцам необходимо было максимально освободить силы на востоке, уменьшить негативное воздействие блокады на экономику Германии, продолжать удерживать Россию в режиме фактической изоляции.

Особо важную роль в связи с этим приобретала позиция Турции и государств Балканского полуострова. В 1915 г. Центральные державы достигли значительного успеха в наступательных операциях на русском фронте. Август-сентябрь 1915 г. — время тяжелых поражений русской армии (Варшава, Новогеоргиевск, Ковно). В это время было принято решение об участии в войне Болгарии. Особенно сильное впечатление, по данным Форин оффис, на болгарские военные и политические круги произвело быстрое падение Ковно⁴. 6 сентября была подписана военная конвенция между Болгарией и Центральными державами, 5 октября Болгария атаковала Сербию, причем официально война была объявлена только 12 октября. Появление 12 болгарских дивизий в тылу у сербов не оставляло им надежды. В начале декабря 1915 г. германо-австро-болгарские войска закончили сербский поход, дойдя до греческой границы. Германское командование получило свободную от противника внутреннюю оперативную линию от Северного моря до Тигра, а германская экономика — столь необходимый ей доступ к сырью. А. Циммерманн, один из главных советников министра иностранных дел Германии Г. фон Ягова, последовательный «восточник», еще до начала сербского похода писал: «Исход войны существенно, если не полностью зависит от немедленного решения сербского вопроса. Другие военные задачи могут быть поставлены после этой»⁵. Победа Германии на Балканах окончательно решила судьбу Дарданелльской операции, 8—9 января 1916

г. союзники эвакуировали Галлиполи. 16 января было восстановлено железнодорожное сообщение между Германией и Турцией. 18 января первый экспресс Берлин — Константинополь пришел в Софию, на вокзале поезд встречал Фердинанд Болгарский с представителями германского командования, на следующий день экспресс прибыл в турецкую столицу⁶. «Занятие обширных областей на востоке, очищение от неприятеля Балканского полуострова и открытие сообщения с Турцией значительно улучшили наше военно-экономическое положение. Румыния более охотно поставляла свои продукты, так как не имела для своих запасов другого сбыта за границу. 1915 год кончился для нас плюсом», — так оценивал ситуацию Людендорф⁷.

В России также существовало два подхода к проблеме выбора направления главного удара, которые можно назвать «австрийским», то есть юго-западным и «германским», западным. Первый подход, предполагавший оборону на германском участке фронта при массивном наступлении на австрийском, был более традиционным и восходил к первым вариантам русского плана большой европейской войны. Содержащиеся в цитируемой выше телеграмме Генбери-Вилльямса предложения М. В. Алексева союзникам позволяють отнестись к сторонникам именно этого направления. К видным сторонникам «германского» направления можно отнести Вел. кн. Николая Николаевича-млад., военного министра генерала А. А. Поливанова. Они оказывали большое влияние на ход событий на русском фронте, в частности Поливанов и после отставки (март 1916 г.) сохранивший тесные отношения с Алексеевым. В июле 1916 г. в разговоре с французским послом М. Палеологом он сказал: «Мы должны весь свой удар направить на германский фронт; мы достигнем окончательной победы только тогда, когда разобьем немцев»⁸.

Алексеев предлагал оставить на западном и восточном (Турция) фронтах только те силы, которые способны были бы предотвратить любой возможный успех противника и «нанести решающий удар мощными комбинированными силами в направлении наиболее опасном для противника и по линии, где он наименее подготовлен к этому удару»⁹. Этим направлением Алексеев считал Австро-Венгрию, которую и предлагал в качестве основной цели большого наступления Антанты на 1916 год. Союзники по этому плану должны были сконцентрировать не менее 10 армейских корпусов на Балканах и начать наступление в Сербию, а выйдя к Дунаю основной удар нанести по Будапешту. Главное наступление русской армии также силой не менее 10 армейских корпусов должно было начаться на Юго-Западном фронте в направлении к Карпатам, Венгерской долине и Будапешту. Эти действия должны были помочь открыть итальянской армии дорогу на Вену. Задачу защиты тыла союзников Алексеев возлагал на сербов. Создание линии оккупации Брест-Литовск — Лемберг (Львов) — Будапешт он считал важнейшим залогом перелома в войне и достижения преобладающего влияния в нейтральных Греции и Румынии.

Эти предложения имели явно общий характер и не получили поддержки английского командования. А. Мюррей отмечал, что из предложений русской стороны неясно, идет ли речь о двух или трех-дивизионном составе корпуса. В первом случае состав планируемой англо-французской группировки равнялся бы 400 тыс. человек, что приблизительно равнялось численности болгарской армии, а во втором — 600 тыс. человек, что не давало гарантии достижения численного превосходства перед наступлением, так как в Македонию могли бы быть переброшены турецкие, а в случае необходимости австро-венгерские и германские части. Кроме того, Мюррей опасался, что подобная концентрация, конечно, не останется незамеченной и Центральные державы смогут перебросить на Балканы такие же силы в более короткий промежуток времени, чем союзники. У Германии тем временем не было возможности столь эффективно использовать австро-венгерские и балканские железные дороги. Со своей стороны, немцы считали, что фактор времени работает против них — союзники по их расчетам могли перебрасывать войска и грузы по морю быстрее, чем они по суше. Транспортировка войск из Франции в Салоники занимала неделю, из

Англии — 12 дней, в то время как на перевозку немецкого армейского корпуса с французского фронта на русский — 9 дней, а для того, чтобы перевезти значительные силы на Балканы немцам требовалось бы не менее месяца. Однако Британское Адмиралтейство не считало, что имевшийся в его распоряжении транспортный тоннаж позволял обеспечить снабжение 400-тысячной армии на Балканах. Кроме того, английское командование сомневалось в возможности успешного наступления в столь географически сложном регионе, как Балканы и преодолении такого препятствия, как Дунай. «Форсирование этой линии, — писал Мюррей, — операция далеко не легче прорыва через основные фронты противника во Франции и России, как хотел бы заставить нас поверить генерал Алексеев»¹⁰.

Координация военных усилий и даже военного планирования союзников шла туго. Немаловажную роль в этом играл и личностный фактор. А. А. Игнатъев довольно точно отметил это: «Если в мирное время военный союз без взаимного доверия представлялся для меня только излишним бременем, то во время войны личные отношения между главнокомандующими являлись важным залогом успеха. Жоффри и его окружение с полным основанием считали Николая Николаевича другом Франции и французской армии, но царский двор оставался для них загадочным. Они, конечно, понимали, что вершителем всех вопросов явится не царь, а его начальник штаба, генерал Алексеев, но с ним они не были знакомы и могли судить о нем только по донесениям своих представителей в России. Неразговорчивый, не владеющий иностранными языками, мой бывший академический профессор не был, конечно, создан для укрепления отношений с союзниками в тех масштабах, которых требовала мировая война»¹¹. Для англичан Алексеев также был непонятной фигурой. Контакт осложнялся в том числе и тем, что Генбери-Вилльямс не владел русским языком, он был назначен на пост представителя Британии при русском командовании скорее по соображениям придворного этикета. Сам он вспоминал, что это назначение в августе 1914 г. застало его врасплох и что он имел самые смутные представления о России, зная точно лишь то, что его предок — Чарльз Генбери-Вилльямс был здесь послом во времена Екатерины II¹². Находившийся с 1911 г. в России британский военный атташе подполковник А. Нокс не подходил для этой роли (прежде всего по званию, в то время как Генбери-Вилльямс был генерал-майором), хотя и хорошо знал страну, ее армию и язык. Впрочем, и Нокс, который впервые встретился с Алексеевым в августе 1914 г. в Ровно, судя по дневнику знал о нем немного — самые общие данные биографии. Позже Нокс опишет Алексеева, как человека, стремящегося вникать в ненужные командиру такого ранга мелочи и неспособного, как Куропаткин, быстро принимать решения¹³.

Обращает на себя внимание и тот факт, что Алексеев был, судя по всему, абсолютно незнаком с перипетиями борьбы «западников» и «восточников» во Франции и Англии. А ведь еще в январе 1915 г. в Комитет имперской защиты Великобритании Ллойд-Джорджем был подан меморандум «Положение на фронте и задачи правительства» с почти идентичными предложениями об организации наступления союзников на Австро-Венгрию через Балканы. Он был встречен с пониманием Черчиллем и Китченером, и даже Дж. Френч стал склоняться, ввиду малой вероятности прорыва на Западном фронте, «к новым сферам действия — например в Австрии». В том же январе 1915 г. аналогичное предложение было сделано генералом Галлиени французскому премьер-министру Р. Вивиани и А. Бриану. Такие же взгляды изложил генерал Л. Франше д'Эспере при встрече с Р. Пуанкаре, посетившим фронт¹⁴. Конечно, часть этих предложений носила секретный характер, кроме того за год существенно изменилась ситуация на Балканах и русском фронте, но все же отсутствие в плане Алексеева даже намек на далеко не секретные разногласия по вопросу о направлении главного удара, существовавшие среди союзников России, еще раз подтверждают справедливость слов Игнатьева.

Так или иначе союзники не поддержали предложения Алексеева, это определило главные направления ударов Антанты именно по германским

участкам фронта, вылившиеся в бесперспективные попытки наступления между озерами Нароч и Вишнево и на Сомме. Интересно, что примерно в то же время, когда Мюррей подчеркивал невозможность для союзников большого наступления на Балканах, он получил секретное письмо от В. Робертсона от 31 декабря 1915 г., в котором говорилось о необходимости налаживания тесной координации с французами, но что показательно, русские в нем вообще не упоминались. Робертсон писал: «Наш Генеральный Штаб единодушно придерживается мнения, что этот план (победы над Германией. — А. О.) должен быть основан на поиске решения на Западе путем уничтожения немцев (подчеркнуто Робертсоном. — А. О.) и что бесполезно и бесполезно начинать кампанию на Балканах»¹⁵. Это было очередным повторением позиции Имперского Генерального штаба, изложенной в секретном обзоре ситуации на фронтах от 30 ноября 1915 г.: «Французская и английская стороны убеждены, что поражение во Франции будет иметь непоправимый характер. Поражение в Египте, на Балканах или даже в России имеет значение поскольку, поскольку оно ослабляет франко-английские силы или освобождает немецкие части для действий на Западе»¹⁶.

Предложения Алексева, таким образом, были обречены на вежливый, но решительный отказ. Союзное командование было уверено в победе. «Наша победа обеспечена, — писал Робертсон, — если только мы разумно и правильно используем наше превосходство (люди, деньги, боеприпасы, корабли) и мы не можем бесполезно растратить его, пока у нас нет тщательно обдуманного, законченного и утвержденного плана, на основе которого обе страны (Англия и Франция. — А. О.) могут проводить свои действия»¹⁷. Недооценка Балкан как самого слабого звена в обороне Центральных держав привела союзников к неразумному использованию своих ресурсов. Над союзным командованием тяготел кошмарный образ сорвавшейся Дарданелльской операции. Между тем Проливы были необходимы Антанте как плацдарм, блокировавший осажденную Центральную Европу, но более всего в этом нуждалась Россия, сама фактически находившаяся в блокаде. России необходимы были открытые Проливы для вывоза зерна на европейский рынок и ввоза боеприпасов и машин. Сельскохозяйственный экспорт, кроме того, давал возможность несколько стабилизировать финансовое положение страны. П. Кеннеди прав, когда говорит о том, что в 1915 г. было бы трудно поставлять русское зерно куда бы то ни было, а на Западе не было «свободных» боеприпасов¹⁸, но это не могло продолжаться долго. В 1916 и особенно в 1917 гг. ситуация изменилась, но Проливы по-прежнему оставались закрытыми. Время подтвердило правоту слов М. Гоффмана, утверждавшего, что успех немецких действий против России зависит от закрытия Проливов. Если учесть, что две единственные в Турции фабрики по производству боеприпасов находились под Константинополем, что страна полностью зависела от немецкой помощи и от поставок продовольствия с Балкан¹⁹ (Людендорф отмечал, что в 1917 г. Германия, Австро-Венгрия и Константинополь продержались исключительно благодаря поставкам из Румынии²⁰), то можно с полным основанием говорить о том, что судьба двух коалиций во многом решалась здесь, а ключом к Проливам становилось слабейшее из звеньев Четверного союза — Болгария.

Еще 14 апреля 1914 г. А. Нокс в конфиденциальном отчете послу Дж. Бьюкенену изложил свои взгляды на значение стран Балканского полуострова в будущей войне. Бьюкенен счел необходимым ознакомиться с этим документом главу Форин оффис Э. Грея. Нокс считал, что если война начнется в ближайшие год-два, Болгария будет оккупирована Сербией, а особо важное значение для союзников приобретет позиция Румынии²¹. Поскольку Сербия была разгромлена, роль Румынии как потенциального плацдарма для возможного удара по Болгарии существенно возросла. Уже в октябре 1915 г., отвечая на настоятельные просьбы русского посланника в Софии А. В. Неклюдова о высадке русского экспедиционного корпуса в Варне или Бургасе, переданные ему С. Д. Сазоновым, Алексеев отмечал, что подобная операция могла быть возможной только при ус-

ловии использования Констанцы как операционной базы²². Алексеев был против разрыва дипломатических отношений с Болгарией, так как считал, что реально Россия не может нанести серьезный удар по этой стране, кроме того он опасался возможного использования ее черноморского побережья германскими подводными лодками. Он высказался за оказание помощи Сербии, но полагал, что Россия не обладает достаточными силами для организации высадки десанта в Бургасе или Варне, как предлагали уже союзники. Он был против посылки небольшого отряда, а для подготовки корпуса, который был по мнению Алексеева минимальной силой, не было средств и времени. Кроме того, Алексеев считал необходимым по возможности не допустить военного столкновение России и Болгарии, считая, что последняя может быть использована в будущей русской политике на Балканах²³. Представляется, что все эти соображения и были причиной отказа Алексеева пойти на десантную операцию (хотя были и не менее веские технические доводы против нее), а ссылка на невозможность использования Констанцы скорее поводом, возлагавшим ответственность на последствия отказа на МИД.

Между тем внутреннее положение Болгарии обострилось. Сразу после встречи царя Фердинанда с лидерами оппозиции 17 сентября 1915 г. последовали репрессии. А. Малинов, сторонник русской ориентации, бывший в 1908—1911 гг. премьер-министром, был заключен под домашний арест, а лидер аграриев А. Стамболийский отправлен в тюрьму и приговорен к смертной казни, позже замененной пожизненным заключением. Своеобразным подарком для правительства В. Радославова была бомбардировка русским флотом Варны, произведенная по свидетельству Сазонова по требованию союзников. Но чем бы ни была вызвана эта мера, она, конечно, была настолько же бесполезна в военном отношении, насколько опасна в морально-политическом. Обстрел Варны тем более удивителен, что уже в самом начале войны, в декабре 1914 г., подобная же акция — обстрел трех прибрежных городов Южной Англии — Скарборо, Уитби, Хартлпула германскими линейными крейсерами привела к моральному поражению Германии. В Болгарии подозреваемые или реальные сторонники России (прежде всего в армии и во флоте) стали жертвами преследований по обвинению в предательстве и пособничестве русскому обстрелу болгарского города. К счастью, это была разовая акция, и вскоре Черноморский флот перешел к практике набегов эсминцев на линии Констанца — Константинополь и Варна — Константинополь²⁴.

Сторонников России все же было немало — 3 апреля 1916 г. Алексеев в разговоре с исполняющим обязанности директора дипломатической канцелярии при штабе Верховного Главнокомандующего Н. А. Базили сообщил о предложенном ему «со стороны вполне серьезного лица — генерала, деловитость которого уже не раз была доказана (возможно, ген. Радко Дмитриев)» плана государственного переворота в Болгарии²⁵. Предлагалось организовать низложение или даже устранение Фердинанда. Условиями болгарской стороны были: 1) присоединение Македонии до Вардара; 2) присоединение Фракии по линии Энос — Мидия; 3) отторжение у Греции Салоник с прилегающей областью и образование из этих земель нейтральной области.

Болгарское правительство для достижения своих целей использовало террористически-диверсионные отряды македонских комитаджей. Еще в 1914 г. на границе с Сербией было собрано около 8 тыс. вооруженных сторонников присоединения Македонии к Болгарии. В организации этих отрядов принимали участие офицеры регулярной болгарской армии. Четники совершали набеги на македонский участок железной дороги, соединявший Сербию с Салониками²⁶.

По информации английского посла в Бухаресте Дж. Баркли, Болгария к началу 1916 г. была уже фактически полностью подчинена германскому военному контролю. Администрация, полиция, таможня, железные дороги, банки, почта, телеграфные и телефонные линии контролировались немцами, без позволения которых ничего не делалось. Это положение

вызывало массовое недовольство. «Возможность возвращения Салоник является последним стимулом, который Германия может предложить Болгарии для продолжения участия в войне: если в этом будет отказано, начавшееся в этой стране движение в пользу мира быстро разовьется и в течение нескольких следующих месяцев может оказать сильное воздействие на болгарское общественное мнение»²⁷. Есть учесть, что цитируемая телеграмма была отправлена Баркли 31 декабря 1915 г., а разговор Базили с Алексеевым состоялся 3 апреля 1916 г., то выводы последнего, как и английского дипломата, следует признать обоснованными.

В последних боях на сербском фронте в ноябре — декабре 1915 г. болгарская армия понесла большие потери. В телеграмме от 20 января 1916 г. Баркли сообщал, что госпитали Рущука переполнены и для нужд раненых власти вынуждены были реквизировать несколько частных зданий. Значительные реквизиции продовольствия, одежды и даже одеял и ковров вызывали рост цен. Прибытие в Восточную Болгарию двух турецких полков, размещенных недалеко от Варны, не прибавляло популярности правительству, которое вынуждено было усиливать цензуру и полицейский гнет. К февралю 1916 г. в Германию и Австро-Венгрию было отправлено 200 тыс. тонн кукурузы, большое количество яиц, 1,5 млн. овечьих шкур, 1 тыс. тонн меди, 800 т. шерсти, в Турцию — 2 тыс. т. кукурузы. Американский информатор английского посла в Румынии сообщал о недовольстве, которое вызывало у офицеров болгарской армии высокомерное поведение их германских союзников. Баркли отмечает: «Болгары не хотят принимать участие в дальнейших военных операциях, пока не получают заверения в том, что по крайней мере Монастир останется болгарским и болгарские агенты активно распространяют национальную пропаганду среди местного населения». Отношения между немецкими и болгарскими частями были далеки от дружеских, между солдатами часто происходили драки, дошедшие у местечка Карки около Монастира до штыков, причем в результате и с той, и с другой стороны были раненые²⁸. Большая часть болгарской армии к осени 1916 г. находилась на Салоникском фронте. Немцы усилили болгарские части одной дивизией, артиллерией, пулеметными частями, авиацией и командованием. Во второй половине августа болгары предприняли наступление на струмском и флоринском направлениях. На Струме 27 августа IV греческий корпус капитулировал, не оказав сопротивления, но болгарское наступление на Флорину было отражено сербами. Гинденбург считал особо крупной ошибкой недооценку 6 новых сербских пехотных дивизий. «Болгарское наступление не удалось и вместе с ним было сломлено болгарское мужество, — вспоминал Людендорф. — Болгарский царь и Радославов, которые в начале сентября были в Плессе (Ставка германского верховного командования. — А. О.), плакались и просили германских войск». На Дунае границу с Румынией охраняло, по словам Людендорфа, «старое и довольно слабое болгарское пополнение», которое имело на вооружении однозарядную винтовку Бердана, и болгарская пехотная дивизия, всего около 24 тыс. человек, а также германский отряд под командованием полковника Боде. Учитывая низкую пропускную способность болгарских железных дорог (2—4 поезда ежедневно в период подготовки к наступлению группы Макензена в августе-сентябре 1916 года), слабость заслона на Дунае, неудачи на Салоникском фронте и сложность внутривосточной ситуации, Болгария представляла собой идеальную цель для комбинированного наступления Антанты при вступлении в войну Румынии. «Нико не было ожидать, — писал Людендорф, — что она (Антанта. — А. О.) усилит свои атаки на западном фронте, в Италии, Македонии и южнее Припяти, в то время как румыны, подкрепленные русскими, будут продвигаться в Семиградье к открытому правому флангу нашего восточного фронта, или же из Добруджи в Болгарию. На одном из этих направлений нам готовился смертельный удар». «Судя по общему военному положению, — вспоминал Гинденбург, — можно было бы сказать, что достаточно Румынии выступить, чтобы решить мировую войну в пользу тех, кто годами бился против нас. Нигде это не осознавалось яснее, чем в Болгарии, где этого больше всего опасались.

Правительство Болгарии не скоро решилось принять участие в войне». Гинденбург откровенно говорит о том, что наиболее опасным он считал возможное румыно-русское наступление в южном направлении: «Румынии не трудно было наступлением на юг соединиться с армией Антанты в Македонии. Но каково было бы наше положение, если бы противнику удалось снова разорвать нашу связь с Турцией, подобно тому, как это случилось перед проведением операции против Сербии, или же отрезать от нас хотя бы Болгарию?»²⁹.

Весной 1914 г. Нокс прогнозировал, что в случае войны Румыния сможет выставить 400-тысячную полевую армию. Мобилизация во время второй Балканской войны (1913 г.) прошла хорошо: приказ о ее начале последовал 3 июня, а боевые действия румыны начали уже 10 июня, то есть всего через 7 дней. Правда, боеспособность этой армии практически не была опробирована в деле. Более поздние оценки высшего немецкого командования (Людендорф) и представителей среднего офицерского звена (Э. Роммель) свидетельствуют о храбрости румынского солдата. Как отмечал Роммель, на равнинах, когда румыны получили поддержку русских дивизий, их боеспособность выросла и движение к Фокшанам стоило 9 германской армии больших жертв. Генерал В. И. Гурко, фактически заменивший заболевшего Алексева на его посту 23 ноября 1916 г., также отмечал, что румынский солдат был храбрым, но плохо обученным бойцом. Среди недостатков румынской армии Гурко особенно выделил плохое качество штабов и неподготовленность артиллерии к требованиям новой войны. Людендорф оценивал потенциал румынской армии в 750 тыс., реально же Румыния могла выставить 860 тыс. обученных солдат, из которых только 700 тыс. составили полевую армию — 23 пехотных и 2 кавалерийских дивизии. Качество командного состава, особенно генералитета, в массе своей получившего образование в Германии, было невысоким. Нокс отмечал: «Вероятно, симпатии высшего состава армии принадлежат Германии. Сейчас (весной 1914 г. — *А. О.*) в Санкт-Петербурге 50 болгарских и значительное количество сербских и черногорских офицеров получают высшее образование в различных военных академиях. Ни один румынский офицер не прибыл в Россию, и считается, что их посылают исключительно в Германию». Примерно половина артиллерийского парка страны — 1300 орудий — была представлена устаревшими системами, но 760 орудий были вполне современными, немецкого, английского и французского производства. Алексеев в феврале 1916 г. был против вступления Румынии в войну, невысоко оценивая потенциал ее армии. 6 февраля в телеграмме, направленной в Форин оффис, Бьюкенен сообщал: «Я узнал от г-на Сазонова, что генерал Алексеев не жаждет выступления румынской армии в настоящий момент, так как он сомневается в ее ценности как боевой силы и не может пока позволить удлинения своего фронта без его ослабления на других участках». Если учесть, что в феврале-апреле 1916 г. Алексееву через Генбери-Вилльямса неоднократно передавалась информация об опасности, которая грозит Петрограду ввиду возможного германского наступления, причем это было мнение не только Робертсона, но и Жоффра, а вместе с этим советовалось не придавать такого значения южному направлению, то эта позиция Алексева становится понятной — он не мог рассчитывать на поддержку союзников на Балканах. Вот несколько отрывков из письма Робертсона Генбери-Вилльямсу от 16 февраля 1916 года: «Дело в том, что мы не в состоянии помочь русским из Салоник. Между Салониками и Румынией находится около 30 вражеских дивизий; около 300 миль по горной местности с единственной и плохой железной дорогой, нет шоссе, положение нашего морского транспорта пугающе тяжелое. С любой точки зрения предпринимать что-нибудь значительное на Балканах будет вершиной глупости. Вы обязательно должны сделать все что можно, чтобы довести об этом до сведения Алексева». И далее: «Я надеюсь, что Вы сделаете все от Вас зависящее, чтобы показать этим русским, что операции на Балканах невозможны»³⁰.

Симпатии короля Фердинанда Румынского, немецкого принца,

правившего страной с 1914 г., естественно были прогерманскими: два его брата были офицерами немецкой армии, Вильгельм II его двоюродным братом, а с императором Францем-Иосифом его связывала и личная дружба. Конечно, не стоит преувеличивать значение этих симпатий, но они все же были и имели определенное значение, и внимание, которое уделяли подобного рода связям дипломаты и разведчики, в данном случае — английские — никак нельзя назвать необоснованным. В бытность наследным принцем Фердинанд не расходился со своим дядей-предшественником, Каролом I, который устойчиво занимал в Коронном совете Румынии прогерманские позиции. Другое дело, что оказываясь в меньшинстве (Кароля поддерживал только лидер германофилов бывший премьер-министр Карп), он не шел как Константин Греческий на конфронтацию с ведущими политиками своей страны. Красноречива и образна фраза из обращения Фердинанда к Коронному совету 27 августа 1916 г. при объявлении войны Австро-Венгрии: «Теперь, когда я победил в себе Гогенцоллерна, я не боюсь ничего»³¹.

Румынская торговля, по данным англичан, в основном контролировалась иностранцами и румынскими евреями, которые также симпатизировали Центральным Державам. Во время войны экономические связи этих кругов с Германией и Австро-Венгрией значительно укрепились. Кроме поставок хлеба, большое значение имел экспорт нефти в эти страны, в 1915 г. составивший 400 тыс. тонн. Румынская аристократия в целом была настроена в пользу Антанты, питая особенно теплые чувства к Франции. Однако и эти симпатии не стоит преувеличивать. К Румынии полностью подходило определение, данное германским военным атташе в Софии: «Общий балканский идеал состоит в том, чтобы получать, но ничего взамен полученного не давать». 98% процентов населения страны составляли православные, большая часть из которых — крестьяне, по мнению Нокса, были настроены прорусски³². Весной 1916 г. наметился отход правительства Братиану от политики нейтралитета.

Первыми отреагировали на это изменением своей позиции на Балканах французы. В письме от 8 мая 1916 г. Робертсон сообщает ген.-л. Милне, командовавшему английскими силами на Салоникском фронте, о предложении Жоффра провести комбинированное наступление на этом направлении, «против чего мы и наше правительство всегда возражали». Все внимание Робертсона было приковано к Западному фронту. Ллойд-Джордж вспоминал: «Французы всегда раздражали его и разжигали все его упрямство. Вот почему они называли его генерал «Non-non» («Нет-нет»); таков был его первый импульс по отношению ко всем их требованиям и предложениям. Бриан однажды сказал мне: «Робертсон говорит «нет», еще не расслышав в чем заключается предложение». Слова у Робертсона не расходились с действиями. Поскольку единого союзного командования на этом фронте не было, перед Милне ставилась задача не допустить распыления британских войск и удержать их под исключительным британским командованием. Сам Милне в успех операции не верил, смысл его ответа (12 мая) Робертсону сводился к следующей фразе: «Я полагаю, что необходимо точное определение нашей будущей политики, иначе мы можем быть втянуты в непредвиденные операции, основанные на термине «ограниченное наступление». Идеи Жоффра нашли понимание у Алексева. Весеннее наступление русской армии на германском участке фронта между озерами Нароч и Вишнево 18 марта — 14 апреля закончилось неудачей, как впрочем и наступление под Ригой и Двинском. 15 апреля 1916 г. Генбери-Вильямс в письме Робертсону, отправленном из Петрограда, упомянул о том, что к середине лета 1916 г. Алексеев ожидал падения боеспособности немецкого личного состава. Начавшееся в июле 1916 г. наступление союзников на Сомме, итальянское контрнаступление под Трентино (9—28 июня), неоднократные наступления на Изонцо (август-ноябрь), наконец, брусиловский прорыв, начавшийся 4 июня, казалось бы, подтверждали правоту этой оценки. Людендорф вспоминал о сложившейся в июле-августе ситуации: «На весь фронт (имеется ввиду германский участок Восточного

фронта. — *А. О.*), чуть ли не в 1000 километров длины, мы имели в резерве одну кавалерийскую бригаду, усиленную артиллерией и пулеметами». Все резервы притягивал к себе гибнущий австро-венгерский фронт. В конце июня 1916 г. Алексеев предложил Жоффру провести немедленное наступление на позиции болгар. «Заключительные доводы обращения генерала Алексеева, по-моему, очень убедительны, — отмечает Палеолог. — Вряд ли будут более благоприятные условия для успеха наступления из Салоник. Русские войска пробили широкую брешь в австро-германской линии, а в Галиции мы вновь перешли к наступательной войне. Германия и Австрия стягивают сюда все свои свежие силы и, таким образом, ослабляют свой фронт на Балканах. Удар по Болгарии обезопасил бы тыл Румынии и был бы угрозой Будапешту. Для Румынии выступление является необходимым и выгодным и в то же время неизбежным». Предложения Алексеева, как и следовало ожидать, нашли полную поддержку у французов, но были встречены английской стороной отрицательно. «Бриан настаивает в Лондоне на необходимости согласиться с мнением Алексеева», — отмечает в своем дневнике Палеолог³³.

Нетрудно заметить, что Алексеев в своих предложениях в несколько измененном виде возвращался к своему плану ноября 1915 г., предполагавшему выделение Австро-Венгрии как главной цели комбинированного союзного наступления. Судя по всему, весной 1916 г. он потерял интерес к Балканам как к возможному району большого наступления. Так, во время переговоров об условиях вступления Румынии в войну в апреле 1916 г., румынская сторона выдвинула в качестве условия, поддержанного французами, ввод русских войск в Рушук. Бьюкенен сообщал о реакции Алексеева на эти требования: «... Генерал Алексеев в настоящее время не придает никакого значения кооперации с Румынией. Генерал зашел так далеко, что сказал, что предпочел бы рассчитывать на ее нейтралитет, чем на ее военную помощь. Он верит, что может надеяться на первое». По свидетельству Гурко, Алексеев предлагал румынскому правительству не разбрасывать свои силы по нескольким направлениям, сократить линию будущего румынского фронта с целью высвободить часть румынской армии для решающего наступления. Русский военный атташе в Бухаресте полк. Татаринов на требование румын о посылке 4 русских корпусов в Добруджу отвечал, что румынская армия «...так же хороша или даже лучше, чем любая полевая часть русских войск в настоящее время. Однако снарядный запас составляет всего 1200 снарядов на орудие, а месячное производство снарядов в стране составляет всего 5000 штук». Был ли искренен Татаринов в своей оценке состояния румынской армии или нет, неизвестно. Несомненно лишь то, что свою позицию он предварительно согласовал с позицией Алексеева, на которого, по свидетельству Баркли, Татаринов постоянно ссылался. Важно другое, он не проявил интереса к предложению французского военного атташе капитана Пишона организовать наступление русскими войсками из Румынии на Софию. И это абсолютно логично, так как Алексеев в это время пытался отстаивать идею заключения сепаратного мира с Болгарией, столь необходимого, по его мнению, «для будущих судеб балканского славянства». По свидетельству Гурко, Алексеев одновременно стал возвращаться к идее нанесения удара по Австро-Венгрии, указывая на Трансильванию как на цель румынского наступления. В июне 1916 г. Татаринов получил очередные инструкции от Алексеева, который ознакомил с ними через Жоффра и англичан. Смысл их сводился к требованию немедленного выступления Румынии: «Настоящая ситуация требует, чтобы вмешательство (Румынии. — *А. О.*) произошло сейчас или никогда. Я считаю, что последние сомнения г-на Братиану должны исчезнуть, так как он может сейчас убедиться, что общее наступление на всех фронтах начато победоносно, и так как Россия дала обещание доставить все необходимые военные грузы. Представьте эти соображения генералу Иллиеску». Союзники поддержали русский демарш. На требования присылки 100 тыс. русской армии Алексеев отвечал отказом. По его мнению, наиболее боеспособные немецкие части покидали в этот момент Балканы, и поэтому румынам

нечего было опасаться, а русские резервы найдут лучшее применение на русском фронте. Не оставляя надежды на возможность осуществления своего плана, в июле Алексеев просил командующего итальянской армии ген. Л. Кадорна найти какие-нибудь части для усиления Салоникского фронта. Итальянский посол информировал об этом Э. Грэй, а Кадорна согласился послать в Салоники бригаду. Позже итальянцы заявили о готовности выделить для этого фронта дивизию, но для перевозки ее требовалась помощь англичан, в которой было отказано под предлогом отсутствия свободного тоннажа³⁴.

27 июля 1916 г. в Форин оффис пришла телеграмма от Баркли: «Я узнал, что полковник Рудеану (румынский атташе во Франции, — *А. О.*) подписал в Париже военную конвенцию, предполагающую совместное наступление на Болгарию румынской армии и союзников из Салоник. Я думаю, что это, должно быть, ошибка, так как Румыния неоднократно отказывалась предпринимать наступательные операции против Болгарии и премьер-министр до настоящего времени не намеревался объявлять ей войну». О конвенции упоминает и Палеолог. Румыны для наступления на Софию должны были выделить 150 тыс. армию. Ее должны были поддерживать 2 русские пехотные и 1 кавалерийская дивизии — всего около 50 тыс. человек. Алексеев даже считал, что могут возникнуть обстоятельства, при которых союзные войска и русские части, которые должны будут действовать в Добрудже и Болгарии, могут получить единого главнокомандующего. Баркли выступил против этого проекта, что по сути дела было поддержкой позиции Братиану, стремившегося удержаться между двумя стульями: получить Трансильванию, не подвергаясь опасности войны с Болгарией.

Парижская конвенция, судя по всему, и была причиной изменения позиции Алексеева, отмеченной в дневнике Палеолога от 30 июля 1916 г.: «Английское правительство просит русское правительство не настаивать на наступлении Румынии на Болгарию... В течение дня Нератов сообщает мне, что генерал Алексеев не допустил бы посылки 50 000 русских в Добруджу, если задачей им не было бы поставлено немедленное наступление на Болгарию»³⁵. Об этом же упоминает и Бьюкенен: «В то же время он (*Алексеев, — А. О.*) поставил обещанное отправление русского отряда в Добруджу в зависимости от немедленного наступления Румынии на Болгарию. Румыния отказалась сделать это, хотя, по мнению наилучших военных авторитетов, такая операция была бы для нее совершенно правильной». Бьюкенен в своих воспоминаниях говорит о том, что румынский посланник был настроен категорически против этого плана, ограничивая интересы Румынии исключительно Трансильванией, «...между тем я (то есть Бьюкенен. — *А. О.*) старался убедить его, хотя и напрасно, что самый верный путь к завоеванию Трансильвании для Румынии состоит в том, чтобы вывести из боя болгарскую армию». В лучшем случае это было только личное мнение Бьюкенена, тем более что Палеолог говорит о том, что он поддержал своего коллегу в Бухаресте³⁶. Позиция британского правительства по-прежнему состояла в отрицании возможности расширения боевых действий на Балканах. Посол Англии в Париже лорд Берти получил следующие инструкции из Лондона: «Ввиду незавершенности переговоров с Румынией Вы должны информировать министра иностранных дел (Франции. — *А. О.*), что Правительство Его Величества считает, что до тех пор пока Румыния не находится в состоянии войны с Болгарией, основание проекта парижской военной конвенции исчезает, и военная акция не будет и не может быть ничем другим кроме проверки состояния болгарских сил и притягивания их к греческой границе»³⁷.

Переговоры затягивались. В середине июля Алексеев указывал на 7 августа как на крайний срок выступления румынской армии. 2 августа румынская сторона перенесла эту дату на неделю, то есть на 14-е, но выдвинула следующие условия: Румыния выступает 10 днями позже союзного наступления из Салоник, 2 днями позже начала активных действий русского флота на Черном море, ежедневные поставки боеприпасов в страну должны равняться 300 тоннам.

Алексеев настаивал на одновременном объявлении Румынией войны не только Австро-Венгрии, но и Болгарии и Турции и на более четких обязательствах относительно даты румынского выступления. Он соглашался на то, чтобы 7 августа стало бы днем начала союзного наступления, а 12-го начал операции русский флот. Он соглашался гарантировать транспортировку через русскую территорию 9 тыс. тонн боеприпасов в месяц, если эти обязательства будут приняты Бухарестом³⁸. В переговоры с французской и русской стороны все активнее втягивались военные — Жоффр и Алексеев. 8 августа Генбери-Вильямс сообщает, что парижский проект окончательно отброшен в сторону ввиду нежелания Румынии объявлять войну Болгарии. 9 августа французский атташе в Лондоне информировал англичан о готовности Жоффра пойти на уступки румынам по 2 принципиальным вопросам — 1) дате выступления: 10 дней после начала наступления на Салоникском фронте; 2) сохранения мира с Болгарией и Турцией³⁹. Внимание Алексеева больше привлекал карпатский участок русско-австрийского фронта. Братиану одержал дипломатическую победу, прямым последствием которой был военный разгром Румынии. Его расчеты на болгарский нейтралитет продержались несколько дней: 27 августа Румыния объявила войну Австро-Венгрии, а 1 сентября ей объявила войну Болгария.

Главный стратегический просчет союзников заключался в отсутствии коалиционной стратегии и политики на Балканах, результатом чего была почти полная потеря контроля над полуостровом к концу 1916 года. В какой-то степени это можно назвать результатом победы «западников» в штабах западных союзников России и непоследовательной позиции, занятой русским командованием в лице Алексеева по отношению к Болгарии как объекту возможного русского наступления.

Примечания

1. Liddell Hart Centre for Military Research, Robertson, I/9/52.
2. ИГНАТЬЕВ А. А. 50 лет в строю. Т. II. М. 1952, с. 245.
3. ЛЛОЙД-ДЖОРДЖ Д. Военные мемуары. Т. I—II. М. 1934, с. 255.
4. Там же, с. 334.
5. ASPREY R. V. The German High Command at War. Hindenburg and Ludendorff and the First World War. Lnd. 1991, p. 131.
6. Public Records Office. Foreign Office (далее PRO FO). Balkan Files 2-263. 1916 [2603], p. 141.
7. ЛЮДЕНДОРФ Э. Мои воспоминания о войне 1914—1918. Т. I. М. 1923, с. 143.
8. ПАЛЕОЛОГ М. Царская Россия накануне революции. М. 1991, с. 152.
9. Liddell Hart Centre for Military Research, Robertson, I/9/52.
10. LIDDELL HART V. H. History of the First World War. Lnd. 1992, p. 136; Liddell Hart Centre for Military Research, Robertson, I/9/52.
11. ИГНАТЬЕВ А. А. Ук. соч. Т. II, с. 217.
12. HANBURY-WILLIAMS J. The Emperor Nicholas II. As J knew him. Lnd. 1922, p. 1.
13. KNOX A. With the Russian Army 1914—1917. Vol.I. Lnd.1921, p. 49, 332.
14. ЛЛОЙД-ДЖОРДЖ Д. Ук. соч., с. 264, 268, 269.
15. Liddell Hart Centre for Military Research, Robertson, I/9/21a.
16. Ibid., I/9/37g.
17. Ibid., I/9/21e.
18. KENNEDY P. The Rise and Fall of the Great Powers. Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. Lnd. 1989, p. 331.
19. LIDDELL HART V. H. Op. cit., p. 139, 160.
20. ЛЮДЕНДОРФ Э. Ук. соч. Т. I, с. 283.
21. PRO FO 371 Russia. Files 19035—19228, 1914, p. 337.
22. САЗОНОВ С. Д. Воспоминания. М. 1991, с. 287.
23. НОТОВИЧ Ф. И. Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны. Т. I. Потеря союзниками Балканского полуострова. М. 1947, с. 288, 666, 698, 705.
24. Там же, с. 288; GILBERT M. First World War. Lnd. 1994, p. 110; ЗОЛОТАРЕВ В. А., КОЗЛОВ И. А. Российский военный флот на Черном море и в Восточном Средиземноморье, М. 1988, с. 134.

25. Константинополь и Проливы. Т. I. М., 1925, с. 215.
26. НОТОВИЧ Ф. И. Ук. соч., с. 77, 544.
27. PRO FO Balkan Files 2-263, 1916(2603), p. 126.
28. Ibid., p. 130, 135, 163.
29. Воспоминания Гинденбурга. М. 1922, с. 20, 21; ЛЮДЕНДОРФ Э. Ук. соч. Т. I, с. 194, 200, 203; HAYTHORNTHWAITE P. J. The World War One Source Book. Lnd. 1966, p. 156.
30. PRO FO 371 Russia Files 19035—19228, 1914, p. 337; ЛЮДЕНДОРФ Э. Ук. соч., Т. I, с. 195, 227—229; E. Rommel Infantry Attacks. Lnd. 1990, p. 95; B. Gourko Memories and Impressions of War and Revolution in Russia 1914—1917. Lnd. 1918, p. 192; HAYTHORNTHWAITE P. J. Op. cit., p. 280, 281; PRO FO 372—877. Roumania and Russia Files 795—23170, 1916, № 218; Liddell Hart Centre for Military Research, Robertson, I/35/56a; I/35/57c; I/35/57b; I/35/57d.
31. НОТОВИЧ Ф. И. Ук. соч., с. 68, 506; GILBERT M. Op. cit., p. 282.
32. PRO FO 371 Russia Files 19035—19228, 1914, p. 337; HAYTHORNTHWAITE P. J. Op. cit., p. 278; НОТОВИЧ Ф. И. Ук. соч., с. 238.
33. ЛЛОЙД-ДЖОРДЖ Д. Ук. соч., с. 516; Liddell Hart Centre for Military Research, Robertson, I/14/16; I/14/18; I/35/59b; ЛЮДЕНДОРФ Э. Ук. соч., с. 190; ПАЛЕОЛОГ М. Ук. соч., с. 149.
34. PRO FO 372—877. Roumania and Russia Files 795—23170. 1916, № 143, 573, 1063; GOURKO V. Memories, p. 159; см. также ПАЛЕОЛОГ М. Ук. соч., с. 149—150, 156; БЬЮКЕНЕН Дж. Мемуары дипломата. М. 1991, с. 164; PRO FO 371. Balkans (War) 2607 (1916). № 150.
35. PRO FO 371 Balkans (War) 2607 (1916). № 608; 21341; ПАЛЕОЛОГ М. Ук. соч., с. 166, 167, 169.
36. БЬЮКЕНЕН Дж. Ук. соч., с. 165; ПАЛЕОЛОГ М. Ук. соч., с. 167.
37. PRO FO 371. Balkans (War) 2607 (1916). № 1667.
38. ПАЛЕОЛОГ М. Ук. соч., с. 159; PRO FO 371. Balkans (War) 2607 (1916). № 631.
39. PRO FO 371 Balkans (War) 2607 (1916). № 21341.

Павел Петрович Скоропадский

Г. В. Папакин

Пасхальную неделю 1918 г. вся Украина, особенно Киев, встречали в состоянии неопределенности. Еще не закончилась борьба националистов с большевиками. Сюда вступили 27 января 1918 г. немецкие и австро-венгерские войска по приглашению Центральной Рады (создана 4(17) марта 1917 г.; 11(24) января 1918 г. провозгласила независимость Украинской народной республики — УНР; 1 марта осела в Киеве вместе с оккупантами). Эти войска стремились играть самостоятельную политическую роль. Нарастало всеобщее недовольство эсеровским правительством УНР. Террористические акты, похищения людей, грабежи становились повседневным явлением. Немалый общественный резонанс вызвало, в частности, своей загадочностью исчезновение киевского банкира Абрама Доброго. Центральную Раду осаждали представители зажиточного крестьянства, требовавшие отмены уравнительного земельного закона, а приобретшие согласно этому закону значительную часть земли бедняки теряли драгоценное весеннее время, колеблясь и не зная, кому же она в конце концов отойдет. Неделя закончилась событиями, воспринятыми тогда неоднозначно: одними — как светлое воскресение надежд на возвращение достойной жизни, другими — как новое унижение и страдания народных масс.

29 апреля здание конного цирка в Киеве, самого вместительного помещения в городе, было переполнено разношерстной публикой: от одетых во фраки или смокинги помещиков и офицеров в старой русской военной форме до крестьян в серых чумарках. Высокий, красивый, обритый наголо человек в черкеске с Георгиевским крестом на груди благодарил собрание за великую честь: только что съезд Союза земельных собственников, представителей всех губерний тогдашней Украины, провозгласил его гетманом. Был возрожден старинный титул правителя Украины, запрещенный императрицей Екатериной II в 1764 году. В тот же день киевляне, читая распространяемую на улицах «Грамоту всему украинскому народу», узнали, что совершился государственный переворот: на смену социалистической по названию составлявших ее партий Центральной Раде пришел бывший генерал-лейтенант царской армии, атаман Украинского вольного казачества, представитель старинного гетманско-старшинского рода Павел Скоропадский. О мотивах своего поступка он сообщал в «Грамоте»: «Предвижу все трудности стоящей передо мной работы и молю Бога дать мне

Папакин Георгий Владимирович — кандидат исторических наук, заведующий отделом Главархива Украины.

силы, чтобы достойно выполнить то, что я считаю своей обязанностью перед родной Украиной в современном исключительный и критический для нее час»¹.

Скоропадский был достаточно хорошо известен в бывшей Российской империи многим военным, политикам, придворным и журналистам как блестящий кавалергард, флигель-адъютант и свитский генерал последнего царя, как герой русско-японской и германской войн. Но мало кто весной 1918 г. мог назвать настоящие побудительные причины такого шага со стороны военного, всю прежнюю жизнь посвятившего защите Российской империи, и аристократа, приближенного к правившей династии. Это стало неожиданностью даже для его семьи, находившейся на территории РСФСР. Определенную трудность этот вопрос представляет также для нынешних российских и украинских историков, иногда повторяющих филиппики современников о «немецкой марионетке» или даже о честолюбце, желавшем утвердить свою власть не только на старокиевских холмах, но и в первопрестольной Москве. Истинную разгадку этого феномена следует искать как в прошлом самого гетмана, в его предках, так и в истории Украины.

Родился Павел Петрович Скоропадский 3(15) мая 1873 г. в Висбадене, на немецких минеральных водах, где в то время отдыхала его мать Мария Андреевна, урожденная Миклашевская. Дворянский род Скоропадских был издавна связан родственными узами с правящими династиями Византии, Англии, Литвы, Руси и со многим представителями российской аристократии. Привезенный родственниками в имение деда в Тростянце Черниговской губ. в возрасте пяти лет, Павлик не знал ни украинского, ни русского языков, а владел лишь немецким. Это возмутило его деда Ивана Михайловича Скоропадского, который запретил внуку употреблять немецкий в его присутствии и призвал для его обучения сельского приходского священника, каждодневного наставника в родном языке и в Законе Божьем².

Дед возымел громадное влияние на формирование мировоззрения Павла, тепло вспоминая его потом как образованного и волевого человека типа «просвещенного консерватора». Из других местных помещиков, запомнившихся ему с детства, Скоропадский называл впоследствии видных националистов (в хорошем смысле этого слова) и просветителей — известного земца, этнографа, основателя знаменитой киевской Коллегии — закрытого среднего учебного заведения имени его отца, Г. П. Галагана, энергичного собирателя украинской старины В. В. Тарнавского, принципиально говорившего только по-украински и даже стриженного по-старинному, в кружок, П. П. Зоца, других ревнителей украинофильства и представителей именитой шляхты — Милорадовичей, Марковичей, Барановских. Подобно им всем Скоропадские ощущали, что они — «не великороссы, а малороссыяне, как тогда говорили, знатного происхождения. В доме всюду висели старые портреты гетманов и различных политических и культурных деятелей на Украине... Украинские песни постоянно пелись в доме. Очень уважались бандуристы, певшие свои думы, причем дед их всегда щедро награждал»³. Впоследствии Павел сам очень интересовался историей своего рода и поручил известному генеалогисту, литератору и библиографу Б. Л. Модзалевскому архивные розыски документов, связанных с наиболее известными представителями фамилии Скоропадских.

Это «украинство», но не конъюнктурно-политическое, а историко-этнографическое, как бы глубинное, непосредственным образом сказалось на судьбе будущего гетмана. С детства он привык ощущать себя человеком двух культур: непосредственно украинской и в более широком смысле — общероссийской, прежде всего православной. Именно в этом плане следует рассматривать его служение российскому престолу. Идя по стопам отца и деда, юный Павел рано стал мечтать о военной карьере. Сохранился один из его детских рисунков: всадник на лихом коне с подписью «Генерал Скоропадский».

По личному распоряжению Александра III, проезжавшего осенью 1885 г. через Украину, мальчика, рано потерявшего отца, а вскоре и деда,

определили в Петербургский пажеский корпус. Учеба в привилегированном учебном заведении, а затем служба в гвардейском Кавалергардском полку сблизила молодого украинца с интернационализированным высшим светом Петербурга. Его товарищами по полку были Хан Гуссейн Нахичеванский, графы Б. С. Шереметев, З. М. Лорис-Меликов и Г. Г. Менгден, маркиз В. А. Паулуччи, барон К. Г. Э. Маннергейм, князя А. Н. Долгоруков, П. П. Путятин, М. М. Кантакузен и т. д. Вместе с ними молодой корнет Скоропадский участвовал в московской коронации Николая II в составе сводного эскадрона Кавалергардского полка: ему довелось тогда стоять во время «высокой трапезы» у ступеней трона в кремлевской Грановитой палате 12 мая 1896 года ⁴. Невесту себе корнет нашел среди знати полуукраинского происхождения и женился в 1897 г. на фрейлине вдовствующей императрицы Александре Петровне Дурново, дочери гофмейстера П. П. Дурново и Марии Васильевны, урожденной Кочубей.

Военная служба складывалась у него удачно: блестящий офицер уверенно преодолевал ступени военно-придворной карьеры, пробежав за 12 лет путь от камер-пажа до штаб-ротмистра, полкового адъютанта Кавалергардского полка. Серьезное испытание он прошел во время русско-японской войны. Гвардейские части столичного гарнизона в Маньчжурию не посылались. Однако отдельные честолюбивые офицеры старались не пропустить возможности отличиться в ходе настоящих боев. Штаб-ротмистр вместе с двумя товарищами по службе подал рапорт о переводе в Действующую армию и весной 1904 г. совершил утомительное путешествие на Дальний Восток. Казачьего (теперь уже) есаула Скоропадского прикомандировали ординарцем к главнокомандующему на сухопутном и морском театрах военных действий адмиралу Е. И. Алексею, но вскоре Павел Петрович попросил перевести его поближе к полям сражения. Как раз формировался Восточный отряд Маньчжурской армии под командованием его хорошего знакомого, генерал-лейтенанта А. Ф. Келлера. Используя это, есаул добился своего назначения адъютантом командующего и затем делил с ним все опасности похода по Маньчжурии, участвовал, в частности, в боевом форсировании р. Ялу. Есаул был представлен к ордену Св. Владимира 4-й степени уже новым командующим отряда, генерал-лейтенантом Н. И. Ивановым. 10 июня 1904 г. молодой офицер был переведен на строевую должность — командира 5-й сотни 2-го Читинского полка Забайкальского казачьего войска. Ему, кавалеристу по призванию и воспитанию, эта должность прибавила общевойскового опыта.

Забайкальские казаки той поры, по словам их современника, — «идеальная в мире ездящая пехота. Много среди них зверовых охотников — стрелков без промаха, лесных бродяг, таежных волков, но наездника — ни одного» ⁵. Молодой командир, наставляя новых подчиненных в верховой езде, сам учился командовать стрелковым подразделением, осваивая полупехотную тактику забайкальцев. На войне Скоропадский оказался среди тех низших командиров, о которых писали: «Инициатива действий предоставлялась мелким начальникам, командирам рот или сотен, а когда они собирались в крупные отряды, дельных руководителей не было» ⁶. За личное мужество и храбрость в бою молодой офицер получил золотое Георгиевское оружие, продолжив семейную традицию (такое же оружие за Кавказскую войну имел его отец, полковник Петр Иванович Скоропадский). А отношение к нему со стороны рядовых казаков проявилось в том, что еще долго после его возвращения в Петербург бывшему сотнику писали однополчане-станичники, прося о том и о другом в различных житейских ситуациях.

С назначением в марте 1905 г. на пост командующего войсками в Маньчжурии, вместо пассивного А. Н. Куропаткина, другого генерала от инфантерии — энергичного Н. П. Линевича есаул, успевший представить начальству несколько своих аналитических записок («Три варианта окончания русско-японской войны в 1905 г.» и пр. ⁷), стал адъютантом нового главнокомандующего. Среди других ответственных получений ему было приказано изучить подготовленность и особенности северокорейского театра

военных действий, куда планировалось направить особый контингент войск. Скоропадский в августе — сентябре 1905 г. морем на броненосце, потом в дорожной двуколке, далее верхом и пешком совершил опасное путешествие, намечая пути возможного передвижения войск. Но к тому времени судьба войны уже решилась за портсмутским столом переговоров. Война была проиграна. Характерна забота, проявленная молодым офицером о корейцах, помогавших российской армии либо служивших в ней. Им уход россиян оттуда грозил репрессиями со стороны японцев, и Скоропадский в меру своих возможностей переправлял желавших на территорию Российской империи.

Там же, на Дальнем Востоке, находилась тогда жена Павла Петровича: Александра Петровна работала сестрой милосердия в санитарном поезде, сформированном для Действующей армии вдовствующей императрицей Марией Федоровной.

С окончанием войны Скоропадские возвратились в Петербург. Боевого офицера ждало внимание высшего света. В декабре 1905 г. его назначили флигель-адъютантом императора, и он соединил военную службу с придворной. В те годы под влиянием последних неудач правящие круги полюбили торжественное празднование историко-военных юбилеев. 200-летие Полтавской битвы пришлось на 1909 год. Как вспоминал впоследствии видный деятель гетманского движения в эмиграции В. Липинский, в придворных кругах родилась идея подарить кому-либо из «верных малороссиян» титул, но без реального содержания, гетмана Украины именно к этой дате. Историческая параллель (напомним, что после перехода И. Мазепы на сторону шведов правителем Украины Петр I назначил предка Павла Петровича, Ивана Скоропадского) привела к тому, что неплохие шансы были теперь у флигель-адъютанта. Между прочим, в его доме висел портрет Мазепы. Скоропадский вспоминал, что «висел между гетманами портрет Мазепы, столь ненавистный всякому русскому; в доме ему не поклонялись, как это делают теперь украинцы, видя в нем символ самостийности, а молчаливо относились с симпатиями, причем только возмущались, что до сих пор в соборах Великим постом Мазепу предавали анафеме». В результате своих раздумий Павел Петрович отказался стать первым в Российской империи «придворным гетманом»⁸.

Владелец нескольких имений в Черниговской и Полтавской губерниях, а также полученных за женой земельных владений в Северо-Восточной России, Скоропадский проявил себя заботливым хозяином, радевшим и о своих доходах, и о благосостоянии крестьян. Он считал помощь нуждающимся долгом всякого состоятельного человека. К нему приходила масса писем с просьбой о вспомоществовании от людей, с которыми его сталкивала судьба. Как правило, материальная помощь им предоставлялась. А Александра Петровна состояла членом нескольких благотворительных обществ Санкт-Петербурга, Москвы и Киева и активно в них работала. Значительную сумму перечислили Скоропадские на восстановление российского флота, разгромленного в Цусимском сражении, за что удостоились именной благодарности великого князя Михаила. Однако главной сферой интересов молодого полковника оставалась военная служба.

Ступенька за ступенькой он преодолевал чиновную лестницу. После недолгого командования 20-м драгунским Финляндским полком, где зарекомендовал себя «отцом-командиром», Скоропадский вернулся в Конную гвардию. В 1911 г. он принял от Хана Нахичеванского Лейб-гвардии конный полк, немного позже получил звание генерал-майора. Отдавая много времени воспитанию солдат и офицеров (последние набирались из аристократической молодежи и не рвались к рутинной службе), 40-летний генерал превратил конногвардейцев в одну из самых дисциплинированных и боеспособных кавалерийских частей. Вскоре ему довелось доказать это на полях I мировой войны.

6 августа 1914 г. в Восточной Пруссии его кавалергарды увенчали себя громкой славой. Одним из первых он был представлен Георгиевской думой конной гвардии к награде орденом св. Георгия 4-й степени⁹. Характерно,

что ни в одной советской или белоэмигрантской публикации по истории Восточнопрусской операции фамилия Скоропадского не упоминается. А писатель А. Н. Толстой, военный корреспондент былых лет, в своей эпопее «Хождение по мукам» вопреки правде писал об «исторической атаке кавалергардов» во главе с командиром полка князем Долгоруковым. Но российская пресса 1914—1916 гг. неоднократно называла имя Скоропадского среди «первых героев Великой войны», причем один из журналистов вынужден был даже оправдываться перед ним за излишнюю, по мнению генерала, персонификацию героизма. «Почему, Павел Петрович, Вы думаете, что Вы мой единственный герой? К счастью России, к Вашему доблестному имени я могу прибавить смело имена генералов Деникина, Лечицкого и Гурко, но Ваше имя для меня, романтика, конечно дороже всех, т. к. Вы один из всех красиво выполнили свою рать и показали нам, что значит честное исполнение долга, воскресив рыцарский образ воина»¹⁰.

И сослуживцы, и посторонние люди, сталкивавшиеся с будущим гетманом в годы войны, единодушно отмечали его достоинства руководителя и организатора. Военный корреспондент А. Маляревский (Сумской), неоднократно наезжавший в части, которыми командовал Скоропадский, а впоследствии написавший первую его официальную биографию, так говорил ему: «Там, где желают работать, Вы вносите особую легкость в отношения к друг другу и к делу. Это, очевидно, Ваше личное качество»¹¹. За время войны генерал прошел путь от полкового начальника до корпусного, некоторое время командовал всей гвардейской кавалерией, сконцентрированной на Западном фронте. 1917 г. застал его на Юго-Западном фронте, где он, откомандовав 1-й гвардейской кавдивизией, стал командиром 34-го армейского корпуса, с августа 1917 г. носившего название 1-го Украинского корпуса. Он был удручен известием об отречении Николая II от трона. В 1918 г., во время свидания с кайзером Вильгельмом II, обсуждая это прошедшее событие, Скоропадский «высказал мысль, что, может быть, император рано отказался от власти, раз почти все войска были не тронуты, причем говорил, что я считаю, что царь может лишь тогда отказаться от власти, когда все средства уже исчерпаны, а то до этого он не имеет права это делать»¹².

Крах монархических иллюзий имел для Скоропадского далеко идущие последствия. На его взгляд, теперь потерял свое значение Переяславский договор 1654 г., когда украинцы, в том числе прямой его предок, генеральный референдарий Илья Федорович Скоропадский, присягнули на верность царю Алексею Михайловичу. Разрывалась династическая уния России и Украины. У российского генерала вновь пробудился интерес к украинскому национальному движению, который ранее не носил у него политической окраски. Напомним, что весной 1917 г. на Украине появилось национальное представительство — Центральная Рада. Она провела два украинских военных съезда, организовала краевой орган управления — Генеральный секретариат, летом 1917 г. преимущественно социалистический по партийному составу. Это отталкивало генерала. А как военный человек он видел в украинизации армии и создании национальных воинских частей просто ослабление боевого духа. Именно настойчивость Главковерха генерала от инфантерии Л. Г. Корнилова и командующего войсками Юго-Западного фронта генерал-лейтенанта А. Е. Гутора, а также эмиссаров Центральной Рады заставила его взяться за украинизацию корпуса.

Основные кадры черпались с Украины. Рассказывали, что во время одного из боев Скоропадский, находясь на передовой, встретил бывшего садовника имения в Тростянце, и тот, попеняв генералу на его неосторожность, предложил съездить в дедовскую усадьбу и привезти для него старинный панцирь для защиты от пуль. Эта, сначала символическая, затем все реальнее осязаемая связь российского генерала с его предками — украинскими гетманами росла по мере роста национального самосознания на Украине. Любопытно, что первыми в его окружении об этом заговорили поляки — офицер Конной гвардии Ходкевич и князь К. Радзивилл¹³. Авторитет в национальных кругах, успешная украинизация корпуса, сплочение

вокруг его имени группы энергичной молодежи во главе с есаулом И. В. Полтавцом-Остряницей имели результатом избрание Скоропадского осенью 1917 г. руководителем Всеукраинского движения вольных казаков.

Их отряды стали формироваться с лета 1917 г. по селам Украины. Возрождалась традиция, прерванная в XIX в., и одновременно то была реакция собственнической части сельского населения против анархии, развала и грабежей, охвативших бывшую империю. Местные жители формировали сотни и полки территориального образца, чтобы защитить себя от разложившихся армейцев и заезжих бандитов. Однако нередки были случаи, когда вольноказачьи отряды попадали под влияние последних и служили орудием в руках авантюристов и честолюбцев.

Генеральный секретариат и социалистические партии Центральной Рады были напуганы как этим движением, так и тем, что во главе его стал аристократ и латифундист, сразу же заподозренный в стремлении к единоличной власти. Лидеры Рады (ее Голова М. С. Грушевский, Голова секретариата В. К. Винниченко, секретарь по военным делам С. В. Петлюра) и их помощники, искушенные в закулисной игре, постарались прибрать движение к рукам или нейтрализовать, а Скоропадского — лишить его новых должностей. Повод представился осенью 1917 г., уже после Октябрьской революции. 34-й армейский корпус по приказу нового Главковерха генерал-лейтенанта Н. Н. Духонина должен был выступить на фронт. Однако политические игры выдвинули дилемму перед командиром: пойти против своих солдат, не желавших оставить Украину большевизированному 2-му гвардейскому корпусу, под руководством его политического лидера, председателя Киевского обкома РСДРП Е. Б. Бош уходившему с фронта на Киев, или нарушить приказ о выстулении на фронт и преградить путь большевикам, стремившимся свергнуть украинскую национальную власть. Петлюра в те дни то приветствовал уход 34-го корпуса на фронт, то посылал агитаторов для его разложения. В конечном счете интересы Украины перевесили бывшее преклонение перед присягой, и Скоропадский разместил части своего корпуса вдоль железной дороги на Киев, отрезав путь продвижения 2-му корпусу, разоружая его части и высылая их на территорию Советской России.

Этот шаг означал переход генерала на службу новому, Украинскому государству. Он спас тогда Центральную Раду, но вместе с тем показал ей реальную силу командующего теперь уже 1-м Украинским корпусом. Боясь популярных генералов, киевские социалисты приложили все усилия к тому, чтобы солдат корпуса оттолкнуть от их командира. Руководителем вооруженными силами Украины был назначен полковник Г. Капкан, командир первого из числа украинизированных полков, ничем не зарекомендовавший себя на военном поприще ни до того, ни после. Солдаты же 1-го корпуса, не получая ни обмундирования, ни продовольствия и замерзая в вагонах, недолго смогли оборонять Киев от анархистующего моря бегущей с фронта российской армии. Эта стихия вскоре поглотила и их, и Скоропадский подал прошение об отставке новому военному министру Украины социал-демократу Н. В. Поршу, формально оставшись теперь атаманом Вольного казачества и частным лицом. Однако на деле вокруг него быстро закутились сложнейшие события.

В январе 1918 г. Центральная Рада провозгласила в своем IV универсале (основополагающем законе) Украину независимым государством в пределах 9-ти губерний (без Крыма). Вместе с тем, и тоже официально, существовала Советская Украина с центром в Харькове. На помощь ей, объявив войну Генеральному секретариату, из РСФСР двигались красногвардейские отряды и добровольческие формирования бывших фронтовиков. Тут Киев вспомнил о своем недавнем спасителе. На новогоднем вечере (Украинский клуб на Владимирской улице) социал-демократ М. Шаповал предрекал самостийной Украине только две недели жизни; лучший оратор правительства писатель Винниченко, запинаясь и волнуясь, доказывал иначе: если мы не удержимся в Киеве, то отступим в Белую Церковь под защиту Вольного казачества и его атамана Скоропадского.

Руководитель французской военной миссии генерал Табуи, передав документы о признании Францией независимости Украины, в своих донесениях в Париж называл тогда Скоропадского руководителем «младоукраинской партии». Фактически то была масонская ложа «Молодая Украина», куда входили Петлюра, Винниченко и многие другие, а гроссмейстером ложи стал С. К. Моркотун, личность, интересная своей ролью в событиях последующих лет и практически не разъясненная до сих пор. Его положение гроссмейстера вольных каменщиков делало его одним из самых влиятельных людей. А связь будущего гетмана с масонами стала очевидным фактом. Ее он подтвердил и сам, говоря своим единомышленникам: «В ложе бывал, но обряд не принимал». Он видел тогда в этом единственную возможность установить прямую связь с западными союзниками по Антанте и создать вместо обычного партийного объединения политическую структуру иного типа.

3 января 1918 г. в ресторане гостиницы «Континенталь» на углу Крещатика и Николаевской, под звуки румынского оркестра Гулеску и Кодолбана, состоялось свидание генерала Табуи, городского коменданта Вагно, Скоропадского и его адъютанта князя Н. Кочубея. Французы внимательно слушали будущего гетмана, что-то усердно записывали, во всем с ним соглашались, однако никаких реальных шагов не предприняли. А он призывал объединить все имеющиеся на Украине антинемецкие и антибольшевистские вооруженные формирования: Вольное казачество, чешский и польский корпуса, сформированные еще Временным правительством и находившиеся сейчас под французским верховным командованием. Только в этом случае у него была надежда удержать фронт и не допустить Центральную Раду к переговорам с Германией и Австро-Венгрией. В те дни у Скоропадского, фактически как бы частного лица, не закрывались двери его гостиницы «Универсал». Среди посетителей он вспоминал потом и многих самостоятельных, и многих деятелей старого режима. Всем им нужны были защита со стороны Вольного казачества, деньги и оружие. Особенно забавным явился визит Капкана, незадачливого главнокомандующего Украинской армией. Он пришел, неся в руках большой плакат: «Вот мы пришли к Вам, пан генерал, чтобы Украину спасти, а то вся погибнет!». В особом пакете лежали 200 тыс. руб., полученных от министра продовольствия эсера Н. Ковалевского на формирование военных отрядов. Скоропадский указал перевести их в Белую Церковь, где размещался штаб Вольного казачества.

В условиях полной растерянности киевских властей, разложения всех исполнительных институтов и воинских частей вольные казаки так и не стали тем оплотом порядка, каким они представлялись Скоропадскому. Территориальный принцип формирования и зависимость от местных предводителей атаманского типа привели к тому, что лишь отдельные отряды смогли противостоять анархии (Звенигородский и Слободской коши). К этому исключению не принадлежала даже атаманская сотня в Белой Церкви. Поездка генерала из Киева в свой штаб, в попытке собрать антибольшевистские силы, едва не закончилась его гибелью в конце января, только продемонстрировав следствие всеобщего развала. Атаманские казаки с удовольствием участвовали в разгроме имений тех самых графов Браницких и князей Радзивиллов, которые в декабре 1917 г. устраивали банкеты, приемы их атаману и давали деньги в надежде оградить свое имущество от грабежей.

Красные войска заняли практически всю Украину. Центральная Рада не смогла найти ничего лучшего, как заключить мир с Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией и пригласить немецкие и австро-венгерские войска на Украину. Уже в феврале 1918 г. германцы подошли к Киеву, а вступили в него после того, как по их требованию были дочиста отмыты вокзал и центральные площади. С ними вернулась и Центральная Рада, выпустившая ради этого агитационную брошюру, где называла немцев союзными войсками, пришедшими на помощь. Вскоре всем стало видно, что она не способна обеспечить выполнение тяжких статей Брестского договора с Четверным союзом.

Немцы и австрийцы, для которых этот мир был однозначно «хлебным», не собирались терпеть плохо управляемых и ни на что не способных союзников. В воздухе витала идея замены правительства, инспирируемая как внешними, так и внутренними силами. Главной из последних было недовольство эсерами со стороны массы зажиточного и довольно консервативного украинского крестьянства. Напуганное социалистической демагогией Рады, оно готово было объединиться даже с своими помещиками для защиты их земель. В условиях той путаницы в вопросах земельной собственности, которая царила после большевистского Декрета о земле и IV Универсала Центральной Рады, весенняя посевная 1918 г. превратилась в политическую проблему, выход из которой нашли в отстранении украинских эсеров от власти.

Пороги немецкого Oberkommandования и дипломатических представительств Германии и Австро-Венгрии обивали многочисленные представители различных партий, движений и групп в надежде доказать, что именно они справятся с существующими проблемами лучше эсеров. Напомним, что лидер кадетской Партии народной свободы антантовец П. Н. Миллюков, в это время осев в Киеве, выступал с германофильскими заявлениями. Внимание привлекала к себе Украинская народная громада — офицеры бывшего 1-го корпуса, политические деятели и землевладельцы, объединившиеся вокруг отставного генерала Скоропадского. Он в марте 1918 г. вроде бы еще не думал о приходе к личной власти, однако его окружение уже действовало. Генерал понимал, что без участия или хотя бы благожелательного нейтралитета немцев любая политическая акция на оккупированной Украине обречена на неудачу. Именно этим, а не внезапным «германофильством Скоропадского», до этого три года дравшегося с немцами на фронте, объясняются контакты громады с Oberkommandованием.

В результате таких контактов выявилось, что в обмен на обязательство будущего правителя Украины неукоснительно выполнять условия Брестского мира, особенно экономические статьи, и навести порядок в продовольственных и судебных делах немцы готовы не мешать ему в захвате власти. Именно по этим пунктам Oberkommandование имело претензии к правительству Рады, ставшему на путь саботажа своих обязательств и интриговавшего против лиц, сотрудничавших с немцами. Вот здесь-то и была организована вышеупомянутая афера с банкиром Добрым, в тайном аресте которого было замешано сразу несколько министров Рады. Свою лепту в дестабилизацию обстановки вносили российские эсеры, создававшие на деньги англичан разветвленную сеть боевых ячеек по Украине, впоследствии организовавшую ряд террористических актов (убийство командующего немецкой группой армий «Киев» генерал-фельдмаршала Г. фон Эйхгорна террористом левым эсером Донским, взрывы в Киеве и Одессе).

Германское командование, являвшееся фактически решающей силой, хотело либо введения прямого оккупационного правления, либо содействия тому претенденту на власть, который устроил бы немцев и был способен навести порядок. Для Oberkommandования первый вариант был предпочтительнее, но его осуществление грозило осложнениями, от чисто военных до парламентских и дипломатических. Гражданские представители Германии старались сдерживать военных и не допустить втягивания в дорогостоящую авантюру, так что для них «Народная громада» явилась находкой. Скоропадский импонировал им своим местом рождения, чином, очевидным консерватизмом, авторитетом в несоциалистических кругах. 24 апреля 1918 г. состоялось свидание Скоропадского с начальником штаба германского главнокомандующего. Тот заявил: «Мы не собираемся вмешиваться во внутренние дела Украины. Однако пришли к выводу, что ввиду создавшегося положения в стране, невозможности работать с существующим правительством, Ваши начинания, господин генерал, вызывают сочувствие. Вы можете вполне рассчитывать, в случае удачного переворота, на содействие немецких войск в деле восстановления порядка и поддержки Вас и Вашего правительства. В день переворота мы будем держать нейтралитет, но крупных беспорядков не допустим». Рекомендовав генералу подписать про-

ект соглашения, который в основном дублировал условия Брестского договора, он повторил: «Мы в ваши дела не вмешиваемся».

Эта встреча произвела на Скоропадского двойственное впечатление. Он видел, что обстоятельства толкают его к выбору. Его сторонники тем временем готовили съезд земельных собственников, где планировалось провозглашение гетманского правления. Офицеры бывшего 1-го корпуса формировали отряд для захвата правительственных зданий. Над проектом обращения к народу работали громадские юристы. Не мешать перевороту обещали немцы. В прессе все чаще мелькали статьи, отражавшие неизбежность замены социалистического правительства. Но генерал был полон сомнений. Повести за собой людей, страну и взять ответственность на свои плечи не просто. Генерал привык взвешивать силы свои и противника, реально оценивая шансы на победу. Он видел отсутствие в его окружении настоящих единомышленников, людей, одинаково с ним смотревших на вопросы государственного строительства Украины. Его ближайшим сторонникам вообще не хватало лиц, способных занять высокие государственные должности; порой их подбор носил случайный характер. Очевидными были грядущие трудности в отношениях с немцами и с различными украинскими политическими партиями, находившимися в состоянии броуновского движения, постоянного раскола и слияния.

Скоропадский решил, по его словам, так: «Если я не сделаю переворот теперь, у меня будет всегда сознание, что я человек, который ради своего собственного спокойствия упустил возможность спасти страну, что я трусливый и безвольный человек. Я не сомневался в полезности переворота, даже если бы новое правительство и не могло бы долго удерживаться. Я считал, что направление, взятое мной, и те творческая сила и работа, которую я собирался провести, сами бы по себе дали толчок к порядку, временную передышку, которая, несомненно, восстановила бы порядок и дала бы силы для новой борьбы. Сомнения у меня были другого рода: может быть, эти сомнения были малодушными. Я жалел себя, я думал: ...к чему мне идти в этот мир злобы, и недоверия, и зависти. Ведь теперь только тот может быть популярен в политике, кто возьмет крайнее направление, а мне для того, чтобы действительно что-нибудь сделать для страны, придется идти самому и убеждать других, и убеждать без конца идти путем взаимных уступок»¹⁴.

Наконец, генерал дал команду своим сторонникам, подписал корректуру Грамоты к украинскому народу и улегся спать. А 29 апреля открылся съезд земельных собственников («Единое движение хлеборобов», сложившееся к весне 1918 г., разделилось на хлеборобов-демократов национального направления и земельных собственников, для которых на первом месте были экономические интересы). Там и состоялось провозглашение гетманства. Центральная Рада и ее правительство находились в то время в шоке после налета на Раду 28 апреля германского воинского подразделения: немецкий лейтенант арестовал двух министров и нескольких депутатов Рады. А в часы съезда гетманские отряды, направленные для захвата главных правительственных зданий, действовали не энергично, так что немцы уведомили Скоропадского, что если он за один день не возьмет под контроль важнейшие объекты города, то немецкие войска поставят их под свой контроль. В ходе переворота погибло пять офицеров-гетманцев и застрелился один сичовый стрелец-галичанин при разоружении его части.

Не встречая активного сопротивления, власть гетмана распространялась по Украине за несколько дней. Враги нового режима объясняли впоследствии этот факт немецким содействием. На деле же причины успеха быстрого переворота лежали в самодискредитации Центральной Рады. Ее лидеры оставались на свободе, а глава Рады Грушевский жил в своем имении под Киевом. В последующие месяцы состоялись полуправильные съезды большинства социалистических партий Украины, осудившие государственный переворот. Прежних лидеров не устраивала фигура Скоропадского как человека не из их обоймы. Эсдеки, социалисты-федералисты, самостийники, игнорируя призывы к сотрудничеству, хотели

вести переговоры только непосредственно с германским командованием, сначала чуть ли не с ультиматумом об устранении Скоропадского; они постепенно, но довольно быстро, снижали свои претензии и осенью 1918 г. согласились с фигурой гетмана как временного президента Украины. Но его режим к тому времени так и не смог составить работоспособное правительство, и германское командование заявило социалистам: «Слишком поздно!».

Семь с половиной месяцев гетманского правления определенная часть граждан, включая беженцев из РСФСР, считала временем относительного благополучия, насколько это тогда было возможно. Главным условием того были иностранные войска, силой сдерживавшие внешних и внутренних экстремистов. Но немаловажной была и политическая линия гетмана, стремившегося обуздать революцию и отойти от партийного подхода при подборе ответственных лиц. Он требовал от людей квалификации и деловых качеств. Национальные круги гневно клеймили Скоропадского и его сподвижников, перемывая косточки его министрам, поминая их дореволюционные должности и звания и партийную принадлежность. Действительно, после того, как украинские социалистические и демократические партии отказались от гетманских предложений, руководители нового правительства (сначала Н. Сахно-Устимович, не добившийся успехов, потом Н. П. Василенко, прежний российский кадет), отбросив партийный подход, начали искать министров по другим качествам. В первом министерстве (Ф. А. Лизогуба — Н. П. Василенко) это были прежние государственные и земские деятели, промышленники, землевладельцы, некоторые социалиты-федералисты (изгнанные за это из их партии) и просто известные на Украине лица. При этом в министерствах, созданных еще Радой, менялись лишь начальники: многие товарищи (заместители) министров и заведующие департаментами, не говоря уже о рядовых чиновниках, оставались на своих местах и даже в составе тех своих партий, которые высказались против гетмана.

В целом состав Совета министров был связан непосредственно с Украиной. Премьер трех правительств Лизогуб — черниговский земский деятель и администратор; министр продовольствия и последний премьер С. Н. Гербель — бывший харьковский губернатор, царский министр земельных дел и член Государственного совета; министр юстиции М. П. Чубинский — сын автора украинского национального гимна, долголетний деятель украинского национального движения и царский сенатор; военный министр А. Рогоза — генерал из старинного украинского рода; министр финансов А. Рженецкий — киевский финансовый деятель; министр земледелия В. Колокольцев — харьковский помещик и землец; министр иностранных дел Д. Дорошенко — известный национальный деятель; директор Украинского телеграфного агентства Д. Донцов — то же самое. Даже министры-неукраинцы (министр торговли С. Гутник, министр труда Ю. Вагнер, государственный контролер, впоследствии министр иностранных дел Г. Афанасьев) всей своей прежней деятельностью были тесно связаны с Украиной.

Первые же законы гетмана были направлены на укрепление основ частной собственности в промышленности и земледелии. Споры между помещиками и крестьянами должны были решаться в примирительных комиссиях местными деятелями. В социальной сфере сохранялось законодательство российского Временного правительства и украинской Центральной Рады. В существующей литературе гетмана часто упрекают в возобновлении царских законов. Действительно, его законодательство о государственном устройстве Украины шло вслед за законами Российской империи. Точно так же поступал тогда генерал и донской атаман П. Н. Краснов, пришедший к власти в Новочеркасске несколькими днями позже¹⁵.

Официально гетман не являлся монархом. Скоропадский отклонил подготовленный юристами проект, предусматривавший восстановление исторического звания князя Киевского (предлагался также: король Украины), и в текст первой грамоты были внесены соответствующие изменения, после чего опубликованная в «Державном вестнике» она выглядела менее монар-

хической. Секретной грамотой от 3 августа 1918 г. с распоряжением о назначении Верховного правителя на случай смерти или тяжелой болезни гетмана, три экземпляра которой хранились в Софийском соборе, Сенате и правительстве, Павел Петрович назначал в высший коллегиальный орган управления страной П. Я. Дорошенко, а в случае его отказа или смерти — сенатора С. Завадского. Двух других членов Верховной коллегии должны были бы избрать Сенат и правительство¹⁶. При торжественной передаче этих пакетов на хранение гетман произнес речь, в которой отмечал необходимость такого шага историческими примерами раздоров и анархии при выборах нового гетмана на стародавней Украине.

Реально в руках гетмана концентрировалась верховная власть. Он назначал и увольнял премьер-министра и весь Совет министров, утверждал постановления правительства. Практически каждое заседание последнего проходило в присутствии главы государства. Кроме того, гетман управлял внешней политикой, военными делами и был верховным судьей. Однако Скоропадский не смог стать «украинским Наполеоном» и не пошел на насилие с устранением конкурентных организаций и лиц. Он не попытался также вернуть себе многочисленные родовые имения в Черниговской и Полтавской губерниях, конфискованные Центральной Радой. 29 апреля он переселился с частной квартиры в бывший особняк киевского генерал-губернатора, где до того находилось министерство внутренних дел. Дом этот, внешне помпезный, с большими залами для приемов и заседаний, не был приспособлен для постоянного семейного проживания. Жена и дети Скоропадского, доставленные в Киев «державным поездом

№ 1» из Советской России в июне, разместились в случайных помещениях. Детскую оборудовали в ванной комнате. И тогда же гетмана постигло личное горе: умер от простуды младший сын, 5-летний Павел, всеобщий любимец семьи. Однако наибольшая личная и политическая трагедия гетмана в 1918 г. заключалась в том, что он не нашел сколько-нибудь значительного числа сознательных сторонников его курса ни во внешней политике, ни во внутренних делах.

В области внешней политики Скоропадский высказывался за тесные дружественные связи Украины и России, вплоть до создания совместного федеративного государства, части которого пользовались бы равными правами. Эти взгляды, им не скрывавшиеся, породили множество домыслов и шуток. Одна из них гласила: «Гетман в ответ на вопрос, за самостийную ли он Украину, отвечал: «Да, господа, я за самостийную Украину, которую я, придет время, повергну к стопам Его Императорского Величества»¹⁷. Различные слухи и сатирические байки о гетмане распространяли все, от украинских националистов и большевиков до российских старорежимных шовинистов. Для Скоропадского главная трудность состояла в том, что России, с которой он готов был сотрудничать, уже не существовало. С РСФСР он не мог и не хотел иметь ничего общего, хотя и начал по настоянию немцев мирные переговоры с Москвой. Консервативную же Россию представляла Добровольческая армия, находившаяся в 1918 г. в жалком состоянии. Она с трудом держала фронт на Северном Кавказе. Донская армия атамана Краснова тоже не добилась особых успехов. Самостийная Украина вообще выходила за границы разумения белых лидеров, думавших только о единой и неделимой России.

Общим местом воспоминаний всех российских деятелей, встречавшихся с гетманом в 1918 г., было обвинение его в неискренности и двурушничестве. Якобы он говорил им, что генерал свиты Его Императорского Величества на может сочувствовать украинскому национальному движению, а просто вынужден возглавлять Украинскую державу. На деле же Скоропадский думал иначе. Во имя борьбы с большевиками гетман готов был заключить любой союз. Добровольческая армия была битком набита его прежними друзьями или подчиненными. Взять хотя бы генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля, который вступил в Добровольческую армию А. И. Деникина в августе 1918 года. Он прежде был офицером как раз в полку Скоропадского, в начале первой мировой войны командовал эскадроном кавалергардов, и Скоропадский представлял его к Георгиевскому кресту и лично покровительствовал ему в сложный период военной карьеры барона. Уже в годы эмиграции гетман писал: «Все невзгоды Добровольческой армии я принимаю близко к сердцу, и мне чрезвычайно тяжело теперь тут спокойно сидеть в такую минуту, когда я всю жизнь и всю войну был с ними и разделял все радости и горести их»¹⁸. Что касается Деникина как командующего войсками Юго-Западного фронта в 1917 г., то он был тогда начальником Скоропадского.

Гетман старался выполнять устные и письменные договоренности, связанные с оказанием помощи Добровольческой армии. Он переправлял на Дон огромные партии вооружения и боеприпасов, благодаря которым могли воевать Донская и Добровольческая армии. Содействие оказывалось белым офицерским частям, формировавшимся на территории Украины (Южная армия). Вербовочные бюро Добрармии действовали по всей Украине с благословения Скоропадского. Националистическая оппозиция неоднократно критиковала его за это и использовала эти факты в своей пропаганде. Фактически гетман стал тем передаточным звеном, через которого Деникин, не имея никакой связи с немцами, получал от них военную помощь. Но при этом ни о каких личных контактах со своим бывшим комбатантом еще по русско-японской войне он не хотел и слышать. Наоборот, Деникин поощрял газетную травлю гетмана, утверждая тогда и потом, что «гетманская власть покоилась только на германских штыках»¹⁹.

Антигетманскую политику открыто проводило большинство украинских социалистических партий. Несмотря на попытки Скоропадского со-

трудничать с большинством их деятелей, но не на партийной, а на индивидуальной основе, они решительно отказывали ему в поддержке, хотя использовали для своей деятельности либеральные для них условия жизни. Левые партии Украины, публично клеймя гетмана за «пророссийский политический курс», активно конспирировали с большевистской делегацией РСФСР во главе с Х. Г. Раковским. Тот, в частности, давал лидеру украинских эсдеков Винниченко значительные средства на организацию антигетманского восстания, развернувшегося осенью 1918 г., сразу же после Ноябрьской революции в Германии. Это не помешало некоторым украинским деятелям участвовать в последнем гетманском правительстве Лизогуба: днем они представляли Украинскую державу, а вечером вместе с большевиками интриговали против нее, добываясь свержения гетмана.

Против гетмана выступали и российские эсеры, которых было много на Украине. Они готовили даже покушение на Скоропадского. Большевики устраивали стачки. Самой организованной из них была забастовка железнодорожников, официально финансирувавшаяся через профсоюзные органы из Москвы. Украинские эсеры и эсдеки раздували законное недовольство крестьян германской продовольственной политикой, действиями карательных отрядов помещиков и оккупантов, промедлением Киева в решении земельного вопроса. Наиболее организованные красные крестьяне — повстанцы Таращанского и Звенигородского уездов — после их военного поражения отошли в нейтральную полосу между Украиной и РСФСР и получали там всевозможную поддержку, а затем стали костяком Красной Армии УССР. Лидер анархистов Н. И. Махно именно в месяцы гетманата стал организовывать свои отряды, и тоже с благословения В. И. Ленина и Я. М. Свердловца.

В активную борьбу с гетманом включились российские консервативные круги. Большинство их представителей (П. Н. Милюков, Е. Н. Трубецкой, С. Завадский), приехав на Украину с выданными гетманом паспортами, ненавидели независимую Украину и превратили Киев в гнездо своих интриг; тут были основаны монархические «Киевский национальный центр» и «Союз возрождения России», которые использовали легальные возможности гетманского режима для подрывной работы против Украинской державы. Для них гетман, несмотря на его лояльность к белому движению и материальную помощь Донской и Добровольческой армиям, был просто сепаратистом, мазепинцем и германским ставленником. Справиться со всеми ими Скоропадский мог, только опираясь на немцев. Своей игрой на противоречиях между германцами и австрийцами он временно заставил их считаться с собой. Утверждению его престижа способствовали и два государственных визита в Германию — премьера Лизогуба и самого гетмана. Однако из-за противодействия Oberкомандования не решался главный вопрос — о формировании Украинской армии. Скоропадский как опытный военный понимал цену национальной армии. Но его попытки добиться разрешения немецкого командования на создание такой армии наткнулись на сопротивление. А без согласия немцев, занявших все гарнизоны и склады, трудно было что-либо предпринять. Неясен был и принцип формирования армии. Общенациональный призыв обречен был на неудачу. Классовая армия, которую хотел сформировать министр внутренних дел Н. Кистяковский, тоже осталась на бумаге. Исключением стали лубенские и полтавские сердюки-хлеборобы, гвардия гетмана.

В поисках военной опоры Скоропадский вновь обратился к казачьей идее. В августе 1918 г. им был подготовлен и подан в Совет министров Закон о восстановлении украинского казачества. Учитывая печальный опыт движения Вольных казаков, гетман настаивал на том, чтобы казачество было зажиточным сословием и опорой государственного строя. Во главе организации стоял бы сам гетман, ему подчинялись кошевые атаманы, им назначенные. Границы коша совпадали с губерниями, уезды составляли полки. К руководству казачеством привлекались лучшие военные силы или представители именитых украинских фамилий. Киевский кош возглавил полковник Глибовский, полтавский — полковник Козинец, черниговский —

генерал Нагорский, слободской — полковник Омелянович-Павленко, запорожский — генерал А. Омелянович-Павленко, новозапорожский — полковник Гоголь-Яновский, подольский — генерал Сокира-Яхонтов.

Казаческая тема звучала и в отношениях гетмана с Доном и Кубанью. Во время встречи с Красновым и переговоров с Кубанской радой гетман поставил вопрос о союзе всех казачьих войск. Ведь именно Дон высказывался за децентрализацию России. С Кубанью, традиционно связанной с Украиной еще с XVIII в., отношения вообще были дружественными. Дивизия генерала Патиева предназначалась к высадке на Кубани. Во время свидания с донским атаманом Скоропадский выдвинул идею объединения Дона, Кубани, Терека, Грузии и Добровольческой армии для борьбы с большевизмом. Но осенью 1918 г. эта идея «Юго-Восточного союза» уже запоздала и не получила никакого развития²⁰.

Несколько удачнее складывались отношения Украинской державы с внешним миром. Помимо государств Четверного союза дипломатические контакты разного уровня были установлены с Финляндией, Швейцарией, скандинавскими странами, Румынией, Латвией, Литвой, Эстонией, Польшей, Грузией, Арменией, Азербайджаном, Испанией, Грецией, Италией, Ираном, Португалией, Бельгией и Нидерландами. На последнем этапе существования гетманства успели назначить послов в Англию, Францию и США, однако они так и не приступили к своей работе. В принципе государства Антанты не захотели признать независимую Украину. Фактически гетман остался без влиятельных внешних союзников.

Наибольшие достижения, на наш взгляд, гетманство имело в тех областях внутренней жизни, которые являлись сугубо национальными. Тут и культурное строительство, и церковная организация. Гетман считал необходимым иметь на Украине свои Академию наук, университеты, театры, библиотеки и сеть украинских школ. Вопрос решался не за счет механического переименования уже существовавших российских учреждений культуры, а через открытие новых под государственным патронажем. Столь же радикально гетман был настроен в отношении автокефалии украинской церкви. Сохранились свидетельства о том, что в случае нерешительности заседавшего второй год православного собора и сопротивления прomosковского митрополита Антония (Храповицкого) Скоропадский готов был пойти на провозглашение львовского греко-католического митрополита Андрея Шептицкого украинским патриархом и объединение обеих украинских церквей — православной и униатской²¹. Сам гетман оставался православным, и православная религия была провозглашена первенствующей еще в Законе о временном государственном устройстве Украины.

Кризис гетманской власти был по-настоящему предопределен Ноябрьской революцией 1918 г. в Германской империи. В течение нескольких дней рухнула украинская державность. Тут же встал вопрос о новых внешнеполитических ориентирах. Победившая в мировой войне Антанта, в начале 1918 г. не помогшая атаману Вольного казачества, еще меньше хотела помогать гетману, связанному с Германией. В ее глазах только белое движение олицетворяло собой будущее любых государств на обломках Российской империи. Между тем, освободившись из-под прямой опеки немцев в военном вопросе, Скоропадский в ноябре 1918 г. срочно заложил основу восьми будущих армейских корпусов, со складами амуниции и вооружения на севере Украины, и издал закон о возрождении казачества как служилого сословия и формирования казачьего войска. Но 14 ноября 1918 г. была подписана Грамота о федерации, ставшая фатальной для Скоропадского. В своих мемуарах он писал: «Россия может возродиться только на федеративных началах, а Украина может существовать, только будучи равноправным членом федеративного государства. У русских кругов до сих пор живет сознание, что с Украиной это только оперетка, что теперь можно дать хоть и «самостийність», а потом это все пойдет насмарку. Это — колоссальная ошибка русских кругов, унаследованная старой системой политики. Эта система и повела к тому озлоблению и тому недоверию, которые многие путают с идеей великой России. Все окраины думают:

окрепнет Великороссия и снова примется за старый гнет всякой национальности, входящей в состав Российского государства. Я видел многих украинцев, которые высказывали подобные опасения... Как только я объявил федерацию с Россией, я сразу понял, что Винниченко был прав. Через несколько дней после появления Грамоты великорусские круги уже никакой Украины совершенно не признавали»²².

Пророссийские военные круги, отыгрываясь за свою временную мимикрию, использовали Грамоту как предлог для погрома местных культурных и научных учреждений, чем оттолкнули от гетмана даже умеренные украинские круги. От военных не отставали политики и промышленники, потребовавшие от Скоропадского полного отказа от национального курса. В то же время им не нравилась запланированная гетманом роль Украины в будущей России. В Киеве были даже опубликованы сатирические куплеты:

Из хохлов создав чудом нацию,
Пан Павло кроит федерацию:
«Ах ты Русь моя, Русь родимая,
Ты единая, неделимая!»

Грамота была использована и национальными демократами для оправдания их активности, достигшей апогея в октябре 1918 года. Обвинив гетмана в измене делу Украины, они начавшееся в день провозглашения Грамоты восстание, подготовленное заранее, объявили ее следствием. Скоропадский не мог и не хотел бороться теперь за власть, идя против большинства населения. Пророссийское правительство Гербеля, назначенное одновременно с провозглашением Грамоты о федерации, действовало уже против гетмана. Командующие гетманскими войсками, сначала граф Ф. А. Келлер, затем князь А. Н. Долгоруков, оба в прошлом ближайшие друзья Скоропадского, выказали неспособность справиться с военными силами повстанцев. А те, кто сражался за гетманство в составе Сердюкской дивизии, при обороне Киева или бесполезно погибли, или перешли на сторону повстанцев. Жалкие попытки ближайшего окружения Скоропадского как-то повлиять на ход политических событий отдавали авантюрой.

В агитационных листовках дней борьбы за Киев использовалось и обращение к масонской фразеологии. Петлюра и Винниченко являлись масонами довольно высокого ранга в их ложе, гротсмейстер которой был личным секретарем Скоропадского. Но пресловутое масонское братство не помогло контактам между враждовавшими политическими лидерами национального движения. Это обнаружилось моментально. В ночь на 14 декабря 1918 г. глава государства был вынужден нанять извозчика. У дворца гетмана не оказалось ни одного дежурного автомобиля, все захватили чины штаба князя Долгорукова. Скоропадский поехал на частную квартиру к знакомым, затем в «Палас-отель» к турецкому посланнику А. Мухтарбею. Там-то и было подписано отречение от власти, текст которого таков:

«Я, гетман всей Украины, в течение семи с половиной месяцев прилагал все свои силы, чтобы вывести край из того тяжелого положения, в котором он пребывает. Бог не дал мне силы справиться с этим заданием, и ныне я, в соответствии со сложившимися обстоятельствами, руководствуясь исключительно благом Украины, отказываюсь от власти». Спустя несколько дней, спешно объявленный победителями вне закона, бывший гетман на немецком санитарном поезде покинул Украину, теперь уже навсегда. Но его противникам такой финал показался неэффективным, и впоследствии придумали разнообразные сцены переодевания Скоропадского в раненного немецкого солдата, выноса его на носилках, бегства в немецкий штаб и других анекдотов, дань которым отдал даже такой писатель, как М. А. Булгаков.

Фактически переход власти на Украине в руки Директории Петлюры — Винниченко был оформлен легитимно: гетман сложил свои полномочия, полученные от съезда, перед правительством, а оно официально передало их Директории УНР. К ней же перешла казна Украинской державы: в эмиграцию гетман не взял, в отличие от ряда своих преемников, ни копейки государственных средств. Заметим попутно, что, например, у бывшего

министра земледелия М. Ковалевского хранилась расписка атамана Вольного казачества за средства, переданные ему правительством Центральной Рады накануне бегства из Киева в январе 1918 года. В апреле того же года, накануне переворота, Ковалевский получил от правительства для организации подпольной работы 5 млн. карбованцев. Вскоре его арестовали, но на суде было признано, что, поскольку 28 апреля власть еще принадлежала Центральной Раде, она была вправе распоряжаться государственными деньгами по собственному усмотрению. Хотя было очевидно, что деньги пошли на организацию антигерманских выступлений, гетманский суд оправдал бывшего министра.

Пока что Скоропадский очутился за рубежом без всяких средств к существованию. Единственная материальная ценность, которую захватила с собой его семья, — семейное серебро. Впоследствии оно не раз закладывалось, чтобы на вырученные деньги оказать кому-либо из беженцев материальную помощь. Так наступил очередной, уже четвертый этап в жизни Скоропадского. Ему снова пришлось пересматривать свои взгляды и искать новые жизненные ориентиры. Такие решения всегда давались ему тяжело, были связаны с долгими колебаниями и с нелюбимой оценкой пройденного жизненного пути и дальнейших возможностей. Этим, в частности, бывший гетман занимался сначала в Лозанне (Швейцария), затем в местечке Ванзее возле Берлина (Германия).

В 1919 г. он закончил личные мемуары, охватившие 1917—1918 годы. Они, как он надеялся, демонстрировали несостоятельность политики «среднего пути» — между демократией и консерватизмом, между российским великодержавным шовинизмом и украинским национализмом, то есть той политики, которую как раз исповедовал гетман в 1918 году. Они свидетельствовали также о крахе той формы российско-украинского федерализма, приверженцем которого объявлял себя Скоропадский. Однако расклад политических сил в среде эмиграции и резкое неприятие бывшего гетмана российскими монархистами содействовали перемене его воззрений. Русское белое движение требовало от Скоропадского искупить его грех «украинства», той «малороссийской оперетки», какой они именовали гетманство. Украинские эмигрантские круги тоже считали его политическую жизнь завершенной.

Мысли о полном завершении политической карьеры не оставляли Скоропадского вплоть до 1920 г., о чем он неоднократно сообщал своим бывшим сотрудникам²³. Но история распорядилась иначе. Вскоре началось возрождение гетманского движения на монархической основе. В эмиграции оно получило то, чего ему не хватало в 1918 г., — организационное оформление, теорию, идеологию, национальных лидеров и политическое ядро. Прежде всего, уже в 1918 г. ведущей среди украинских эмигрантов стала сама фигура Скоропадского, а не былой государственный принцип. Приверженцы нового создания на Украине желанного им государства в основном были сторонниками лично Скоропадского, враги такой идеи — его личными противниками. Эта персонификация государственного принципа как раз и не позволяла ранее сплотить вокруг идеи влиятельные политические силы. И лишь теперь элита украинской эмиграции стала работать над организацией консервативно-монархического движения.

Утверждение на Украине советской власти заставило эмигрантов пересмотреть их тактику и стратегию. Многие убедились в несостоятельности прежних партийно-социалистических доктрин национального освобождения. То же происходило не раз и ранее. Так, лидер УНР Петлюра в 1919 г. вышел из руководства Украинской социал-демократической рабочей партии и отказался от формирования партийных кабинетов. Несколько иначе смотрели на дело руководители «хлеборобского движения», первоначальной партии хлеборобов-демократов. Не будучи ни многочисленной, ни влиятельной, она объединяла тех аграриев, кто был проникнут национальным духом. В 1920 г. их лидеры В. Липинский, С. Шемет, М. Тимофеев, граф А. Монтрезор и профессор И. Мирчук решили создать объединение «орденского» характера — «Союз хлеборобов-державников». Целью этого

внепартийного союза было достижение независимости Украиной во главе с наследственным монархом, каковым будет гетман, и с ведущей социальной группой в лице хлеборобов. Данный социальный слой, объединявший помещиков и крепких сельских хозяев, по мнению Липинского являлся единственной истинно производительной силой, остальные же жили за его счет.

В «Комуникате» № 1 (официальное сообщение) новое объединение извещало: «Только собственная держава, построенная украинской нацией на своей этнографической территории, спасет нас от экономического развала и от кровавой анархии. Собственную державу даст только компромисс между отдельными украинскими массами, заключенный во имя желанного законного порядка и спокойного труда, общей всем классам национально-государственной культуры, общей защиты своей территории и общего для всех права нашей нации на самоопределение. Для этого должно организовать не партии, а украинские классы; должно объединить наших земляков по тому, как они работают и что они производят, а не по тому, что они говорят и к какого рода политическим авантюрам они склоняются. Наша большая ошибка заключалась в том, что вместо поисков сторонников внутри своего класса мы вместе с «национально-сознательной» украинской интеллигентской и в основном социалистической демократией во имя патриотизма искали согласия. Никакого согласия во имя единства той или иной националистической секты теперь уже быть не может. На арену истории выступает снова действительно целая, сорокамиллионная украинская нация, и не сектантские, не групповые, а общенациональные задачи встают перед нами, ее членами». Выдвигался и объединительный лозунг — «Державный лад и порядок». Власть должна была принадлежать одному лицу, представителю суверенитета и независимости украинской нации, а ограничиваться она будет двумя законодательными палатами²⁴.

Первоначально гетманцы вынашивали план приглашения на престол будущей монархической Украины бывшего австрийского эрцгерцога Вильгельма Габсбурга, заигрывавшего с украинским движением еще с 1918 года. Однако с конца 1920 г. они остановились на кандидатуре Скоропадского. Он импонировал им происхождением из семьи украинских гетманов и своим пребыванием в той же должности. И Скоропадский вернулся на политическую арену. Это совпало во времени с рассмотрением украинского вопроса в Лиге Наций. К Скоропадскому возратилось внимание прессы, особенно немецкой. Павел Петрович колебался. А весьма честолюбивый Липинский настаивал, чтобы бывший гетман стал лишь знаменем, как бы живым символом нового движения, но не вмешивался в организационно-политическую работу. От него требовали подписать, наравне с другими членами союза, текст клятвы и вступить на общих правах в руководящий орган движения — Совет присяжных. Главой Совета становился организатор и идеолог движения Липинский.

В ноябре 1921 г. Скоропадский подписал текст клятвы, чем окончательно связал свою дальнейшую жизнь с самостийническим украинским движением. Федералистские мысли были им полностью изгнаны. Еще в марте 1921 г. он писал своему бывшему сотруднику Н. М. Могилянскому: «Я стою за самостийную Украину потому, что только ясно и определенно поставленный национальный лозунг может спасти Украину от большевистского ига; кроме того, решительно изверившись в стремлении России всех лагерей к честному разрешению украинского вопроса, я считаю, что, только стоя на самостоятельном пути, Украина и Великобритания смогут установить честные, братские взаимоотношения. Я считаю, что именно моральное чувство, если глубоко вдуматься в этот трагический, как Вы его называете, вопрос и сердцем переживаете его, требует исповедования самостоятельности»²⁵.

В течение 20-х годов в это движение влились «Украинские сичи», «Союз украинских хлеборобов» и «Группа гетманцев» в Чехословакии, «Союз украинских хлеборобов» во Франции, «Союз украинских державников» в Польше. Группы гетманцев действовали на территории Западной Украины, включенной согласно Версальскому арбитражу в

Польское государство. Значительное объединение украинских монархистов существовало в Германии, где под Берлином проживал Скоропадский. Небольшая, но активная группа действовала в Англии. Ее возглавлял племянник бывшего царского дипломата В. Коростовец, которому удалось установить связи с высокими придворными, политическими и финансовыми кругами и основать периодический орган «Инвестигатор». Генеральный директор британско-нидерландской нефтяной монополии «Ройял Датч-Шелл» Г. Детердинг дал гетманскому движению 7 тыс. ф. ст., что породило нескрываемую зависть у других эмигрантских украинских групп²⁶.

В конце 1924 г. к гетманско-монархическому движению присоединились военно-гимнастические Сичовые организации украинских эмигрантов в США и Канаде. Идейной основой движения стали работы Липинского, в первую очередь «Письма к братьям-хлеборобам», а идейно-организационной — неперодический журнал «Хлеборобная Украина», вышедший в 1920—1926 гг. в Вене. Издания гетманцев публиковались также в Польше, Чехословакии, США и Канаде. Постепенно в течение 20-х годов сложилась довольно стройная по внутренней конструкции теория украинского государственного монархизма. Этот процесс вызвал резко негативную реакцию в иных лагерях эмигрантов. Российские сторонники великого князя Кирилла Владимировича утверждали, что Скоропадский сговорился с великим князем Николаем Николаевичем и генералом Врангелем, получив от них на будущее «левобережное гетманство». Приверженцы Николая Николаевича писали, что Скоропадский присягнул на верность великому князю Кириллу Владимировичу, за что получил «малороссийское генерал-губернаторство». В коммунистических органах печати сообщалось, что гетмана вообще «придумали поляки и немцы».

Потом назрел кризис в рядах гетманцев, вызванный размежеванием Скоропадского и большинства его сторонников с приверженцами Липинского. Последний в 1929 г. выступил с резкой критикой «реальной политики» окружения Скоропадского и его самого. Туберкулез, через полтора года приведший Липинского к смерти, не позволял ему осуществлять руководящие функции в Совете присяжных, а другой равной ему политической фигуры там просто не было. Скоропадский, тяготившийся навязанными ему представительскими функциями, теперь взял руководство движением в свои руки и опирался именно на «реальных политиков», ему лично преданных. Липинский как создатель «гетманской легенды» («легенды рода Скоропадских») болезненно реагировал на самостоятельные шаги Скоропадского — его переговоры с лидерами Венгрии о судьбе закарпатских украинцев и пр., после чего Липинский распустил Совет присяжных и образовал взамен Братство украинских классов-монархистов, — крайне малочисленной группировки «монархистов без монарха», распавшейся вскоре после смерти ее основателя.

Разброд среди украинских монархистов, однако, продолжался. Полтавец-Остряница, активный деятель гетманства в 1918 г., возобновил в 1920 г., уже в эмиграции, Вольное казачество. 1 июля 1926 г. он, после убийства в Париже Петлюры, выпустил «Универсал» с провозглашением самого себя гетманом и национальным вождем Украины «обоих берегов Днепра и войск казачьих и запорожских»²⁷. Это движение, оформленное в Украинское национальное казачье общество, по идеологии и практике было близко к итальянскому фашизму, немецкому национал-социализму и тесно с ними сотрудничало. Гетманцы же в 30-е годы преобразовали себя в Союз гетманцев-державников (с отделениями в Германии, Франции, Польше, Англии, Чехословакии, Югославии, США и Маньчжурии). Произошел переход в лагерь Скоропадского некоторых бывших его политических противников. Его теперь «признали» один из лидеров антигетманского восстания в ноябре 1918 г., член Директории А. Андриевский; галицийский радикал, шеф пропаганды Директории в дни свержения Скоропадского О. Назарук. Последний вообще стал одним из его ближайших сотрудников и способствовал тому, что к гетманско-монархическому движению прикнули американские и канадские «Сичи». Впоследствии Назарук активно

пропагандировал гетманскую идею на Западной Украине, входившей в те годы в состав Польского государства.

Самая влиятельная гетманская организация находилась в Германии. Ее центром являлся дом Скоропадского в Ванзее. Судя по воспоминаниям дочерей Скоропадского, это было большое здание, где часто устраивались политические приемы и два-три раза в год — званые. На один из них, в день «гетманского переворота» 29 апреля, собиралась элита украинской эмиграции. Частыми гостями там были некоторые российские аристократы (Олсуфьевы, Долгоруковы, герцог Лейхтенбергский), однополчане Павла Петровича, дипломаты, журналисты. Выделялась из их числа финляндская журналистка А. Норна, большая почитательница не только Скоропадского, но и маршала Маннергейма, бывшего кавалергарда.

Что касается материальной стороны дела, то Скоропадский получал денежное содержание в размере 10 тыс. дойчмарок из Государственной канцелярии президента Германии. Часть его уходила на поддержку других эмигрантов, другая часть — на содержание Украинского научного института и на стипендию находившимся под патронатом бывшего гетмана его студентам. Семью Скоропадских в основном кормило приусадебное хозяйство. Его вела Александра Петровна, ухаживая за курами и свиньями, выращивая овощи и фрукты. Политическая деятельность Скоропадского из немецких источников не финансировалась, и ему приходилось выискивать для нее средства у разных лиц и организаций. Средства шли на содержание Союза гетманцев-державников, издательскую, пропагандистскую и подпольную (в Западной Украине) работу. Помогали давние личные связи главы движения в Англии, Франции, Германии, Венгрии и Польше. Скоропадский открыто говорил своим сторонникам: «В конце концов, для дела прежде всего нужны деньги, а деньги могу добыть только я».

Когда в Германии установилась нацистская диктатура, Скоропадскому, находящемуся над надзором секретных служб, вменили в необходимость публично высказываться в пользу Гитлера. Под угрозой оказался Украинский научно-исследовательский институт в Берлине, не всегда выпускавший то, о чем ратовали в Третьем рейхе. И Скоропадский, и его сын Данила, который в 1935 г. был введен в состав Центральной управы и с 1939 г. проживал в Англии, часто выступали публично в защиту украинского национального движения. Примером может служить проведенная ими кампания в защиту Закарпатской Украины после захвата Чехословакии фашистской Германией. Когда на территорию Закарпатья вступили венгерские войска, они сурово обошлись со сторонниками свободного волеизъявления украинцев, призывавшими к созданию отдельного государства во главе с местным лидером, греко-католическим священником А. Волошиным. Скоропадский и его организация ходатайствовали об освобождении воинов Карпатской Сичи от арестов и от репрессий со стороны венгров и немцев. Среди других из концлагеря был освобожден поэт О. Ольжич. Уже после начала второй мировой войны Скоропадский способствовал освобождению из немецкого заключения таких лиц из рядов украинских националистов, как С. Бандера, А. Мельник и Я. Стецько.

Скоропадский в те дни пытался наладить сотрудничество всех украинцев в эмиграции на платформе независимой и соборной Украины. Таковы его послания своим сторонникам 1934—1940 годов. В них нет никаких упоминаний о создании независимой Украины по милости Германии. Там говорилось преимущественно об объединении всех «украинских сил»²⁸.

Хотя Скоропадский всегда демонстрировал свои антисоветские взгляды, он не пользовался доверием новых лидеров Германии из-за его независимой позиции, имевших его при себе «на всякий случай» и в память о 1918 годе. С одной стороны, вызывали подозрение данные о нежелании многих гетманцев ориентироваться на гитлеризм. Именно так расценивалась в Берлине информация киевского отделения гестапо военного времени о склонности гетманцев поддерживать Англию. С другой стороны, лидеры Объединенной гетманской организации Канады заявляли, что в случае назначения Скоропадского гетманом именно немцами или какой-либо

другой пронацистской акции самого Скоропадского либо лиц из его окружения канадские гетманцы порвут с ним всякие отношения²⁹. Эти и им подобные выступления приходилось учитывать, поскольку масса украинцев жила в странах Антигитлеровской коалиции.

После 20 июля 1944 г., когда состоялось покушение на Гитлера, многие близкие знакомые Скоропадского из немецких военных кругов были казнены за участие в деле или близость к организаторам покушения. Те бывшие связи, которые еще оставались у Скоропадского, он использовал для спасения украинцев из нацистских концлагерей. Благодаря его ходатайствам оттуда были вызволены многие лица. Его дочери Елизавета и Мария помогали, чем могли, тем украинским «остарбайтерам» и военнопленным, которые попадали в их дом в Ванзее.

Под конец войны 73-летний Скоропадский и его дочь Елизавета, талантливый скульптор, пытались бежать из зоны возможной советской оккупации. Они попали под бомбежку самолетами союзнической авиации на баварской станции Платтлинг. Тяжело раненный и обгоревший, отец попал в госпиталь католического монастыря с. Меттен, и когда 26 апреля 1945 г. его не стало, дочь пыталась похоронить его по-христиански, но не было гроба и не могли отыскать православного священника. Наконец, под аккомпанемент выстрелов его отпел греко-католический священник Г. Онуфрив, согласившийся отслужить эту панихиду без разрешения высших церковных властей. Тело Скоропадского было предано земле. Елизавета писала позднее: «Хоть и не православный был священник, но свой, украинец. У меня было чувство, что мой отец и я все-таки не оторвались от Украины и, что бы ни случилось, никогда не оторвемся»³⁰. Потом прах перевезли в Оберсдорф, где были похоронены позже все члены этой семьи, умершие в эмиграции. Исключением стал гетман Данила, жизнь которого оборвалась в Лондоне в 1957 г. при неясных обстоятельствах.

Думается, что Скоропадский являлся тем политическим звеном, которое в свое время могло бы связать воедино российские и украинские общественные круги на платформе признания суверенных прав народов двух держав.

Примечания

1. Конституційні акти України 1917—1920. Невідомі конституції України. К. 1992, с. 82—83.
2. ПРИЦАК О. Рід Скоропадських (історико-генеалогічна студія). В кн.: Останній гетьман. К. 1993, с. 192—193; СКОРОПАДСЬКИЙ П. Мое детство на Украине. В кн. Спогади. К. 1995, с. 381.
3. Спогади, с. 387.
4. История кавалергардов, 1724—1899. Т. I. СПб. 1899, с. 128 сл.
5. КРАСНОВ П. Год войны (14 месяцев на войне: очерки русско-японской войны с февраля 1904 г. по апрель 1905 г.). Т. 2. СПб. 1911, с. 113.
6. КВИТКА А. Дневник Забайкальского казачьего офицера (русско-японская война 1904—1905 гг.). СПб. 1908, с. 403.
7. Центральный государственный исторический архив Украины (ЦГИАУ), ф. 1219, оп. 2, д. 1163.
8. Спогади, с. 388; National Archives of Canada (NAC), MG. 30, C. 167, F. a. 1663, vol. 23, file 50 (письмо В. Липинского А. Жуку).
9. ЦГИАУ, ф. 1219, оп. 1, д. 491, л. 109, 121.
10. Там же, оп. 2, д. 385, л. 2—3.
11. Там же, л. 12—15.
12. Спогади, с. 276.
13. Там же, с. 57, 150.
14. Там же, с. 144—145.
15. См.: Законодательные акты 1918 г.: законы Украинской державы. Вып. V: апрель — июнь. Одесса. 1918; КРАСНОВ П. Н. Всевеликое войско Донское. В кн.: Белое дело: Дон и Добровольческая армия. М. 1992, с. 10—12.

16. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВОУ), ф. 3766, оп. 3, д. 10, л. 34.
17. КОВАЛЕВСЬКИЙ М. При джерелах боротьби: спомини, враження, рефлексії. Інсбрук. 1960, с. 317.
18. Минувшее: исторический альманах. Вып. 14. СПб. 1993, с. 258.
19. Революция на Украине по мемуарам белых. М.-Л. 1930, с. 139; Спогади, с. 238.
20. КРАСНОВ П. Н. Всевеликое войско, с. 80—82.
21. ШЕПТИЦКИЙ А., митрополит. Життя і діяльність: церква і церковна єдність (Документи і матеріали, 1899—1944). Т. 1. Львів. 1995, с. 137.
22. Спогади, с. 307—308.
23. Минувшее, с. 263—265.
24. ШЕМЕТ С. До історії української хліборобсько-демократичної партії. В кн.: Хліборобна Україна. Кн. 1. Вена. 1920, с. 78.
25. Минувшее, с. 265.
26. Государственный архив Волынской обл., ф. 46, оп. 9, д. 2617, л. 29—30; НАС, МГ. 30, С. 167, Ф. а. 1663, vol. 1, file 17 (дневник А. Жука).
27. Архіви України, 1992, № 1—3, с. 30—31.
28. См., например, новогоднее послание от 1 января 1940 г.— ЦГАВОУ, ф. 4465, оп. 1, д. 244, л. 31.
29. КОСИК В. Україна: Німеччина у Другій світовій війні. Париж — Нью-Йорк — Львів. 1993, с. 555; НАС, МГ. 30, Е. 350, Ф. а. 1125, vol. 1, file 13 (агентурные сведения Канадской конной полиции).
30. Спогади, с. 460.

Неоконченные споры

А. М. Анфимов

В нашей исторической литературе считается установленным, что в крестьянском хозяйстве уже господствовали капиталистические отношения, а само крестьянство разложилось на противоположные классы капиталистического общества — буржуазию и пролетариат: «Раскол деревни, ее буржуазный строй и новая социальная структура стали совершившимся фактом с 80-х годов прошлого века»¹.

Многообещающе название статьи П. Г. Рындзюнского: «Экономический строй крестьянского надельного хозяйства России в пореформенное время»². Выданный им вексель был оплачен лишь в малой доле — автор от анализа внутренней организации и экономики хозяйства отказался, приведя только внешние его связи, да и то не все, а ограничился рассмотрением продажи крестьянами своей рабочей силы на сторону и сравнением сумм от этой продажи с доходами от земледельческого хозяйства. (За пределами анализа остались такие внешние связи, как рынок товаров, аренда земли, кредит и т. д.) Исходя из того, что в четырех уездах Калужской губернии даже хозяева с посевом от 6 до 9 дес. имели дохода от промыслов близко к 50% общего дохода, автор считает, что в этих уездах в конце XIX в. из общего числа крестьянских дворов примерно 73% могут быть отнесены к пролетарским и полупролетарским. Получается, что перспектив для буржуазной революции в деревне никаких, зато для социалистической — более чем достаточно. Три четверти деревенского населения ждут только клича: даешь социализм. Что касается других групп крестьянства и других сторон хозяйства, мы их в статье не находим.

В литературе существуют разные виды группировок крестьянских хозяйств, имеющие целью выявить те грани, которые позволили бы причислить ту или иную группу к определенному классу капиталистического общества. Группировали по размерам посевов на двор, по рабочим лошадям, по числу работников, коров и т. д. Но ни одна группировка, как показал ряд исследований, не дала искомого результата, а именно, преобладания капиталистически организованных крестьянских хозяйств в деревне. Главный признак капиталистического хозяйства — эксплуатация наемной рабочей силы — упускался из виду.

Этот признак в качестве главного взял И. Д. Ковальченко, анализируя бюджеты 261 крестьянского хозяйства Пензенской губернии за 1913 год. Результаты своего анализа он изложил в статье «О буржуазном характере

Окончание. См. Вопросы истории, 1997, № 5–7.

крестьянского хозяйства Европейской России в конце XIX — начале XX века»³. Хозяйства остроумно разделены автором на четыре группы — по доле проданного на сторону труда членов семьи. Это была, несомненно, блестящая методическая находка.

К первой группе Ковальченко отнес 89 хозяйств (целую треть), «в которых продажа рабочей силы на стороне превышала затраты своего труда в своем хозяйстве. Это были пролетарии с наделом и мизерным собственным земледельческим производством»⁴. В их группе три четверти труда семьи продавалось на стороне и только четверть его употреблялась в своем хозяйстве.

Вторая группа (92 хозяйства) — переходная к третьей группе (49 хозяйств), в которой продажа рабочей силы на сторону и наем ее со стороны почти отсутствуют, вернее, имеют место как исключение (соответственно 2,3 и 1,0%).

Качественно отличается от предыдущих групп четвертая (31 хозяйство, или 12%), которая «характеризуется широким применением наемного труда. Он составлял почти половину к затратам собственного труда в своем хозяйстве (44,6%). И хотя в целом крестьяне этой группы еще не были капиталистами в полном смысле⁵, они представляли собой мелких сельских аграриев, из которых выростали собственно капиталисты»⁶.

Однако пересчет в отношении к общей сумме труда дает следующий результат: в указанной группе собственный, семейный труд составлял 69,1%, а наемный — 30,9%, что с натяжкой позволяет причислять эти хозяйства к крупнокрестьянскому, или гроссбуазеровскому типу. Для многих же и это было бы неправильно, так как часто работники нанимались вовсе не для земледельческих работ, а в промышленные заведения. К примеру, А. Н. Сидоров (бюджет № 7) имел всего 1,3 дес. посева, а в своем заведении у него было использовано за 1912 г. семейной рабочей силы 250 дней и наемной — 324 дня. Год закончил с дефицитом в 5 рублей. Афанасий Батраков (№ 77) имея одну соху (плуга не было), засеял 4,5 десятины. Затратил своих 47 и наемных 4 дня; зато свое «заведение» заняло 124 дня своих и 249 дней наемных рабочих. За год получил прибыли 9 рублей.

Действительными «мелкими аграриями» были двое. И. Ф. Киреев (№ 116) имел семью 13 чел., из них один мужчина был в отхожем промысле круглый год, а один «полуроботник» — полгода. Своей земли было 9 дес., плюс 28 дес. купленной пашни в отрубе. Посев занял 28 дес., затрачено 87 дней своих и 134 дня наемных работников. Год завершил с убытком в 75 рублей. Вторым был И. А. Денисов (№ 181), семья 6 человек. Земли имел 32 дес., из которых 5 дес. сдавал в аренду, но приарендовывал 10 десятин. Посев составил 32 десятины. Своих рабочих использовал 78 дней, а наемных — 356 дней. Имел две коровы и пять лошадей, но двух осенью продал, чтобы возместить часть убытка в 456 рублей⁷.

Тем не менее основной вывод автора гласит, что «все эти типы хозяйств объективно экономически, со стороны их производственно-экономического строя были товарно-капиталистическими, или, говоря иначе, буржуазными»⁸.

Заметим, что Ковальченко нашел подтверждение своего вывода не только в данных 1909—1913 гг., как по Пензенской губ., но и в давно прошедших 1887—1896 гг., когда А. Ф. Щербина составил бюджеты 230 крестьянских хозяйств Воронежской губ., опубликованные в 1900 году⁹. Оказывается, и здесь «обеспеченность всех групп крестьян основными земледельческими средствами производства, инвентарем и рабочим скотом была у всех групп примерно одинаковой (16—19 руб. на десятину)... Хозяйственные расходы на десятину посева также были почти одинаковыми (23—26 руб.)... Равными были и их доходы... Почти одинаковым был и общий валовой доход на рубль всех расходов в первых трех группах (1,07—1,13 руб.). Чуть выше он был в зажиточной группе (1,23 руб.)». И вывод из всего этого: «Таким образом, и в Воронежской губернии совершенно очевидна зависимость хозяйств всех категорий крестьян от товарно-капиталистического рынка и буржуазный в этом плане характер крестьянского хозяйства»¹⁰. По четырем группам автором выведена так называемая «рентабельность», понимаемая как отношение валового дохода к сумме всех расходов:

	I	II	III	IV	В среднем
Рентабельность	1.07	1.10	1.13	1.23	1.16
Чистая доходность	7.0	10.0	13.0	23.0	16.0

Заранее оговорим, что в представленных показателях смешаны два совершенно различных явления: первое, основанное на привлечении к земледелию рабочих рук, и второе, представляющее собой отток их от земледелия. Единственное, что объединяло эти крайности, — то, что они замыкались на одном хозяйстве, принося ему доход. О реальной рентабельности этого сочетания в научном смысле речи быть не может.

Что же касается рентабельности земледелия, о чем можно говорить как о реальном явлении, то, по тем же материалам, она была, в зависимости от количества рабочего скота, следующей (в рублях на двор) ¹¹:

Группы с числом голов:	Без рабочего скота	C 1	C 2	C 3	C 4	C 5 и более
Доход от сельского х-ва	62.3	168.7	366.4	717.1	785.9	1029.9
Убыток от сельского х-ва	89.9	57.1	81.1	16.9	31.9	11.0
% убыточности	144.3	33.1	22.1	2.4	4.1	1.1
Доход от промыслов	95.2	60.2	94.7	89.2	139.2	126.9
—»— промысл. заведений	2.9	7.3	46.4	29.4	23.4	114.3
Прибыль	8.2	10.4	60.0	101.7	130.8	230.2
% прибыли	5.0	4.4	11.8	12.2	13.8	18.1

Из воронежских бюджетов не видно никакой рентабельности сельского хозяйства — одни убытки, и даже в самой высшей группе доходы на 1% не дотянули до расходов. О «буржуазности» подавляющего числа этих «хозяев» неловко и говорить. К тому же дело идет о времени, когда Россия испытывала на себе самый тяжелый период мирового сельскохозяйственного кризиса.

И только когда в расчет вводятся крестьянские заработки на стороне и доходы от мелких промышленных заведений крестьян, в итоге у всех групп появляются плюсы, положительное сальдо баланса (от 5 до 18%), что мы условно, для краткости, называли «прибылью». На самом деле это никакая не прибыль, а превышение заработка на стороне над убытком от земледелия. Вот такая рентабельность.

По Старобельскому уезду (обследование 1910 г.) автором выделены 4 группы хозяйств: I — с посевом до 3 дес., II — от 3 до 7 дес., III — от 7,5 до 15 дес., IV — свыше 15 дес. на двор. По этим группам вычислены показатели ¹²:

	I	II	III	IV	В среднем
Общая рентабельность	1.25	1.22	1.19	1.21	1.21
Чистая доходность (%)	25	29	19	21	21

Попробуем и мы вычислить показатели по тем же группам:

	I	II	III	IV
Число хозяйств	17	26	25	22
Доход от сельского хозяйства	199.2	487.0	1010.7	1935.1
Расходы, включая подати	286.3	262.1	1066.2	1900.9
Прибыль (+) или убыток (-) (%к доходу)	-87.1	-75.1	-55.5	+34.2
Доходы от промыслов	64.9	64.4	63.8	12.4
Прибыль или убыток с учетом всех доходов	-22.2	-10.7	+8.3	+46.6
(% ко всему доходу)	-8.1	-1.9	+0.8	+2.4

И здесь, в Харьковской губернии, на таких же, как и воронежские, черноземах, низшие группы крестьян не имеют от собственного земледельческого хозяйства ничего, кроме гнетущей убыточности, покрываемой, да и то неполностью (см. первые две группы) за счет неверных заработков на стороне. В Старобельском уезде эта граница полуголодного существования даже отодвигается: только с 15 и более десятин посева начинается «рациональное» хозяйство на земле, приносящее прибыль хозяевам в 1,8% дохода.

Убыточность хозяйства низших групп видна и по Пензенской, Симбирской и Тульской губерниям, где Ковальченко обнаружил чистую доходность по всем группам. Источники показывают, что только в высших группах (начиная примерно с 10—15 дес. посева) земледелие начинает принимать торговый характер. Что же касается добавления «капиталистический», то оно не имеет никакого основания, так как основной признак — превышение массы наемного труда над семейным — не прослежен ни для одной из выделенных групп. Можно лишь констатировать, что такие хозяйства встречались отдельными вкраплениями и, несмотря на все успехи столыпинской ломки деревни, не составили настолько многочисленного слоя, чтобы оправдывалась характеристика всего строя крестьянского хозяйства, как строя товарно-капиталистического, или буржуазного.

Конечно, автор не мог пройти мимо положений Ленина о том, что «основой марксистских взглядов на пореформенное крестьянское хозяйство в России является признание типа этого хозяйства мелкобуржуазным», что взаимоотношения в среде крестьянства «показывают наглядно мелкобуржуазную природу крестьянского хозяйства в данной исторической обстановке». Автор принимает и вывод о том, что «затушевывать многочисленность мелкобуржуазных слоев в населении России значило бы прямо фальсифицировать картину нашей экономической действительности»¹³.

Выход из противоречия Ковальченко нашел в разделении аграрного строя на два: производственно-экономический строй и строй социально-экономический: «Таким образом, товарно-капиталистический, буржуазный характер производственно-экономического строя всех категорий крестьян в конце XIX — начале XX в. сочетался с господством в социально-экономическом строе деревни мелкобуржуазных слоев»¹⁴. Такой дуализм, на наш взгляд, не может выдержать научной экспертизы, поскольку в содержание производственно-экономического строя включено, как уже отмечено, чужеродный для этого понятия элемент — стоимость проданной на сторону рабочей силы, сложенная с доходами от производства. Происшедшая вследствие этого искусственная нивелировка хозяйств создала иллюзорную возможность применить для всех групп хозяйств, убыточных и доходных, такие понятия высокоразвитого капиталистического хозяйства, как средняя норма прибыли и цена производства¹⁵.

В другом варианте того же текста, дополненном математическим анализом данных, зона действия этих категорий расширена: «Общая рентабельность хозяйства была фактически одинаковой, во-первых, во всех группах хозяйств каждой из губерний и, во-вторых, во всех губерниях. В обширнейшем регионе существовала единая средняя норма прибыли для всех категорий крестьянских хозяйств. Функционирование всех этих хозяйств было всецело подчинено законам конкуренции и средней нормы прибыли, т. е. важнейшим законам капиталистического способа производства. Это значит, что внутренний строй всех категорий крестьянских хозяйств был буржуазным (применительно к основной массе крестьян — мелкобуржуазным)»¹⁶. Все здесь, до последней фразы, неверно. Мелкобуржуазный строй хозяйства понимается здесь как часть или частный случай буржуазного строя, как его низшая ступень. На самом деле между ними существует не только общее — собственность на средства производства, но и коренное различие в основах хозяйства — труд собственных (семейных) работников у одних и труд наемных рабочих — у других (здесь не рассматриваются представители торгово-ростовщической буржуазии). Таким образом, речь идет о разных укладах в российской деревне — мелкобуржуазном (мелкото-варном) и буржуазном (капиталистическом).

Кстати, в работах Ковальченко содержатся утверждения, которые мы отмечаем с особым удовлетворением: «Комбинированная группировка дворов подтверждает, что господствующим в пензенской деревне в начале XX в. был мелкобуржуазный уклад. Высокий уровень развития товарного производства (товарность хозяйства по социальным группам колебалась в пределах 42—53%) сочетался с господством в подавляющей части хозяйств собственного труда». Возможностью «пробиться в крупные хозяева» обладали, по убедительным расчетам автора, «лишь 5,7% всех хозяйств». Аналогичная группа по Воронежской губ. составляла лишь 5,2% всех дворов¹⁷.

В тех же выражениях, на основе одинаковых числовых показателей, подтверждается господство мелкобуржуазного уклада в Пензенской и Воронежской губерниях в работе трех авторов. Все ценные наблюдения и верные выводы содержатся в той ее части, где использованы источники, содержащие группировки крестьянских дворов по их хозяйственной состоятельности. Но как только авторы переходят к итогам пообщинным, поволостным, уездным и губернским и пытаются высунуть внутренний строй крестьянского хозяйства, их ждет полное фиаско. Поневоле им приходилось брать, например, такие недифференцированные показатели, как процент хозяйств с наймом работников, хотя, как сами же они признают, наем играл неоднозначную роль для разных групп. Единственное, что в книге вполне доказано, это разница в развитии крестьянского хозяйства в двух полярно противоположных группах губерний. Отметим и еще один вывод: «В группе губерний, представляющих «смешанный» тип развития, крестьянское хозяйство в целом можно оценить как среднее между «полярными» типами». А в итоге концентрация внимания авторов на внутреннем строе крестьянского хозяйства привела к искаженному представлению о взаимоотношениях классов в российской деревне.

В самом деле, какие признаки для характеристики крестьянского хозяйства по переписи 1917 г. использованы в количественных расчетах? Все, какие угодно, только не те, что рисуют отношения между крестьянами и помещиками на земельной почве. Все 35 хозяйственных признаков не выходят за пределы самого крестьянского хозяйства. Между тем только по уровню развития этого хозяйства, без сравнительных данных по помещичьему сектору, авторы объявили пять губерний (Астраханскую, Донскую, Екатеринославскую, Оренбургскую и Самарскую) губерниями «крестьянского» типа аграрного развития. Семь губерний (Витебская, Волынская, Киевская, Владимирская, Нижегородская, Калужская и Рязанская) представляют зону «помещичьего типа низкого уровня аграрного развития». Остальные 25 губерний отнесены к типу аграрного развития, названного авторами «помещичье-крестьянским»¹⁸.

Итак, казалось бы, факторный анализ подтвердил правильность представления о преобладании в России прусского типа аграрного развития. Но дело обстоит сложнее. На спецкурсах исторических факультетов студентам внушают, что «прусский путь касается лишь помещичьих хозяйств», а у крестьян — иное: «Развитие элементов американского пути в зажиточных крестьянских хозяйствах Центра, рост фермерских хозяйств на окраинах»¹⁹.

Начало рассмотрению помещичьего хозяйства как самостоятельного, замкнутого в самом себе, Ковальченко положил в 1971 году. Он напомнил, что Центральный статистический комитет делил все посевные площади крестьян на две категории: 1) посевы на наделных землях и 2) на частновладельческих землях, т. е. все остальные посевы, включая и крестьянские же — на арендованных у помещиков и на купчих землях. Тем самым имелось в виду создать иллюзию, что помещики ведут крупное хозяйство и что помещичье хозяйство выше крестьянского по результатам. В 1913 г., по этой статистике, за частными владельцами числилось 31,8% всех посевов²⁰. Продолжим расчет. От 67,9 млн дес. всех посевов в Европейской России доля частных владельцев должна составить 21,6 млн десятин. Н. П. Огановский считал по-другому. Он высчитал, что сами частные владельцы засевают 11 млн дес., а 18 млн дес. на их землях засевают крестья-

не ²¹. (По первому расчету — 10,6 млн десятин). Если учесть, что из 11 млн дес. собственной запашки частные владельцы примерно половину обрабатывали крестьянским инвентарем, то это как раз и показывает, что в России преобладала «мелкая культура на крупных латифундиях» (Ленин).

По вычислению Ковальченко, в предреформенное десятилетие (1851—1860 гг.) помещичьи посевы составляли 15,0 млн четвертей зерна или 21,9% всего высева. В 1916 г. посевы частных владельцев составили 8,4 млн десятин или 11,3% общей посевной площади. «Общее направление этих изменений состояло в снижении, точнее говоря, в падении роли помещичьего хозяйства», — заключает отсюда автор ²². На самом деле было как раз наоборот. От крепостного хозяйства, основанного на подневольном труде, переход даже к отработочному хозяйству, когда за обработку земли крестьянским инвентарем приходилось платить, иными словами, от натурального хозяйства к денежному, — этот переход был прогрессом, не говоря уже о переходе к капиталистическому хозяйству. К сожалению, никто до сих пор не пытался выяснить, за счет какой части площади — отработочной или капиталистической — шло сокращение посевов у помещиков. Априорно можно считать, что сокращалась площадь помещичьей земли, обрабатываемой крестьянским инвентарем и скотом, что было опять-таки прогрессивным явлением. Впрочем, по мнению Ковальченко, даже «отработочная система — это низшая, неразвитая форма земледельческого капитализма» ²³. (Еще более определенно отождествляет отработочную систему с капитализмом В. И. Бовыкин: «Роль феодальных элементов в ней ослабевала, а капиталистических — возрастала, в результате чего она в конечном итоге приобретала вполне капиталистический характер» ²⁴.)

Основная мысль исследователя сводится к тому, «что помещичье хозяйство в России в эпоху капитализма, особенно в период империализма, не могло определить исход аграрной эволюции». С этим выводом нельзя не согласиться, как и со следующим положением: «Другой важнейшей сферой, в которой проявлялось воздействие помещика на аграрную эволюцию, были земельные отношения» ²⁵. Указаны и материальные основы этого воздействия: по переписи 1917 г. в 35 губерниях Европейской России на долю помещиков приходилось 8,4% всей площади посевов, 15% пахотных угодий и 22,3% всех земельных угодий.

Следовало ожидать, что последует анализ отношений, складывавшихся между помещиками и крестьянами на данной основе ²⁶. Но вышедшая в 1982 г. работа трех авторов ²⁷ во многом не оправдала этих ожиданий. И здесь, как в случае с крестьянским хозяйством, внимание исследователей привлечено к внутреннему строю хозяйства, а также «внешние» факторы, как отработки во всех их видах, размеры и условия аренды, оказались неподвластными количественному анализу. Отсутствие в итогах переписи 1917 г. соответствующих сведений не снимает саму проблему отработочной системы и кабальной аренды, отмахнуться от нее невозможно.

Вообще данные о помещичьем хозяйстве в переписи 1917 г. должны восприниматься весьма критически. Перепись производилась летом и осенью 1917 г., в период острой борьбы; помещики часто покидали свои имения, укрываясь от крестьян в губернских городах. В архиве Центрального статистического управления хранятся незаполненные бланки переписи частновладельческих хозяйств с отметками о том, что владелец (или управляющий) имения выбыл в город, сведения давать некому. Правомерно полагать, что все показатели в итогах переписи занижены. Некоторым подтверждением этого служит то, что по переписи 1916 г. у 84 183 частных владельцев России было зарегистрировано 7194 тыс. дес. посевов, а в 7801 хозяйстве 38 губерний Европейской России в 1917 г. насчитывалось 3812 тыс. дес. ²⁸, то есть почти вдвое меньше. Ясно, что данные по хозяйствам или занижались, или не регистрировались вовсе.

При этом выявляется вопиющая несообразность, или не замеченная, или недооцененная авторами. В итогах переписи 1917 г. по 38 губерниям у частных владельцев насчитывалось 9569 тыс. дес. пашни, а в собственном пользовании 6075 тыс. Следовательно, на землю, сданную в аренду,

приходилось 3494 тыс. десятин. Между тем у крестьян в тех же губерниях собственной пашни значилось 60 467 тыс. десятин, а в хозяйственном пользовании 73 290 тыс. десятин. Крестьяне из деревни не бежали, уклониться от переписи не могли, да и не тот случай, чтобы уклоняться: смотри и записывай, как живем.

Откуда же взялась такая разница: имели 60 млн, а пахали 73 млн, то есть на 13 млн дес. больше, чем имели? Это не 3,5 млн десятин, которые вычислены по переписи частных владельцев, а почти на 10 млн дес. больше. Доказательства едва ли нужны: арендовали у помещиков и из непроданного земельного запаса Крестьянского банка. По данным трех авторов, в 1912—1913 гг. крестьяне 22 губерний арендовали 2,3 млн дес. сенокосов, а значит, в 50 губерниях — близко к 5 миллионам. Кроме того, крестьяне арендовали пастбища, которых Н. М. Карышев насчитывал 13 млн. десятин. К тому же, надо учесть имевшее место в годы войны сокращение аренды земли крестьянами. Таким образом, авторы напрасно сомневаются в правильности исчисленной нами цифры в 32 млн дес. земли, арендованной крестьянами Европейской России у частных владельцев.

Учтем на этот раз и то обстоятельство, что 13 миллионов крестьянских дворов имели в наделе 11,6 млн дес. леса (из них 5,4 млн дес., или почти половина, — у крестьян четырех губерний: Новгородской, Олонекской, Оренбургской и Уфимской). Этот лес практически давно был вырублен, но начальство по фискальным соображениям не позволяло зачислить вырубку в неудобье. В то же время 79 тыс. частных владельцев имели 100 млн дес. леса (не считая миллионов десятин частных уральских лесов), или по 126 дес. на каждого в среднем. Пользуясь своей монополией владения огромными земельными площадями, помещики держали основную массу крестьян в полукрепостной зависимости.

Ясно, что количественный анализ, каким бы он совершенным ни был, не может охватить все многообразие внешнего воздействия помещичьего землевладения и хозяйства на положение крестьянства, всех форм его зависимости и закабаления. Да это и не входило в задачу авторов. Наоборот, признаки хозяйства отбирались таким образом, чтобы элиминировать внешние факторы, сосредоточить внимание на внутреннем строе хозяйства. Внешние факторы использовались, чтобы показать мизерную роль собственного хозяйства в общем объеме землевладения и сельскохозяйственного производства в 1917 г.: 21,5% удобной земли, 16,4% пашни, 16,2% сенокосов, 7,7% посевов, 5,1% рабочего скота и т. д. У помещиков в расчете на 100 дес. посева было больше усовершенствованных орудий и машин, чем у крестьян (5,6 против 4,2), но, как говорится в книге, «это преимущество в условиях значительно худшей обеспеченности помещиков рабочим скотом (18,1 и 35,0. — А. А.) и орудиями вспашки (плуги — 6,8 и 13,1 — А. А.) не имело существенного значения», а посему «общий производственно-технический уровень помещичьего хозяйства Европейской России в период капитализма был в целом ниже, чем в хозяйстве крестьянском»²⁹.

Это утверждение неверно, потому что показатели рассчитаны на всю площадь посевов на помещичьей земле, включая и те посевы, которые на тех или иных условиях производились крестьянами, их скотом и инвентарем. Превосходство помещичьего хозяйства по травосеянию, по употреблению машин, удобрений, по качеству скота суммировалось в урожайности, которая на экономических посевах была выше, чем у крестьян, хотя разница (по ржи 6,0 против 5,0 четвертей) была «очень не велика». Она, урожайность, была бы выше и у тех, и у других, если бы помещики не имели возможности эксплуатировать крестьян при помощи земель, отдаваемых им в испольную обработку или в погодную аренду, а на этих землях урожайность была ниже, чем даже на надельных³⁰.

Теперь о «превосходстве» крестьянского хозяйства в отношении количества лошадей на 100 десятин посева (35,0 против 18,1). Малоземельному крестьянину приходилось содержать лошадь себе в убыток, ибо утилизировать всю ее силу и время на своем клочке он не мог. Этим и пользовались помещики, используя «излишний» рабочий скот крестьян и избегая, таким

образом, вложения собственного капитала, чем, естественно, замедлялся прогресс самого помещичьего хозяйства.

Самое, может быть, любопытное открытие авторов — превосходство крестьянского хозяйства в обладании плугами (13,1 и 6,8). Заметим, что сопоставление сделано некорректно, по разному числу губерний, а по сопоставимым данным 25 губерний соотношение получается 10,3 и 6,8. Но при этом не учитывается, что у крестьян многолемешных плугов насчитывалось 22%, а у частных владельцев 45%, то есть вдвое больше. С учетом этой разницы (считая многолемешные плуги двухлемешными) соотношение лемехов на 100 дес. посева будет уже 12,6 против 9,9. Помещики, как и в случае с лошадьми, использовали тот факт, что малоземельному крестьянину и плуг требовался отчасти для того, чтобы обрабатывать земли помещика.

И в подобных явлениях авторы усматривают превосходство крестьянского хозяйства над помещичьим. Но ведь имевшиеся у крестьян 25 губерний 3,4 млн плугов приходились на 8,7 млн наличных дворов или на 7,4 млн. дворов, имевших посева. Считая по одному плугу на двор, получим, что 4,0 млн. хозяйев, или более половины (точнее, 54,2%) обрабатывали землю сохами, сабанами и другими стародедовскими орудиями. А нас хотели бы убедить в том, что «крестьянская» среда «оказывала влияние на прогресс помещичьего хозяйства. Следовательно, ведущую роль в этом прогрессе играло не помещичье хозяйство, как утверждали и утверждают буржуазные историки, а хозяйство крестьянское»³¹. Губительное влияние крепостников на прогресс крестьянского хозяйства игнорируется.

Обратим внимание на недоговоренность в суждениях авторов. Читателя вплотную подводят к выводу о том, что в России преобладал не помещичий (прусский) путь развития, а крестьянский, то есть американский. Этот вывод вот-вот готов сорваться с уст, но почему-то не поворачивается язык.

Другой лейтмотив работы трех авторов — уже не доказательство мизерной роли помещичьего хозяйства в сельскохозяйственном производстве и ничтожности его влияния на крестьянство, а наоборот — возвышение капиталистической организации внутреннего строя этого хозяйства. Начинается опровержение самих себя. Основной резюмирующий тезис гласит: «Во внутреннем строе помещичьего хозяйства Европейской России повсеместно господствующее положение занимала капиталистическая организация производства», причем «буржуазное развитие этого хозяйства в целом достигало сравнительно высокого уровня, особенно в районах Нечерноземной и Южной Степной зон»³².

Этот вывод основывается на тесной сопряженности всех основных факторов производства и особенно на том, что помещики обрабатывали (вернее, могли обработать) две трети (68%) своих посевов собственным рабочим скотом³³. Эта цифра получена при учете всех посевов и всего поголовья лошадей. Но итоги переписи 1917 г. не содержат группировки хозяйств по размерам посевов, поэтому обратимся к итогам переписи 1916 г., где такие группировки имеются. Оказывается, в 1916 г. 71,6 тыс. рабочих лошадей или 5,2%, числились за беспосевными и малопосевными (до 10 дес.) группами. За неимением иного показателя, перенесем его, с известной долей условности, на итоги 1917 года. Названный выше процент собственной обработки равноценен 778 тыс. дес., что составило 10,8% всех частновладельческих посевов³⁴. Понятно, что на эту площадь нельзя разверстывать наличное поголовье рабочего скота. Поступая тем же путем, получим общий процент (5,2+10,8) понижения — 16%, а собственная обработка посевов частных владельцев понизится с 68 до 52%.

Нам могут заметить, что мы рискуем занизить потенциал тягловой силы в хозяйствах помещиков. Возможно, поскольку пользуемся соотношениями 1916 года. Однако, он еще более понизился бы, если бы мы могли учесть и удалить из графы рабочих лошадей, куда они попали, маток и производителей помещичьих конных заводов, не знавших хомутов рысаков частных конюшен, выездных скакунов русских амазонок и т. п.

Одним словом, даже внутренний строй помещичьего хозяйства показы-

вают зримые полукрепостнические черты. Из 3,8 млн. дес. частновладельческих посевов, учтенных в 1917 г. в 34 губерниях, мы вправе отнести к капиталистическому сектору не более 2 млн. десятин. Вследствие этого нам представляется поспешным суждение авторов о том, что отработки первого рода (отработки земли крестьянским инвентарем) «выступали лишь как дополнение к собственно капиталистическим методам ведения хозяйства и не оказывали существенного воздействия на общий социально-экономический облик помещичьего хозяйства. Более широко были распространены отработки второго рода, хотя и они не имели решающего значения»³⁵. Оба эти положения не доказать даже математическими методами, так как косвенные показатели позволяют лишь констатировать наличие отработок. Показать же масштаб их распространения авторы не смогли.

Посмотрим на те элементы помещичьего хозяйства, которые мы условно назвали «внешними». Крестьяне арендовали, округляя, 13 млн дес. пашни; что в аренде преобладали крепостнические черты, это, думается, доказано. Приведем для наглядности лишь два дополнительных факта. В Самарской губернии аренда по срокам распределялась так (в %) ³⁶:

Год	На 1 год	На 2 года	Неизвестно
1911	74,6	22,3	3,1
1912	75,6	20,9	3,5
1913	82,6	16,4	1,0

Итак, погодная — крепостническая — аренда в одной из губерний наиболее высокого капиталистического развития занимала от 3/4 до 4/5 площади. Может быть, слишком смело брать эти показатели за всеобщие. Но вот положение в другой южной губернии — Таврической. Статистика Крестьянского банка решила сравнить платежи заемщиков по ссудам с местными арендными ценами за десятину земли. Им удалось сделать это по всем намеченным губерниям, за исключением Таврической, где, как они официально записали, «преобладала аренда издольная»³⁷ — еще худший вид аренды. Беря 3/4 от 13 млн дес. аренды, получаем еще 10 млн дес. крепостнической сферы помещичьего хозяйства.

А теперь посмотрим, как историки превращают черное в белое. Обратимся опять-таки к цифрам. В рассматриваемой работе приведена любопытная таблица 7 под названием: «Интенсивность использования сенокосных угодий в 1917 г. (количество продуктивного скота на 100 дес. сенокосов)». В итоге таблицы показано, что на 100 дес. сенокосов у помещиков приходится 23 головы скота, а у крестьян — 108 голов, и, следовательно, луга всех владельцев почти в 5 раз интенсивнее использовались продуктивным скотом, чем помещичьи, а стало быть помещичье хозяйство во столько же раз отставало в этой отрасли от «всех владельцев», в число которых авторы включили и самих помещиков. Так в который раз крестьянское хозяйство оказалось во главе прогресса.

Вопиющая нехватка сенокосов у крестьян, как оборотная сторона вольготности для скота у помещиков, стала у авторов книги преимуществом крестьян. Попутно отметим, что в расчет не введен рабочий скот, как будто лошади могли работать, не требуя сена. Если же учесть всех травоядных животных (в переводе на крупный скот по общепринятым коэффициентам), то земельное утеснение крестьян предстанет в его действительных размерах: у помещиков на 100 дес. сенокоса и сеяных кормовых трав — 70 голов, а у крестьян — 310 голов, т. е. в 4,4 раза больше. Укос сена с хороших крестьянских лугов составлял примерно 100 пудов, а на 3 головы скота требовалось 460 пудов (190 для лошади и 270 для двух коров). Недоставало среднему крестьянину 360 пудов сена. В Смоленской губ. сбор сена со своих и купчих лугов лишь на 30% удовлетворял потребность крестьян в корме для скота, остальные 70% покрывались за счет помещичьих сенокосов³⁸. При этом надо учесть признанный статистиками факт, что в условиях ожесточенной борьбы за землю помещики давали заниженные сведения

о площади своего землевладения, в том числе и лугов. Как уже указывалось выше, до войны помещики сдавали крестьянам до 5 млн дес. сенокосов, а так как сдача была почти исключительно погодовой или «на третьяк», по крайней мере 4 млн дес. мы должны будем зачислить по крепостническому «ведомству».

Перепись 1917 г. не дала никаких сведений о сдаче помещиками пастбищ. Сдавались под пастьбу скота кустарники, неудобья, пар до вспашки, жнивье после уборки урожая, луга после скоса сена, иногда лесные площади. Снимали эти угодья обычно сельские общества, как правило, без меры площади, по условиям за деньги или за отработки. С 90-х годов, когда Карышев определял аренду пастбищ в 13 млн дес., нужда крестьян в пастбищах не убавилась, но возможности аренды сократились, что не могло не повести к ухудшению ее условий. К сожалению, мы лишены возможности определить сокращения размеров аренды пастбищ с 13 млн дес. 90-х годов, но если взять на канун мировой войны хотя большую половину, область эксплуатации крестьян помещиками расширится еще на 7 млн десятин.

Подведем примерный баланс, переходя на предвоенный уровень.

В «капиталистическом активе» у помещиков: часть от 7,7 млн. десятин всех помещичьих посевов, равная 4 млн десятин.

В «крепостническом пассиве»: 1) часть собственных посевов, обрабатываемая крестьянским инвентарем — 3,7 млн дес., 2) 3/4 сдаваемой крестьянам пашни = 15 млн, 3) сенокосов — 4 млн, 4) пастбищ — 7 млн. дес.

Итого, в «крепостническом пассиве» круглым счетом 30 млн. десятин. К этому надо прибавить различные виды эксплуатации крестьян с монополией помещиков на лесные богатства.

Авторы указанной работы приходят к правильному выводу о том, что «внутренний социально-экономический строй помещичьего хозяйства характеризовался переплетением собственно капиталистических и отработочных приемов его ведения». Некоторые же из рассмотренных ими данных, «прежде всего обеспеченность помещичьих посевов собственным рабочим скотом», «свидетельствуют о преобладании во внутреннем строе помещичьего хозяйства буржуазных отношений»³⁹. Но, как выше показано, именно этот показатель весьма уязвим с методической точки зрения и намного завышен.

Второй показатель, служащий автором опорой, — наемная рабочая сила, которой помещики старались обеспечить себя в зависимости от производственных условий той или иной природной зоны. Но война спутала эти закономерные в обычных условиях расчеты хозяев, так как половина сельских работников переместилась в окопы. Правда, часть их могли заменить военнопленные и беженцы, но при их распределении место капиталистической конкуренции заняла конкуренция совсем иного рода — конкуренция, во-первых, дворянских титулов и природных званий, и лишь во-вторых — купеческих гильдий и текущих счетов в банках. О каких закономерностях рынка рабочей силы могла идти речь, когда, например, в 1916 г. из 400 тыс. военнопленных и беженцев, работавших у помещиков и заменявших четверть всей рабочей силы, 134 тыс., т. е. треть, была отдана 1672 крупнейшим помещикам, составлявшим всего лишь 2% зарегистрированных переписью частных владельцев⁴⁰.

Несмотря на это, авторы обнаружили «большую глубину подчинения помещичьего хозяйства объективным закономерностям социально-экономического развития, что, в свою очередь, свидетельствует о высоком уровне буржуазно-капиталистической эволюции помещичьего хозяйства»⁴¹.

Противоречие между книгами трех первых и еще трех авторов заключается в том, что первыми в конце концов признан мелкобуржуазный характер российского крестьянства, вторые же, убежденно доказывавшие, что крестьянскому хозяйству принадлежала ведущая роль, а потенциал помещичьего хозяйства «не только не превосходил потенциал хозяйства крестьянского, но и в целом был заметно ниже», тем не менее пришли к выводу, что помещичье хозяйство превратилось в буржуазное, возвысившись рангом над мелкобуржуазным крестьянским. Но и этого мало.

Именно в помещицкой «сфере аграрного сектора экономики страны буржуазно-капиталистическое развитие к концу эпохи капитализма достигло уровня, создавшего объективно-экономические предпосылки для социалистических аграрных преобразований». Аминь! Как сказал бы артист: «Не поймите меня правильно!» Этот вывод взял на вооружение В. И. Бовыкин. «По их мнению, — пишет он, — процессы буржуазной эволюции помещицких хозяйств «также делали неизбежной социалистическую революцию в стране»»⁴².

Могут возразить: мол, упомянутые ученые исследовали лишь внутренний строй помещицкого хозяйства и пришли к правильному выводу о переносе в этом строе капиталистических черт. Но ведь они искусственно оторвали от этого хозяйства подавляющую часть помещицкого землевладения, служившую средством эксплуатации крестьянства.

Авторов труда о помещицком хозяйстве строгий математический анализ привел к выводу, что «размеры имений как таковые не препятствовали буржуазно-капиталистической эволюции помещицкого хозяйства»⁴³. Впервые, исследователи не располагали данными о размерах имений, в итогах переписи 1917 г. группировок имений по размерам нет. Во-вторых, это заявление противоречит свидетельствам современников. Приведем одно из них — деятеля Объединенного дворянства Н. А. Павлова. Будучи сам владельцем двух не очень крупных имений в Поволжье, он писал: «Я сказал бы, что все латифундии нашего центра бездоходны, если бы не знал из сотни таких имений всего 2 или 3, поставленных серьезно и доходно. Если же от больших имений отнять побочные отрасли, оброчные статьи (т. е. сдаваемые в аренду земли. — А. А.), мельницы и винокурение, то доходность полевая таких имений свелась бы к нулю, даже при наступлении сравнительно выгодных условий». Тот же автор жаловался: «Беда тому помещику, кто имеет соседнюю латифундию: там и цены на все работы дороже, там и грабежи и распушенность всякого рода служащих... и все хозяйство хаос... Имения заглазные и особенно крупные сыграли роковую роль в среде частного землевладения, являясь воспитательными домами всяких бесчинств, воровства и уничтожения необходимой в нашем деле дисциплины»⁴⁴. Латифундии не только губительно влияли на крестьянское хозяйство, но и на «внутренний строй» соседних помещицких хозяйств, подрывая устои их «буржуазно-капиталистической эволюции».

И второе противоречие, которое и не могло быть установлено математическим анализом. Дело, как правило, обстояло так, что у крупных помещиков, имевших обычно несколько имений (иногда десятки), собственное хозяйство велось в одном-двух имениях, а в прочих земля сдавалась крестьянам. Рента с этих имений, не требовавших затрат капитала, служила источником поддержания экономики, где велось хозяйство, гарантом в случае убытка. В свою очередь, капиталистически ведущее хозяйство было опорой фундамента, на котором держались другие, малопродуктивные имения, с арендным «хозяйством».

Как ни парадоксально, но многие крупные крепостнические латифундии представляли собой крупнейшие очаги новейшего капиталистического земледелия. Так, наполовину отработочная Ракитянская экономия кн. З. Н. Юсуповой гр. Сумароковой-Эльстон с сахарным заводом и своими свекловичными плантациями располагала в 1910 г. половиной усовершенствованного сельскохозяйственного инвентаря Грайворонского уезда Курской губернии. (В Ракитное был в 1916 г. сослан Ф. Юсупов-младший за участие в убийстве Распутина).

Мертвый хватает живого

Не может считаться окончанным спор о размерах и характере аграрного перенаселения в России, имеющий прямое отношение к результатам аграрной реформы Столыпина. Сюда же примыкает и проблема крестьянских промыслов.

Признаемся, поверили мы итогам одной солидной правительственной

комиссии⁴⁵, которая исчислила избыток рабочей силы в деревне Европейской России на 1901 г. в 23 млн человек. Аналогичный расчет показал, что к 1913 г. несмотря на переселение за Урал 3 млн и в города 4 млн, в деревне, с учетом естественного прироста населения, избыток людей в трудоспособном возрасте составил уже 32 млн человек. После некоторых подсказок мы понизили последнюю цифру до 28 млн человек, в том числе за счет тех 2 млн, которые уходили на неземледельческие заработки.

Но и при этом поражает исключительное количество деревенских жителей, которые не могли применить свой труд в сельском хозяйстве даже в уборочную страду. Поясним, что комиссия рассчитывала потребность рабочих на всю площадь зерновых посевов, подлежащих почти одновременной уборке, следовательно, и на труд отходников на уборку в другие районы, поэтому мы не вправе исключать их из числа «лишних людей».

Раздражение определенной группы ученых вызвал сам факт обращения к вопросу об аграрном перенаселении, ибо этим нарушалась прочно выстроенная система доказательств преобладания капиталистических отношений в российской деревне.

Рындзюнский в специальном разделе своей книги, посвященном аграрному перенаселению, не отрицая его феодального происхождения, уверял, что пореформенный крестьянин, не имевший возможности прокормиться с надела, вступал со своим бывшим баринном в новые отношения. И пусть эти отношения строятся на кабально-ростовщической системе, но в условиях развития капитализма они приобретают «примитивно-капиталистический» характер, вид «средневекового», «деревенского» капитализма. И вывод: «Поскольку в пореформенной России феодальные производственные отношения в собственном смысле отсутствовали, постольку аграрное перенаселение в ней имело не феодальную, а капиталистическую основу»⁴⁶.

Рындзюнский оригинален в своих расчетах: вместо исчисления перенаселения как излишка сверх количества работников, требующихся для работы в уборочную страду, он считает перенаселением то количество людей, которым не хватает хлеба со своего надела. Таким образом, избыток рабочей силы подменен «избытком» населения, вместо капиталистических «товарно-хозяйственных» черт взяты феодальные «натурально-хозяйственные» черты. Для сторонника представления о победившем аграрном капитализме это необъяснимо. Впрочем, такой подход и не позволил автору показать, как было им обещано, размеры аграрного перенаселения.

«Аграрное перенаселение как результат недостаточно быстрого развития капитализма во многих местностях проявлялось в сильной степени», — писал П. И. Лященко⁴⁷. Это мнение оспаривает В. Г. Тюкавкин, сетуя на то, что «какого-либо обоснования этого положения в работе Лященко, к сожалению, не содержится»⁴⁸. Методике «Комиссии Центра» Тюкавкин предпочел, с некоторыми оговорками, методику А. В. Островского, который, и на наш взгляд, правильно поступил, взяв в расчет не все трудоспособное население, проживавшее в деревне, а только сельскохозяйственное. Но едва ли прав Островский (а с ним и Тюкавкин), когда он учитывает потребность в рабочей силе для таких работ, как «уборка технических культур, особенно льна, картофеля, сахарной свеклы» и т. д. Сам Островский признает, что он продлевает страдальный период до месяца, т. е. захватывая и уборку технических культур. Тем самым максимум, пик занятости рабочей силы, приходящийся на уборку зерновых хлебов, завышается, так как в действительности те же люди переключаются на уборку позднее созревающих культур, а в статистике появляется повторный счет этих людей. Так получился у Островского итог численности избыточного трудоспособного населения в Европейской России — от 9,2 до 12,2 млн человек⁴⁹.

Здесь не место приводить какие-либо уточняющие статистические выкладки. Зададимся, однако, вопросом: 12 млн лишних людей, которым даже в разгар уборочной страды не к чему приложить рабочие руки, — много это или мало, если в 1913 г. для всех 75 млн дес. посевов зерновых было достаточно 17 млн человек? Авторы коллективной монографии «Рабочий

класс России» считают, что в 1913 г. насчитывалось 6,5 млн человек сельскохозяйственных рабочих во всей России⁵⁰. Относя к Европейской России грубо 6 млн, получим, что по миновании уборочных работ 11 млн трудоспособных работников в деревне оставались без надежды применить свой труд на стороне, вне своего мизерного надела. И это помимо исчисленного аграрного перенаселения, будь то 9, или 12, или 28 миллионов.

Можно ли эти десятки миллионов лишних людей считать вытолкнутыми из производства развивавшимся аграрным капитализмом? Положительный ответ на этот вопрос дает В. П. Панютин, который считает, что «в пореформенный период в условиях господства капитала в сельском хозяйстве России аграрное перенаселение носило капиталистический характер, являясь скрытым проявлением безработицы в нем. По мере того, как капитал овладевал сельскохозяйственным производством и уменьшал численность необходимых для получения определенного количества продуктов рабочих рук, создавалось избыточное сельское население»⁵¹. Можно подумать, что аграрный капитализм настолько усовершенствовал производство, что стал обходиться шестью миллионами, вытолкнув 12 млн работников вообще из производства, а 11 оставил в резерве для сезонных работ.

Если судить по численности резервной армии труда, российский капитализм должен быть признан самым передовым в Европе. Но дело было как раз в противоположном. Слабое развитие российского капитализма, как промышленного, так и особенно аграрного, выражалось в том, что он не был способен использовать рабочую силу огромных масс населения городов и деревень. О прогрессивности отходничества говорить излишне. Но этим не снимается вопрос: с чего бы это шесть миллионов мужчин и женщин ежегодно идут в город и, поработав несколько месяцев, возвращаются к себе домой, в деревню? Почему они не переселяются в город навсегда? А сколько их, не найдя работы там, куда стремились, возвращались домой ни с чем, пешком, питаясь Христовым именем. Свидетельств тому в печати того времени множество. А ведь эта масса, предлагая свои рабочие руки задешево, давила на заработную плату постоянных, кадровых рабочих. Отходничество имело и другие отрицательные стороны.

Оно не оставалось чисто внутренним делом России. Его волны переклестывали государственные рубежи, главным образом русско-германскую границу. Н. Л. Тудоряну в исследовании о трудовой эмиграции указывает, что если в 1909/1910 году в Германию из России прибыло 259 тыс. сельскохозяйственных рабочих, то в 1912/1913 г. — уже 317 тысяч. При этом германские легитимационные власти считали эти данные заниженными. В Германию, Данию и другие европейские страны ежегодно отправлялись на сельскохозяйственные сезонные работы около 400 тыс. человек. Правда, в их числе до половины составляли выходцы из Польши, по одной пятой — из Прибалтики и Северо-Западного края⁵².

Сравнение уровней развития аграрного капитализма в Германии и в России объясняет смысл явления: германский аграрный капитализм уже к концу XIX в. нашел применение всей вытесненной им рабочей силе разорившихся мелких производителей, собственной «резервной армии сельских рабочих». Новой «резервной армией» для него стали разоренные крестьяне сопредельных стран, почти исключительно России и Австрии (точнее, части этой страны — отсталой Галиции), поставивших немецким баронам и гроссбауэрам в XX веке до 700 тыс. рабочих ежегодно. А российский капитализм использовал, по большому счету, не свыше четверти свободных рабочих рук деревни. Это не значит, что у германского капитализма не было своих проблем. Некоторые моменты и в германском сельском хозяйстве представляли собой «прямое переживание крепостничества»⁵³. Но, как говорится, нам бы ваши заботы.

Земля в торговом обороте

Оценить фактические результаты столыпинской аграрной реформы и их влияние на характер развернувшейся вскоре трагической борьбы

общественных сил невозможно без исследования изменений, происшедших в землевладении. В представлении П. А. Столыпина, крестьян от борьбы с помещиками сначала удалось бы отвлечь поощрением междоусобной борьбы внутри самого крестьянства на почве дележа общинных земель, в которой при помощи правительства победят «сильные» — в конечном счете союзники помещиков в защите частной земельной собственности против остального, ослабленного, общинного крестьянства. Борьба в деревне постепенно затихнет, и помещики сохранят свои земли, что являлось не оглашаемой вслух, но первостепенной задачей реформы; при поддержке «новых помещиков» крупные землевладельцы останутся главенствующей силой в стране.

На проведение своей программы Столыпин требовал 20 лет. Одним из условий, от которых зависело ее осуществление, было перераспределение землевладения, зависевшее не столько от правительственных предначертаний, сколько — в решающей степени — от законов рынка. Выше было показано, что общинное землевладение удалось сократить только на шестую часть, что уже само по себе свидетельствовало о неудаче столыпинской реформы. Теперь предстоит разобраться в процессах, происходивших в области иных видов землевладения.

Земля казны. Обращаясь к землям казны, оставим в стороне 150 млн. десятин лесов Севера: они тоже приносили доход казне, но это тема для специальной работы. В данном же случае речь идет о землях вне этой зоны, о тех, которые казна эксплуатировала в виде так называемых оброчных статей, сдаваемых в аренду. Это могли быть и земли выморочного или конфискованного по суду имения, и водные пространства, оставшиеся за казной после наделения крестьян в 60-х годах XIX в., и просто территории, захваченные государством у народов (например, при отмежевании земли у кочевников). Казенных земель такого рода было к 1907 г. 7,6 млн дес., приносивших доход казне в 9,3 млн рублей.

По указу 3 ноября 1905 г. из владений казны выделялось для продажи крестьянам 0,5 млн дес. удобных земель. Сколько таких земель в действительности было продано, подсчитать можно при желании с точностью до десятины. Но важно лишь отметить, что наибольшее количество казенной земли было в губерниях: Астраханской — 59,5 тыс. дес.; Вологодской — 11,7 тыс.; Вятской — 10,2 тыс.; Екатеринославской — 12,1 тыс. и особенно в Оренбургской — 93,0 тыс. и Пермской — 165,0 тыс. десятин.

Получается, что все продажи земли производились (конечно, в зависимости от ее наличия) на окраинах Европейской России, как раз в районах, не испытывавших недостатка в земле. Правда, часто казенную землю в указанных губерниях покупали товарищества крестьян, прибывших из малоземельных губерний (Полтавской, Черниговской и др.). Но сам объем операции по продаже казенных земель оказался таков, что не мог сколько-нибудь существенно смягчить малоземелье у крестьян внутренних губерний. Несмотря на продажу крестьянам значительного количества земли, общая площадь данной (оброчной) категории казенных земель не только не уменьшалась, но даже прирастала. С 7,6 млн дес. в 1907 г. она расширилась до 8,4 млн дес. в 1916 г., а доходы от сдачи оброчных статей в аренду возросли с 9,3 до 13,9 млн рублей⁵⁴.

Площадь увеличилась на одну десятую, а доходы — наполовину. В числе 33 383 оброчных статей, на которые были разбиты все казенные владения, значилось 13 480 оброчных статей, условной называвшихся «безземельными», хотя подразумевалось 114,5 тыс. дес. земли, в среднем по 8,5 дес. на статью. Это были рыбные ловли, казенные мельницы, переправы, карьеры, отводы под шахты и особенно — участки нефтеносных земель. На Кавказе из 477 тыс. дес. земли, захваченных казной в свою собственность, 119 тыс. дес. приходилось на Бакинскую губ., из них на 8 тыс. дес. располагались 4840 «безземельных» (точнее сказать: несельскохозяйственных) оброчных статей, по 1,6 дес. в среднем на статью, — почти исключительно участки нефтеносной земли, сдаваемые в аренду с торгов. Эти земли в 1907 г. принесли казне дохода 295 тыс. руб., по 37 руб. с десятины. К 1916 г.

площадь «безземельных» оброчных статей в Бакинской губ. сократилась до 5,8 тыс. дес., а число статей возросло до 5300 (средняя площадь статьи составила 1,1 десятины). Доход с десятины в 1916 г. составил 99 руб., то есть возрос по сравнению с 1907 г. в 2,7 раза. Общий же доход от этих земель удвоился, приблизившись к 600 тыс. рублей.

Остальные казенные земли Кавказа (408 тыс. дес.) давали дохода в 1907 г. — по 89 коп. с десятины, что подтверждало общее мнение о безхозяйственности, царившей в ведомстве государственных имуществ. Бытовала, по-нынешнему говоря, растащиловка. Вел. кн. Сергей Михайлович, унаследовавший в 1857 г. от бывшего наместника Кавказа имение «Боржомская охота» (около 70 тыс. дес.), сочтя это пространство недостаточным, в 1909 г. арендовал у казны право охоты в имении «Мыса Пятая гора» (11 тыс. дес.) сроком до 1921 г. с уплатой 212 руб. в год. В 1915 г. вел. кн. Николаю Михайловичу была на 15 лет сдана (в нарушение закона, без торгов) охота в казенном имении Неграмские горы в Нахичеванском уезде Эриванской губ., 11 560 дес., причем (опять же вопреки закону) без какой-либо арендной платы⁵⁵. К 1916 г. площадь казенной земли сократилась на Кавказе (без Бакинской губ.) до 271 тыс. дес., а доходы с 364 тыс. сократились до 274 тыс. руб., хотя подесятинный доход несколько повысился, составив, однако, всего лишь 1 р. 01 к. с десятины.

В наш общий учет не вошли пастбища на Кавказе (2,5 млн дес., 4101 оброчная статья), объявленные после Кавказской войны собственностью казны и обложенные арендной платой. В 1907 г. доход от аренды пастбищ составил 323 тыс. рублей. Эти несправедливые платежи явно не прибавляли популярности политике царизма среди народов Кавказа.

В нашей литературе не освещена проводившаяся правительством Столыпина политика земельного ограбления народов тогдашнего Туркестана (современные Казахстан и Средняя Азия). Проводившиеся в те годы межевые экспедиции определяли «научные» нормы потребности местного населения в земле, а всё сверх этих «норм» отмежевывалось и передавалось в фонд Переселенческого управления и в собственность казны. Только в Казахстане в переселенческий фонд ушло 21,4 млн дес., в том числе до 1906 г. — 4 млн., и за 1906—1912 гг. — 17,4 млн. десятин. Не обидела себя и казна. В Тургайской обл. она присвоила себе 230 тыс. дес., в Семиреченской — 798 тыс., у дехкан Ферганской области — 552 тыс., а всего по Туркестану более полутора миллионов (1674 тыс.) десятин. Доход казны с оброчных статей в Туркестане возрос с 163 тыс. до 948 тыс. руб., то есть в 5,8 раза.

Этот земельный грабеж был тесно связан с неафишировавшейся и потому для массового россиянина незаметной столыпинской политикой принудительного перевода кочевников со скотоводства на оседлое земледелие. Трагедию этой ломки, которая соразмерна (в местных, конечно, масштабах) с последующей коллективизацией, никто по-настоящему не описал. А ее результатом была массовая гибель людей и скота. Земельное ограбление было одной из коренных причин восстания 1916 г. в Казахстане и в Средней Азии. В литературе же нередко все сводится в основном к указу 26 июня 1916 г. о призыве 390 тыс. «инородцев» с территории Казахстана и Средней Азии на работы в тылу действующих армий. Остается невыясненным, чем руководствовало правительство Столыпина, допустив продажу 600 тыс. дес. казенной земли в Тобольской губ., тогда как из миллиона с лишним дес. плодороднейших земель в Томской губ. — лишь 10 тыс. десятин.

Земли царской фамилии. Заметную долю в источниках ее расходов составляли взятки, подлоги, и хищения великими князьями казенных денег и имущества — об этом можно написать не одну книгу. Но главным источником доходов августейших особ была все-таки земля удельного ведомства, а у многих и обширные личные владения. После того, как произошло уточнение государственных и удельных владений в Московской, Владимирской и Петербургской губерниях, «Сенатские объявления» не отмечают никаких изменений в государевых владениях. Возможно, какие-то

сделки и производились через удельное ведомство (не пристало выступать непосредственно царю в качестве земельного торговца), но такие сделки выявить практически невозможно.

Удельное ведомство, как уже указывалось, располагало в 1905 г. 7,5 млн десятин. Натиск крестьян вынудил и уделы поделиться с крестьянами толикой земли. На семейном совете царя с великими князьями летом 1907 г. с приглашением ведущих правительственных чинов, после постыдной семейной свары, о которой вспоминал в своих записках Н. С. Таганцев, решено было передать Крестьянскому поземельному банку 1,25 млн дес. удобных земель для продажи крестьянам. Вокруг этого события был организован большой пропагандистский шум, причем особенно напирала на то, что земля передается по баснословно низкой цене — 57 руб. за десятину. У крестьян создавалось впечатление, что и им будут продавать землю по той же цене, то есть вдвое-втрое дешевле, чем при покупке у помещиков или из имений банка.

Но это был бессовестный обман. Крестьянский банк стал продавать бывшую удельную землю по ценам, складывавшимся в данной местности при продаже помещичьих земель, и требовал таких же доплат наличными («верхи»). Разницу в цене банк регулярно перечислял уделам, так что прежние владельцы ничего не теряли. Более того, сами уделы вместо того, чтобы составить конкуренцию помещикам и противодействовать росту цен, приняли участие в развернувшейся спекуляции на земельном рынке. Уделы, как уже указывалось, приобрели обанкротившееся имение Рамонь герцогини Лейхтенбергской и подвергшееся разгрому имение великой княгини Марии Павловны младшей. В дополнение укажем на продажу в 1907 г. банку перешедшего к ней же имения Преображенское в Можайском уезде Московской губ. — 803 дес. за 55 тыс. руб. по 68,5 руб. за десятину. Здесь хозяйство не велось, рубили лес, сдавали землю, на 1907 г. арендаторов не нашлось, пашню запустили под покос⁵⁶.

Рассмотрим некоторые данные об изменении в землевладении других членов царской фамилии. Относительно продажи 14 марта 1907 г. имения вел. кн. Андрея Владимировича в Ливенском уезде Орловской губ. площадью 5064 дес. здесь только напомним, что купленная банком по 190 руб. земля продавалась им по 220 руб. за десятину. Он же продал крестьянину Колобашке 62,2 дес. по 230 рублей⁵⁷.

Мария Павловна старшая⁵⁸ в декабре 1905 г. продала Крестьянскому банку в Хорольском уезде Полтавской губ. 601 дес. за 147 тыс. руб. по 244 рубля. Цена сказочная. В конце 1906 г. трое ее сыновей (Кирилл, Борис и Андрей) продали Крестьянскому банку имение Ильмень Новохоперского уезда Воронежской губ., 6039 дес., за 623 тыс. рублей⁵⁹. Причиной продажи имения служило мотовство, так как само по себе хозяйство велось нормально.

Встречались продажи и с целью спекулятивной наживы, ввиду роста цен, особенно при продаже мелкими участками. Так, в кн. Дмитрий Константинович (1860—1918), внук Николая I, генерал-адъютант, бывший управляющий государственным коннозаводством (1897—1905), прикупив у кн. М. А. Мещерской 139 дес. по 137 руб., вскоре продал все имение при с. Столбине Миргородского уезда Полтавской губ., площадью 547 дес., соседним крестьянам, раздробив землю на 171 учаток, по 212,6 руб. за десятину⁶⁰. Вел. князь Петр Николаевич (р. 1864), внук Николая I, генерал-адъютант, наиболее известный в качестве создателя дутого общества «Феникс», из своих владений в Ряжском уезде Рязанской губ. продал в 1907 г. трем товариществам крестьян 768 дес. за 111,5 тыс. руб. (по 145,17 руб., для данного уезда цена высокая), оставив себе, однако, 2494 десятины. Брат этого владельца, в кн. Николай Николаевич младший (р. 1856) земли не продавал. Наоборот, к 2086 дес. имения Першино в Алексинском уезде Тульской губ. прикупил в 1909 г. 150 дес. за 17,7 тыс. рублей. Да к тому же у своего брата Петра приобрел в Петербурге на углу Петровской ул. и Набережной Петра Великого 523,5 сажени за 400 тыс. руб. (по 764 руб. за кв. саж.). Совершить эти операции помог 1 млн руб., полученный в одном

из земельных банков под залог 12 тыс. дес. земли имения при с. Темпельгоф под Пятигорском. Этот залог помогал содержать и гордость владельца — псарню в Першине, на которую уходило 60 тыс. руб. в год ⁶¹.

Зафиксированы и многие другие поземельные сделки членов царской фамилии, мы остановились на наиболее крупных. В этом процессе имели место несколько тенденций неравновеликой силы. Главная из них — утрата земельных владений, которая, однако, не задела большинство августейших владельцев земли. Продажи стимулировал, помимо бесхозяйственности, соблазнительный рост земельных цен. Другая тенденция — это продажа земельных имуществ в приобретением городских, т. е. перемещение капиталов в городские имущества, фиксируемое в нотариальных объявлениях площадью в квадратных саженях, но на этих саженях располагались дворцы, особняки и доходные дома. И третья, слабо выраженная тенденция — приобретение земли для организации капиталистического хозяйства.

Дворянское землевладение. Период с 1905 г. до первой мировой войны ознаменовался усилением мобилизации частновладельческих земель, особенно принадлежавших дворянам. Из многих причин этого явления выделим три, которые представляются нам главными, но неравносильными. Первое время, безусловно, доминировал страх бесплатно потерять землю, конфискации которой требовало восставшее крестьянство.

Вторая причина уходит корнями в эпоху крепостного права, когда доходы с имения притекали, не требуя от владельца ни вложения капитала, ни специальных знаний, ни предпринимательских навыков: основной функцией его оставался не поиск источников дохода, и выбор объектов для расхода да забота о своевременной уплате процентов по ссуде под залог «крещеной собственности». От тех не столь уж далеких времен остались как продолжение традиций предпринимательская немощь дворян землевладельцев, привычка жить не по средствам, расточительность, а как следствие — залог, перезалог, публикации, продажа по сделке или с торгов. И наоборот, характерные для крепостного права патернализм, альтруизм, проявлявшиеся даже во время реформы 1861 г., в частности, во многих случаях в отказе от отрезки земли у крестьян, быстро потускнели и сошли на нет сразу после начала крестьянских волнений 1902 и 1905 годов. Просмотренные за несколько лет сенатские объявления, начиная с 1906 г., фиксируют только родственные дарения. Встретился лишь один случай, подобный дошедшему до земли последнему отсуду давно потухшей звезды, — распоряжение графа И. И. Воронцова управляющему южным Чаплинским имением раздать на семена 5000 пудов пшеницы крестьянам, попавшим в беду из-за полного неурожая 1905 г., с возвращением осенью пуд за пуд.

Третья причина — рост спроса на землю со стороны лиц, ведущих предпринимательское сельское хозяйство, в том числе и некоторых дворян, вызванный начавшимся устойчивым ростом хлебных цен. Усилился спрос и со стороны крестьян — отчасти в силу тех же обстоятельств, но главным образом вследствие крушения надежды на даровую прирезку, а также роста численности крестьянского населения. Что же касается собственно дворян, то среди них характерным было весомое преобладание предложения над спросом и заметная потеря площади землевладения.

Ниже приводятся данные о земельных потерях нескольких конкретных владельцев, причем нет уверенности в полноте и этих данных. Возможно, что ряд сделок, особенно мелких, не охвачен нашим учетом, что при чудовищно большом их количестве представляется неизбежным. Неполны подчас и сведения о владельцах. Е. А. Бярятинская из 19 748 дес., составлявших основанное еще Потемкиным имение Анна в Бобровском уезде Воронежской губ., в июле 1907 г. продала восьми соседним сельским обществам 10 265 дес. общим счетом за 1548 тыс. руб. ⁶², т. е. по весьма высокой цене 166 руб. за десятину. Взять такую цену помогло то, что землю крестьяне купили со ссудами Крестьянского банка. Разорилась владелица? Ничего подобного. У нее, кроме половины имения Анна, осталось 6 владений в 4 других губерниях общей площадью 47 тыс. десятин.

Перейдем к земельным потерям комплекса владений гр. Воронцова-

Дашкова и наследниц гр. А. П. Шувалова. Е. А. Балашева, на долю которой пришлось 327 тыс. дес., из-за убыточности Юго-Камского завода решила покрывать нехватку средств раздробительной продажей своих земель на Урале и по 43 сделкам продала 2,5 тыс. дес., выручив 95 тыс. руб., по 37,7 руб. за десятину. При относительно низких ценах на землю в приуральских губерниях эта мелочная продажа, в основном по 20—30 десятин на покупателя, приносила выгоду. Убыль земельного владения Балашевой, как видим, оказалась незначительной. Отметим, однако, продажу Крестьянскому банку — от страха перед принудительным отчуждением — не вошедшего в раздельный акт имения при с. Исса Инсарского уезда Пензенской губ. площадью 9853 дес., за 1062 тыс. рублей. Сам граф Воронцов-Дашков тоже вынужден был продать крестьянам из имения Воронцовское Николаевского уезда Самарской губ. 783 дес. за 74 тыс. руб. со ссудой Крестьянского банка. Банк и на сей раз был благосклонен к продавцу, согласившись кредитовать куплю-продажу земли по 94,5 руб. за десятину, тогда как средняя цена десятины по губернии в 1907 г. составляла 63 рубля⁶³.

Больше пришлось потесниться ему в самой буйной в 1905—1906 гг. губернии Центрально-Черноземного района — Тамбовской. Здесь трем сельским обществам и одному товариществу (178 крестьян) продано 3559 дес. земли на общую сумму 417 тыс. рублей. В этой губернии владелец вынужден был уступить и в цене, продав, в частности, особенно мятежным крестьянам с. Раево 870 дес. по 47 руб. за десятину, тогда как другим земля обошлась по 146 рублей. И все же это было уступкой, поскольку средняя по губернии продажная цена десятины земли в 1907 г. достигала 164 рублей. В итоге земельные потери и в данном случае оказались незначительными — у Воронцова-Дашкова осталось в 8 губерниях 70 тыс. дес., стоивших, по ценам Тамбовской губ., свыше 11 млн. рублей, а кроме того уже упоминавшиеся 10 дес. нефтеносных земель общей стоимостью в 5 млн. рублей. В этой же связи стоит упомянуть продажу в августе 1907 г. крестьянам дочерью Воронцова-Дашкова, графиней И. И. Паскевич-Эриванской, княгиней Варшавской 2129 дес. из земли, полученной в приданое в Тамбовском уезде, — за 363,3 тыс. рублей⁶⁴. Тут владелица не продешевила, получив по 170 руб. за десятину.

С тем же наследством Шуваловых связан комплекс совместных владений, связующим лицом которых была О. П. Долгорукая, дочь П. П. Шувалова. Совладельцами шуваловских имений в Верейском уезде Московской губ. оказались кн. О. П. Долгорукая, гр. С. П. Бенкендорф, гр. Е. П. Бобринская, а также М. Г. Балашева и кн. И. Д. Орлов. Из имения Набережная слобода они продали сельскому обществу 114 дес. земли за 11 540 рублей. В том же составе совладельцы продали в 1906 г. Крестьянскому банку из имения Истинский завод Боровского уезда Калужской губ. 1745 дес. за 131 тыс. рублей. Совладельцами имения при д. Секирино показаны первые трое, продавшие двум товариществам крестьян 166 дес. за 11 515 рублей. В этом составе ими было продано в 1906 г. из имения Шуваловский Лес Балахнинского уезда г. Нижнему Новгороду 529,3 дес. за 100 000 руб. по весьма высокой цене — 189 руб. за десятину. В качестве единоличной собственности Долгорукая продала крестьянам из имения при с. Богородицком Моршанского уезда Тамбовской губ. 1116 дес. за сумму почти в 190 тыс. руб., по «приличной» цене — 170 руб. за десятину. Опять в пользу владелицы сработала ссуда Крестьянского банка. А из имения Земетчино того же уезда, площадью около 15 тыс. дес., владелицей уступлено лишь 134 дес. за 1500 руб. (по 112 руб.) — для нужд Московско-Казанской железной дороги⁶⁵.

Сравнивая указанные цены, есть над чем задуматься. В этом же ряду отметим «мелочную» продажу казне в 1906 г. 5 дес. совладелицей города Дубно Е. В. Шуваловой, на долю которой приходилось 14 096 дес. городских земель. За эти пять десятин казна уплатила 7515 руб., каждая десятин обошлась ей в 1500 рублей. Можно представить себе, какую огромную ценность представляло все имение (до 20 млн. руб.). Коль уж зашла речь о городских землях, упомянем о владельце Крестовского

острова в Петербурге генерал-майоре кн. К. Э. Белосельском-Белозерском. Учрежденная по его уральским делам правительственная опека решила распродать часть острова. В конце 1905 и в 1906 г. мелкие застройщики разных сословий купили 5,4 дес. участками от 150 до 720 кв. саж., в среднем по 21 руб. 21 к. за кв. сажень, на общую сумму 275 тыс. рублей. В среднем князь выручил за десятину ни много ни мало почти по 51 тыс. рублей. Продавала земли и его супруга Надежда Дмитриевна, урожденная Скобелева, сестра знаменитого полководца и герцогини Зинаиды Богарнэ, жены герцога Лейхтенбергского и любовницы вел. кн. Алексея Александровича. Из имения в Кирсановском уезде Тамбовской губ. она в 1908 г. продала трем товариществам крестьян (300 домохозяев) 1841 десятину. Ссуда Крестьянского банка помогла поднять цену до 200 руб. за десятину (при средней по губернии 160 рублей)⁶⁶.

Белосельский-Белозерский, кроме того, владел в Уфимском уезде Катав-Ивановским металлургическим заводом с прилегающими к нему лесом и землей площадью в 170 тыс. дес. и в Златоустовском уезде 3,8 тыс. дес., а в Московском уезде — 2189 дес. (именно в его окрестностях археологи обнаружили следы племени, обитавшего здесь 4,5 тысячелетия назад, носителей «ляловской культуры»). Да и супруга была не из бедных. Ей в Златоустовском уезде принадлежал Катав-Юрюзанский завод и при нем 164 тыс. дес. земельных угодий, по преимуществу лесных. Кроме того сохранилось имение при с. Алатырке Козловского уезда Тамбовской губ. размером около 1 тыс. десятин.

Опека, о которой упомянуто в связи с кн. Белосельским, ничем не угрожала владельцу опекаемого имущества, была обычным явлением и практически не понижала престиж подопечного в обществе. Иногда она даже оказывалась желательным для владельца способом управления имениями. Такой вариант избрал, например, престарелый кн. П. М. Волконский, по ходатайству которого царским указом была учреждена опека над его имуществом. Это не только избавляло владельца от хлопот по ведению хозяйства, но и обеспечивало гарантированный доход, урезанный на сумму вознаграждения опекунам. Появился и некий тип профессиональных опекунов, чаще адвокатов. В числе их мы можем назвать уже упоминавшегося действительного статского советника Д. И. Пестржецкого.

В опекунский совет входила дочь генерала С. П. Волконская. Выйдя замуж за поручика Д. П. Давыдов, потомка героя Отечественной войны, Софья рано овдовела, а второй ее муж, лейтенант флота П. П. Дурново (сын незадачливого градоначальника Москвы, смещенного с этого поста в 1905 г. «за бездействие власти»), был, по словам Витте, «богачейшим человеком». Хозяйственным центром владений Дурново являлось имение в с. Чутове Полтавского уезда (18 тыс. дес. с сахарным и рафинадным заводами) — приданое жены, урожденной кн. Кочубей. Ему же принадлежало Теплово-Саконское имение в Нижегородской губ. (более 10 тыс. дес.), Пышуг-Никольское в Костромской (27 687 дес.), Больше-Дмитровское в Саратовской (21 523 дес.), и Екимовичи в Минской (20 630 десятин). Последнее приобретено с торгов от несостоятельного должника гр. П. П. Голенищева-Кутузова-Толстого.

Владельцы стойко противились давлению крестьянского движения 1905—1907 гг. и не продавали земель. (В саратовском имении, как мы помним, с крестьянами поладили, увеличив площадь сдаваемой в аренду земли и несколько снизив арендные цены.) Более того, в июле 1906 г. к Чутовскому имению они прикупили 2336 дес. земли, на 588 тыс. руб., т. е. по 250 руб. за десятину, при среднегубернской цене в 210 рублей. На фоне внешнего благополучия громкой сенсацией явилась продажа владельцами в 1908 г. новоявленному купцу из немецких колонистов А. Ф. Бишлеру почти всего Саратовского Большедмитриевского имения — 19 764 дес. за 1 877 627 руб. (по 95 руб. при среднегубернской цене 80 руб.), причем 80 тыс. руб. получил некий Рывкинд в виде куртажа. После удержания долга по залогу имения владельцам осталось 617 тыс. рублей⁶⁷. Видимо, вся или почти вся эта сумма требовалась на покрытие убытков после аферы Коха

с бронзовыми векселями⁶⁸. Дела шли плохо, остатки саратовского имения были проданы, другие заложены, банкам ежегодно надо было выплачивать по 100 тыс. рублей. К тому же Бишлер рассчитывался неаккуратно, по мере мелочной распродажи земли крестьянам. К 1915 г. у него оставалось непроданных 7,2 тыс. десятин. А выжившие из ума генералы (и отец и тесть), утратив способность реально оценивать деньги, направо и налево раздавали векселя.

Однако комплекс владений Дурново все еще отличался огромными размерами. После же смерти в 1908 г. П. П. Дурново-младшего имение Чутово с сахарным и рафинадным заводами ввиду отсутствия прямых наследников перешло к несовершеннолетней М. П. Кочубей, внучке гетмана Украины Скоропадского.

Случалось, крупные продажи не приводили к прекращению функционирования данного хозяйственного комплекса при новых владельцах. В частности этого не произошло и с переходом к уделам имений Рамонь и Любаново, а также с продажей принцем Ольденбургским уделам в начале 1907 г. имения Зенополь в Гродненской губ. — 25,3 тыс. дес. за 1,7 млн рублей⁶⁹. (Помогла близость к царствующей династии.)

Противоположный пример, далеко не единственный: ликвидация владения наследницами кн. П. А. Васильчикова и его жены урожденной гр. Е. В. Орловой-Давыдовой — дочерьми, кн. Е. П. Волконской, кн. О. П. Урусовой, женой генерал-майора М. П. Стаховича и внучкой — кн. М. А. Ливен в 1907 г. с продажей Крестьянскому банку имений в Саратовской и Самарской губ. общей площадью 37 тыс. дес. за 3,1 млн рублей⁷⁰. Несколько сократилось землевладение представителя другой ветви этого рода — кн. Б. А. Васильчикова, возглавлявшего во время крестьянских бунтов 1905—1906 гг. ведомство земледелия, соглашавшегося с перепугу уступить часть земли, чтобы успокоить крестьян. Дело, однако, свелось к мелочной продаже участков земли из знакомого всей стране образцового имения «Выбити» Старорусского уезда в 4914 десятины. (Из остатков этого имения после революции в 1918 г. было создано примерное советское хозяйство «Выбити» площадью 800 дес., влачившее, как и другие, жалкое существование.) У Васильчикова и его жены Софьи, урожденной кн. Мещерской, после первой революции почти в целостности оставались три других имения с 27 тыс. дес. земли, в том числе майорат Юрбург в Россиенском уезде Ковенской губ. (19,5 тыс. дес.). Крупные владения сохранились и у других представителей рода Васильчиковых.

Нельзя пройти мимо земельных потерь гр. А. А. Бобринского, будущего председателя Совета Объединенного дворянства, провозвестника и вдохновителя столыпинского поворота против крестьянской общины. Главные события в деревне Тульской губ. в 1905 г. развернулись вокруг владений Бобринских. Судебное дело о погромах в имении при с. Люторичи стало известно на всю страну. Убоясь возможности потерять землю даром, Бобринский поспешил продать ее, благо осенью 1905 г. Крестьянский банк возобновил покупку помещичьих имений и пришел на помощь испуганному царедворцу, главе придворной камарильи. Из этого имения, насчитывавшего 17,4 тыс. дес., в ноябре 1905 г. было продано банку 12,6 тыс. дес., за 1,6 млн руб., то есть по 130 руб. за десятину. Из совместного владения в Богородицком уезде той же губернии А. А., Л. А. и Г. Л. Бобринские продали Моховецкому сельскому обществу 663 дес., получив с него в виде банковской ссуды и доплат 105,6 тыс. руб., то есть почти по 160 руб. за десятину. Так что, говоря о «потерях» помещиков, мы имели в виду только убыль земли у них. Фактически, благодаря содействию «Крестьянского» банка, помещики сохраняли и даже приумножали капиталы, только в иной, денежной форме. Об оставшихся у клана Бобринских капиталах говорить не приходится. Супруга первого из них, Н. А. Бобринская, тоже лишилась части земли, продав в марте 1906 г. Крестьянскому банку в Торжокском уезде Псковской губ. 1847 дес. за 126 тыс. рублей⁷¹. И хотя А. А. Бобринский в сохранившемся проекте завещания лишал ее причитавшейся ей доли наследства за 15-летнюю

тайную связь с кн. Л. Д. Вяземским, она, вероятно, не очень огорчилась, ибо уже при жизни родителей, бывшего государственного секретаря А. А. Половцова (ум. 1910) и С. В. урожденной гр. Паниной, получила в собственность в Кобринском уезде Гродненской губ. имения Белин и Закозель общей площадью 15,4 тыс. десятин.

Стоит еще привести случай продажи в марте 1907 г. дворянкой Е. П. фон Штаден (по первому браку гр. Дюркгейм, по второму — бар. Мейендорф, урожденной гр. Бобринской) из доставшегося ей имения при с. Ломовке Богородицкого уезда 1413 дес. товариществу 422 крестьян за 225 тыс. рублей. Не продешевила графиня, получив при помощи банка по 160 руб. за десятину. Более мелких продаж земли Бобринскими мы не касаемся. Отметим лишь распродажу по мелочам крестьянам земель имения Бутырки Епифановского уезда (307 дес.) либеральной деятельницей Варварой Бобринской (сестрой кн. Н. Н. Львова)⁷². Что же касается упомянутого здесь кн. Л. Д. Вяземского, то, судя по спискам земских избирателей Балашовского уезда Саратовской губ. за 1906 и 1915 гг., владелец, имевший в уезде 13 тыс. дес., оставил своим троим сыновьям по 1 тыс. десятин.

Знаменательно, что генерал В. И. Гурко, комиссия которого готовила стольпшинскую земельную реформу, продал местным крестьянам из имения Сухие Гаи Воронежского уезда 1292 дес., получив свидетельствами Крестьянского банка и доплатами крестьян 235 тыс. руб., по 182 руб. за десятину при среднегубернской цене 159 рублей⁷³.

Закончим разговор о крупных собственниках необычным случаем с наследством весьма приближенного ко двору и к царю Ю. С. Нечаева-Мальцева. Так получилось, что рязанский помещик вследствие прекращения рода одной из ветвей богачей Мальцевых стал Нечаевым-Мальцевым, унаследовав 9 имений площадью в 141 тыс. дес. с фарфоровым заводом. Нечаев-Мальцев заслужил благодарную память потомков заботой о строительстве в Москве Музея изящных искусств, вложив в его строительство и в покупку экспонатов свыше 2 млн рублей. Эти траты повлекли за собой залог имений в Дворянском банке. Дожив до открытия своего детища (1912 г.) он скончался в 1913 году.

В это время пошатнулись и начали все более расстраиваться дела гр. Е. Л. Игнатьевой, урожд. кн. Голицыной, жены генерал-адъютанта и члена Гос. совета Н. П. Игнатьева (ум. 1908). В 1899 г. она купила у В. И. Базилевского в Астраханской губ. имение Синеморское (124 тыс. дес., в том числе 29 тыс. под водами), находившееся с 1894 по 1907 г. в аренде у торгового дома «А. Н. Маркова и Н. В. Беззубиков» с уплатой по 200 тыс. руб. в год. Не вдаваясь в детали, укажем, что 29 апреля 1906 г. на вторых торгах за долг банку в 3541 тыс. руб. и просроченные платежи на 109 тыс. имение куплено было представителем Госбанка за 4011 тыс. руб. и передано Крестьянскому банку. В результате торгов владелица получила неожиданный и приятный подарок от казны в 360 тыс. рублей. Закулисная механика подготовки этой акции нам неизвестна, но очередной факт беззастенчивого присвоения казенных средств правящей элитой налицо, и провести эту акцию без ведома и без распоряжения царя было немыслимо. Однако и упавшие с неба 360 тыс. не спасли владелицу. В залоге у Государственного дворянского и частного Полтавского земельных банков оставалось 9 тыс. дес. земли с долгом около 1 млн руб., по которому надо было платить ежегодно без малого 50 тыс. рублей. Видимо, значительными были и частные долги. В том же году ею были проданы потомственному почетному гражданину Н. Ф. Тимчинскому в Каменецком уезде Подольской губ. два имения площадью 2690 дес. с винокуренным заводом за 1344 тыс. рублей, а также экономическому обществу офицеров дом в Москве за 444 тыс. рублей, в 1907 г. — Товариществу Дзюноквецкого сахарного завода 102 дес. за 184 тыс. руб.⁷⁴ и, наконец, в 1909 губ. в результате публичного торга к А. В. Гудим-Левковичу перешло имение Трахтомирово (Киевская губ.) в 1387 дес. за 100 тыс. рублей.

Трудно шли дела и у ее сына, гр. П. Н. Игнатьева (1870—1926), киевского губернатора (1907—1908), товарища главноуправляющего землеустрой-

ством и земледелием (с 1912 г.). Одних взносов по залогам земли в банках приходилось платить около 30 тыс. руб. в год. И вдруг — подарок судьбы. Матримониальная игра природы сделала Игнатьева владельцем огромного состояния Нечаева-Мальцева. Первое, что сделал новый хозяин, это потребовал увеличить сумму ссуды под залог земли с 3,2 млн. руб. еще 1 млн. рублей. Впрочем, надо сказать, что после дремучего реакционера Л. А. Кассо сменивший его П. Н. Игнатьев был самым либеральным министром народного просвещения России (январь 1915 — декабрь 1916 г.). В апреле 1990 г. решением общего собрания Академии наук его имя вновь заняло законное место в списках почетных членов одновременно с И. А. Буниным.

Подведем итог изменениям землевладения дворян, офицеров и чиновников за 1906—1914 годы. Что касается числа сделок, ранее мы показали число предложений за 1905—1907 гг. и рост отказов от них по годам для всех сословий. Теперь рассмотрим количество фактически совершенных сделок. За все 9 лет продали землю 173 тыс. дворян, причем после первой революции число продавцов не сокращалось, как, логически рассуждая, можно было ожидать, а наоборот, возрастало. Если в 1906—1907 гг. продавали в год 11 тыс. чел., то в последующий семилетний период среднегодовое число продавцов возросло вдвое (до 21,6 тыс. человек). Правда, в первые два года продавались имения вдвое большего размера, чем в последующие семь лет.

Что касается площади проданной земли, то четверть ее была продана в первые два года, и среднегодовая продажа площади была несколько выше. Но вот на что полезно обратить внимание. В первые два года помещики выручали за десятину по 95 руб., а в последующие годы — по 113 рублей. Рост земельных цен и стал, вместо прежнего страха, главным побудительным мотивом продажи. При этом выгоднее было продавать другим сословиям, так как дворяне покупали в среднем по 86 руб. за десятину. Всего же за 9 лет дворяне продали 17,5 млн. дес. земли, получив за нее около 2 миллиардов рублей (1896,3 млн.).

Дворяне выступали на земельном рынке не только в качестве продавцов, но и в роли покупателей, хотя и в значительно меньшей мере, чем другие сословия, прежде всего крестьяне. Покупателями стали 36 тыс. дворян, число их было почти впятеро меньше, чем продавцов, но купили они 7,3 млн. десятин. Это находит объяснение в том, что дворяне покупали более крупные участки (в среднем по 201 дес.), чем проданные другими дворянами (101 дес.), так как в продажах большую роль играли мелочные (5—10 дес.) сделки. Естественно, что спрос на землю резко возрос. Если в революционное двухлетие покупалось по 490 тыс. дес., то в последующие годы — по 900 тыс., и на эти же годы пришлось 87% купленной дворянами земли.

Подведем баланс. Дворяне 47 губерний Европейской России (исключая дворян трех прибалтийских губерний) имели в 1905 г. 49,8 млн. десятин. Из них продано было 17,5 млн. и куплено 7,3 млн. десятин. Общая убыль определяется в 10,2 млн., а наличие на 1 января 1915 г. — в 39,6 млн. десятин⁷⁵. С учетом 3,4 млн. дес. земли у дворян Прибалтики, в основном остававшейся в руках ее владельцев, площадь дворянского землевладения к началу 1915 г. можно считать равной приблизительно 43 млн. десятин. Особой устойчивостью обладало в России крупнейшее землевладение, дворянское прежде всего.

В нашем распоряжении появились данные о латифундиях размером 5 тыс. и более десятин. В 1905 г. из общего числа таких имений (1631) дворянам принадлежало 1154. За 1906—1914 гг. было продано 291, т. е. четверть. Но из них было перекуплено дворянами 162 имения, т. е. больше половины, и осталось к 1915 году 1025. Наибольшей устойчивостью отличались латифундии Литовского, Белорусского и Западно-Украинского районов, где из 417 таких имений сохранилось у прежних или других владельцев-дворян 405. Кроме преимущественно капиталистической формы хозяйства, придававшей ему большую устойчивость, здесь играла роль

и принадлежность владельцев в большинстве к польской национальности. В Королевстве Польском и при Столыпине проводилась дискриминация: русскому продать землю можно, а купить у него нельзя. Поэтому действовал принцип сделок между партнерами-сородичами. В остальных же районах дворяне продали 185 сверхлатифундий, а купили только 68 (треть проданных), вместо 734 их осталось 617.

Но нельзя недооценивать и эту цифру, что подтверждается данными о земельных имуществвах. В 1905 г. на долю сверхлатифундий приходилось 20,9 млн дес., или 40% всего дворянского землевладения 47 губерний. Владельцы этой категории продали 4,5 млн. дес. земли, а купили 2 млн десятин. В итоге к 1915 г. у них оказалось 18,4 млн дес., или к 1915 г. 47% всего дворянского землевладения⁷⁶. Такой высокой была концентрация дворянская землевладения, сохранение которого ставилось главной целью аграрной политики Столыпина.

Купцы и почетные граждане. У нас нет систематических данных о землевладении отдельных купцов на начало и конец рассматриваемого периода. Но приводимые ниже конкретные данные о купле-продаже земли представителями этого сословия показательны.

Потомственный почетный гражданин Э. А. Тработти в июле 1906 г. продал Крестьянскому банку из имения при с. Беловском Люцинского уезда Витебской губ. 62 тыс. дес. земли за 5700 тыс. руб., по 92 руб. за десятину. Это крупнейшая из выявленных частных сделок, исключая те, когда владение превращается в основу акционерного общества. Крупную сделку с Крестьянским банком совершили потомственные почетные граждане С. И. и С. А. Аносовы, продав ему в 1907 г. 23 422 дес. за 1237 тыс. руб. (по 53 руб.). Отметим продажу Крестьянскому банку женой потомственного почетного гражданина С. И. Субботиной в Бузулукском уезде Самарской губ. 8600 дес. земли за 755 400 руб., по весьма высокой для данной губернии цене — 88 руб. за десятину⁷⁸. По трем сделкам продали Крестьянскому банку землю потомственные почетные граждане Колельниковы в Балашевском уезде Саратовской губ. — 6729 дес. за 782 тыс. руб. (по 116 руб.).

Самым, пожалуй, громким событием в купеческо-землевладельческом мире было разорение потомственного почетного гражданина (в одном из объявлений титулован коммерции советником) А. Н. Шихобалова. Это об его саратовском доме осенью 1905 г. состоялось созданное Н. А. Павловым совещание, положившее начало Союзу землевладельцев, из которого вырос Совет Объединенного дворянства. С 1894 г. Шихобалов ударился в скупку помещичьих земель в малонаселенных заволжских степях Самарской губернии. Хозяйства в имениях не вел, а долги по залогам покрывал за счет мелких арендаторов-крестьян. В годы революции этот источник, естественно, если не иссяк, то весьма заметно ослабел, и наступил крах. В 1906—1907 гг. пошли в продажу Крестьянскому банку пять крупных имений площадью 11 300 дес. и одно имение в Пензенской губ. в 5600 дес. за общую сумму 1382,4 тыс. рублей. Но даже этих денег не хватило погасить долги. Именитый купец-миллионер умер, и в 1908 г. продали свои самарские имения тому же банку и вдова его (1966 дес.) и дочь (496 дес.)⁷⁹.

Купцы продавали землю и крестьянам, причем нередко значительными площадями. В 1907 г. потомственный почетный гражданин Э. В. Брант продал товариществу крестьян в Белозерском уезде Новгородской губ. 6933 дес. земли за 60 тыс. рублей. Случай интересен необычайной дешевизной оценки — 8 р. 65 к. за десятину (средняя по губернии 30 руб.). Потомственные почетные граждане П. Г. Прохорова, А. Г. Найденова, Б. Д. и Р. Д. Востряковы, дворянка Л. Г. Лукутина из совместного владения в Моршанском уезде Тамбовской губ. в 1907 г. продали двум сельским обществам 2312 дес. за 415 тыс. руб. по очень высокой цене — 179 руб.⁸⁰, при среднегодовой цене 164 рубля. Банковские ссуды свое дело делали.

Типичными для этой группы купечества были случаи скупки земли других землевладельцев, попавших в затруднительное положение. Чаще всего это были дворяне. Отметим одну из наиболее крупных сделок этого вида. В ноябре 1907 г. рижский купец А. П. Клейнберг купил у дворянина

П. В. Родзянко (р. 1854 г.), шталмейстера двора, брата известного затем председателя III и IV Государственных дум, имение Бараново в Велижском уезде Витебской губ. — 1345 дес. за 525 тыс. руб., то есть по 39 руб. за десятину⁸¹. Утверждать, что купец сыграл на затруднениях владельца, мы не вправе, но обязаны все же отметить, что среднегубернская продажная цена десятины земли в 1907 г. составляла 65 рублей.

Сенатские объявления о сделках дворян с купцами нередко вызывают крайнее недоумение. Например, объявлено, что купец М. А. Вишняков 10 августа 1907 г. купил у дворян Н. и Е. Д. Засецких в Велижском уезде Витебской губ. имение Глазуново — 5650,8 дес. за 4 тыс. рублей. Правильность суммы подтверждается размером пошлины: 160 руб. как раз и составляют законные 4% от суммы сделки. Купец, можно сказать, получил землю даром — по 71 коп. за десятину. Такое же удивление вызывает объявление о продаже сыном офицера А. И. Ивановским крупному землевладельцу из купеческого сословия М. П. Авраамову в Брянском уезде Орловской губ. 1180 дес. за 6 тыс. руб., т. е. по 5 руб. 08 копеек. Эти и подобные им несообразности наводят на мысли о каких-то особых отношениях, существовавших между контрагентами до совершения сделки. Были сделки и противоположного характера. В том же 1907 г. купцом Г. И. Карабановым были проданы барону В. В. фон Розену три участка в Херсонском уезде общей площадью 1587 дес. за почти 460 тыс. рублей⁸². Поражает высокая цена — 289 руб. за дес., при среднегубернской цене 182 рубля. Оставляем в стороне довольно частые случаи перехода земельных имуществ от купцов к купцам, что, впрочем, имело место и внутри других сословий.

В целом за 9 лет продали землю 29 тыс. купцов и почетных граждан, причем среднегодовое количество продавцов после 1906 и 1907 гг., так же, как и дворян, не сократилось, но увеличилось в 1,8 раза, почти сравнявшись с дворянами. Продано купцами почти 4,5 млн. дес., причем доля земли, проданной в первые два года, немногим, всего лишь на 3% была меньше, чем у дворян (25%). Стало быть, устойчивость, сопротивляемость купеческого землевладения ничем или почти ничем не отличались от дворянского, а борьба крестьян была направлена против и того, и другого. В отличие от дворянских земель, площади земель, продаваемых купцами, по периодам почти не менялись и составляли в среднем около 500 тыс. дес. в год. Но опять приходится отметить побудительный мотив: рост земельных цен с 88 до 95 руб. за десятину.

В составе покупателей имеются заметные различия. Если в среде дворян число покупателей составило пятую часть числа продавцов, то среди купцов на 29 тыс. продавцов пришлось 14 тыс. покупателей земли, т. е. без малого половина. Есть различия и в размере приобретений. Купцы приобрели 2,8 млн. дес., что составляет 62% от купленной у купцов же земли, а у дворян это отношение составило 42%. Баланс потерь складывался в пользу купцов. В итоге продаж и покупок купеческое сословие из имевшихся у него 12,8 млн. дес. потеряло около 1,7 млн. дес., или 13%, против 21% у дворян.

Наблюдения за движением собственности на землю у тех и других приводят к выводу, что по основным своим характеристикам купеческое землевладение, особенно крупное, не отличалось от дворянского; оно так же противостояло крестьянству и ликвидация его так же являлась целью последнего, как и всемерное содействие сохранению его служило предметом первейших забот Столыпина и его преемников.

Разносословные союзы и торгово-промышленные общества. В промышленности во время кризиса 1900—1903 гг. и депрессии, продолжавшейся до 1908 г., использовались разные способы поддержания производства и сохранения предприятий от банкротств. Одним из способов было превращение единоличных предприятий в паевые товарищества, иногда на семейной основе, а чаще с привлечением капиталов посторонних пайщиков, в том числе и из других сословий, в результате чего и появилась категория собственников, которая получила в статистике название «разносословные союзы». Практиковалась организация новых товариществ. Особенно при-

мечательной чертой времени была организация акционерных обществ, в которых все большее участие принимали банки. Во время депрессии банки осторожничали, но начавшийся с 1909 г. промышленный подъем ознаменовался вовлечением финансового капитала в процесс акционирования вплоть до захвата банками контрольных пакетов акций и фактического перехода предприятий в собственность банка. Один из примеров — переход Омутнинского горного округа в Вятской губ. в руки Сибирского банка. В эти же годы усилилось проникновение в российскую промышленность иностранного капитала, вплоть до полного захвата предприятий, как это было, например, с превращением в английскую фирму Кыштымского горного округа на Урале.

Описание этого процесса не входит в наши задачи, тем более что имеется специальная работа Ю. А. Буранова⁸³. Высоко оценивая ее с технико-экономической стороны, отметим и существенный недочет. Известно, что, когда основывалось то или иное товарищество или акционерное общество, капитал прежнего владельца входил в состав капитала новой компании, что обычно оформлялось актом купли-продажи. Например, когда в 1907 г. Ярцевская мануфактура бумажных изделий потомственного почетного гражданина Алексея Хлудова (Смоленская губ.) преобразовывалась в товарищество, оно от своего лица купило у В. А. Хлудовой 7513 дес. земли за 404 тыс. руб., каковая сумма и стала ее паем. Попавшее в трудное положение товарищество «Викула Морозов с сыном» в 1909 г. преобразовалось в новое «Т-во Саввинской мануфактуры Викулы Морозова сын, Ивана Полякова и Ко», при этом 69 дес. «со строениями» в м. Никольском Богородского уезда Московской губ. от первого товарищества перешло ко второму по купчей за 250 тыс. рублей⁸⁴.

Вот подобного рода операции прошли мимо внимания Буранова. Отметим одну из крупных сделок этого рода. В 1914 г. был утвержден устав акционерного общества Камско-Пожевских заводов кн. С. Е. Львова в Соликамском уезде Пермской губ., по которому 105 тыс. дес. земли и заводы (быв. владение Н. Н. Всеволожского) передавались обществу, владелец получал 1750 тыс. руб. деньгами и на 2600 тыс. руб. акций, а его партнеры англичане — на 1750 тыс. руб. акций⁸⁵. Сам Львов становился директором-распорядителем заводов.

Нередко земли с заводами переходили целиком к новым владельцам. В 1913 г. Ревдинские заводы В. А. Ратькова-Рожнова (Екатеринбургский уезд) перешли к известному дельцу П. Г. Солодовникову с 80,8 тыс. десятин земли. Но у Ратькова-Рожнова еще оставалось леса 146 тыс. десятин. В 1912 г. местный еженедельник писал: «Проектировавшуюся продажу Сысертского горного округа Д. П. Соломирского акционерному обществу английских капиталистов во главе с Беннигсеном и Дж. Оркином можно считать совершившимся фактом». Акционерное общество Сысертских горных заводов обзавелось 172 тыс. дес. земли. В 1915 г. у него уже было одного леса 208 тыс. десятин. Продал все свои земельные владения Инзер в Верхнеуральском уезде Оренбургской губ. — 53581 дес. с постройками Инзерскому горнозаводскому обществу за 1166 тыс. руб. действительный статский советник С. П. фон Дервиз⁸⁶.

Хозяева заводов менялись или становились совладельцами с русскими банками или иностранцами, но крепостнические порядки оставались. Пример тому акционерное общество Нейво-Шайтанского горного округа. Во время депрессии владельцы сокращали производство на заводах. Положение горнозаводских рабочих, принадлежавших к сословию посессионных крестьян, становилось нетерпимым. По закону 1862 г. они должны были получить наделы, но владельцы отвели им только сенокосы, по десятине на душу. В 1909 г. владельцы решили в своих целях отобрать у крестьян и эти мизерные наделы и предоставить им другую землю. Крестьяне от такой замены отказались. Местные власти решили дело в пользу крестьян-рабочих, но владельцы опротестовали это решение. Рассматривавший дело 2-й департамент Сената подтвердил решение губернской администрации. На помощь заводчикам выступили министр внутренних дел Столыпин и ми-

нистр юстиции И. Г. Щегловитов. В общем собрании Сената министры успеха не имели. Тогда Щегловитов перенес дело в 1-й департамент Государственного совета. Последний большинством голосов согласился с мнением министра юстиции и, игнорируя решение большинства сенаторов, признал за заводчиками право на земли, отданные рабочим полвека назад⁸⁷.

С 1867 г. вели тяжбу с гр. С. Г. Строгановым о наделении землей мастеровые Очерского завода, с 1874 г. — Павловского. Лишь в 1909 г. Сенат вынес решение о наделении мастеровых Павловского завода, но рабочие так и не получили земли.

Всего у торгово-промышленных объединений 47 губерний в 1905 г. было 4364 тыс. дес. земли, из них треть находилась в руках уральских горнозаводских компаний, пятая часть — у «московских» и десятая — у «питерских» обществ. Прирост площади земли у этой категории владельцев, особенно в годы промышленного подъема, наблюдая на юге страны и в Заднепровье, где шло интенсивное акционирование горнодобывающих предприятий и сахарных заводов. За 9 лет общества продали 1200 тыс. дес. и купили 957 тыс., потеряв в итоге 243 тыс. дес., или 5,6% площади. При этом главный урон понесли акционерные компании Урала — 325 тыс. дес., или более пятой части площади (22,2%). В этом особенно наглядно сказалось отставание металлургической промышленности Урала в технологическом и социальном отношениях. Потери лишь на треть были восполнены за счет преобразования ряда частных владений в акционерные. Учитывая общие итоги превращения частной земельной собственности России в акционерную (падение на 5,6%), интенсивность процесса акционирования приходится оценивать сдержанно.

Крестьянское частное землевладение. Касаясь данных о крестьянском частном землевладении, надо иметь в виду, что уже к началу рассматриваемого периода крестьянство в имущественном отношении очень сильно дифференцировалось. Но так как царизм ревностно охранял сословный строй, официальная статистика, включая и поземельную, тоже строилась по сословному принципу. Поэтому в категорию крестьян — частных владельцев зачислялись и владельцы крохотных, меньше 1 десятины, участков, и собственники крупнейших латифундий размерами в тысячи десятин, тоже «крестьяне» по званию.

Несколько примеров. В 1907 г. дворянин А. А. Ветчинин купил у крестьянина А. И. Шульгина в Тихвинском уезде Новгородской губ., 11 229 дес. земли за 297 тыс. рублей. Графиня А. А. Ланская в 1908 г. купила в том же уезде у крестьян Е. Ф. и С. П. Дьяковых 2518 дес. за 92 500 рублей⁸⁸.

Особенно крупные владения крестьян и поселян-собственников (как стали называть иностранных колонистов) были на юге России и в степном Заволжье. В Новоузенском уезде Самарской губ. в списке владельцев значатся⁸⁹ Е. И. Пшеничный — 20 467 дес. и собственный дом в Саратове; А. Н. Попов с сыновьями — 4 имения, 12 163 дес.; Ф. Е. Кобзар — 9918 дес.; Д. Д. Зейферт с сыновьями, поселяне — 10 826 десятин. Список можно продолжать долго.

Обращаясь к общим данным, видим, что в составе личного землевладения крестьян в 1905 г. насчитывалось 13,2 млн. дес. земли, но только 4,25 млн. дес., или 32,2%, было участков размером до 50 дес., владельцев которых перепись 1917 г. принимала за крестьян, относя остальных к категории частных владельцев. Крестьянскими показаны на 1905 год и 2981 латифундий размерами свыше 500 дес., совокупно — 3,6 млн. дес., в среднем по 1216 дес. каждое.

За 1906—1914 гг. крестьяне — личные собственники продали 3,6 млн. дес., а купили 7,2 млн., т. е. в 2 раза больше, причем 3 млн. дес. прироста пришлось на сделки до 50 десятин. Доля этого землевладения поднялась с 4,3 до 7,3 млн. дес., а в относительном значении с 32% до 43%. Но посмотрим и на другой полюс. Доля латифундий в общей площади снизилась с 27,5% до 23,0%. Казалось бы, значение крупного «крестьянского» землевладения падает. Но, оказывается, число их с 2981 выросло до

3269, а площадь с 3,6 млн. до 3,9 миллиона. И только средний размер владения несколько снизился — с 1216 до 1185 десятин. Наибольший урон понесло среднее землевладение, а позиции крупного даже укрепились.

Картина получается такая: 700 тыс. мелких владельцев к 1915 г. — 7,8 млн. дес. земли, по 11 дес. на каждого, а 3269 крупных владельцев — 3,9 млн. дес., по 1200 десятин. Отметим также близкую к тупиковой финансовую сторону дела. За 5,6 млн. дес. купленной собственно крестьянами земли в общей сложности они уплатили 665,5 млн. руб., по 117 руб. за десятину. При этом цены при покупке у помещиков росли беспрерывно и быстро: со 138 руб. в 1906 г. до 268 руб. в 1913 году. Крестьяне на практике убеждались, что при таких ценах взносы по ссудам Крестьянского банка для них разорительны, и уже с 1911 г. годовое количество покупателей земли стало резко уменьшаться.

Интенсивное перемещение земли из рук в руки не изменило общей картины, не вывело мелкое крестьянское (в основном) землевладение на ведущие позиции даже внутри так называемого крестьянского сословия. Решение обострившегося в стране аграрного вопроса путем купли-продажи земли было нереальным.

В статистике землевладения отдельной графой учтены казаки, колонисты «и прочие сельские жители, управляемые особыми положениями». К таким жителям кроме названных относились башкиры, тептяри, мешеряки, заднепровские чиншевики, молдавские резеши, царане и некоторые другие разряды сельского населения. Эта сборная категория, близкая к крестьянам, отличалась от них в основном размерами землевладения: многоземельными были башкиры, казаки, колонисты, резеши, крохотные участки имели чиншевики и царане. Но внутри каждой из этих групп, как и среди крестьян — личных собственников, наблюдались большие различия в размерах землевладения, особенно у колонистов.

Со временем увеличивалось число продаж земли этой категории, но росло и число покупок и, соответственно, продаваемой и покупаемой площади, за исключением 1913 и 1914 гг., когда наметилось снижение этих показателей. За 9 лет было продано 1,4 млн. дес., в среднем по 35 дес. на одну сделку (у крестьян 20 дес.) и купили 1,6 млн. дес., по 25 дес. на сделку (у крестьян 16 дес.). Показанные здесь цифры продаж и покупок объединены с крестьянскими и вошли в приведенные выше сводные данные.

Кроме лично купленной земли многие крестьяне имели личные пай в составе земель, купленных крестьянскими товариществами и целыми сельскими обществами. Крестьянские товарищества, имевшие к 1905 г. 7,7 млн. дес. земли, продали около 1 млн., купили 5,8 млн., и к 1915 г. у них оказалось 12,5 млн. десятин. За купленную землю они уплатили 745 млн. руб., по 129 руб. за десятину. В связи с ростом цен с 1910 г. начался резкий спад количества покупаемой земли — с 836 тыс. дес. в 1909 г. до 522 тыс. в 1913 году.

В три раза меньшее количество товариществ продавало и в пять раз меньшее покупало землю. В 1905 г. у них имелось 3,7 млн. десятин. В 1906—1914 гг. они продали 0,3 млн. и купили 1,2 млн. десятин. К началу 1915 г. у них имелось 4,6 млн. десятин. Купленная земля обошлась крестьянам в 149 млн. руб., по 123 руб. за десятину. Здесь следует отметить резкое сокращение всех торгово-земельных операций сельских обществ. Тут уже главной причиной явилось не вздорожание земли, а распад общинных связей из-за укрепления в собственности надельной земли, выделов на отруба и хутора, землеустройства и т. д. Если в 1906—1909 гг. сельские общества продавали по 63 тыс. дес. в год, то в последующие пять лет — по 12 тысяч. Соответственно уменьшились и покупки: с 222 тыс. до 65 тыс. дес. в год.

Прочие землевладельцы. В торговле землей участвовали и другие категории землевладельцев. И хотя доля их в обороте земельного рынка не особенно велика, обойти их не только несправедливо, но и невозможно, так как тогда не получится действительной картины грандиозного процесса перераспределения земли в России, развернувшегося после революции 1905 и объявленной 9 ноября 1906 г. реформы.

По площади самую скромную роль в торговле землей играло духовенство: 4243 священнослужителя продали 90 тыс. дес. земли, причем число сделок и размер площади продаваемой земли увеличивались до 1911 г., после чего последовал спад. 2700 чел. купили 58 тыс. дес. — по 21 дес. в том и другом случае; нарастание объема покупок сменилось падением в 1913 году. В итоге духовенства потеряло за 9 лет 32 тыс. дес. земли.

Отдельная категория сложилась из тех собственников, которые в купчей вместо своего сословия указали профессию (присяжный поверенный, инженер, землемер и т. д.), что и отразили сенатские объявления. «Профессионалы» продали 483 тыс., а купили 457 тыс. дес., потеряв при этом 26 тыс. десятин.

Значительное место в земельном обмене занимали мещане и городские рабочие. Особенностью этой группы было преобладание мелких сделок, и особенно усадебных и дачных участков (до 1 дес.). При среднем удельном весе в 11% такие сделки среди мещан-покупателей составляли 22% (у крестьян 19%), а среди продавцов 16% (у крестьян 9,0%). Другое, еще более резкое отличие от других сделок состояло в исключительной дороговизне мелких участков. До 1912 г. возрастало число сделок и площадей проданной земли. Всего мещанам было продано за 9 лет 155,2 тыс. дес., а куплено чуть больше — 163,3 тыс., приращение составило всего 8,6 тыс. дес., а соотношение продаж и покупок около 1:1 (у крестьян 1:2,5).

В торговых операциях с землей принимали участие иностранные подданные. Эта публика проявляла себя не столько числом, сколько умением. Покупателей среди них было вдвое меньше, чем продавцов (1239 против 2407), но купили они 453 тыс. дес., а продали 328 тыс. дес., т. е. меньше на 125 тыс. десятин. Приведем в качестве иллюстрации две сделки. В 1906 г. прусская подданная С. Г. фон Бенкендорф-Гинденбург, урожд. графиня Цу-Мюнстер, продала имение Покровское-Сакура в Саратовском уезде площадью в 13 694 дес. Крестьянскому банку за 109 066 руб., по 80 руб. за десятину. В 1907 г. дворянин Е. И. Гейзер продал великобританскому подданному Ф.-В.-Г. Ф. Меджерст в Гдовском уезде Петербургской губ. 4367 дес. за 100 тыс. руб., округляя, по 23 руб. за десятину⁹⁰. Вообще преобладали крупные сделки, о чем можно судить по средним цифрам. Иностранные подданные покупали в среднем по 366 дес. на одну сделку, тогда как дворяне — по 201, купцы — по 197 и промышленные объединения — по 181 дес. Несмотря на то, что первые купили земли больше, чем продали, они в деньгах не только не потеряли, но еще и выручили 9 млн. рублей. Это объяснялось просто тем, что покупали они землю по 57 руб., а продавали по 106 руб. за десятину. Спекулятивная природа этих торговцев землей не вызывает никаких сомнений.

Есть еще одна категория — «неизвестные звания». Появление этой категории можно было бы объяснить случайными причинами (недосмотр нотариуса, небрежность писца и т. д.), если бы не одно обстоятельство: число «неизвестных» продавцов, как и площадь проданной земли, вдвое превышает показатели у покупателей. Возможно, продавцы имели особый резон скрывать свою сословную принадлежность. На эту же мысль наводит и тот факт, что почти половина скрывших свое звание продавцов приходится на 1913 и 1914 годы. Общий итог операций этой группы: продано 404 тыс., куплено 258 тыс., убыль 146 тыс. десятин.

И, наконец, последняя категория участников торговли землей — «прочие юридические лица». Прочие — значит, за исключением разносословных союзов и торгово-промышленных объединений. На долю этих «прочих» приходилось 30% всех продажных сделок и 17% проданной земли. В то же время число покупок составляло меньше двух процентов, зато — четверть всей массы купленных земель; на одну покупку приходилась в среднем 751 десятин — вчетверо больше, чем у дворян, и вдвое больше, чем у иностранцев. Такие контрасты связаны с тем, что в данную категорию входили крупнейшие торговцы землей — Крестьянский банк, казна и более мелкие — удельное ведомство, Дворянский и частные земельные банки, земства и некоторые другие.

Из 6,2 млн. дес. проданной этими владельцами земли только на долю Крестьянского банка пришлось за 9 лет 3,6 млн. дес., проданных крестьянам, еще около 0,5 млн. дес. продала им казна. Остальные 2,1 млн. дес. приходятся на продажи другими юридическими лицами. Примечательно, что покупная цена земли в этой категории равнялась 75 руб., а продажная 88 руб. за десятину. Следовательно, Крестьянский банк нажил на этой разнице цен около 47 млн. руб., взвалив их долгами на крестьян-заемщиков. Таким образом, банк давал нажить помещикам, но не забывал и себя.

Крупное и крупнейшее землевладение

Есть смысл специально рассмотреть те изменения, какие претерпело крупное личное землевладение безотносительно к сословной принадлежности собственников, потому что не эта принадлежность, как показала практика и основанная на ней огромная экономическая литература, определяла характер хозяйства и роль латифундий в прогрессе в аграрной области и в стране в целом.

В 47 губерниях владений в личной собственности насчитывалось 700 тыс. и земли у них 81,9 млн. десятин. В этом числе латифундий размером 500 и более десятин 26,5 тыс., а земли — 58,9 млн., т. е. более двух третей всего личного землевладения. Концентрация земли в руках крупных собственников громадная. Особенно высока она была в Степном крае и Заволжье — 84,8%, Юго-Западном районе — 80,5, Белорусском — 79,9%, Средневолжском — 76,7%. За 9 лет латифундисты продали 17,3 млн. дес., а купили 11,3 млн. десятин. На 1 января 1915 г. число латифундий с 26 519 сократилось до 23 105, а земли — до 53,0 млн. десятин. Но изменилась ли и как изменилась концентрация земли в руках крупных собственников? По ряду районов даже возросла: по Средневолжскому — на 6,0%, Западно-Украинскому на 2,5%, Белорусскому — на 1,2%. Снижение концентрации заметно лишь в Центрально-Земледельческом районе — на 3,1% и в Южном степном — на 1,7%, в остальных районах положение оказалось стабильным. Но самое главное — по Европейской России степень концентрации личного землевладения в руках крупных собственников осталась на прежнем уровне — 72,0%. Забота Столыпина о сохранении господствующего положения латифундистов среди огромной, почти миллионной (847 тыс.) массы личных собственников вполне себя оправдала.

Отдельно коснемся изменений в стане крупнейших собственников (5000 и более десятин). Этих сверхлатифундистов в 1905 г. насчитывалось 1631. Из них 462 владельца продали имения, но часть этой земли перешла к организованным ими же акционерным обществам или товариществам, в которых они оставались фактическими хозяевами этой земли. 304 человека купили владения такого же размера. А средний размер такого имения 16,8 тыс. дес. и стоимость 722 тыс. рублей. Кто еще станет настаивать на том, что Россия была бедной страной, если нашлись 300 человек, сразу выложившие 220 млн. рублей? Этим земельных магнатов к 1915 г. осталось меньше, всего 1482. И земли у них поубавилось: вместо почти 27 млн. стало 24 млн. десятин. Да и средний размер имения уменьшился — до 16,2 тыс. десятин. Но не забудем и того, что число магнатов уменьшилось на 9,1%, а землевладение их — на 10,4%. Отрывая по проценту в год от этой земельной громады, реформаторы столыпинского толка, если бы они даже хотели, как раз управились бы к началу XXI века. Но ликвидации ее они как раз и не хотели. Наоборот, используя все доступные им средства, Столыпин и его сподвижники не без успеха старались сохранить и приумножить мощь и богатство земельной знати.

Вспомним, как яростно, не считаясь с решением сената 1909 г., подтвердившего закон 1862 г. о наделении уральских крестьян землей, боролись Столыпин и Щегловитов против отрезки у горнозаводчиков земли в пользу крестьян. И как, искусно взаимодействуя друг с другом под руководством

одного управляющего, Крестьянский и Дворянский банки с 1906 по 1913 г. подняли продажные цены помещичьей земли на 20%. Памятуя, что ввиду особенностей состава угодий в крупнейших владениях, продажная цена не поднималась выше 43 руб., можно заключить, что рост ее произошел с 40 до 48 руб. за десятину. В той же мере, теоретически рассуждая, поднялась и оценка непроданных земель верхнего слоя владельцев.

Итак, если имевшаяся у сверхлатифундистов в 1905 г. земля в количестве 26,8 млн. дес. составляла ценность в 1 млрд. 74 млн. руб., то оставшиеся у них 24,1 млн. дес. должны оцениваться 1 млрд. 155 млн., или больше на 10,8%. Получается, что земли у них на десятую долю стало меньше, а сами они на ту же десятую часть стали богаче. Таков русский пирог: чем больше его ешь, тем больше остается.

И окончательное соотношение: на 1 января 1915 г. из 78 млн. дес. частного землевладения (включая торгово-промышленные товарищества и общества), только 17 млн. дес. принадлежали крестьянам, казакам, колонистам. Но из них надо исключить землевладение, превышающее, по принятому не нами, а эсеровскими руководителями переписи 1917 г., цензу, 50 дес., и тогда на долю крестьян придется 7,3 млн. дес., или 43% крестьянского и только 9% всего частного землевладения. Если кто и питал надежды на создание сильного класса мелких собственников из крестьян путем естественного, рыночного перехода частновладельческих земель к трудовому крестьянству, должен был бы признать что при таких показателях такой класс мог сложиться ко времени жизни современного нам поколения.

Примечания

1. КОВАЛЬЧЕНКО И. Д. В. И. Ленин о характере аграрного строя капиталистической России. — Вопросы истории, 1970, № 3.
2. Вопросы истории, 1971, № 11.
3. История СССР, 1983, № 5.
4. Там же, с. 54.
5. К капиталистическим Ленин относил хозяйства, в которых «число наемных рабочих больше числа семейных» (Полн. собр. соч. Т. 19, с. 329). — *Примечание И. Д. Ковальченко.*
6. История СССР, 1983, № 5, с. 55.
7. Итоги оценочно-статистического исследования Пензенской губернии 1909—1913 гг. Серия 3. Ч. 3. Вып. 1. Пенза. 1923.
8. История СССР, 1983, № 5, с. 62.
9. ЩЕРБИНА А. Ф. Крестьянские бюджеты. Воронеж. 1900.
10. История СССР, 1983, № 5, с. 63—66, 74. Автор разделил хозяйства на четыре группы по размеру дохода: 1) 81 двор — до 300 руб., 2) 58 — по 301—600 руб., 3) 56 — по 601—1000 руб., 4) 35 дворов — более 1000 рублей.
11. ЩЕРБИНА Ф. А. Ук. соч., с. 2—190; КОРЕНЕВСКАЯ Н. Н. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств в дореволюционной России. М. 1954, с. 118—126.
12. Бюджеты крестьян Старобельского уезда. Харьков. 1915.
13. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 118; т. 3, с. 506.
14. История СССР, 1983, № 5, с. 77.
15. КОВАЛЬЧЕНКО И. Д. Методы исторического исследования. М. 1987, с. 373—374, 378.
16. Там же, с. 373—374.
17. Там же, 426—427.
18. КОВАЛЬЧЕНКО И. Д. МОИСЕЕНКО Т. Л., СЕЛУНСКАЯ Н. Б. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М. 1988, с. 118—119, 205—209, 217.
19. ТЮКАВКИН В. Г., ЩАГИН Э. М. В. И. Ленин о трех российских революциях. М. 1984, с. 51, 57.
20. КОВАЛЬЧЕНКО И. Д. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в земельском производстве капиталистической России. В кн.: Проблемы социально-экономической истории. М. 1971, с. 179.
21. ОГАНОВСКИЙ Н. П. Революция наоборот. М. 1917.

22. КОВАЛЬЧЕНКО И. Д. Соотношение, с. 182.
23. КОВАЛЬЧЕНКО И. Д. В. И. Ленин о характере аграрного строя капиталистической России. — Вопросы истории, 1970, № 3, с. 42.
24. БОВЫКИН В. И. Россия накануне великих свершений. М. 1988, с. 39.
25. КОВАЛЬЧЕНКО И. Д. Соотношение, с. 192.
26. В свое время И. В. Кузнецов пытался опровергнуть наши утверждения о полукрепостническом характере помещичьего хозяйства ссылками на исчисления Л. П. Минарик, но сделал из них выводы, противоположные тому, что она доказала. Наиболее рачительные управляющие именами крупнейших помещиков старались не доверять предпосевную обработку почвы и посев крестьянам-отработчикам с их слабосильными лошадьми, стародедовским инвентарем и вполне понятным нерадением к чужой работе. И все же в начале века 42% запашки приходилось на крестьян и 58% — на своих рабочих и свой инвентарь. Зато только 1,5% всех уборочных работ производилось своими рабочими, остальные 98,5% — крестьянами, в том числе 10% за отработки, 35% — издольно и 53,5% — сдельно. Автор статьи путает последний вид работ с капиталистической сдельщиной, тогда как на самом деле это была в большинстве случаев знаменитая «зимняя наемка» — разновидность кабальных отработок (Ежегодник по аграрной истории... 1964 год, с. 622—623). У магнатов в экономической (своей) запашке Минарик зафиксировала 669 тыс., а сданной в аренду — 960 тыс. дес. пашни, то есть почти в полтора раза больше, что само по себе уже раскрывает паразитическую природу крупного землевладения. Но самое главное, по расчету Минарик, две трети сданной площади представляли собой мелкую погодную, а значит полукрепостническую аренду. Вся совокупность учтенных Минарик данных диктовала заключение о полукрепостническом характере землевладения и хозяйства крупнейших собственников.
27. КОВАЛЬЧЕНКО И. Д., СЕЛУНСКАЯ Н. Б., ЛИТВАКОВ Б. М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М. 1982.
28. АНФИМОВ А. М. «Свод по России» как источник для изучения помещичьего хозяйства XX века. В кн.: Проблемы источниковедения. Т. 8. М. 1959, с. 37; Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 52 губерниям и областям. М. 1921, с. 42, 48, 49.
29. КОВАЛЬЧЕНКО И. Д., СЕЛУНСКАЯ Н. Б., ЛИТВАКОВ Б. М. Ук. соч., с. 112—113, 119, 133.
30. См.: ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 17, с. 133, 80, 76.
31. КОВАЛЬЧЕНКО И. Д., СЕЛУНСКАЯ Н. Б., ЛИТВАКОВ Б. М. Ук. соч., с. 228.
32. Там же, с. 223.
33. Там же, с. 118—119.
34. См. АНФИМОВ А. М. Российская деревня в годы первой мировой войны. М. 1962, с. 119, 138.
35. КОВАЛЬЧЕНКО И. Д., СЕЛУНСКАЯ Н. Б., ЛИТВАКОВ Б. М. Ук. соч., с. 224.
36. Сельскохозяйственный обзор Самарской губернии за 1911—1913 гг. Самара. 1915, с. 167.
37. Отчет Крестьянского поземельного банка за 1910 год. СПб. 1911, с. 105.
38. БУДАЕВ Д. И. Крестьянское движение в Смоленской губернии в годы столыпинской аграрной реформы. Смоленск. 1962, с. 202.
39. КОВАЛЬЧЕНКО И. Д., СЕЛУНСКАЯ Н. Б., ЛИТВАКОВ Б. М. Ук. соч., с. 126.
40. См.: АНФИМОВ А. М. Российская деревня, с. 98, 99.
41. КОВАЛЬЧЕНКО И. Д., СЕЛУНСКАЯ Н. Б., ЛИТВАКОВ Б. М. Ук. соч., с. 130.
42. Там же, с. 133, 223; БОВЫКИН В. И. Ук. соч., с. 48.
43. КОВАЛЬЧЕНКО И. Д., СЕЛУНСКАЯ Н. Б., ЛИТВАКОВ Б. М. Ук. соч., с. 139.
44. ПАВЛОВ Н. А. Записки землевладельца. Ч. 1. Пг. 1915, с. 20, 52.
45. Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний. Ч. 1. СПб. 1905, с. 16, 249.
46. РЫНДЗЮНСКИЙ П. Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века. М. 1983, с. 20.
47. ЛЯЩЕНКО П. И. История народного хозяйства СССР. Т. 2. М. 1952, с. 30.
48. См. Социально-демографические аспекты развития производительных сил деревни. М. 1984, с. 82, 85.
49. ОСТРОВСКИЙ А. В. О региональных особенностях аграрного перенаселения капиталистической России. В кн.: Проблемы исторической географии России. Вып. 3. М. 1982, с. 175—181.
50. Цифра 6,5 млн. сельскохозяйственных рабочих в указанном труде (Рабочий класс России.

- 1907 — февраль 1917 г. М. 1982, с. 41—42) документально не подтверждена и, думается, значительно преувеличена.
51. ПАНЮТИЧ В. П. К вопросу о развитии отхожих промыслов в Белоруссии в эпоху капитализма (1861—1914 гг.). В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963 г. Минск. 1964, с. 638—639.
 52. ТУДОРЯНУ Н. Л. Очерки российской трудовой эмиграции периода империализма. Кишинев. 1986, с. 65, 68.
 53. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 19, с. 331.
 54. Казенные оброчные статьи хозяйственного ведомства в 1907—1910 гг. СПб. 1911; Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 396 (Департамент Гос. земельн. имуществ), оп. 7, д. 525, л. 20—33. Казенные оброчные статьи в 1916 году.
 55. РГИА, ф. 549, оп. 1, д. 184, л. 7, 2 об., 6.
 56. РГИА, ф. 592, оп. 43, д. 829.
 57. Сенатские объявления (СО), 1907, № 34089.
 58. Мария Павловна старшая (1854—1923), вдова вел. кн. Владимира Александровича (1847—1909) и мать вел. кн. Кирилла, Бориса, Андрея и королевы греческой Елены. Президент императорской Академии художеств.
 59. СО 1906, № 3745; РГИА, ф. 592, оп. 43, д. 232. Имение досталось им от жены действительного тайного советника Н. М. Половцовой 27 июня 1902 года.
 60. СО, 1910, № 139315, 193623, и сл.; 1911, № 5344 и сл.
 61. Дневник А. С. Суворина. М. 1990, с. 227 (1907 год); СО, 1907, № 67179—67181; 1909, № 189848, 189874, 116097; Волянь, 12. VIII. 1906; АВРЕХ А. Я. Царизм накануне свержения. М. 1989, с. 188.
 62. СО, 1907, № 46897—46904.
 63. СО, 1908, № 45037 и сл.; 1909, № 85468 и сл., 126644 и сл.; 1907, № 260307, 77573, 77676; 1913, № 115042, 115043; Динамика землевладения в России. 1906—1914 гг. М. 1989, с. 80.
 64. СО, 1907, №№ 61869, 61874.
 65. СО, 1906, № 17060, 2014, 78798; 1907, № 61792, 7379.
 66. СО, 1906, № 31268; 1908, № 23839, 23869, 23870.
 67. СО, 1906, № 52875, 54035, 71874; РГИА, ф. 934 (Дурново), оп. 1, д. 554. л. 1 об., 5.
 68. Напомним, сумма векселей, полученных Кохом от Скалона, Бобринских и Дурново и принятых комиссией по имению Рамонь принцессы Е. М. Ольденбургской в нуле, составляла 1635 тыс. рублей (РГИА, ф. 560, оп. 26, д. 801, л. 45 об.).
 69. СО, 1907, № 8645.
 70. Там же, № 25754.
 71. СО, 1906, № 5538, № 30022; 1907, № 50255 (вариант: продавец — не Надежда, а Вера. Неясность в источниках автор склонен решить в пользу первой).
 72. СО, 1907, № 35658; 1906, № 57858 и сл. (свыше 20 сделок).
 73. СО, 1907, № 56653, 56654; 1908, № 63494.
 74. РГИА, ф. 1102 (коллекция), оп. 2, д. 448, л. 1—3; СО, 1906, № 82498, 82499, 27108; 1907, № 39880.
 75. Динамика землевладения, с. 56—60; История СССР, 1974, № 1, с. 87.
 76. Динамика землевладения, с. 67.
 78. СО, 1906, № 51326, 51327, 49970; 1907, № 24275, 18090.
 79. СО, 1906, № 61354, 61363; РГИА, ф. 592 (Крестьянский банк), оп. 43, д. 1712, л. 1—1 об.; д. 1722, л. 3 об.; д. 1765, л. 4 об.; д. 1713, л. 4, 22 об.; д. 1714, лл. 7—9
 80. СО, 1907, № 25061, 35275, 45280.
 81. СО, 1908, № 2295.
 82. СО, 1907, № 63236, 57870; 1905, № 29740.
 83. БУРАНОВ Ю. А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала. М. 1982.
 84. СО, 1907, № 25835—25837; 1909, № 188215.
 85. РГИА, ф. 1102, оп. 1, д. 598, л. 54, 55.
 86. Пермские губернские ведомости, 1915, № 15; Вестник финансов, 1915, № 20, с. 335—336; Пермская земская неделя, 1912, № 10, с. 14; СО, 1907, № 25123.
 87. Пермская земская неделя, 1912, № 10, с. 16.
 88. СО, 1907, № 27948, 1908, № 29795.
 89. РГИА, ф. 1290, оп. 6, д. 80,
 90. СО, 1906, № 79102; 1907, № 69253.

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Записки для немногих

А. В. Головнин

Апрель 1867 года

Князь А. С. Меншиков. В апреле Головнину случилось быть у адмирала князя Александра Сергеевича Меншикова. Отец Головнина, вице-адмирал Василий Михайлович Головнин, был флота генерал-лейтенантом в то время, когда князь Меншиков был начальником Главного морского штаба, и Меншиков всегда с особенным уважением отзывался о Василии Михайловиче сыну его.

По выходе Головнина из Царскосельского лицея Меншиков весьма ласково принимал 18-летнего молодого человека, приглашал часто к себе обедать и проводить вечер, разговаривал с ним о предметах серьезных и давал книги из своей библиотеки. Головнин состоял при князе Меншикове по особым поручениям в 1849 и 1850 годах и пользовался тогда его вниманием. За все это он сохранил к нему искреннюю благодарность и старался доказать оную впоследствии. Когда Головнин состоял при великом князе Константине Николаевиче и пользовался его доверием, а князь Меншиков неудачно сражался против англо-французов в Крыму и подвергался в Петербурге самым резким беспощадным обвинениям, в то время Головнин обратился к благородным чувствам великого князя и убедил его: 1) быть защитником отсутствующего и везде гласно, сильно высказывать, что никого нельзя обвинять, не выслушав, а тем менее главнокомандующего, который весьма многого, что послужило бы в его оправдание, и высказать еще не вправе, 2) по приезде князя Меншикова в Петербург поехать к нему как к бывшему своему начальнику в мундире и ленте. Великий князь Константин Николаевич сделал это в то самое время, когда многие и, между прочим, великая княгиня Елена Павловна, открыто говорили, что они удивляются, как князь Меншиков осмелился после Крымской войны приехать в Петербург, и 3) исходатайствовать ему в подарок казенный дом на Английской набережной, в котором он жил в продолжении 25 лет, будучи начальником Главного морского штаба.

Князь Меншиков весьма гневался на Головнина за те преобразования по морскому ведомству, которые были сделаны великим князем и которые Меншиков считал изобретением Головнина, уничтожавшим заведенный им порядок, так же за описания и раскрытие разных несовершенств и недостатков, вызвавших означенные преобразования. Посему князь Меншиков должен был внутренне одобрять некоторые действия Головнина в отношении к нему и в то же время весьма сердился за другие ¹.

Головнин не обращал внимания на это неудовольствие и по временам являлся к князю Меншикову как к своему бывшему начальнику, которому оставался благодарным за прежнее внимание.

Продолжение. См. Вопросы истории, 1996, №№ 1–2, 4–6, 9–10; 1997, №№ 1–8.

В апреле 1867 г. он нашел Меншикова едва оправившимся после опасной болезни, но бодрым и разговорчивым. Меншиков сказал, что ему на днях наступит 80 лет и что ему следует теперь думать о том только, как бы возможно меньшими страданиями оставить здешний мир. Головнин полагал, что после столь философического взгляда Меншикова на свое положение, он найдет у князя Меншикова совершенное равнодушие ко всему, что делается в нашей администрации и обществе, благодушное доброжелательное расположение к людям и что человек, располагающийся выехать на днях из квартиры, не может уже заботиться о том, что в ней печи не хорошо топят, замки не исправны и т. п. К крайнему однако удивлению он нашел в князе Меншикове самое страстное, желчное расположение, коль скоро разговор коснулся некоторых предметов, как-то: освобождения крестьян, судебной реформы, болезни статс-секретаря Милютин. О Милютине он выразился так¹.

«Это — негодяй, который не может подохнуть. Я сознаюсь, что мне доставило сердечную радость, когда я узнал о болезни этого мерзавца. Этот человек ненавидит русское дворянство, потому что его дед был купцом, он хотел всех уравнять, он сделал больше всего зла русскому дворянству. Освобождение крестьян было необходимой мерой, но нужно было ограничиться тем, чтобы постепенно дать крестьянам личную свободу, оставляя дворянина собственником земли и главой сельской полиции. Нужно было улучшить суды, но не вводя присяжных и адвокатов, которые сплошь мерзавцы. Судебная реформа у нас — всего лишь плод интриги воспитанников Школы правоведения, которые задумали создать для своих коллег места со значительным содержанием. Милютин опутал Россию сетью. Тщились унижить дворянство и передать власть в руки мерзавцев. В Польше Милютин тоже старался унижить дворянство, отдать их земли крестьянам и возвысить этих последних. Люди, которые участвовали в афере освобождения, в большинстве своем — негодяи и мерзавцы».

Все это выражалось с необыкновенным жаром, с сердцем, с накипевшею желчью. На Головнина это произвело самое грустное впечатление. Вместо благодушного, почтенного старика, исполненного доброты и доброжелательства, он видел бессильную шипящую злобу.

Говение. Разбор своих действий. На этой неделе (страстной) я начал говеть. Признаюсь, что я не нахожу большой пользы от многократного долгого стояния в церкви, от постного кушанья и от исповеди у священника, но признаю в высшей степени полезным бывающий при говении, в дни молитвенного настроения души, собственный подробный, строгий, болезненный разбор своих действий, своей прошлой жизни, экзамен самому себе перед собственною совестью. Посещение церкви для того, кто с детства исполнял это, полезно, ибо церковная служба приводит в молитвенное благоговейное настроение, но слишком частая ходьба туда и слишком долгое стояние при слушании невнятного чтения, частых повторений и песнопений или чтения книг древних евреев, мало приличествует нашему времени, утомляет и пользы религиозной не приносит. Постное кушанье ослабевает слабого, отягощает желудок, а человеку сильному и здоровому может быть полезно и приятно. Для людей анемических, малокровных, страдающих частыми кровотечениями, оно может быть только вредно, и, к несчастью, я именно в этом положении. Наконец, польза исповеди совершенно зависит от личности священника, у которого исповедуешься. Надобно, чтобы он своими летами, образом жизни, нравственными качествами внушал к себе глубокое уважение, чтоб своей образованностью и ученостью он стоял выше тех, кого исповедует и, наконец, чтобы сам был человеком глубоко верующим и не считал простым обрядом того, что церковь называет таинством. Где найти подобного отца духовного? Если же исповедывающий[ся] знает, что священник, к которому он пришел для исповеди, не имеет этих достоинств — какое значение может иметь исповедь?²

Совсем другим является собственный строгий разбор своей жизни, эта болезненная операция над собственным самолюбием, это рассмотрение всего происшедшего и составление плана деятельности или жизни для начинающегося периода времени. Эта операция всегда возможна и всегда полезна.

Мне теперь 46 лет. В конце прошлого и в нынешнем году я привел в порядок и переписал мои записки от воспоминаний детства до нынешнего года. Таким образом, вся прошлая жизнь предстала перед мною и прошла перед глазами пестрой разнообразной панорамой. Сравнивая свое положение и обстоятельство,

в которых я находился, с положением и обстоятельствами тысячи других людей, я должен благодарить провидение за неисчислимые ко мне милости. Становится даже страшно за будущее, ибо я должен сказать, что до сих пор я не имел в жизни несчастий. Единственным несчастьем я могу считать кончину доброго отца моего, но я потерял его, когда мне было 9 лет отроду и, следовательно, не мог понять значения этой потери. Затем я имел огорчения, неприятности, но не несчастья. Господь сохранил мне до сих пор добрейшую и умную мать, и всю жизнь я пользовался ее любовью, попечением, дружбою и наставлениями всегда полезными.

Я имел в жизни полную возможность и удобство узнать нравственные обязанности человека и имел много случаев делать истинное добро и как помещик, и как человек, который пользовался десять лет доверием влиятельного великого князя и, наконец, в продолжение 4^{1/2} лет как министр. Как я всем этим воспользовался? Что делал для своего нравственного образования? Много ли сделал добра с условием какой-либо жертвы с своей стороны и без всякого возмездия, ибо подобное только действие составляет заслугу, ибо нет заслуги делать добро на счет казны или отдавать свои излишки, давать то, что себе не нужно, или получая возмездие в похвалах, в публичности, в приобретении хорошей репутации и т. п. Где то добро, которое было соделано так, что шуйца не знала, что творит десница, где то пожертвование, которое как лепта вдовицы, принесена не от избытка, а от недостатка?

Разбирая, таким образом, мои прошлые действия, не нахожу ничего действительно заслуживающего похвалы. Все кажущиеся добрые дела исчезают как дым. Нигде не было самопожертвования, нигде не было действительно сколько-нибудь чувствительной жертвы³.

Употребив другой оселок для оценки своего нравственного достоинства, прихожу к столь же неутешительному результату.

Высокая, чистая нравственность требует не пропускать без порицания в совещательных собраниях, в советах того, что заслуживает порицания, не оставлять слабого или невинного без защиты, не бояться сильных, жертвовать своим положением, возражая им. Так ли я действовал в бытность министром? не слишком ли часто молчал, а если и говорил, то не слишком ли слабо, уклончиво; не слишком ли часто и не слишком ли много уступал? К сожалению, совесть не оправдывает меня. Следовало говорить смелее, решительнее, восставать против административного произвола, против наказаний без суда и смелее выражать свои убеждения в пользу гласности, свободы печатного слова, законности. Надобно было со дня вступления в должность министра иметь вещи свои в чемодане и выйти в отставку при первой неудачной защите слабого против сильных.

Трудно, впрочем, самому отыскать в себе недостатки и ошибки. Несмотря на усилия, плохо их видишь. Другие также мало помогают в этом, ибо редко находятся друзья, которые соглашаются указать на них. Иногда, однако, это бывает. Но затем, если печать свободна, то политические деятели подвергаются в ней беспощадной критике, и в этой критике встречается значительная доля правды. Посему мне следует поискать, в чем меня обвиняли другие.

Из людей, от которых я мог ожидать откровенности, а именно лицейских товарищей моих, трое высказались в разное время.

По окончании службы моей при великом князе Константине Николаевиче Кочетов сказал мне, что в бытность при великом князе я замышлял перестроить Россию на свой лад. Следовательно, вот в каком громадном честолюбии меня обвиняли товарищи. В действительности, я только надеялся, пользуясь доверием великого князя, произвести полезные преобразования в морском ведомстве, употребив для этого средство, которое прежде не употреблялось, а именно, спрашивая всех лиц морского ведомства мнение их о недостатках ведомства и о средствах исправления, и сообщая им на рассмотрение проекты преобразований. Сверх того я полагал и высказывал великому князю, что ему не следует ограничивать свою роль сферой морского начальника, но следует принимать участие в общих государственных делах, но при этом я не имел никаких реформаторских замыслов.

Рейтерн говорил мне однажды, что я главный виновник горячки реформаторской, которая отличает нынешнего государя, ибо своим влиянием на великого князя побудил его все преобразовывать в его ведомстве, а что государь смотрел неравнодушно на деятельность брата и сам пустился все преобразовывать еще на

большем поприще, и что, таким образом, я причинил много вреда и, в другой раз, что со многими лицами, с которыми был прежде в хороших отношениях ⁴, я разошелся собственно потому, что имел привычку, чтоб побудить людей к работе, обращаться к их слабостям и недостаткам (самолюбию, тщеславию), преувеличенно хвалить их достоинства, и это оканчивалось тем, что люди эти начинали понимать, что я не имел о них того высокого мнения, какое показывал им, и тем более на меня сердились.

Барон Николай обвинял меня в слишком либеральном направлении и находил совершенно ошибочными мои мысли о пользе свободы печати, самоуправления, гласности судов с присяжными и адвокатами, рассматривание подчиненными местами и обсуждения в журналах проектов уставов, составленных разными комиссиями при министерствах и пр.

Затем, к сожалению, я не слышал ни от кого других упреков, ясно и определенно изложенных, и особенно упреков, касающихся собственно нравственной стороны.

Государь при увольнении меня от должности министра народного просвещения сказал с какою-то горечью, что никто, решительно никто не говорил ему в мою пользу, но в чем именно меня обвиняли, не сказал. Я понял только то, что никому не умел угодить, ничье расположение не умел заслужить, а возбудил всеобщее нерасположение.

Размышляя об этом общем нерасположении, я не могу, однако, предположить, чтоб все были неправы, все ошибались и чтоб я один был прав. Но какая причина такого нерасположения? Что я сделал, чтобы заслужить оное? Едва ли то обстоятельство, что я не принадлежал ни к какой партии, а действовал, следуя только своему убеждению. Вероятно, самолюбие скрывает от меня собственные ошибки и недостатки.

В заграничных русских изданиях, которые печатаются без цензуры, я видел корреспонденции из Петербурга, из коих в одной говорилось, что я высказал блестящие способности министра, но самую мелкую душонку, в другой, что я доказал своим управлением, как была преувеличена моя репутация ума, и в третьей, что для сохранения министерского портфеля я вдался в самое театральное ханжество. Последнее обвинение я нахожу несправедливым. Я всегда искренне находил религиозность необходимою, находил необходимым влияние религиозного элемента в воспитании, но весьма мало исполнял церковные правила и обычаи и никогда не старался показать, будто исполняю их.

Затем я не нахожу в себе той высокой идеальной правдивости, которая представляется мне столь привлекательною, которая соединена с гражданским мужеством и которая выражается на практике подвигами самопожертвования в пользу правды, справедливости и для защиты невинного. Подобных подвигов я не нахожу в моей жизни и, если б нужно было определить самого себя по отличительной черте, я должен бы назвать сам себя — посредственностью.

Все это крайне больно для самолюбия.

После подобной строгой исповеди перед самим собой является невольно вопрос насчет настоящей и будущей деятельности. При моем крайне слабом организме и совершенно расстроенном здоровье я не могу более помышлять о какой-либо обширной административной деятельности, для чего собственно готовился, и, следовательно, не могу уже иметь случая делать добро в больших размерах. Деятельность моя, подчиненная физическим силам, должна быть весьма скромная и ограничиваться тесными пределами собственных средств.

Май 1867

Потому ли, что я действительно болен, сижу или, правильнее, лежу несколько недель дома, никого почти не вижу, но то немногое, что доходит до меня, производит самое грустное, тяжелое впечатление. Известно, что зимой этого года закрыто было здешнее земское собрание и Сенату предписано рассмотреть действия оного. Только теперь Сенат собрался исполнить это, будучи, впрочем, в недоумении, как ему действовать. На днях приезжал ко мне сенатор Мансуров и сказывал, что новый управляющий Министерством юстиции князь Урусов приезжал нарочно к министру внутренних дел Валуеву и спрашивал его, как ему угодно, чтоб Сенат решил это дело, с какой степенью строгости? И этот вопрос делал министр юстиции

министру полиции! Несчастный государь, который так жестоко ошибся в выборе того человека, который прежде всего должен защищать и отстаивать самостоятельность и независимость суда!

Мансуров слышал это от брата своего, доверенного лица у Валуева (директора Департамента общих дел). Мансуров говорит, будто Валуев в ответе своем выразил Урусову свое презрение и сказал, что члены земства вовсе не преданы суду Сената, что они были недовольны разными действиями министра внутренних дел и хотели жаловаться на него Сенату, что Сенату предстоит рассмотреть эти действия министра внутренних дел; что Урусов не хочет оставаться министром юстиции собственно из эгоизма, чтобы никогда не видеть неудовольствия государя и чтоб ни с кем не ссориться, и что мысль о возможности принести на этом месте много пользы не имеет для него, Урусова, никакой заманчивости и привлекательности. Если все это справедливо, нельзя не чувствовать глубокого прискорбия, негодования и презрения: скорбеть и негодовать за Россию и за общее благо и презирать Урусова. При мысли об этом у меня происходит какое-то внутреннее в груди болезненное ощущение. Я спрашиваю себя: какое тебе дело, разве это тебя касается, разве ты виноват, разве ты можешь помочь? зачем же портить себе кровь?

Послезавтра, 8 мая, назначено к рассмотрению в Государственном совете (в общем собрании) между прочим представление министра внутренних дел о порядке, который следует соблюдать в собраниях сословных и общественных, т. е. дворянских и земских. В этом представлении определены права и обязанности председателей этих собраний и, между прочим, постановляется, что губернатор имеет право потребовать, чтоб в собрание не допускалась публика, что разрешение его необходимо для печатания постановлений собрания, больших в нем прений, речей и для того, чтоб собрание могло сношаться с другими подобными собраниями по предметам, касающимся общих правительственных распоряжений.

Здесь очевидно желание: 1) поставить земские собрания в зависимость от губернаторов и дать сим последним начальническое над ними значение; 2) лишив действия собраний гласности и публичности, тем самым устранить нынешнее побуждение нравиться публике оппозиционными против правительственных лиц (губернаторов и министров) речами; и 3) прекратив возможность сношений между разными собраниями, тем самым лишить их возможности соединяться против правительства и действовать в одном направлении и как бы в союзе.

Справедливы ли те опасения Министерства внутренних дел, которые вызвали эти предположения, и нет ли опасности чрез принятие предлагаемых мер вовсе убить и парализовать действия земских собраний? Не обратятся ли они в прежние бесполезные дворянские собрания и в те собрания депутатов, которые избирались для рассмотрения смет земских повинностей, а в сущности никогда не рассматривали, а только подписывали заранее приготовленный журнал? Гласность, публичность собраний, обнародование речей, которые в них произносились, и состоявшихся постановлений, сношения между собою собраний разных губерний — все это с полицейской точки зрения могло иметь некоторые неудобства, но эти неудобства вознаграждались с избытком огромною пользою, состоявшею в том, что именно эти условия заключали в себе побуждение, рычаг к деятельности собраний. Едва ли найдутся многие, которые захотят терять время свое, деньги и труд для участия в негласных собраниях, поставленных в зависимость от губернатора; едва ли для подобного собрания кто-либо станет столь же основательно изучать вопрос, как для собрания, в котором сограждане слышат то, что он говорит, как в том случае, когда его работа, плод долгого, усиленного труда и, может быть, расходов, будет напечатана во всеобщее известие, сообщена другим собраниям и в них рассмотрена?

Конечно, могут быть случаи столкновения с административными властями, может случиться, что собрание будет недовольно действиями губернатора, министра, но для рассмотрения подобных случаев неудовольствий и пререканий существует законный порядок. Подчинение собраний губернаторам не произведет ли и не усилит ли неудовольствие против правительства, неудовольствие, которое будет втайне расти и увеличиваться и которое произведет губительные действия в то время, когда деятелем явится новое, молодое поколение вместо нынешних людей зрелого возраста, приученных с детства к раболепству, послушанию, холопству, бесстрастных и взвешивающих мелкие выгоды и невыгоды от более или менее покорного образа действия, в которых нет гражданского мужества и независимости,

которые суть не граждане, а покорно-подданные? Вот вопросы, заслуживающие обсуждения.

Затем является еще вопрос: стоит ли того в предстоящем общем собрании Государственного совета возбуждать прения по этому представлению министра внутренних дел? Оно состоялось по соглашению с шефом жандармов, было доложено государю и предварительно им одобрено. Меры, предлагаемые министром внутренних дел, признаны государем необходимыми. Министр юстиции, главный начальник II отделения и Департамент законов с ними согласились, и в департаменте последовали только редакционные замечания. Затем в Общее собрание дело это вносится только для формы. Очевидно, что возбуждение там каких-либо суждений совершенно бесполезно. Притом во всем собрании я не могу рассчитывать на поддержку и сочувствие ни одного лица. — Грустно!

Я не могу скрыть от себя, что мое положение уволенного и, так сказать, опального министра имело влияние на мои отношения с разными лицами. К сожалению, должен даже сказать, что некоторые лица, с которыми был прежде в отношениях весьма близких, избегают меня. Этому должен приписать крайне редкие (в зиму два раза) посещения Р. и К. Члены Государственного совета Чевкин, Титов, Муханов не отдали мне нескольких визитов. Другие были у меня потому только, что предполагают, что я сохранил хорошие отношения с великим князем Константином Николаевичем. При подобном удалении от меня могу ли принимать участие в прениях Общего собрания, какая вероятность успеха? Не лучше ли удалиться и оставаться дома?

Чем более размышляешь о положении наших финансов, тем более приходишь к убеждению, что главные коренные причины расстройств оных суть: полный произвол, с которым всегда распоряжались и доселе распоряжаются оными, и секрет в управлении финансами, который содействовал возможному этому произволу. Без устранения этих двух причин нельзя исправить наши финансы. Кажется, что государь недовольно ясно сознает всю опасность нашего положения. Вероятно, многое представлено ему не вполне или только слегка, ибо в противном случае как объяснить решимость его ехать на днях в Париж, послать туда же наследника, послать великого князя Александра Александровича в продолжительное морское плавание с целою эскадрою, затем ехать в Крым и т. д. Все это сопряжено с огромными расходами, которые значительно увеличат дефицит. Доколе произвол будет распоряжаться финансами, пользуясь мраком тайны, дотоле не будет в них порядка. Необходима узда в виде представительства народного и полная гласность.

Но возможно ли представительство при необразованности массы населения и раболепстве нынешнего поколения образованных кланов? Не обратится ли это представительство в олигархию, которая хуже самодержавия; не найдется ли между олигархами людей, которые из раболепства и личных выгод восстановят самодержавие; не достаточно ли будет роты солдат, чтоб конституционному государю сбросить с себя узду конституции? Все это так, и потому для предотвращения больших бедствий, худшего против нынешнего положения, следует терпеть и переносить нынешние неустрашения, ожидая смиренно медленного развития просвещения, распространения здравых понятий между всеми сословиями и вырастания других молодых поколений, не проникнутых раболепством, не испорченных нравственно крепостным правом, самовластием и полицейским управлением.

Желательно, однако, чтоб правительство в своих самовластных распоряжениях действовало несколько осторожнее, умереннее и не выводило из терпения даже нынешних всепокорных подданных.

В разных местах моих записок я говорил о развитии в последнее время жандармского элемента в управлении. Вот что пишет мне по этому предмету из Тифлиса от 6 апреля нынешнего года главный начальник гражданского управления барон Николаи, человек в высшей степени умеренный и консервативный: «Положение дел у вас меня, признаюсь, беспокоит; не знаю, ошибаюсь ли или нет, потому что издали может казаться дело несколько иначе, как вблизи, но кажется, как будто все более и более проявляется отсутствие энергии и неурядица. Не знаю, насколько прочно положение графа Шувалова, но судя по тем аллюрам, которые он принимает даже в сношениях своих с нашим великим князем, нужно предполагать в нем столько же самоуверенности, сколько властолюбия. Присланный им недавно на заключение проект инструкции жандармским офицерам есть верх наглости; он

делает их судьями всех, распорядителями всех, дает право вмешательства во все и ставит, можно сказать, в полную от них зависимость все без исключения существующие и военные и гражданские власти.

Такого деспотического управления целым государством тайной полицией, я думаю, нигде и никогда не бывало; а, между тем, точно такая инструкция уже высочайше утверждена для Царства Польского; очевидно, что ее утвердили или не читая, или не вникнув в ее смысл. Значит ли это, что этот господин до такой степени овладел доверием государя, что может себе все позволить, или же это есть действительно убеждение, что или личная безопасность, или безопасность государства опирается только на жандармов, что всех подозревают, никому не доверяют. Это было бы так прискорбно, так страшно, что благоразумие бы требовало как-нибудь устроить свое отступление вовремя, дабы не подвергнуться опасности, чтобы оставался только выбор, или сделаться лакеем, или сделаться жертвою таких козней, против которых не было бы нигде защиты. Когда в гласной инструкции читаешь, что жандармы не могут вмешиваться в дела судебные, а в секретной говорится, что они это право имеют, и когда обе эти инструкции утверждены тою же верховною властью, то как не стать в тупик и не подумать, что настоящая власть не в руках законного ее представителя, но в руках счастливого временщика. Все это меня пугает и заставляет очень призадуматься.

Я продолжаю быть того убеждения, которое я имел всегда, что в России нет до настоящего времени сколько-нибудь созревших и сплошных революционных элементов, что могут быть революционеры как отдельные личности, но что они революции поднять не в состоянии. Может быть только удачный заговор, и то только в столице, что французы называют *une surprise*, но против нее ничего не могут делать жандармские офицеры, рассеянные по целой империи; она бессильна, если правительство твердо и последовательно. Революцию или переворот может создать только слабость правительства и убеждение в том, что оно боится чего-то. Ее может подготовить увеличение числа лиц, которые вместо защиты и охраны встречают везде притеснения, подозрение, придирчивость. Кажется, как будто бы теперь вступают на этот путь подозрительности и придирчивости. Он один может повести к тому, чего избежать желают.

Если предоставится тебе какой-либо удобный случай мне написать, без опасности перлюстрации, то, пожалуйста, сообщи мне откровенно, что думаешь об этом положении и об этих отношениях. Независимо весьма естественного интереса, который все эти вопросы имеют для каждого, я еще имею тот особый интерес, что мое здешнее начальство (великий князь наместник Михаил Николаевич), не желая вызвать неудовольствия свыше, измеряет свои сношения с вероятностью большей или меньшей силы там, и поэтому мне полезно знать, на сколько я могу в своих редакциях быть настоящим. Эта зависимость собственных убеждений и собственного характера в образе действий от осторожности, преобладающей выше меня, составляет одно из немалых затруднений, с которыми приходится бороться. Нет убеждений положительных, нет однообразного, на этих убеждениях основанного образа действий, — все колебания, неуверенность, готовность слушать всякого, изменчивость в взглядах, которые меня сбивают с толку. К счастью еще, что гражданское управление считается таким дремучим лесом, в который проникать страшно; это еще освобождает меня от многих раздражений, которые испытывает мой военный товарищ, ибо там он *on se croit competent*¹¹. К счастью, что существует такое хорошее основание добродушия и честности, которое еще охраняет от дурного влияния интриг и придворного смрада, который, хотя в маленьких размерах, все-таки проник сюда. Ты думаешь, что я опять под влиянием какого-нибудь сплина, но этот сплин часто мною овладевает, я им и стыжусь потому, что он рождается [от] причин более второстепенных, в главных вопросах я сохраняю свободу действия, потому что на эти вопросы не посвящается внимания, они, как выше сказано, в дремучем лесу или в топях гражданского закона, о котором имеется смутное понятие, что он есть что-то такое не заслуживающее чести быть изученным».

Это письмо объясняет весьма многое как относительно действий нынешнего гражданского начальства, стремящегося овладеть всем внутренним управлением империи, так и относительно личности великого князя наместника кавказского. Думая о распространении жандармского влияния, о нравственной порче агентов правительства, о всеобщем неудовольствии, которое должно увеличиваться вслед-

ствии увеличения полицейского элемента в управлении, невольно является вопрос — чем все это кончится?

1868 год. Март. Апрель

Всю зиму 1867—1868 г. болезнь лишила Головнина возможности заниматься делами Государственного совета и выезжать в общество. Он оставался почти постоянно дома (на Гагаринской набережной в доме Яковлева) с матушкой и тремя сестрами, выходил только гулять в редких случаях, когда силы позволяли, и виделся с добрыми знакомыми, которые навещали его⁵. За то он много читал, перечитывал и много думал. Общий ход нашей администрации производил на него самое грустное впечатление. В это время продолжалась сильная реакция против тех реформ, которые доставили великую славу первым годам царствования императора Александра Николаевича. Правительство как будто сожалело, что даровало России многие благодетельные учреждения, и теперь старалось или исказить их, или парализовать действия оных. Приходилось предполагать: или, что государь, подписавший совершившиеся преобразования, неясно представлял себе последствия оных, т. е. не понимал, что подписывает, или, что в настоящее время ему представляют эти последствия в превратном виде и преувеличивают неудобства, составляющие неперменное последствие всяких реформ.

Вообще более и более устранилась в администрации законность, уменьшался простор частных лиц, и являлись стеснения для них и произвол административных властей. Направление администрации было чисто полицейское, и главная деятельность высшего правительства состояла в отыскивании людей политически неблагонамеренных и в учреждении над ними полицейского надзора. Для этого более и более развивалась деятельность жандармов, агентов тайной полиции и перлюстрация писем. С полицейской точки зрения правительство смотрело на действия земских учреждений, новых судов и печати. Весьма естественным последствием такого взгляда было стремление уничтожить в них всякую самостоятельность, не допускать критику распоряжений администрации и поставить земские учреждения и новые суды в полную зависимость от губернаторов, а журналистов заставить писать в том духе и направлении, какое угодно министру внутренних дел.

Значение высших лиц администрации было различное. Великий князь Константин Николаевич был вовсе устранин от участия в делах высшей администрации, управлял флотом и председательствовал в Государственном совете, финансовом комитете и Крестьянском комитете. Флот не имел в это время никакого значения, и огромное сокращение морского бюджета парализовало действия морского управления. В Государственный совет поступали: 1) законодательные дела, коих общее направление, существенные вопросы были уже предварительно решены государем, и 2) дела судебные по разногласию в Сенате. По законодательным делам всякое существенное возражение было бесполезно, и оставалось только делать мелочные замечания на подробности или на редакцию. Государю случалось выражать членам совета свое неудовольствие, когда они излагали мнения противные мнению его министров, предварительно им одобренному, а против одного мнения меньшинства он написал собственноручно, что удивляется, что члены Государственного совета могли иметь такое вздорное мнение. Великий князь-председатель испросил разрешение его величества не предьявлять эту резолюцию членам совета. В Государственный совет вносилась также государственная роспись, но обсуждение оной в Общем собрании совета было также совершенно бесполезно. Господа члены весьма хорошо понимали это и потому не делали никаких замечаний. Представление росписи имело, в сущности, значение предьявления оной к сведению, а не для рассмотрения.

Государственная роспись доходов и расходов на 1868 г. была внесена в Общее собрание в марте того же 1868 года. Одно уже это обстоятельство соделало замечания на нее бесполезными. Сверх того было известно, что сверх расходов, поименованных в росписи, производились в течение года огромные сверхсметные расходы, достигавшие в годы мира до 20% всей бюджетной суммы. Об этих расходах Общему собранию ничего не представлялось и потому казалось бесполезным рассуждать в оном о сотнях рублей, когда мимо его решались и производились расходы в десятки миллионов. Наконец, обсуждение росписи уже потому было бесполезно, что Государственному совету оставались вовсе неизвестны многие

важные ресурсы Государственного казначейства. Займы внешние и внутренние решались без ведома совета; о реализации их и об употреблении полученных через них сумм и об имевшихся остатках Государственный совет ничего совершенно не знал. Вообще должно сказать, что Государственному совету представлялась только частичка состояния финансов, приподнималась только часть завесы, которая скрывала их, говорилось столько, сколько министру финансов было угодно. При таких обстоятельствах внесение государственной росписи на рассмотрение Общего собрания было только комедией, недостойною правительства. Любопытно бы знать, понимал ли это государь или обманывался насчет рассмотрения росписи Общим собранием совета и придавал этому действию какое-либо значение?

Перед внесением росписи в Общее собрание она рассматривалась весьма подробно и добросовестно в Департаменте экономии Государственного совета, и департамент употреблял на это до 40 длинных заседаний. Здесь главными деятелями были генерал Чевкин, председатель департамента и государственный контролер Татаринов. Первый, человек крайне мелочный и неспособный возвыситься до взглядов государственных, но трудолюбивый и усердный, разбирал в величайшей подробности расходы в сотни и тысячи рублей и старался, где только можно, обрезать их, но не имел ни малейшего влияния на расходы миллионов; второй, величайший формалист, человек крайне упрямый и вовсе незнакомый с настоящею жизнью государственных учреждений, но также усердный и трудолюбивый, рассматривал роспись весьма подробно и добросовестно, но по складу своего ума обращал внимание только на формальную сторону дела, на соблюдение постановлений относительно порядка внесения сумм в те или другие графы и т. п., но вовсе не на сущность расходов. Прочие члены департамента (Княжевич, Муханов, адмирал Метянин, адмирал Новосильский) были лица, дела не знающие и безгласные.

Странно, что министр финансов не старался придать настоящего значения рассмотрению государственной росписи в Общем собрании Государственного совета, ибо он встретил бы со стороны собрания только помощь своим усилиям к сокращению расходов. Достигнуть этого ему было бы весьма легко, если б одновременно с росписью он вносил в виде объяснительной записки откровенное и полное изложение состояния финансов, если б просил председателя о назначении нескольких заседаний для рассмотрения росписи и если б просил государя о назначении членами Государственного совета нескольких лиц специально с финансами знакомых, например, статс-секретарей Грота, Заблоцкого, Гагемейстера и директора Государственного банка Ламанского. Подробное обсуждение росписи и вообще состояния наших финансов в Государственном совете при подобном составе членов принесло бы большую пользу и министр финансов, опираясь на сильно выраженное мнение совета, мог бы действовать смелее и решительнее⁶. Вообще для пользы дел, и законодательных и судебных, нужно бы назначить в совет несколько новых членов, выбранных по их познаниям, а не назначенных случайно как бы в почетную богадельню. Полезными членами могли бы быть сенаторы Арцимович, Саломон, Стояновский, статс-секретарь барон Николаи, вышеуказанные лица Грот, Гагемейстер, Заблоцкий и Ламанский и некоторые другие.

Великий князь Константин Николаевич как председатель Государственного совета имел неоспоримое достоинство в том, что он всегда добросовестно готовился к каждому заседанию и знал дела лучше всех членов. Во время прений он всячески старался устранять разногласия и приводить членов к одному мнению, зная, что государь очень не любит разногласий, а если дело оказывалось неясным или запутанным, то возвращалось оное в департаменты совета. Все это было весьма похвально, но, к сожалению, великий князь вовсе не думал о том, чтоб придать мнению совета большее значение как посредством большей основательности оных, так и чрез придание более почтенного направления деятельности совета. Он вовсе не заботился о назначении новых членов-специалистов и о введении глубокого уважения к законности и стремления к улучшениям в видах устранения произвола. Сверх того, он предоставлял канцелярии Государственного совета слишком большое влияние на дела.

В это время члены совета назначались случайно, а вовсе не отыскивались между лицами, которые могли бы быть полезны именно для дела. Назначались бывшие министры и генерал-губернаторы, чтоб меньше обидеть при увольнении от этих должностей⁷, заслуженные военные генералы, чтобы дать им высшее почетное

положение⁸, высшие придворные чины, которые при полной неспособности к делам желали, чтобы их считали государственными людьми⁹ и т. п.

Великий князь Константин Николаевич председательствовал еще в Финансовом комитете и в Крестьянском комитете. Первый: по составу своих членов не имел никакого значения. Дела вносились туда по выбору министра финансов. Часто только в самый день заседания члены узнавали, какое дело будут слушать, и так как все материалы находились в руках министра финансов, то никто из членов не мог с ним спорить. Государю было как-то спокойнее решать дело, рассмотренное целым комитетом, чем дело, которое представляло ему одно лицо министра финансов, но это спокойствие было обманчивое, ибо было основано на мысли о значении комитета, значении, которое в сущности вовсе не существовало.

Крестьянский комитет рассматривал частные случаи недоразумений, возникавшие при введении в действие положения об освобождении крестьян. Эти случаи были неважны и происходили реже и реже. С тем вместе комитет терял свое значение.

Вице-председателем Государственного совета был князь Гагарин, который, несмотря на свои 80 лет, сохранил еще удивительные физические силы, свежесть головы, память, способность заниматься делами и необыкновенную страстность. Он был вообще недоволен. Ему было неприятно второстепенное положение в Государственном совете, где он когда-то председательствовал. Он чувствовал себя оскорбленным тем, что его не произвели в действительные тайные советники I-го класса, когда князь Горчаков был назначен государственным канцлером иностранных дел и, наконец, ему было особенно неприятно, что при увольнении и назначении министров государь не советуется с ним, хотя он председательствовал в Комитете министров. Это председательство не давало ему большого влияния на дела, так как в Комитет министров вносились дела большею частью неважные, а другие решались у государя в особых совещаниях из разных лиц. Князь Гагарин председательствовал также в Польском комитете и, чтобы придать этому комитету больше значения, домогался упразднения Канцелярии по делам Царства Польского, бывшей под управлением статс-секретаря Набокова. Впрочем, Польский комитет и Набоков занимались только исполнением предначертаний разбитого параличом предместника Набокова статс-секретаря Милютина, человека необыкновенного ума, которого болезнь вывела из ряда государственных деятелей, в числе коих он занимал первое место.

Система Милютина относительно Царства Польского состояла в том, чтобы отменить особенности и отдельность управления Царства, слить оное с прочими частями империи и подобно коренным русским губерниям подчинить вполне министерствам в Петербурге. Он начал проводить эту мысль и составил уже целый ряд глубоко обдуманной им предположений, когда болезнь, постигая его в ноябре 1866 г., положила предел его деятельности. Государю угодно было, чтобы начатое им дело продолжалось, и зимой 1868 г. состоялся указ, который окончательно подчинил петербургским министерствам польские губернии¹⁰. Между тем, генерал-фельдмаршал граф Берг остался наместником Царства, а статс-секретарь Набоков начальником польской канцелярии государя. То и другое представлялось крайне странным, ибо обе должности совершенно утратили свое значение. Жаль было видеть что граф Берг, подчиненный петербургским министрам, старался сохранить за собой звание наместника Царства и тем самым унижал оное. Он старался сохранить за собой это звание из мелочных, низких расчётов, чтобы жить в Варшаве во дворцах, пользоваться почестями и получать 108 тыс. руб. содержания. Казалось бы, что для военного генерала достаточно было почестей, сопряженных с званием генерал-фельдмаршала, а что бездетному миллионеру, каким был граф Берг, не нужно было никакого содержания и стыдно было получать столь огромные суммы при постоянных дефицитах в государственном бюджете. Относительно статс-секретаря Набокова трудно сказать что-либо, ибо по отзыву докторов у него начиналось размягчение мозга. Замечательно, что в это время было, кроме Набокова, четыре статс-секретаря, управлявших в последние годы польскою канцеляриею и пользовавшихся отдыхом при большом содержании и почетном звании членов Государственного совета, а именно: Тымовский — в Петербурге, Ленский — в Варшаве, Платонов — во Франции и Милютин — в Бадене. Сей последний, который всего более сделал, получал содержание меньше всех остальных. Если прибавить

Набокова, то окажется пять польских статс-секретарей с 1862 по 1867 год. Столь частая перемена лиц, напоминающая в тот же период времени 5 виленских генерал-губернаторов, не служит к чести высшего правительства и не доказывает способности выбирать и употреблять людей¹⁰.

Ввиду столь частых перемен лиц, занимавших высшие административные должности, представляется весьма утешительным, что Министерством иностранных дел с первого года царствования императора Александра Николаевича управлял один государственный сановник, князь А. М. Горчаков, и что вследствие того направление нашей внешней политики не подвергалось тем прискорбным колебаниям и переменам системы, которые мы видим во внутреннем управлении. Князь Горчаков говорил Головнину зимой 1868 г., что государь нисколько не стесняет его в управлении внешней политикой и никогда ему не противоречит и что в последний год даже меньше прежнего занимается делами, но что он, Горчаков, желал бы более внимательности в другой сфере, желал бы — если его считают нужным — чтоб его даже немного баловали. Этим он намекал на неприятности, сделанные ему приказанием не приглашать во дворец живущую у него в доме и игравшую роль хозяйки дома жену его племянника госпожу Акинфиеву, рожденную Анненкову. Головнин никогда не видал этой дамы, но слышал, что она замечательно хороша собой. Говорили, будто 70-летний старик князь Горчаков без памяти влюблен в неё и хочет на ней жениться. Эти слухи огорчали Головнина потому, что он уважал князя Горчакова за многие прекрасные качества и видел, как иностранные дипломаты собирали все невыгодные для нашего министра иностранных дел слухи, тешились ими и, конечно, писали о них подробно своим дворам.

На дела внутреннего управления князь Горчаков имел мало влияния, но должно сказать, что он всегда подавал голос в пользу мер более либеральных. Для дел внутреннего управления последовало зимой 1868 г. весьма важное распоряжение — увольнение от должности министра внутренних дел Валуева и назначение на его место министра почт Тимашева с присоединением Министерства почт и телеграфов к Министерству внутренних дел.

Статс-секретарь Валуев был человек весьма образованный, умный, блестящий и опытный в делах управления. Головнин познакомился с ним еще в 1845 г. в Лифляндии, где Валуев был чиновником особых поручений при генерал-губернаторе. После того он занимал должность курляндского губернатора и был выбран самим государем сначала в управляющие делами Комитета министров, а потом в министры внутренних дел. Валуев был человек очень ловкий, хотел и умел угождать и быть приятным государю. Головнин, будучи одновременно с Валуевым 4½ года министром, видел, какое доверие государь имел к Валуеву не только по Министерству внутренних дел. Валуев был назначен членом финансового и Польского комитетов, призывался беспрестанно к государю в разные совещания по важным делам; в бытность великого князя Константина Николаевича в Варшаве Валуев ежедневно призывался к государю для чтения писем и донесений великого князя; в Совете министров читались предположения Валуева о преобразовании положения нашего духовенства, и государь выражал полное одобрение оных. Доклады и отчеты Валуева пополнялись самыми лестными резолюциями государя, и это доверие, это благорасположение, казалось, продолжалось до последнего времени. Посему увольнение Валуева крайне удивило Головнина. Валуев действительно страдал главною болезнью; ему даже делали легкую операцию, но это обстоятельство могло быть поводом к годовому отпуску, подобно тому как граф Панин уезжал в отпуск, будучи министром полиции, но не к увольнению. Головнин во многом не одобрял действий Валуева по управлению Министерством внутренних дел, но управление это вполне одобрялось государем, и потому легкость, с которою он расставался со своим министром, была фактом грустным и прискорбным.

Настоящая причина, по которой Валуев просил увольнения, была не болезнь, а положение, в которое он был поставлен действиями комиссии, учрежденной под председательством наследника для собирания пособий пострадавшим от неурожая. Эта комиссия поставила себя как бы следственной или ревизионною над действиями Министерства внутренних дел, призывала директоров Министерства внутренних дел, губернаторов, предводителей дворянства, городских голов, делала им допросы и громко порицала министра за непринятие своевременных мер к пособию голодающим, за большие упущения по народному продовольствию и за умышленное

уменьшение в своих докладах и отчетах существующего бедствия. Должно впрочем сказать, что в этих обвинениях было много правды. Валуев, конечно, не соглашался с этим, чувствовал себя крайне оскорбленным действиями комиссии и вместо того, чтобы прямо и совершенно откровенно объясниться с государем, говорил обиняками, намеками, по своему обыкновению туманными фразами и, наконец, через Александра Владимировича Адлерберга просил увольнения. Ему следовало прямо сказать государю, что положение комиссии несовместимо с порядком управления, роняет дисциплину и значение Министерства внутренних дел. Относительно губернаторов, земских учреждений и городских обществ, что можно переменить министра, потерявшего доверие государя, но следует поддержать значение и достоинство министров и для этого объявить высочайшее повеление, коим означенная комиссия была бы поставлена в зависимость, ведение и подчинение Министерству внутренних дел, причем следовало объяснить государю, что наследник при всей своей благонамеренности и желании добра еще крайне неопытен и не понимает, какой вред наносится всему государственному управлению нарушением дисциплины и колебанием власти. Не подлежит сомнению, что государь согласился бы с Валуевым, и помянутое высочайшее повеление состоялось бы и было бы объявлено. Тогда Валуев мог бы оставить министерство, но как победитель, а не как побежденный.

Впрочем, нельзя одобрять оставление министерства, если министр, обладая здоровьем и силами, пользуется доверием государя¹¹. Желание иметь обширный круг деятельности и осуществлять полезные предположения есть желание похвальное, и потому никак нельзя одобрять со стороны уволенного министра выражение радости, что он избавился от труда и неприятностей. Можно сказать, что он должен был оставить министерство по болезни, вследствие того, что потерял доверие государя, что расходится во взглядах с прочими министрами, но во всяком случае оставление министерства как потеря сильного средства приносить пользу должно быть прискорбно, и откровенное признание этого благородно, а отрицание чувства прискорбия или лживо или непохвально, ибо являет преступное равнодушие к общему благу.

Выше было сказано, что Головнин не одобрял многих действий Валуева по Министерству внутренних дел. Головнин служил в этом министерстве, и притом в самом центре оного, 5 лет в бытность министром графа Л. А. Перовского, и потому знает круг деятельности и устройство оного, и считает себя вправе судить действия Валуева.

Министерство внутренних дел имело главною задачею приготовление и хороший выбор губернаторов, дела сословий, дела полиции исполнительной, по полиции безопасности и благочиния, народное продовольствие, медицинскую часть, дела о раскольниках, дела иностранных исповеданий и в настоящее царствование приведение в исполнение крестьянской реформы и введения земских учреждений. Круг деятельности обширный и достаточный, чтобы поглотить все время самого даровитого и опытного деятеля.

Г. Валуев находил, однако, этот круг деятельности для себя недостаточным и влествие того: 1) несмотря на существование особого учреждения для полиции политической и тайной (III-го отделения Собственной канцелярии), бывшей под управлением шефа жандармов графа Шувалова, сам стал заниматься этими предметами в Министерстве внутренних дел и тем самым искажил прежде благородное и чистое значение министерства введением в оное шпионажа и доносов. Он отыскивал и преследовал людей политически неблагонадежных и употреблял на это много времени и денег. Это занятие придало всей его деятельности характер полицейско-преследовательный вместо высшего административного; 2) он присоединил к Министерству внутренних дел управление цензуры, строго преследовал каждое проявление свободной мысли, стеснял нашу литературу, и что всего хуже — не довольствуясь предоставленными ему и самим им предложенными средствами преследования прессы — употреблял еще средства противозаконные, так например, испросил высочайшие повеления запретить издание журналов «Современник» и «Русское слово» и газету «Москвич» — с нарушением порядка, определенного для этого законом, т. е. без всяких предостережений и не через Сенат, как закон требовал, а просто высочайше утвержденными положениями Комитета министров. Таким образом, правительство, которое само издавало законы и всегда было властно изменить их, являлось не как бы следовало — исполнителем законов,

а нарушителем их. Подобные действия были самыми сильными ударами самодержавию и династии; 3) он присоединил к Министерству внутренних дел, заваленному делами, еще заведывание строительною частью, которою управляло Министерство путей сообщения; и 4) сверх того, желая иметь влияние и вмешиваться во все части управления, он домогался участвовать во всевозможных комиссиях и комитетах по делам финансовым, народного просвещения, польским, железных дорог и пр. Все это отнимало у него много времени, и от того происходили огромные упущения в делах, принадлежавших прямо вверенному ему министерству. Упущения по народному продовольствию особенно ясно проявились во время голода, постигшего в 1868 г. разные губернии, причем к стыду Министерства внутренних дел должно сказать, что оно старалось скрывать и уменьшать действительную громадность народного бедствия.

Независимо этих усилий увеличить круг деятельности Министерства внутренних дел и тем самым придать себе большее значение, самое направление, самый характер деятельности господина Валуева были часто вредные. При назначении чиновников министерства и губернаторов он руководствовался часто вовсе не способностями лица, а придворными и общественными связями, положением в обществе, стараясь составить себе при дворе и в аристократической части общества партию и поддержку¹².

Недовольный тем, что земские учреждения осмеливались иногда не соглашаться с губернаторами и пользовались законным правом жаловаться на губернаторов, он при пособии шефа жандармов графа Шувалова старался всячески парализовать действия этих учреждений и подчинять их губернаторам, расширяя власть сих последних, а когда новые суды оправдывали лиц, преданных суду администрацией, то эти оправданные подвергались иногда наказанию административным порядком. Товарищ министра внутренних дел князь Лобанов, бывший посланник в Константинополе, имел цинизм не только оправдывать, но даже возводить в систему подобный образ действий администрации, исправляющей ошибки суда. Это происходило осенью 1864 г. в Царском Селе за обедом у князя Горчакова, и Головнин слышал это от князя Орлова, который приехал к нему прямо от князя Горчакова, исполненный негодования и презрения к Лобанову.

В управлении делами книгопечатания, независимо от большого стеснения прессы, Валуев имел еще то вредное влияние, что постоянно раздражал государя против прессы, представляя его величеству для чтения выписки только таких статей, которые производили неприятное впечатление, и вовсе умалчивая о несравненно обширнейшей и притом полезной деятельности прессы.

Несмотря на подобные действия Валуева относительно прессы, новых судов и земских учреждений, он искал популярности и искал оной в дворянском сословии. Назначенный министром внутренних дел в то время, когда предстояло вводить в действие крестьянскую реформу, он старался выставить себя защитником дворянских интересов, но не сумел исполнить этой роли. Творец крестьянской реформы Николай Алексеевич Милютин был умом несравненно выше Валуева, и созданные им законы гранитными столбами твердо стали на земле русской. Можно было искажать и портить детали, но главная часть воздвигнутого здания была несокрушима. Искание Валуевым популярности напоминает следующую мысль известного французского писателя Ренана в его последнем сочинении: «*Questions contemporaines*»: «*La recherche de la popularite est la marque du souverain ou de l'homme de second ordre*»¹³.

После всего, что было сказано в порицание Валуева, должно отдать справедливость и его похвальным деяниям. Прежде всего сюда относится его противодействие жестокому самоуправству Муравьева в Западных губерниях и безграничному преследованию целых масс людей за то только, что они польского происхождения и католического исповедания. Головнин сам слышал по этому предмету споры Валуева в Комитете министров и Западном комитете с страстными фанатиками, каковыми являлись военный министр Милютин и министр государственных имуществ, ограниченный, необразованный и упрямый, бывший флотский капитан Зеленый.

Затем, сравнительно с другими лицами, Валуев являлся человеколюбивым и исполненным терпимости относительно раскольников, и они много обязаны ему прекращением преследований прежнего времени.

Наконец, он не был зол и мстителен и не пользовался своим положением и доверием государя, чтоб вредить другим. Это огромное достоинство, и весьма вероятно, что при увеличении власти его преемника многие будут искренно сожалеть о Петре Александровиче Валуеве.

Переходя от отдельных лиц к общей характеристике правительственной деятельности этого времени, должно сказать, что главный недостаток ее состоял в том, что правительство слишком много делало, слишком много во все вмешивалось и занималось вовсе несвойственными ему делами и слишком мало предоставляло деятельности обществ и частных лиц.

Этот недостаток правительства является не в одной России. Многие иностранные писатели указывали на него и в других государствах. <...> IV.

Если излишек административной деятельности вреден в государствах конституционных (Франция при Людовике Филиппе и Бельгия при Леопольде I), при свободе печати, то тем более он оказывается вредным в России при самодержавии, сравнительной безгласности прессы, неимении народного представительства и нынешнем полицейско-преследовательном направлении правительства. Здесь более чем где-либо следовало бы — для прочности династии и правительства — уменьшить круг деятельности администрации и излишний пыл и ревность правителей. В бытность Головнина министром народного просвещения много дел переданы им были из центрального управления в местные, т. е. попечителям учебных округов, коих права были значительно расширены. Но об этом распоряжении можно сказать, что это была передача дел от центрального администратора местным правителям. Но сверх того права университетских коллегий были значительно увеличены, а власть попечителей и министра в отношении к университетам уменьшена. Также учреждением губернских и уездных училищных советов и вообще положением о начальных училищах дело народного образования передано в руки местных жителей, насколько они захотят заняться оным. Другие ведомства могли бы, конечно, сделать еще больше.

Весьма удобными орудиями для передачи многих и многих дел местным обществам представляются у нас земские учреждения. К сожалению, в последнее время правительство более помышляло о том, как бы уменьшить круг их деятельности, подчинить их губернаторам и увеличить права сих последних. Это направление совершенно ошибочно. Оно возлагает на губернаторов несоразмерную ответственность и обращает на них и на центральное правительство все неудовольствие общества за дурное распоряжение такими делами, которыми местные жители распорядились бы гораздо лучше, а в случае ошибок и упущений упрекали бы самих себя и своих представителей, а не правительства.

Вообще, должно сказать, что для России уже наступает тот момент, когда, с одной стороны, центральное правительство, для собственной своей пользы и прочности, должно бы передать часть своих занятий местным обществам, а с другой стороны, и с тою же целию, чтоб уменьшить тяжесть лежащей на нем ответственности, призвать себе на помощь представителей общества для участия в решении важных дел центральной властью, и тут для избрания этих представителей земские учреждения могли бы быть полезны.

Мысль о необходимости центрального представительства, более и более распространяется при виде необузданности, изменчивости и шаткости направления центрального правительства. В марте 1868 г. говорил Головнину о необходимости у нас конституции министр финансов Рейтерн, который еще весьма недавно был одним из сильных и глубоко убежденных противников этой идеи. Ныне его смущала только мысль о том, каким способом доставить конституционному правлению в России прочность и охранить оное от восстановления военно-полицейского деспотизма, который, будучи вреден для всего края и противен поклонникам свободы и законности, весьма выгоден многим отдельным личностям, которые раболепством перед произволом сильного, устраивают свои дела и умеют в мутной воде рыбу ловить.

Прочность конституционного правления можно ожидать только от состава и направления самого общества, и в этом отношении у нас уже начинает, хотя весьма медленно и слабо, заниматься заря лучшего будущего.

Состав подданных нынешнего государя уже значительно изменился в первые 13 лет его царствования. Мальчики 8, 10, 12 лет, которых он нашел при вступлении на

престол, теперь уже не дети. Им 21, 23, 25 лет. Они не знали атмосферы прошлого царствования. Они (говоря, конечно, о лицах образованных сословий) выросли под влиянием обаятельных идей крестьянской реформы, введения гласных судов, адвокатов, присяжных, введения земских учреждений, большего сравнительно простора печати, им уже мало тех льгот, коими довольствовались наше отживающее поколение. По мере того, что состав общества будет более и более изменяться, что покорные, равнодушные, хладнокровные люди прежнего времени будут сходиться со сцены и заменяться людьми свежими, желающими самоуправления местного и участия в делах центрального правительства, и готовыми на пожертвования для достижения этих целей, по мере того будет прочнее охрана представительства народного. Невозможно предвидеть, когда оно у нас явится, но весьма желательно, чтоб это случилось без государственного переворота, без потрясений, без революции, ибо эти насильственные способы преобразования формы правления слишком тяжелы для современников и требуют от них в пользу следующих поколений слишком больших жертв.

Головнину кажется, что в настоящее время верховная власть должна бы принять у нас следующие меры, для пользы современников и следующих поколений:

1. Избрать одно лицо (например, государственного канцлера князя Горчакова), которому поручить составить единомышленное министерство, члены коего согласились бы действовать под его руководством на основании нижепоказанных начал и для достижения нижепоименованных целей.

2. Все доклады, представляемые государю отдельными министрами, обсуждать предварительно в собрании министров под председательством князя Горчакова и значительно уменьшить число дел, восходящих до государя.

3. В этом собрании министров составить и внести в Государственный совет проект учреждения центрального народного представительства с ответственными перед ним министрами, с правом делать министрам запросы, обязанностью публичности заседаний и непременным условием, что новые законы и перемена прежних, также государственный бюджет, утверждаются не иначе, как в случае согласия большинства членов представительства.

4. Увеличить значительно права и круг действий земских учреждений.

5. Уменьшить на всех степенях власти административный произвол и для [сего] упразднить корпус жандармов, III-е отделение Собственной канцелярии и прекратить перлюстрацию писем.

6. Предоставить полную свободу печати с условием взыскания по суду присяжных за употребление свободы этой во зло.

7. Уменьшить расходы по Военному и Морскому министерствам настолько, чтобы ввести полное равновесие в государственные росписи и прекратить на несколько лет рекрутские наборы, подобно тому, как было сделано в начале царствования, когда Россия была сравнительно гораздо слабее нынешнего.

8. Пересмотреть законы империи и отменить множество постановлений, стеснительных в разных отношениях (например, о раскольниках) и особенно тяжелых для людей бедных (например, о паспортах).

9. Объявить полную амнистию политическим преступникам и всем лицам, наказанным без суда мерами административными.

10. Упразднить правительственную опеку и администрацию со стороны светских властей православной церковью и предоставить ее самостоятельному, независимому развитию, допустив притом полную веротерпимость для прочих исповеданий.

11. Решиться на огромное уменьшение дохода с вина и для сего: определить число питейных домов в городах и в многолюдных селениях, вовсе не отпуская оных в других местах; значительно возвысить акциз с вина и патентный сбор за право содержать питейный дом, требовать, чтоб сей последний состоял из одной небольшой комнаты без печей, без столов, стульев и скамеек, с одним выходом и чтоб вино продавалось не иначе как на вынос в запечатанной посуде, причем строго соблюдать дни и часы, когда питейные дома должны быть закрыты.

И 12. Вообще из всего направления администрации выводить произвол и покоряться законности, хотя бы иногда это и сопровождалось неудобствами, для искоренения первого и охранения второй употреблять три вышепоказанные средства: допущение полной свободы печати, участие представителей народа в правлении

и решительное неупотребление тайной полиции и перлюстрации, как орудий, приносящих несравненно больше вреда, чем пользы.

Поименованные здесь меры могут показаться в другое время и в другом месте ненужными; но в России в настоящее время они вызываются современными потребностями; они составляют лекарства против существующего у нас именно теперь зла, как это видно из нижеследующего.

В пункте 1-м предлагается поручить князю Горчакову председательство в собрании министров, направление их действий по определенной программе и выбор лиц, которые разделяли бы мысли и убеждения, в программе высказанные.

Из всех государственных людей наших нынешнего времени князь Горчаков более других способен для этой роли. Как государственный канцлер он стоит выше всех прочих; он пользуется в России доброю славою, уважением и сочувствием за свое патриотическое направление, и притом в Совете министров в присутствии государя и в заседаниях Комитета министров он, неоднократно — как Головин сам это слышал — восставал против произвола, против нарушения законности, против конфискации и других жестоких мер и говорил в пользу свободы печати.

Составление программы министерства и поручение одному лицу избрания министров необходимо, чтоб придать нашему управлению единство действий к определенной ясно сознаваемой цели.

В настоящее время очевидно, что государь сам ясно не знает, чего он хочет и чего должен хотеть, и выбирает министров не потому, что такой-то соединяет необходимые условия для достижения предположенной цели, а следуя разным влияниям, в числе коих большое влияние для удаления министров имеет пресса. Он берет людей самых разнообразных взглядов и убеждений и оставляет каждого действовать по своему взгляду, доколе придворные интриги, доносы тайной полиции и газетные статьи не убедят его, что избранный не годится для должности, на которую назначен. Тогда он увольняется, и так же легко берется другой. Притом в первые годы царствования государь сам много занимался делами, а теперь он, по видимому, утомился, дела ему надоели и, судя по отзывам нескольких лиц, которые с ним работают, он часто не слушает их докладов, думает о другом и, очевидно, не понимает того, что говорится ему.

Между тем, отсутствие ясно сознаваемой цели и отсутствие единства есть огромное зло в администрации и производит запутанность, противоречия и хаос, т. е. именно те явления, которые мы видим у нас в настоящее время.

В пункте 2-м предлагается все доклады, представляемые государю министрами, обсуждать предварительно в собраниях министров и уменьшить число дел, восходящих до государя.

Эта мера соответствует вполне настоящей потребности, ибо в настоящее время от несоблюдения предлагаемого порядка происходит, что каждый министр не знает, что делается или предполагается в других министерствах, и, докладывая государю отдельно, получает повеления и разрешения, противоречащие тем, которые получены другим министром. Только со временем, при исполнении на местах, открываются эти противоречия и несообразности и вызывают новые повеления, отменяющие первые.

В то же время от заведенного при государе Николае Павловиче порядка, представлять государю о всякой мелочи, государь завален делами и не имеет возможности заниматься внимательно предметами действительно важными, обдумывать их, прочитывать несколько раз важные доклады и проекты законов. Посему уменьшение числа дел неважных, восходящих ныне до государя, и предоставление Комитету министров и самим министрам — отдельно каждому — решений их было бы весьма полезно.

Пункт 3-й возлагает на вновь избранных министров составить и внести в Государственный совет проект конституции. Едва ли нужно доказывать, что с каждым днем самодержавное правление оказывается более и более несостоятельным и возбуждает более и более неудовольствия. Невозможно предвидеть, сколько времени оно еще может просуществовать в России, тем более, что это много зависит от личности будущих государей, но положительно то, что составление и введение в действие проекта конституции несравненно удобнее, а проект явится более обдуманным и основательным в настоящее время, когда все спокойно, тихо, и государь пользуется большим нравственным влиянием, чем в другую тревожную эпоху,

когда начнутся беспорядки, волнения, явятся молодое нетерпеливое поколение и другой, молодой неопытный император. Посему для пользы России и династии не следует откладывать это дело, а произвести оное, как произведена великая крестьянская реформа, по указанию сверху, а не по требованию снизу.

Составление, обсуждение, исправление и введение в действие этого проекта потребует во всяком случае много времени, и потому не следует в ожидании окончания этого великого дела откладывать принятие некоторых весьма важных мер, указанных в нижеследующих пунктах. Необходимость этих мер представляется столь ясною тому, кто знает современное состояние России и ее администрации и кто желает водворения у нас законности и свободы и устранения произвола, что распространяться о них и объяснять оные едва ли нужно. К сожалению, должно сказать, что судя по распоряжениям последнего времени и последовавшим назначениям разных лиц, нет ни малейшей надежды, чтоб которая либо из помянутых мер была принята, а напротив того следует ожидать, что упрямое стремление реакционной партии к искажению всего хорошего, что удалось совершить в нынешнее царствование, будет иметь свое обыкновенное последствие, т. е. приготовит элементы для потрясений и переворотов в будущем, событий весьма прискорбных, которых желательно избежать.

Из памятной книжки, издаваемой к Новому году, и списка лиц высшего управления, который печатается к Пасхе, видно, что в 1868 г. было:

первых чинов двора	13
вторых чинов	31
состоящих в должности камергеров	43
камер-юнкеров	142
камер-юнкеров	259
статс-дам	15
камер-фрейлин	3
фрейлин	171
статс-секретарей	34
сенаторов	124
генералов при особе императора	4
генерал-адъютантов	122
свиты генерал-майоров	82
флигель-адъютантов	81
Членов Государственного совета всего 66, из них:	
военных	41
гражданских	25
Министров всего 13, из них:	
военных	7
гражданских	6
Губернаторов всего 78, из них:	
военных	43
гражданских	35

Это распределение членов Государственного совета, министров и губернаторов на лиц военных и гражданских заставляет призадуматься.

Если не говорить об исключениях, то не подлежит сомнению, что в общей массе военные гораздо менее образованы гражданских чинов. Кадетское воспитание нельзя сравнить с образованием университетским, лицейским, правоведения, несмотря на все недостатки наших гражданских учебных заведений. Последующая служба в полках и в штабах и легкое чтение романов не могли доставить нашим военным ни окончания научного образования, ни знания дела, а посему нельзя не сказать, что увеличение числа их для занятия высших гражданских должностей есть факт прискорбный, ибо он означает понижение уровня образования в высшей администрации. Сверх того военные по роду своей службы всегда представляют более произвол, чем законность, и вводят этот элемент в администрацию, а притом, не зная сами дел, законов, форм и административных порядков, находятся в большей степени, чем гражданские чиновники, в руках своих секретарей и правителей канцелярий, которые собственно и управляют краем. Это явление непременно

должно теперь повториться в большом размере в соединенных под начальством неопытного и малообразованного генерала Тимашева двух министерств: внутренних дел и почтового. <...>^v.

Общий и глобальный смысл реформ, произведенных в первой половине нынешнего царствования¹⁴, заключался в даровании большего простора и большей свободы, в стремлении ввести больше законности, предоставлении гражданам начал самоуправления и в уменьшении произвола в разных видах, как то: произвола помещиков, управляющих, чиновников, судей, откупщиков и пр.

Это направление выказано было правительством в первую половину царствования, когда массу образованных людей составляли люди, выросшие в предшествовавшее царствование и для которых поэтому всякое малейшее расширение простора, усиление законности и уменьшение произвола было делом великим и благодеянием весьма чувствительным. Посему реформы правительства приняты были многими с неподдельным восторгом и искреннею благодарностью. Но вслед за тем под влиянием лиц, которые им с самого начала не сочувствовали и которые стали пользоваться разными оказавшимися на практике неудобствами, и особенно после события 4 апреля, которое произвело перепуг и возбудило страх и беспокойство, правительство, наполнившее преимущественно помянутыми лицами, обратилось к реакции и всячески старалось уменьшать те льготы, которые само даровало, уменьшать простор, устранять законность и более и более вводить административный произвол, придавая всей деятельности своей полицейско-преследовательный характер и искажая свои собственные хорошие учреждения.

Это прискорбное направление явилось и усилилось в то самое время, когда личный состав подданных по прошествии 13-ти лет царствования значительно изменился и с каждым годом более и более меняется. Те 8, 10 и 13-летние мальчики, которых государь Александр Николаевич, вступая на престол, застал еще детьми, являются теперь уже людьми 21, 23, 26 лет. Они не испытали на себе стеснений прежнего времени и, следовательно, не ценят уменьшений оного. Они выросли под влиянием идей свободы крестьян, свободы печати, гласного, независимого суда с присяжными и адвокатами, земского самоуправления с уменьшением в дела местные вмешательства центральной власти. Им нужно более и более законности, более и более гласности и менее произвола. На деле они видят противное и подвергаются действию господствующей ныне реакции. На их стороне молодость, неопытность, свежие силы, горячая кровь, желание улучшений, готовность на самопожертвования, увлечение идеями. Число их растет, а число людей прежнего времени, холодных, равнодушных, для которых было бы достаточно того, что уже сделано, даже менее этого, уменьшается. Что выйдет из подобного диаметрально противоположного стремления реакционерного стареющего правительства и стремящегося вперед молодого общества, которое с каждым годом делается многочисленнее? Явится неминуемо столкновение, но где и в каком виде? Несомненно то, что правительство уже не пользуется прежним сочувствием, что его обвиняют в ложном направлении, неумении выбирать людей, употреблять и направлять их, в частой перемене администраторов и совершенном отсутствии всякой системы приготавливать людей к известным должностям. Так например, в последнее время почти не было примера назначения губернаторов из вице-губернаторов, а большею частью определялись со стороны военные офицеры или предводители дворянства.

В доказательство слишком частой перемены администраторов приводят следующий пример: в пять лет перебивало в Вильне 5 генерал-губернаторов¹⁵; в Риге тоже 5 генерал-губернаторов¹⁶; в Польше 5 министров — статс-секретарей¹⁷; в России в десять лет перебивало пять министров народного просвещения¹⁸. Самые неудачные выборы были выборы губернаторов. В последнее время министрами и губернаторами назначались преимущественно лица, которые не сочувствовали реформам, доставившим славу нынешнему царствованию.

Собственно о государе говорят, что при даровании этих реформ он неясно понимал их, не видел их настоящего значения и вовсе не предвидел последствий; что теперь он находится еще под влиянием испуга произведенного событием 4-го апреля, расстроен нервически, утомлен и гораздо менее прежнего занимается делами¹⁹.

Относительно общего состава высшей администрации замечают увеличение числа военных. В Государственном совете на 66 членов — 41 военный и 25

гражданских; из 13 министров — 7 военных и 6 гражданских, из 78 губернаторов — 43 военных и 35 гражданских. Все генерал-губернаторы военные²⁰. Между тем не подлежит сомнению, что — не говоря об исключениях — кадетское воспитание гораздо ниже университетского и лицейского и что служба в канцеляриях и департаментах более знакомит с делами и законами, чем служба в казармах, а что военная дисциплина более приучает к произволу, чем к законности. Посему военные администраторы — не говоря об исключениях — менее способны, чем гражданские, и, вследствие меньшего знания дел и законов и непривычки работать, более гражданских находятся в зависимости от своих секретарей. Вообще в последнее время уровень образованности в администрации понизился.

О великом князе Константине Николаевиче говорят, что он или сам уклонился, или устранен от участия в важнейших делах (например, назначение министров, послов)²¹; что как председатель Государственного совета он всегда лучше всех членов знает дела, которые докладываются совету, что председательствует вообще хорошо, и зная, что государь не любит разногласий, старается каждое дело привести к единогласному решению; но что затем в деятельности его незаметно никакое господствующее направление, ни либеральное, ни реакционное; не видно стремления к законности²², ни склонности к произволу; нет старания возвысить значение Государственного совета и не видно желаний наполнить оный лицами, полезными для дел. Члены совета назначаются совершенно случайно, мимо великого князя, вследствие придворных связей и разных ходатайств и соображений личных.

Новый министр внутренних дел Тимашев немедленно по вступлении в должность начал давать журналам предостережения, тогда как, для достоинства правительства необходимо, чтоб предостережения давались редко и только в самых важных случаях. Очевидно, что ни он, ни предместник его, Валуев, не хотели признавать за новым законом о печати настоящего его смысла, т. е. согласия правительства на больший простор печати, и старались посредством предостережений и запрещений достигнуть невозможного — чтоб периодическая пресса писала, как благоугодно правительству. Если правительство желает этого, то новый закон бессилен, и предварительная цензура составляет более действительно средств. Новый закон составляет шаг вперед, дозволение большего простора, большей свободы печатного слова.

Апрель 1868 года. <...> VI.

(Продолжение следует)

Примечания автора

1. Вообще должно сказать, что в течение жизни Головин сближался и расходился со многими лицами собственно потому, что, оценивая их достоинства, с жаром выставляя их, он в то же время или впоследствии не скрывал и недостатков, которые замечал, и не делал киз себя послушное орудие в руках других. Случалось часто, что он прямо в лицо или письменно высказывал эти недостатки, что, разумеется, никогда не прощается, и что казалось еще оскорбительнее, что было еще чувствительнее после прежних похвал.
2. Священники, у которых мне случалось исповедываться, неприятно поражали меня своею крайнею снисходительностью. Весьма краткая исповедь состояла в небольшом числе вопросов вроде того: часто ли ходите в церковь, соблюдаете ли пост, не употребляете ли всуе имя божие, не чувствуете ли за собой особенных грехов? и затем в поучении, излагая которое, священник как бы извинял нарушение заповедей или уменьшал вину исповедываемого и советовал по возможности до некоторой степени воздерживаться от нарушений. Во время исповеди я невольно мысленно обвинял в снисходительности и легкости священника, который меня исповедывал.
3. Все, что сделано мною для крестьян моих, не составляло сколько-нибудь чувствительного пожертвования, ибо я получал жалованье по службе; то, что сделано доброго в морском ведомстве через великого князя и в Министерстве народного просвещения в бытность мою министром — сделано на счет казны; построенная в Гулянках церковь и устроенная больница и школа сделаны от моих избытков и составляют своею общеизвестностью в уезде награду. Тут нет негласного благодеяния. Все остальное слишком мелко и также не составляло жертвы.

4. Статс-секретарь князь Оболенский, статс-секретарь Мансуров, граф Толстой, ныне министр народного просвещения и синодальный обер-прокурор, военный министр Милютин и др.
5. Чаще других он видел в это время дядю своего адмирала Лутковского; президента Академии наук графа Литке; адмирала Матюшкина; лицейских товарищей своих: министра финансов Рейтерна, сенатора Цез, князя Голицына и бывшего временно в Петербурге статс-секретаря барона Николаи; своих бывших сослуживцев: статс-секретаря Делянова, князя Оболенского, директора Департамента народного просвещения Петерса; генерал-адмирала Грейга, голландского посланника барона Геверса и нескольких академиков, профессоров и лиц, служащих по Министерству народного просвещения. Иногда по утрам, когда здоровье позволяло, он заходил в Мраморный дворец к великому князю Константину Николаевичу. Он переписывался с бароном Николаи в Тифлисе, князем Орловым — в Брюсселе, Н. В. Ханьковым — в Париже и П. И. Сабуровым — в Лондоне.
6. Образ действия министра финансов статс-секретаря Рейтерна в настоящем случае, объясняется вообще его системой секретничанья и желанием сохранить относительно финансов как можно более тайны, и крайнюю самонадеянность и гордостью, вследствие коих он не находил нужным помощь других и не видел пользы от обсуждения его предположений.
7. Министр юстиции Замятин, генерал-губернатор граф Баранов, генерал-губернатор Ливен.
8. Граф Граббе, адмирал Новосельский.
9. Обер-форшнейдер Муханов, обер-гофмаршал граф Шувалов, обер-гофмаршал князь Трубецкой, обер-шенк князь Вяземский.
10. В Вильне перебывали в 1862—68 гг. генерал-губернаторы: Назимов, Муравьев, Кауфман, Баранов, Потапов; в Риге с 1861 г. князь Суворов, Ливен, Шувалов, Баранов, Альбединский.
11. Валуев приезжал к Головнину 3 апреля 1868 г. и рассказывал о своем увольнении. Он прямо сказал, что состояние его здоровья не требовало оставления министерства и что он не оставил бы оно, если бы государь действовал относительно его иначе, если б он пользовался большею его поддержкою и большим доверием и не встречал постоянно сильного противодействия со стороны нескольких других министров.
12. Сюда относятся назначения: двух братьев графов Шуваловых директорами Департамента общих дел; губернаторов: князя Гагарина в Архангельск, графа Орлова-Давыдова — в Симбирск, Дурново — в Харьков, князя Оболенского — в Москву, Скарятин — в Казань, графа Левашова — в Орел и Петербург, князя Лобанова — товарищем министра внутренних дел и многих других. Из поименованных здесь лиц некоторые отличались совершенной неспособностью, другие крайне вредным направлением, а князь Гагарин, сын председателя Государственного совета, был опозорен постыдным делом о казенных деньгах. Между тем, прекрасные губернаторы, как например, Грот и два Арцимовича, должны были оставлять места вследствие неприятности с Валуевым. Вообще он не имел дара выбирать людей. Так например, губернаторами псковским и рязанским, которых он особенно ценил, были назначены им люди, известные своею крайнею ограниченностью: Обухов и Болдарев. Самая система назначения была ложная. Они выбирались случайно, без предварительного испытания и приготовления в должностях вице-губернаторских. Притом Валуев, занятый множеством посторонних дел, вовсе не имел времени поговорить с ними и из докладов узнавал достоинства и недостатки людей.
13. «Современные вопросы»: «Стремление к популярности — отличительная черта государя или человека заурядного» (Сост.). Это можно бы отнести и к государю Александру Николаевичу при виде его частых перемен министров и генерал-губернаторов, если б в жизни его не было великого подвига — противодействия многочисленным врагам крестьянской реформы.
14. Читано великому князю Константину Николаевичу 16 апреля 1868 г., и великий князь во время чтения неоднократно выражал, что изложенное здесь справедливо. Далее отмечено, с какими мыслями он не соглашался или какие сведения нашел неверными.
15. Назимов, Муравьев, Кауфман, Баранов, Потапов.
16. Суворов, Ливен, Шувалов, Баранов, Альбединский.
17. Тымовский, Ленский, Платонов, Милютин, Набоков.
18. Норов, Ковалевский, Путятин, Головнин, Толстой.
19. Великий князь заметил, что государь действительно устал, но что он продолжает много работать.
20. Великий князь заметил, что генерал-губернаторами не могут быть лица не военные (!).
21. Великий князь сказал, что никогда и в прежнее время государь не советовался с ним

о выборе послов, а относительно министров только два раза спрашивал его мнение: при назначении Рейтерна и Головнина.

22. Великий князь заметил, что он заботится о сохранении законности.

Примечания публикаторов

- I. Далее текст на французском языке, который опущен; приводится его перевод.
- II. Не компетентен.
- III. Речь идет об указе от 29 февраля 1868 г. «Об упразднении Правительственной комиссии внутренних дел в Царстве польском» и дополнительных правилах к утвержденному 19 декабря 1866 г. Положению о губернском и уездном управлении в Царстве Польском, которым были приняты меры к полному слиянию губерний Царства Польского с прочими частями Российской империи. Все местные правительственные учреждения стали подчиняться по каждому ведомству «заведованию подлежащих министерств (ПСЗ, 1868, т. 43, ст. 45544).
- IV. Далее опущено перечисление этих недостатков в других странах (РГИА, ф. 851, оп. 1, д. 8, л. 17 об.-22).
- V. Далее опущена вырезка из газеты «Санкт-Петербургские ведомости» (11. IV.1868) по поводу распоряжения министра народного просвещения И. Д. Делянова о запрещении евреям занимать юридические кафедры при университетах (ф. 851, оп. 1, д. 8, л. 34).
- VI. Далее опущен следующий текст: «По проекту постановлений о частных учебных заведениях», т. к. автор об этом подробно писал в своих «Записках» ранее (РГИА, ф. 851, оп. 1, д. 8, л. 39—41).

Общество поддержки научных исследований им. Х. С. Леденцова

В. А. Волков, М. В. Куликова

О вкладе русского купечества в развитие отечественной культуры и здравоохранения наслышаны если не все, то многие. Даже после революции, «экспроприровавшей экспроприаторов», основанная братьями П. М. и С. М. Третьяковыми картинная галерея продолжала называться Третьяковской, основанная в 1903 г. в В. Е. Морозовым больница — Детской больницей его имени; С. И. Мамонтов основал в 1885 г. частную русскую оперу; С. Т. Морозов участвовал в создании Московского художественного театра. Но мало кому известно, что и отечественная наука не была обойдена вниманием российских предпринимателей. Сейчас, когда одновременно начинается возрождаться частное предпринимательство, самое время вспомнить о Христофоре Семеновиче Леденцове и о созданном им частном обществе поддержки научных исследований¹.

Родился Леденцов в 1842 г. в семье вологодского купца первой гильдии С. А. Леденцова; после окончания вологодской гимназии учился в Московской практической академии коммерческих наук, которую закончил с похвальным листом в 1862 году. Отец Леденцова был богат: владел землей под Вологдой, винокуренными заводами, доходными домами в Петербурге и Вологде, имениями в Сырмятниках, на Сходне и под Звенигородом. Сын сумел своим трудом увеличить состояние семьи и стал одним из самых богатых представителей купеческого сословия. Энергичный и предприимчивый, Леденцов много путешествовал по странам Западной Европы, изучая организацию различных производств. Он был хорошо образован, знал восемь языков, уже в зрелом возрасте некоторое время посещал Кембридж, где занятия ему, однако, пришлось прекратить в связи со смертью в 1897 г. жены С. Н. Белозеровой.

Личная библиотека Леденцова в Вологде насчитывала несколько тысяч томов научной и технической литературы. Любовь его к науке передалась и детям: сыновья Леденцова, Христофор и Максимилиан, после окончания Московского технического училища (соответственно в 1893 и 1898 гг.) стали инженерами-механиками. Христофор Семенович был экономным хозяином: в доме не знали роскоши, семья была ограничена в расходах. Однако при этом Леденцов, не скупясь, тратил немалые суммы на благотворительность. Так, он был одним из членов Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Вологодской гимназии; будучи избран городским головой, он в марте 1885 г. выступил с предложением об учреждении первого в России городского ломбарда, основными вкладчиками которого стали городская

Волков Владимир Акимович — кандидат исторических наук, руководитель проблемной группы Института истории естествознания и техники РАН; *Куликова Марина Владимировна* — научный сотрудник того же института.

беднота и крестьяне близлежащих к Вологде уездов, причем в качестве основного капитала ломбарда, открытого в 1888 г., Леденцов внес свое жалованье за время службы в должности вологодского головы — свыше 6 тыс. руб.; на его средства в Вологде была организована богадельня для престарелых.

В середине 90-х годов прошлого века Леденцов переехал в Москву, где поселился в особняке своей сестры купчихи Обидиной на Мясницкой; сюда же он перевез свою уникальную библиотеку (в советское время в этом здании располагался Дом научно-технической пропаганды, в библиотеке которого сохранилась часть книг, ранее принадлежавших Леденцову). В Москве его благотворительная деятельность приобрела новое направление: он стал одним из инициаторов создания Музея содействия труду, задачей которого было облегчение условий труда, совершенствование охраны труда, содействие изобретениям, рационализирующим трудоемкие операции. Этот музей был организован в 1900 г. при Московском отделении Императорского Русского технического общества. Для устройства музея Леденцов передал Обществу 50 тыс. руб. и стал его почетным членом и председателем правления. Эта работа ввела Леденцова в круг научной общественности Москвы. Он тесно сблизился с группой профессоров — С. А. Федоровым, Н. А. Умовым, К. А. Тимирязевым, Н. В. Бугаевым, М. М. Ковалевским и др. Возможно, именно общение с ними и привело его к мысли завещать свой огромный капитал, составлявший примерно 2 млн. руб., на развитие научных исследований.

За 10 лет до смерти, в апреле 1897 г., Леденцов написал первый вариант завещания под названием «Нечто вроде завещания». «Я бы желал, — писал он, — чтобы не позднее 3 лет после моей смерти было организовано Общество (если к тому времени такового не будет существовать), если позволено так выразиться, «друзей человечества». Цель и задача такого Общества помогать по мере возможности осуществлению если не рая на земле, то возможно большего и полного приближения к нему. Средства, как их понимаю, заключаются только в науке и в возможно полном усвоении всеми научных знаний... Я не человек науки и техники, и нет у меня дара проповеди, но рядом со мной идут и люди науки и люди техники и после меня пойдут и те и другие. Облегчу и послужу их делу. Я не хочу дела благотворения, исцеляющего язвы людей, случайно опрокинутых жизнью, я ищу дела, которое должно коснуться самого корня человеческого благополучия»². Леденцов боялся, что деятельность его Общества может свестись к «кабинетной» и поэтому особо настаивал на содействии разработке научных и технических задач, способных принести реальную пользу народу. Его девиз был — «Наука, труд, любовь, довольство». В разработке идеи нового общества Леденцову помогли советы тогдашнего президента Московского общества испытателей природы Умова, который очень точно понял намерения Леденцова и горячо поддержал его, вместе с ним разрабатывал первоначальный устав Общества, а после смерти Леденцова стал «идейным руководителем» Общества, развивая мысли его основателя.

Умов рекомендовал объединить в новом обществе представителей естественных наук, техники и широких кругов общественности, а во главе поставить два старейших и авторитетнейших московских вуза — Университет и Техническое училище (ныне Московский государственный технический университет). Директор Московского технического училища Федоров вспоминал: «В 1903 году Христофор Семенович обратился ко мне по рекомендации профессора университета, глубокоуважаемого Н. А. Умова, с просьбой помочь ему в осуществлении его заветной идеи — учредить Общество, которое бы имело своей целью: содействие научным открытиям и исследованиям в области естествознания, содействие изобретениям и усовершенствованиям в сфере техники и, наконец, содействию испытанию и проведению в жизнь научных и технических изобретений и усовершенствований. Этой последней задаче Христофор Семенович придавал особенно важное значение. Выражая тогда же полную свою готовность пожертвовать крупную сумму в видах обеспечения будущей деятельности общества, Х. С. Леденцов ставил, однако, условием, чтобы пособия Общества направлялись преимущественно на такие открытия и изобретения, которые при наименьшей затрате капитала могли бы приносить возможно большую пользу для большинства населения, причем эти пособия Общества должны содействовать осуществлению и проведению в жизнь упомянутых открытий и изобретений, а не следовать за ними в виде премий, субсидий, медалей и т. п. Предварительный проект устава Общества, составленный самим

инициатором при участии лишь небольшого интимного кружка лиц, был тогда же (в 1903 г.) предложен нами на обсуждение и разработку в особую комиссию в составе ректора Имп. Московского университета (А. А. Тихомиров), директора Имп. Технического училища (которым в то время был я), профессоров университета и Технического училища и некоторых лиц из среды общественных деятелей, известных выдающимися трудами в области промышленности и техники. Подобный тройкий состав комиссии, по мнению инициатора проектируемого Общества, наилучшим образом гарантировал успех и наиболее правильное жизненное направление столь важного по значению и столь оригинального по замыслу начинания»³.

Согласно проекту устава, Общество намеревалось давать отзывы о представленных исследованиях, открытиях и усовершенствованиях; выдавать денежные пособия на научные исследования, проведение опытов, изготовление моделей и аппаратов; оборудовать лаборатории и библиотеки; организовывать экспертизы; ходатайствовать о допущении лиц, нуждающихся в производстве специальных работ, в лаборатории Московского университета и Технического училища. Средства Общества, по уставу, составлялись из пожертвований, в частности из капитала Леденцова. Действительными членами Общества могли состоять лица, «заявившие себя трудами в области естествознания или техники, и лица, известные своей технической и промышленной деятельностью». Почетные члены должны были избираться из лиц, известных трудами по естествознанию и технике или оказывающих Обществу особые услуги. Всеми делами управляли общее собрание и избравшийся на три года Совет Общества, в который входили: председатель и его товарищ (из числа занимающих или занимавших профессорские должности на физико-математическом факультете университета или в Техническом училище), 16 членов (в том числе четыре профессора Университета, избираемых Физико-математическим факультетом, и четыре профессора Технического училища, избираемых его Учебным комитетом), ректор Университета и директор Технического училища.

Началось бесконечное хождение проекта по канцеляриям — попечителя Московского учебного округа, генерал-губернатора, Министерства народного просвещения. Необычность проекта настораживала. Чтобы ускорить бюрократические формальности, весной 1904 г. Леденцов внес в кассу Московского университета первоначальный взнос ценными бумагами на 100 тыс. руб. от имени «лица, пожелавшего остаться неизвестным». Он был в курсе всех перипетий переговоров директора Технического училища С. А. Федорова и ректора университета Л. К. Лахтина с властями. В письме Федорова Лахтину от 7 (20) октября 1904 г. об этом говорится: «Х. С. Леденцов, получив Ваше письмо с приложением замечаний Министерства народного просвещения на проект устава сего Общества и с предложением собрать учредителей, подписавших устав, обратился ко мне, когда я был у него, с просьбой по поводу этого дела [...]. Ввиду сего позвольте покорнейше просить Вас как ректора университета или собрать учредителей, или же, по примеру прошлого, выразить согласие, чтобы я разослал повестки заинтересованным лицам, назначив собрание в один из праздничных дней или воскресных в два часа дня и в зале Правления университета. При этом должен заметить, что проект устава разрабатывался ближайшим образом при участии следующих лиц: А. А. Тихомирова, проф. Н. А. Умова, проф. Н. Е. Жуковского, проф. П. П. Петрова, проф. А. П. Гавриленко, проф. М. П. Прокунина, проф. Я. Я. Никитинского, проф. С. А. Федорова, Х. С. Леденцова, инженера Н. П. Зимины, инженера В. В. Зотикова и присяжного поверенного В. В. Приживальского»⁴.

Устав Общества был утвержден министром народного просвещения лишь 24 февраля 1909 года. Леденцову не суждено было дожить до этого дня: 31 марта 1907 г. он умер в Женеве, где около двух лет лечился от туберкулеза легких. Тело его было перевезено в Вологду и захоронено на Введенском кладбище, рядом с женой. Согласно духовному завещанию, составленному им 13 апреля 1905 г. и утвержденному к исполнению Московским окружным судом 20 июня 1907 г., все его движимое и недвижимое имущество переходило в собственность Московского университета и Московского технического училища и после реализации и обращения в государственные или правительственные гарантированные бумаги должно было составить специальный фонд имени Х. С. Леденцова⁵.

В завещании были указаны особые условия, на которых Общество, учреждаемое при Московском университете и Московском техническом училище, могло

распоряжаться капиталом Леденцова. В частности, все расходы должны были производиться из процентов с неприкосновенного капитала, причем собственно на нужды Общества отводилось 90% дохода с капитала, а на «аппаратные» расходы (канцелярские, почтовые, издательские и т. п.) — не более 10%. Завещанием также предусматривалось, что «Совет Общества по мере надобности обращается циркулярно к русским и иностранным университетам и к высшим техническим учебным заведениям, а также к различным учреждениям и лицам за указанием тех работ, которым, в той или другой форме, Совет мог бы прийти на помощь и оказать содействие при разработке научных и технических вопросов». Кроме того, поддержка Обществом изобретателей предполагалась не только в денежной форме, но и «в организации возможно выгодно использования открытий и изобретений на заранее письменно согласованных условиях», причем «часть прибылей должна поступать в особый фонд Общества, предназначенный исключительно на осуществление и проведение в жизнь открытий и изобретений».

Торжественное открытие Общества содействия успехам опытных наук и их практических применений состоялось в Москве 24 февраля 1909 г. в помещении Политехнического общества (Малый Харитоньевский пер., д. 4), а 17 мая того же года на первом общем организационном собрании был избран Совет, в который вошли заслуженный профессор Федоров (председатель), заслуженный профессор Умов (товарищ председателя), А. А. Мануилов (ректор Московского университета), профессора Университета П. П. Лебедев, И. А. Каблуков, А. П. Павлов, профессора Московского технического училища А. П. Гавриленко, П. П. Петров, Я. Я. Никитинский и В. И. Гриневецкий. В число 110 действительных членов Общества были избраны такие выдающиеся ученые, как Д. Н. Анучин, А. М. Бочвар, В. И. Вернадский, В. В. Зворыкин, Н. Д. Зелинский, К. А. Круг, П. П. Лазарев, Д. Н. Прянишников, С. А. Чаплыгин, А. Е. Чичибабин, Л. А. Чугаев и др. Почетными членами стали Н. Е. Жуковский, И. И. Мечников, К. А. Тимирязев и др. К 1 января 1917 г. действительными членами Общества состояли уже около 300 человек, в него вошли и представители деловых кругов — директор Правления Товарищества Московского металлического завода Ю. П. Гужон, председатель Московского биржевого комитета Г. А. Крестовников, директора правления Богородско-Глуховской мануфактуры Н. Д. Морозов и П. А. Морозов, директор Товарищества Новокостромской мануфактуры С. Н. Третьяков, а также представители гуманитарных наук — П. И. Новгородцев, М. К. Любавский.

Были созданы экспертные комиссии по специальностям, которые возглавили Жуковский (воздухоплавание), Каблуков (химия), Лебедев (электротехника), Петров и Никитинский (химическая технология, горное дело и металлургия), Гавриленко (строительное дело) и Гриневецкий (двигатели всех родов).

18 мая 1909 г. состоялось первое заседание Совета Общества под председательством Федорова, который в своей приветственной речи назвал задачи, стоящие перед Обществом, беспримерными — «как по разнообразию и сложности вопросов, так и по разносторонности развития внутренней жизни Общества и проявления его деятельности в областях не только научно-технической, но в гуманно-просветительной, и даже отчасти, быть может, предпринимательской». «Мы не встречаем подобного широкого поля деятельности, пожалуй, ни у одного из существующих учреждений, не только русских, но и иностранных», — сказал он ⁶.

Из протокола этого заседания видно, что среди членов Совета разгорелась оживленная дискуссия при обсуждении вопроса об основных принципах финансирования лиц, желающих получить помощь Общества, и о характере деятельности Общества в целом. Умов представлял себе деятельность Общества как работу ряда комиссий по всестороннему изучению естественных производительных сил и насущных нужд страны для определения тех мер, которые принесли бы наибольшую пользу населению; он проектировал небольшие съезды специалистов по отдельным отраслям науки и техники, которые разрабатывали бы намеченные Обществом вопросы, заданные Обществом темы в поисках оптимального решения выдвинутых жизнью задач, содействуя тем самым прогрессу науки и техники и как следствие — повышению «довольства» людей.

С точки зрения Умова, не следовало «ограничивать роли Общества ответом на готовую уже собственную идею или тему изобретателя, принадлежность которой именно изобретателю к тому же не всегда легко установить и которая в громадном

большинстве случаев оказывается безрезультатной, а наоборот, идя более надежным путем — создания собственной установки, указывать при этом самые темы или задачи, обещающие при надлежащей их научной и технической разработке наиболее надежные и плодотворные результаты; такую обстановку могли бы дать лаборатории и другие пособия научно-экспериментального характера, учреждаемые или субсидируемые Обществом».

Жуковский, напротив, утверждал, что деятельность Общества должна заключаться и «в непосредственной помощи — деньгами, советами, указаниями тем изобретателям, которые, имея уже готовую идею и проект, не в состоянии реализовать их по разным обстоятельствам, чаще всего по недостатку средств для опытов; особенного внимания заслуживает категория изобретений из области различных приспособлений для кустарной или хозяйственной отрасли промышленности, обслуживающих интересы народных масс». Петров предложил, следуя примеру некоторых зарубежных обществ, установить премии и медали за успешно проведенные работы на темы, указанные Обществом.

Никитинский, поддержавший Умова, предостерег, кроме того, членов Совета от поощрения или субсидирования коммерческих начинаний «в виде, например, устройства целых промышленных предприятий для эксплуатации изобретений, так как эти начинания, успех которых зависит далеко не от одних технических условий, могут вовлечь Общество в непосильные затраты и во всяком случае сопряжены с большим риском. С другой стороны, — заявил он, — всякий живой почин людей, идущих путем строго научной разработки вопросов, ищущих поддержки в виде сумм на необходимые опыты, заслуживает всяческого поощрения». Федоров, сославшись на ясно выраженную волю Леденцова, напомнил, что «ввиду уже существующего громадного наплыва всяких изобретателей, ждущих нашего содействия, Общество не вправе было бы отказываться от этой стороны своей деятельности, тем более, что многие, быть может, действительно ценные изобретения, часто не могут реализоваться из-за окружающих неблагоприятных условий»⁷.

Результатом дискуссии стало решение проводить работу в двух направлениях — создание «собственной установки» Общества и непосредственная индивидуальная помощь изобретателю, причем первое было признано важнейшим и основным. По решению Совета Обществу было присвоено имя Леденцова, а его девиз — «Наука, труд, любовь, довольство» — вместе с его портретом изображены на дипломах, адресах и медалях, выпускаемых Обществом, и стали его эмблемой. В 1910 г. на могиле Леденцова в Вологде был установлен памятник, на постаменте которого также были выбиты слова девиза.

Одним из первых шагов нового Общества стало «Обращение к иностранным университетам, высшим техническим училищам и обществам научным и техническим» с предложением об установлении взаимных контактов по обмену литературой, патентной информацией; кроме того, Леденцовское общество выразило готовность оказывать содействие зарубежным изобретателям и исследователям⁸. Уже в 1910 г. начал выходить печатный орган Общества — журнал «Временник», редактором которого до 1915 г. был Умов, а с 1915 г., после смерти Умова, — Каблуков. Журнал выходил три раза в год и включал сведения о работе Общества, рефераты экспертных комиссий, правительственные распоряжения по поводу изобретений и открытий, изложение иностранных законодательств по вопросам изобретений, оригинальные и переводные научные статьи, ответы на вопросы по изобретениям и объявления. Позднее в журнале стали печатать отчеты об исследованиях, проводимых при поддержке Леденцовского общества. Помимо основных выпусков, периодически выходили «Приложения» к ним, посвященные актуальным научно-техническим проблемам.

Следуя уставному положению о распространении содействия Общества на всех лиц, независимо от их звания, национальности и пола, Совет рассматривал заявления о предоставлении субсидий демократично и быстро. Для получения помощи следовало направить в адрес Общества заявление, в нем назвать проблему, которую автор собирался разрешить, предполагаемые результаты в случае успеха, необходимые приборы и оборудование, примерную стоимость работ и заполнить краткий, из семи вопросов, опросник. В течение месяца экспертная комиссия представляла Совету свое заключение, а тот принимал окончательное решение. Лицо, получившее субсидию, обязывалось по истечении установленного Советом срока

отчитаться о расходовании полученных средств. Формы отчетности Совет мог назначить разные: доклад на заседании Совета или годовичного собрания Общества, публикация статьи во «Временнике» или просто письменный отчет, после чего Совет принимал решение о возобновлении или прекращении финансирования той или иной работы.

Первые итоги работы Общества подвел Умов в статье «Несколько слов о деятельности Общества имени Х. С. Леденцова», напечатанной в «Русских ведомостях» 14 июля 1911 г.: «По 1-е января 1910 г. в восьми работающих при Обществе экспертных комиссиях ... рассмотрено и в случае надобности исследовано около 300 изобретений, авторы которых желали получить помощь в совокупности на сумму около 300 000 р. (доход Общества — 72 000 р. в год) ... По каждому заявлению состоялось мотивированное постановление совета Общества, занесенное в протокол. Из этих заявлений только около 18% оказались заслуживающими поддержки, которая и оказана сообразно действительной потребности, в размере около 12 000 р. Изобретатели, которым было отказано в помощи, т. е. 82%, получили подробную мотивировку отказа, и им предоставлена возможность получать дальнейшие разъяснения. Я не имею права приводить здесь примеры фантастических и несообразных проектов, предлагавшихся изобретателями, т. к. Общество обязано соблюдать тайну доверяемых ему идей; но Общество вменяет себе в заслугу, что разбором подобных проектов, нередко представляющих большие затруднения в улавливании или идеи, или ошибки изобретателя, оно получает возможность охранять от бесплодных затрат труда, времени и материальных средств людей, заблуждающихся по тем или иным причинам. Для осуществления подобного содействия, вполне гармонирующего с идеями Х. С. Леденцова, который под содействием разумел не одну материальную помощь, но и разумный совет, Общество употребляет все зависящие от него меры. И в этом отношении совет Общества с полным правом может сказать, что им удовлетворены все, если не изобретатели, то вопросы, ими возбуждаемые». В последующие годы число удовлетворенных заявок росло и в 1913 г. составляло уже более 30%.

В числе получивших помощь Общества в 1910 г. были как маститые ученые (И. П. Павлов — на постройку здания физиологической лаборатории, Л. А. Чугаев — на проведение исследований комплексных соединений платины и ее спутников; А. Е. Чичибабин — на исследование отходов переработки нефти с целью получения из них медицинских препаратов, живший в Болгарии профессор Софийского университета П. И. Бахметьев — на исследование явлений анабиоза, профессор Киевского политехнического института К. Г. Шиндлер — на нужды станции испытания земледельческих машин и орудий), так и недавние выпускники вузов и изобретатели-самоучки, предложившие оригинальные исследовательские проекты. Например, студент Московского технического училища Л. Я. Карпов, в ноябре 1910 г. блестяще защитивший дипломную работу «Об окислении этилового спирта в присутствии катализатора», решил использовать найденную технологию в производственном масштабе, но средств на это у него не было. По совету своего научного руководителя проф. С. П. Лангового, Карпов в том же месяце обратился в Общество с заявлением, в котором излагал суть своей идеи — новый, дешевый способ получения уксусной кислоты — и пути ее реализации и просил материальной поддержки. Менее чем через месяц, в декабре, Совет, рассмотрев просьбу Карпова, вынес решение: выдать ему шестимесячное пособие (по 50 руб. в месяц для проведения исследований и 100 руб. на материалы и оборудование). Благодаря этой поддержке работы были успешно проведены, и год спустя, в ноябре 1911 г., Карпов представил в Совет подробный отчет о полученных результатах. (После революции Карпов стал первым советским организатором и руководителем химической промышленности).

Химик-изобретатель московской фирмы «Богатырь», производящей резинотехнические изделия, И. И. Остромысленский, работавший над проблемой синтеза мономеров, получения каучука и превращения его в резину, в начале 1912 г. получил от Общества средства на приобретение необходимого оборудования⁹ и в немалой степени именно благодаря этому смог в 1915 г. осуществить полимеризацию изопрена под действием света. (В 1922 г. Остромысленский эмигрировал в США, где создал ряд промышленных производств синтетического каучука). Совет Общества поддержал предложение молодого изобретателя химика Г. С. Петрова об использовании отходов химической очистки продуктов первичной переработки нефти — сульфокис-

лот. Выделенные Обществом средства позволили Петрову провести в лаборатории Московского технического училища исследования процесса образования сульфокислот при очистке нефти, а уже в конце 1911 г. разработать и запатентовать промышленный метод использования сульфокислот в качестве расщепителей жиров при получении глицерина и свободных жирных кислот, а позднее — в качестве катализатора при получении феноло-формальдегидного полимера — первой отечественной пластмассы под названием «карболит», выпуск которой начался в 1914 году. Таким образом, в этой работе Общество помогало исследователю на всех стадиях — от лабораторных испытаний до успешного промышленного применения полученных результатов.

Характерным для Общества было направление средств не на исследования, приносящие скороспелые плоды, а на рассчитанные на длительную разработку, не скользящие по поверхности знания, но затрагивающие его глубины, на исследования, закладывающие фундамент новых направлений в науке. Именно к таким относятся исследования радиоактивных минералов Российской империи, инициатором которых был В. И. Вернадский. С 1910 г. он неоднократно обращался в Академию наук с обоснованием необходимости поисков и разведки радиоактивных минералов на территории России, а также систематического изучения их свойств. По его настоянию Академия наук обратилась к правительству с просьбой о выделении средств для организации экспедиций с целью исследования залежей радиоактивных минералов в Фергане, Ильменских горах, на Кавказе и в Западной Сибири. В 1911—1914 гг. эти экспедиции состоялись при личном участии Вернадского. Однако и работа в лаборатории требовала денег, и Владимир Иванович обратился за поддержкой в Леденцовское общество. В своем обосновании он писал, что планируемая им работа, с одной стороны, «заключается в изучении явлений радиоактивности среди минералов и горных пород Российской империи, но с другой стороны она связана с исследованием свойств природных соединений тора, урана, редких земель, благородных газов», и эти знания «должны быть положены в основу всех наших поисков радиоактивных руд и всех наших соображений о распространении радиоактивных тел в земной коре... Обдумывая характер быстрого и планомерного исполнения этой работы, я остановился в конце концов на исследовании спектроскопии минералов... Я думаю, что в течение двух лет при систематической работе этого рода получатся данные, которые выяснят основные черты парагенезиса химических элементов земной коры... Для этой работы необходима особая комбинация спектроскопов»¹⁰. И далее Вернадский просил выделить средства на приобретение спектроскопов и другого оборудования, а также на оплату труда сотрудников.

Совет Леденцовского общества в заседании от 8 февраля 1911 г. вынес решение «ввиду высокой важности и национального значения намеченных исследований» ассигновать испрашиваемую сумму в размере 3600 рублей и просить Вернадского подготовить на эту тему статью для «Временника». В дальнейшем субсидии на эти цели выделялись неоднократно. Таким образом, на средства Общества было закуплено оборудование для Минералогической лаборатории при Геологическом и минералогическом музее Академии наук в Санкт-Петербурге. Эта лаборатория стала первой в мире геохимической лабораторией. Позднее, по мере накопления материала радиевых экспедиций, она превратилась в Радиогеохимическую, или Радиологическую, лабораторию, на базе которой оформилась крупная научная школа геохимиков и минералогов, заложившая основу для создания радиевой промышленности и развития радиогеологии. Сама радиологическая лаборатория вошла позднее составной частью во вновь организованный Радиевый институт при Российской Академии наук.

Леденцовское общество оказало материальную и моральную поддержку группе профессоров, оставших в 1911 г. Московский университет в знак протеста против реакционных действий министра просвещения. В их числе был и П. Н. Лебедев — блестящий физик, экспериментатор-виртуоз, автор исследований, выполненных скромными средствами на грани технических возможностей своего времени, открывший короткие электромагнитные волны, в частности давление света на твердые тела. Выйдя из университета, он потерял возможность продолжать исследования. При желании он мог бы уехать за границу — многие зарубежные лаборатории сочли бы за честь принять Лебедева в число своих сотрудников. Однако при этом перестала бы существовать созданная им лаборатория — школа научных

работников и отечественная наука понесла бы невосполнимый урон. В марте 1911 г. Лебедев обратился за помощью в Леденцовское общество. В заседании Совета было решено «сохранить в России выдающуюся научную силу, представляемую членом Лондонского Королевского Общества П. Н. Лебедевым, и обеспечить существование лаборатории как школы научных работников, которыми далеко не так богата Россия»¹¹. За рекордно короткий срок (менее 3 месяцев) с помощью Общества, выделившего 15 тыс. руб., Лебедев организовал физическую лабораторию и рентгеновский кабинет при Московском городском народном университете им. А. Л. Шаняевского. Работы по спектроскопии и магнетизму были рассчитаны на несколько лет. 14 марта 1912 г. П. Н. Лебедев умер; исследования были продолжены под руководством П. П. Лазарева, и до 1917 г. лаборатория ежегодно получала от Общества дополнительные ассигнования на приобретение оборудования.

С помощью Леденцовского общества в Московском университете была оборудована аэродинамическая лаборатория Жуковского, а для уже существующей в Московском техническом училище лаборатории приобретено оборудование для испытания гребных винтов и моделей. По просьбе проф. Г. В. Вульфа на средства Общества были приобретены приборы для изучения строения кристаллов; в 1913 г. независимо от английского физика Л. Брэгга он вывел условия интерференционного отражения рентгеновских лучей от кристаллов, положенные в основу рентгеновской спектроскопии.

Леденцовское Общество постоянно расширяло круг своей деятельности. В конце 1913 г. на одном из заседаний Совета было рассмотрено и одобрено предложение Лазарева «о устройстве в Москве выставки приборов, изобретенных русскими учеными, а также печатаний в изданиях Общества диссертаций по естествознанию, в особенности тех, которые вышли из лабораторий, субсидируемых Обществом. В России нет центрального места, в котором можно было бы получать напечатанные диссертации». К октябрю 1918 г. библиотека Леденцовского общества насчитывала 2,5 тыс. книг и 3,5 тыс. русских и иностранных журналов и была лучшей технической библиотекой Москвы того времени¹². Общество субсидировало научные командировки ученых по России и за рубеж. Отчеты об этих поездках, как правило, рассматривались на заседаниях Совета или годовых собраниях, а затем публиковались на страницах «Временника». Живо и интересно написанные, они сохранили познавательное значение и до наших дней — таковы, например, статьи Каблукова «Как популяризуется наука в Германии» и «Институт Карнеги в Вашингтоне»¹³.

Периодическую материальную поддержку от Леденцовского общества получали Московское общество испытателей природы, Карадагская научная станция, Русское физико-химическое общество, Оргкомитет I Всероссийского съезда по вопросам изобретений, который состоялся в октябре 1916 г. в Москве. С началом первой мировой войны значительную часть средств Общество направляло на проведение исследований и приготовление остродефицитных медикаментов, в частности морфия и кодеина. Их производство было налажено Чичибабиным с помощниками в Московском техническом училище. Субсидировались также проводимые в 1916—1917 гг. под руководством Н. Я. Демьянова опыты по получению новокаина в Московском сельскохозяйственном институте.

В научных кругах Общество пользовалось большим авторитетом — просвещенные современники быстро поняли и высоко оценили его значение. И. П. Павлов, выступая в декабре 1910 г. на собрании Общества, отозвался о нем так: «Общество, уже располагающее большими ежегодными суммами для поддержки назревающих научных предприятий и потребностей в области естествознания и его приложений, общество с особо благоприятными на здешней почве видами на дальнейший рост своих материальных средств, общество с обширной жизненной программой и с практичным способом ведения дела, общество, руководимое в своей деятельности коллегами академических представителей теоретического и практического знания, представляется мне огромным, небывалым фактором русской жизни»¹⁴.

Деятельность Леденцовского общества продолжалась еще целый год после Октябрьской революции. Однако постановлением ВСНХ от 8 октября 1918 г. его имущество было национализировано. Общество им. Х. С. Леденцова прекратило свое существование. Ученые Московского университета и Московского технического

училища пытались противостоять этой акции. 24 октября 1918 г. Комиссия, созданная по поручению Совета университета, под председательством заслуженного профессора И. А. Каблукова (в ее состав входили: ректор университета М. А. Мензбир, председатель Общества С. А. Федоров, профессора А. П. Павлов, А. М. Настюков и др.) обсудили вопрос «о создавшемся для Леденцовского общества положении». Собрание выразило пожелание, «чтобы ВСНХ при проведении в жизнь этого декрета имел в виду интересы также Университета и Технического училища не только материального порядка, как правопреемников Общества при ликвидации или прекращении его деятельности, но и особенно морального порядка, дабы при таком переходе не потерпело ущерба вполне налаженное многолетним опытом участие их в совместной с Обществом имени Леденцова научной деятельности. Эта деятельность проявлялась в основании и поддержании существующих лабораторий и научных станций, в поддержке научной инициативы известных деятелей, а также и начинающих молодых научных сил России в создании научных трудов и диссертаций и проч.»¹⁵. Но все хлопоты оказались напрасными. К моменту ликвидации в Обществе состояло около 300 человек. Членами его были люди, оставившие заметный след в истории отечественной науки. Общество Леденцова, существовавшее всего девять лет (1909—1918), сыграло исключительно важную роль в развитии научных и технических исследований в нашей стране. Однако имя его основателя оказалось незаслуженно забытым. Историкам еще предстоит осветить вклад русского купечества в развитие производительных сил России, поощрение изобретательства, помощь учебным заведениям и отдельным ученым.

Примечания

1. См. РЫБНИКОВ В. Инкогнито из Вологды. — Изобретатель и рационализатор, 1987, № 9; МОРОЗОВА С. Г. Общество содействия успехам опытных наук имени Х. С. Леденцова. М. 1993.
2. Центральный исторический архив г. Москвы (ЦИАМ), ф. 372, оп. 2, д. 1097, 1644.
3. ФЕДОРОВ С. А. Памяти Христофора Семеновича Леденцова. М. 1910, с. 1—3.
4. ЦИАМ, ф. 418, оп. 72, д. 560, л. 23—23 об.
5. Там же, л. 63—64 (текст завещания Х. С. Леденцова).
6. Там же, ф. 224, оп. 1, д. 4, лл. 2—2 об.
7. Там же, л. 4—5.
8. Временник, 1910, вып. 3, с. 3—5.
9. ЦИАМ, ф. 224, оп. 1, д. 965.
10. Там же, д. 204, л. 1—3 об.
11. Временник, 1911, вып. 2, с. 17.
12. Там же, 1914, вып. 1, с. 28; КАРАТЫГИНА Т. Ф. Библиотека Общества содействия успехам опытных наук и их практических применений им. Х. С. Леденцова. — Научные и технические библиотеки СССР, 1979, № 6.
13. Временник, 1912, № 1, с. 80—90; 1913, вып. 2, с. 15—36.
14. ПАВЛОВ И. П. Задачи и устройство современной лаборатории для изучения нормальной деятельности высшего отдела нервной системы у высших животных. — Временник, 1911, вып. 1, с. 67—68.
15. ЦИАМ, ф. 418, оп. 72, д. 560, л. 177—178.

Иоганн Штраус в России

Л. С. Короткевич

30 октября 1837 г. состоялось торжественное открытие первой в России железной дороги, соединивший Санкт-Петербург с Царским Селом и Павловском. А 22 мая 1838 г. был открыт Павловский музыкальный вокзал — огромное здание в виде полукруга с открытыми галереями, ресторанным и бильярдным залами для отдыха и развлечения публики. К здания примыкала полукруглая площадка, на которой при проведении концертов расставлялись скамьи для слушателей.

Для привлечения публики Правление Царскосельской железной дороги периодически стало приглашать в Павловск на гастроли известных западноевропейских дирижеров — сочинителей и исполнителей вальсов. Ярчайшей страницей в истории Павловского музыкального вокзала стали многолетние гастроли И. Штрауса-сына, по праву унаследовавшего от отца неофициальный титул «короля вальсов» и получившего широкую известность в России.

Штраус был впервые приглашен Правлением Царскосельской железной дороги дирижировать концертами в Павловске на летний сезон 1856 года. Газеты и афиши извещали, что 6 мая там состоится музыкальный вечер под управлением «знаменитого венского капельмейстера Ивана Страуса». Первый же концерт, составленный в основном из вальсов и полек, ознаменовался триумфальным успехом. Находившийся в расцвете творческих сил и обладавший эффектной артистической внешностью, дирижер то подыгрывал оркестру на скрипке, то управлял им движениями смычка, добиваясь максимальной музыкальной выразительности. И даже произведения, уже знакомые публике, прозвучали по-новому, с неслыханным задором, вдохновением и очарованием. После концерта восхищенная толпа слушателей донесла Штрауса на руках до его квартиры. Русский композитор и музыкальный критик А. Н. Серов так комментировал впечатления от концертов Штрауса: «Мне еще почти не случалось слышать вальсов, настоящих вальсов, созданных в типической земле вальса, Вене, «так» исполняемых, как под управлением Штрауса, родного сына знаменитейшего из вальсотворцев... В этой области особенно важны оттенки тончайшие, неуловимые, что-то особенное... В дирижерстве Штрауса и в сочинениях его эти «особенные» оттенки очень заметны для всех, кто знает толк в танцевальной музыке». Популярность «Ивана Страуса» бьет рекорды. В книжных магазинах Петербурга продают его портреты. Дамская бижутерия пополняется брошками и кольцами с его портретом, парикмахеры вводят прически «а ля Штраус», а в цветочных магазинах букетам присваивают названия его самых популярных вальсов¹.

Наряду с собственными произведениями и сочинениями отца Штраус смело включает в программы своих концертов увертюры и симфонии Моцарта, Бетховена, Вебера, Шуберта, Мендельсона, Берлиоза, Вагнера, Верди, Мейербергера. Он проявляет большой интерес к русской музыке, особенно охотно исполняя оркестровые произведения и отрывки из опер Глинки. «Мы слышали бесподобную «Камаринскую» М. И. Глинки, — писал А. Н. Серов. — И эта

Короткевич Людвиг Семенович — научный работник, специалист в области информатики.

капризная фантазия в чисто русском характере исполнена была отчетливо и, разумеется, с отличным успехом. Исполнением этой фантазии и увертюры к «Ундине» А. Ф. Львова... Штраус доказал внимание свое к произведениям наших туземных композиторов, что делает ему большую честь».

Гастроль Штрауса в Павловском музыкальном вокзале продолжалась каждый летний сезон по полгода (с мая по сентябрь) с 1856 по 1865 г. — целых десять лет. При этом по условиям контракта он должен был давать ежедневно (кроме пятницы) концерты из двух — трех, а по воскресеньям — из четырех отделений. Часть Павловских сезонов Штраус делил с братьями, тоже талантливыми композиторами и дирижерами: Йозефом — в 1862 г. и Эдуардом — в 1865 году. Каждый сезон ознаменовывался исполнением новых произведений Штрауса, в том числе и созданных в России.

Штраус вдумчиво подходил к составлению концертных программ, включая в них симфонические произведения выдающихся западноевропейских и тогда еще мало известных русских композиторов. В 1861 г. в исполнении его оркестра впервые прозвучали «Марш Олоферна» и «Песня одалисок» из оперы Серова «Юдифь» — до ее постановки на сцене. В большом концерте «из русских композиторов» 30 августа 1856 г. он исполнил «Характеристические танцы» 25-летнего П. И. Чайковского (тогда еще практически не известного публике студента консерватории), включенные впоследствии композитором как «Танцы сенных девушек» в его первую оперу «Воевода». Особое внимание Штраус уделял исполнению произведений Глинки, творчество которого высоко ценил и посвящал ему целые концертные программы. В мае 1862 г. Н. А. Римский-Корсаков писал М. А. Балакиреву: «Недавно случилось, а именно в воскресенье, диво дивное: Штраус в Павловске давал концерт в память Глинки, из одних его сочинений. Между прочими пьесами были «Арагонская хота», увертюра «Руслана» 1-й и 2-й антракты «Князя Холмского», увертюра «Жизни за царя», «Вальс-фантазия», «Славься», Краковяк, Мазурка, каватина из «Руслана» и «Камаринская». Мы... были там и остались zelo довольны. Играно было просто прелесть»².

В сентябре 1865 г. Штраус опубликовал следующее письмо: «С истечением десятилетней деятельности моей в С.-Петербурге, исполненный чувств искренней благодарности, я вынужден, к крайнему моему сожалению, расстаться с северною столицею, которую считаю второю моею родиною... Я встретил здесь, во все время моего пребывания, полное радушие, благосклонность и справедливую оценку моим трудам и никогда не забуду счастливейших дней моей жизни, проведенных среди вас... Иоганн Страус»³. Однако с отъездом Штрауса его музыка не переставала звучать в Павловске. Новые дирижеры, идя навстречу требованиям публики, постоянно включали его произведения в свои концертные программы. Так поступал сменивший Штрауса Г. Фюрстенау, продолживший в 1866—1868 г. формирование репертуара в соответствии с принципами, реализованными Штраусом.

С огромным воодушевлением встретила весной 1869 г. петербургская публика возвращение своего кумира на эстраду Павловского вокзала. Штраус приезжал на этот сезон вместе с братом Йозефом. Бурю восторгов вызвал сочиненный в Вене, но впервые прозвучавший в оркестровом исполнении именно в Павловске великолепный вальс «Сказки Венского леса». Опять в концертах, наряду с музыкой Штраусов, звучали шедевры зарубежной классики и сочинения М. И. Глинки, А. С. Даргомыжского, А. Н. Серова. Особой популярностью пользовалась у публики сочиненная здесь братьями Штраусами вдвоем изящнейшая «Полька-пиццикато», получившая затем всемирное признание.

На летний сезон 1872 г. Штраус заключил с Правлением Царскосельской железной дороги контракт на дирижирование 18 концертами. Однако, соблазненный гонораром в 100 тыс. долл., он предпочел поездку в США на празднование 100-летия Войны за независимость. Из-за ухудшения здоровья в Россию он так и не приехал и по решению суда был вынужден уплатить неустойку в 5 тыс. рублей. В следующие концертные сезоны выступавшие в Павловске дирижеры Б. Бильзе, Г. Мансфельдт и др. продолжали включать произведения Штрауса в свои программы, а И. Лангебах даже устраивал в 1878 и 1879 гг. «Большие вечера из сочинений всех Штраусов», проходившие с неизменным успехом⁴.

В 1884 г. Петербурге была предпринята попытка поставить оперетту Штрауса «Карнавал в Риме», но оба представления оказались неудачными: прекрасная музыка не могла компенсировать убогость либретто. А. П. Чехов язвительно откликнулся на это событие фельетоном «Кавардак в Риме — комическая странность в 3-х действиях, 5-ти картинах, с прологом и двумя провалами». А в октябре 1884 г. Вена торжественно отмечала 40-летие творческой деятельности Штрауса. Юбиляра поздравляли композиторы с мировой славой: Д. Верди, И. Брамс, А. Брукнер, Г. Бюлоу. От имени петербургской музыкальной общественности Штрауса тепло приветствовал А. Г. Рубинштейн⁵.

7 апреля 1886 г. Штраус в последний раз приезжает в Россию. Он выступает с концертами в огромном манеже лейб-гвардии конного полка, Большом зале Петербургской консерватории, зале Дворянского собрания. Как отмечали газеты, концерты прошли при громадном наплыве публики: на втором концерте «за теснотой пробраться из одного конца манежа в другой стоило больших усилий и большего времени; если бы для концертов Штрауса выбрали более обширное помещение, оно все-таки было бы полно», а на третьем — «не только нельзя было двигаться по манежу, но и взойти на него представлялось более чем трудным. Публика стояла сплошной массой, так сказать, стеной», «каждый номер программы исполнялся, по единодушному требованию публики, дважды, а то и трижды». Дирижирование опереттой «Цыганский барон» в Михайловском театре 23 апреля превратилось в триумф композитора: «Восторг публики не имел границ: махали платками, стучали ногами, хлопали без конца». Еще три концерта Штрауса состоялись в Москве, в Большом зале Российского благородного собрания, а 3 мая он в последний раз поднялся на эстраду Павловского музыкального вокзала, чтобы продирижировать благотворительным концертом. С каждым номером программы Штраус все больше «окрылялся», с удовольствием отзывался на просьбы слушателей об исполнении то новинок, то сочинений, уже хорошо знакомых по его прежним концертам, «овациям и вызовам не было конца... Прощание было задушевное, выпадающее немногим счастливым»⁶.

Гастроли в России приносили Штраусу солидные доходы и позволили ему укрепить финансовый фундамент «музыкального предприятия семейства Штраусов». Так, гонорар его за первый летний сезон 1856 г. составил 22 тыс. рублей. Доход от концертов в Варшаве в 1870 г. (Царство Польское входило тогда в состав российской империи) достиг 14 тыс. гульденов. Однако далеко не только материальные интересы руководили Штраусом. Он регулярно устраивал благотворительные концерты в пользу остро нуждающихся: вдов и сирот погибших российских воинов, погорельцев и т. п. К примеру, 25 июля 1864 г. сбор от благотворительного концерта Штрауса, на котором присутствовал двор во главе с царем, составил 1500 руб., которые композитор целиком обратил на пожертвования⁷. В обычных своих концертах Штраус никогда не ограничивался положенным по контракту числом исполняемых пьес (вместо четырех-пяти он дирижировал семью-восемью) и охотно исполнял на бис свои и других композиторов сочинения, справедливо полагая, что это поможет публике лучше их понять и оценить.

Еще важнее то, что деятельность Штрауса стала стимулом для превращения Павловского музыкального вокзала из ресторана, где обедали под музыку, в концертное заведение, где прежде всего слушали музыку. По настоянию Штрауса здание музыкального вокзала в 1860 г. было перестроено, при этом ресторан был окончательно отделен от концертного зала, чтобы создать наиболее благоприятные условия для восприятия музыки. «По существу, Штраус превратил Павловский вокзал в народную филармонию, своего рода университет музыкальной культуры, где лучшие создания мировой музыкальной классики предстали перед широкой демократической аудиторией, сделались достоянием тех, кто не мог регулярно посещать дорогостоящие концерты в зале Дворянского собрания или спектакли императорских театров»⁸.

К горячим поклонникам творчества Штрауса принадлежали П. И. Чайковский и А. Г. Рубинштейн, А. К. Лядов и Н. А. Римский-Корсаков, С. В. Рахманинов (часто и охотно игравший фортепианные транскрипции штраусовских вальсов), А. К. Глазунов и Б. В. Асафьев. На «штраусовскую природу» вальсов Глазунова указывал В. В. Стасов, отмечавший: «Вот где Глазунов питается ритмом». Музыкой Штрауса восхищался Л. Н. Толстой, который, слушая его вальсы, «вскрикивал от восторга, ахал, слезы были у него на глазах». Творчество «короля вальсов» оказало настолько очевидное влияние на создателя первого оркестра русских народных инструментов и автора многочисленных вальсов В. А. Андреева, что его не без оснований называли «русским Штраусом»⁹.

Музыковеды единодушно говорят о выдающемся вкладе Штрауса в развитие венского вальса, его симфонизацию, его превращение из бытового танца в симфоническую поэму¹⁰. Однако далеко не всегда при этом отмечается, что на симфонизацию вальсов Штрауса огромное влияние оказала русская музыка, прежде всего концертные вальсы Глинки и Рубинштейна. Восторженный прием, оказанный ему российской публикой, и серьезное чувство к дочери русского генерала Ольге Смирнитской вдохновили композитора на сочинение в России множества ярких произведений, где нередко отчетливо слышны подлинные русские мелодии. Это — вальсы, польки, марши. Напомним также, что в оперетте «Летучая мышь», написанной на чисто венский сюжет и пронизанной австрийскими и венгерскими мелодиями, композитор отдал дань уважения к его «второй родине»: один из главных героев спектакля — русский князь Орловский; во втором действии в гостях у него оказываются все основные действующие лица, а на балу дело не обходится без русского танца¹¹.

Возвращаясь на родину после гастролей в Павловске, Штраус охотно знакомил венскую публику с произведениями русских композиторов, особенно — любимого им Глинки.

К сожалению, многие из произведений Штрауса, появившиеся в результате его гастрольных поездок в Россию, в последующие годы по прихоти издателей выходили в свет под новыми названиями. На издаваемых нотах прямо указывалось: «Собственность издателя». Так, вальс «Петербургские дамы» стал «Венскими дамами», очаровательную польку «В Павловском лесу» назвали «В Крапфенвальде» (один из уголков Венского леса), полька «Не забудь меня» получила прозаическое наименование «С биржи», и от их «русского происхождения» не осталось и следа.

В предреволюционные годы и послереволюционный период музыка Штрауса звучит в России все реже. «Второе пришествие» Штрауса в наше отечество связано с выходом на экраны в 1940 г. замечательного кинофильма «Большой вальс», созданного французским режиссером Ж. Дювилле и по сути дела «открывшего» великого композитора широчайшим массам зрителей. Говоря о восприятии кинофильма «в глубинке», В. П. Астафьев писал: «Если в такую среду, в такую глушь врывается искусство, подобное фильму «Большой вальс», оно становится не просто лучом в темном царстве, но и глотком живительного воздуха. Люди на фильме «Большой вальс» плакали о другой жизни, которая, пусть и в кино, все же была. Фильм «Большой вальс» сделал в ту пору большую работу, чем все плакатное, крикливое, судорожное искусство «новой эры»... Фильм этот был еще и тем хорош, что познакомил нас, уставших от маршей и барабанного боя, с нежной музыкой, и она стала часто звучать по радио и в залах»¹². Добавим: музыка Штрауса стала вскоре звучать у нас и с грампластинок, хотя ограниченная продолжительность их звучания долго обуславливала запись его вальсов в сокращенном виде.

Большим событием в культурной жизни нашей страны стала постановка оперетты Штрауса «Цыганский барон» в Ленинградском Малом оперном театре в 1941 г., осуществленная — в соответствии с замыслом автора — на уровне лирико-комические оперы. Другие постановки этой оперетты грешили отходом от авторского замысла, перекомпоновкой либретто, опошлением героев спектакля, стремлением сделать их «как можно смешнее». Это в полной мере относится и к «Летучей мыши», поставленной Московским театром оперетты и многими периферийными театрами музыкальной комедии по «новому» либретто: для «облегчения нагрузки» на зрителей (и тем более исполнителей!) были исключены многие музыкальные фрагменты, хоровые ансамбли, а спектакль превращен в чисто развлекательное зрелище, лишенное сатирического отношения к героям оперетты, явно присутствующего у Штрауса¹³.

В советский период предпринимались многочисленные попытки создать на музыку Штрауса новые спектакли. Здесь удачами стали трехактный балет «Голубой Дунай», впервые показанный Ленинградским Малым театром оперы и балета в 1956 г. и обошедший затем многие театры страны, а также одноактный балет «Штраусиана», на протяжении почти полувека не сходивший со сцены Московского театра им. Станиславского и Немировича-Данченко.

В 1972 г. на экраны нашей страны вышел кинофильм «Прощание с Петербургом», поставленный на студии «Ленфильм» и посвященный триумфальным гастролям Штрауса в Павловске и его драматическому роману с Ольгой Смирнитской. В 1981 г. советское телевидение показало английский художественный фильм «Семья Штраус», во многом обогативший наши представления о жизни и творческом пути членов этой талантливой музыкальной династии.

В наши дни музыка Штрауса, искрящаяся мелодическим богатством и утверждающая неиссякаемую радость жизни, продолжает почти ежедневно звучать по радио и телевидению, с грампластинок, аудио- и видеокассет. Однако большинство россиян гораздо лучше знакомы с его шедеврами, посвященными Вене и Австрии, чем с его «русским репертуаром». К сожалению, его «русские сочинения» нам известны главным образом в исполнении зарубежных оркестров и дирижеров. Иоганн Штраус в России — замечательная страница в истории русской музыкальной жизни, ярчайший пример взаимопроникновения, обогащения различных национальных культур.

Примечания

1. МЕЙЛИХ Е. И. Иоганн Штраус: из истории венского вальса. Изд. 4-е, доп. Л. 1975, с. 84, 86, 90, 92; РОЗАНОВ А. С. Музыкальный Павловск. Л. 1978, с. 48, 50; СЕРОВ А. Н. По случаю бенефиса Штрауса. — Музыкальный и театральный вестник, 1856, № 25, с. 457.

2. МЕЙЛИХ Е. И. Ук. соч., с. 109—110; РОЗАНОВ А. С. Ук. соч., с. 54; РИМСКИЙ-КОР-САКОВ Н. Полное собрание сочинений. Т. 5. 1963, с. 19.
3. Голос, 18.IX.1865.
4. РОЗАНОВ А. С. Ук. соч., с. 68, 74.
5. Будильник, 1884, № 38, с. 457; МЕЙЛИХ Е. И. Ук. соч., с. 174.
6. Новое время, 18.IV., 5.V.1886; Петербургский листок, 18.IV.1886; Петербургская газета, 15.IV.1886; Биржевые ведомости, 26.IV.1886.
7. МЕЙЛИХ Е. И. Ук. соч., с. 116; SCHNEIDEREIT O. Operettenbuch. Brl. 1955, S. 155.
8. РОЗАНОВ А. С. Ук. соч., с. 47; МЕЙЛИХ Е. И. Ук. соч., с. 118.
9. АСАФЬЕВ Б. В. Избранные труды. Т. 2. М. 1954, с. 212; ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕР А. Б. Вблизи Толстого. М. 1959, с. 322.
10. ДРУСКИН М. С. История зарубежной музыки. Изд. 3-е. Вып. 4. М. 1967, с. 127; МЕЙЛИХ Е. И. Ук. соч., с. 121, 133—134.
11. КУДИНОВА Т. Н. От водевиля до мюзикла. М. 1982, с. 64.
12. Литературная газета, 9.XII.1987.
13. ЯНКОВСКИЙ М. О. Советский театр оперетты: очерк истории. Л.-М. 1962, с. 329.

Жизненный путь Жана Бодена

М. С. Бобкова

2 августа 1594 г. Генрих Наваррский, по сути завершая кровопролитную череду религиозных войн во Франции XVI в., вступил в Лаон. Этот город стал последним прибежищем человека, обладавшего одним из самых ярких умов той поры, постигшего и переработавшего почти все современные ему знания, серьезно обосновавшего идеи абсолютизма и суверенитета, Жана Бодена. Ему — Генриху IV как победителю ученый вскоре посвятил свой последний трактат «Театр природы». Окончание этого труда датировано 1 марта, а завещание Бодена — 7 июня 1596 года. Он умер от чумы, заразившись во время эпидемии, в Лаоне же был отпет по католическому обряду в церкви францисканцев и похоронен в монастыре кордельеров.

Смерть, уравнивая всех, оставляет потомкам лишь тени бушевавших когда-то в людях чувств и страстей, гениальных озарений и интеллектуальных прорывов, размышлений над тайной бытия, у одних — желания мира с собой, у других — с обществом, в котором живешь, неутомимых, иногда мучительных, поисков путей, позволяющих реализовать внутренний потенциал дарованного разума. Листья ныне страницы трактатов Бодена, просматривая отзывы их читателей, которые иногда встречаются на листе, предшествующем титулу, или пометы, сделанные в самих текстах книг их владельцами (так звучат голоса веков!), и сохранившиеся письма автора к друзьям, размышляя над построениями его политических речей, обращаясь к этим сухим по фактуре свидетельствам, исследователи дают, как правило, разные оценки личности этого человека.

Президент Академии братьев Гонкуров Ф. Малле-Жорис представила Бодена страстно увлеченным человеком, который, воистину уверовав в существование Сатаны, весь свой литературный талант и выдающуюся силу убеждения употреблял для разоблачения ведьм и колдунов. «Он только писал, — свидетельствовала Малле-Жорис, — писал с внезапной страстью, которая распяляла холодных, сухих, рассудительных. Они будут убивать, пытаться, никогда не уставая»¹. Итак, вердикт — талантливейший вдохновитель палачей. Да и вообще в массовом сознании представление о Бодене как о «мракобесе, исполненном средневековых предрассудков» встречается часто. Трактату Бодена «Демонomanия колдунов» (1580 г.) крупнейший французский исследователь истории XIX в. А. Бодрияр адресовал следующее: «Посредственнейшая книжонка, на каждой строчке которой можно отметить — нелепость, фанатизм, смешной и глупый фанатизм». Но вот М. Монтень, знакомый с сочинениями Бодена и прекрасно ориентировавшийся во всех его трудах, отметил: «Жан Боден, выдающийся современный писатель, выделяется из толпы писак нашего времени своим большим здравомыслием, заслуживает всяческого внимания и уважения». Английский исследователь Р. Флинт считал, что вплоть до Ш. Монтескье по энциклопедизму образования, политическому таланту и рационализму мышления Боден вообще не имел себе равных не только во Франции, но и во

Бобкова Марина Станиславовна — кандидат исторических наук, научный сотрудник центра «Историческая мысль и идеология» РАН.

всем мире². Попробуем же написать свою версию рассказа о жизни этого удивительного человека XVI в. Жана Бодена.

Он родился в 1530 г. в Анжере, в семье портного и был седьмым, младшим ребенком. Еще мальчиком стал членом нищенствующего ордена кармелитов в монастыре Анжерской Богоматери. Орденское братство, пополнявшее свои ряды и детьми, должно было подготовить его к принятию духовного сана. Анжерский епископ Г. Боувери, оценив незаурядные способности подростка, помог ему получить блестящее образование, обеспечив материальную поддержку. В 1547 г. Бодена направили в кармелитский монастырь в Париже, и он два года слушал лекции на теологическом факультете Сорбонны. Эти занятия сформировали критическое отношение Бодена к схоластике. Зато глубокой гуманистической направленностью лекций, изучением предметов, не входивших в традиционную программу (с этой целью была организована, например, кафедра древних и восточных языков, а позднее — кафедра математики), выделялся Королевский коллеж³. Его основал в 1530 г. король Франциск I по инициативе и при активнейшем участии известного гуманиста Г. Бюдэ. Здесь Боден учился древнееврейскому языку у профессоров еврейского и сирийского языков Ж. Синквабрия и Ж. Маркё. К их помощи Боден обращался, когда изучал иудейские пандекты — сочинения по вопросам частного права и томá палестинских мудрецов. Он приобрел беглое знание греческого, познакомился с работами многих античных авторов.

В результате напряженных занятий Боден смел издать в 1555 г. свой перевод с греческого на латинский дидактической поэмы Аппиана «Об охоте» и посвятил ему своему первому наставнику Боувери. Он приложил к нему сопроводительный комментарий, частично филолого-текстологический, расширенный логическим анализом аппиановых аргументов. Приходится лишь восхищаться широтой интересов и познаний молодого школяра, которые явно отразились в этом комментарии. В нем содержатся, в частности, ссылки на более чем 200 различных авторов и источников.

Там же Боден познакомился с сочинениями немецких протестантов, французских гугенотов и с восхищением отнесся к деятельности Ж. Кальвина в Женеве. 7 августа 1548 г. приор кармелитского монастыря в Тулузе Р. Гарнье и два духовных брата из Парижа (один — Боден, второй — Венот) были арестованы по обвинению в ереси. Они предстали перед судом Огненной палаты, могущей казнить и миловать. Венота казнили, Бодена отправили в тюрьму Парижского епископства. Из нее он был освобожден по протекции все того же Боувери⁴. В 1549 г. Боден уехал в Анжер и отказался от монашеского обета. Окрепнувший к тому времени в нем интерес к правовым вопросам привел его вскоре в Нант, где он приобрел непосредственную практику и опыт занятий в судебных делах, помогая работать одному из местных судей.

Тяготы затянувшихся Итальянских походов накалили военное напряжение во Франции, рост налогов вызывал неоднократные восстания с антиправительственными настроениями. К концу правления Генриха II (1547—1559 гг.) началось и гугенотское движение, что также явилось выражением общественного недовольства в разных слоях населения королевства. Новые угрозы со стороны католической церкви заставили сочувствовавшего кальвинистам Бодена в 1552 г. бежать в Женеву. Он официально принял там протестантизм и получил гражданство «протестантского Рима»⁵. В том же году Боден женился на некоей состоятельной женщине Тифен Рено. Она сделала дарственную, по которой, овдовев в 1563 г., свежий вдовец унаследовал половину ее состояния. Во Францию же ученый вернулся, вероятно, еще в 1556 г. благодаря королевской привилегии, дарованной в связи с выходом в свет его перевода Аппиана.

К этому времени Боден окончательно решил посвятить свою жизнь служению Фемиде и с 1556 г. по 1561 г. (возможно, и позже) изучал юриспруденцию в Тулузском университете. Последний входил в число крупнейших учебных заведений Франции и насчитывал тогда около четырех тыс. студентов. Это была интеллектуальная элита французской молодежи, часть которой заняла впоследствии высокие государственные посты. С Тулузским университетом были связаны имена таких видных мыслителей и политических деятелей, как А. де Мем, Г. дю Фор сеньор де Пибрак, Л. де Леруа, П. де Фуа, М. Монтень, В. Санхец. Люди, преподававшие в Тулузском университете и вскоре выбравшие вольнодумца Дж. Бруно профессором, обладали смелостью, умом и гражданским мужеством.

Деятельность Бодена в Тулузе оказалась многогранной. Он и учился, и преподавал, дискутировал и много сочинял. К тому периоду относятся пять его юридических трактатов, которые потом автор сам сжег, так как многие тезисы, содержащиеся в них, были более удачно выражены им в «Шести книгах о государстве» (1572 г.). Их основная мысль: власти монарха не присуще некое божественное происхождение, она исторична; стало быть, требуется

конституционная монархия, но при неделимости государственного суверенитета и при свободе вероисповедания; если же государь становится тираном, народ получает естественное право уничтожить его. Закончив юридический факультет, Боден с увлеченностью и большим успехом преподавал там же римское право, не занимая никакой определенной кафедры. Зато природный темперамент привел вскоре талантливого и знающего юриста на путь общественного служения. В 1559 г. на турнире погиб король Генрих II. При наследовавшем ему Франциске II фактическую власть сосредоточил в своих руках род де Гизов из Лотарингского дома, возвышенных еще Франциском I в противовес влиятельным принцам крови де Бурбонам. Между этими двумя кланами развернулась открытая борьба за преобладание.

В их политической игре использовались и религиозные лозунги. Гизы возглавили католическую партию (в 1585 г. преобразована в Католическую Лигу). Оппозиционные Бурбоны связали свою деятельность с религией недовольных — протестантизмом. Соединение политической борьбы с разжиганием религиозных противоречий поставило Францию на грань гражданской войны. После внезапной смерти Франциска II, при правлении Карла IX (1560—1574 гг.) регентшей стала королева-мать, знаменитая интриганка и властительница мыслей католических масс Екатерина Медичи, генеральным прокурором — Антуан де Бурбон. В целях предотвращения открытой гражданской войны король проводил линию частичного разрешения кальвинизма. Позже сторонники последней создали партию недовольных («партия политиков») во главе с принцем Франциском Алансонским, также вынашивавшим честолюбивые замыслы. В эту партию входили в годы религиозных войн представители различных политических группировок, пытавшиеся добиться установления удобного им порядка с примирением враждующих сторон во имя национальных интересов Франции.

Активнейшим членом данной партии стал Боден, утверждавший, что каждый может считать истинной религией ту, в которую он верит, а религиозный выбор вообще не должен вызывать преследований. Но в 1562 г. сторонники Гизов устроили бойню протестантов в Васси. Это массовое убийство ознаменовало собой начало первой религиозной войны. Именно в том году Боден возвратился в Париж, где начал адвокатскую карьеру при городской судебной палате. Он стал королевским прокурором. Этой должности всегда долго добивались, она обязательно согласовывалась с королем, так что Бодену новый пост дался нелегко. Он занялся выполнением важных юридических поручений и тогда же написал несколько интересных книг. Первой из них, сразу принесшей автору европейскую известность, был «Метод легкого познания истории» (1566 г.) — уникальный трактат с элементами философии исторического процесса. Общество, как он утверждал, формируется под влиянием конкретной среды, состоящей из множества людей, но не всегда в зависимости от них, а более всего в зависимости от географических условий («теория климата»). Эти люди находятся между собой как в экономических связях, так и, по другим линиям, в родстве; в результате получается сумма хозяйственно-родственных групповых союзов, развивающихся прогрессивно в отличие от круговращения в природе, причем история как наука отображает этот прогресс! В работе «Ответы на парадоксы господина Мальтруа» (1568 г.) автор показал себя своеобразным мыслителем, глубоко разбирающимся в том, что происходило в экономической жизни Франции, и предлагающим реальные пути разрешения трудностей. В частности, вздорожание товаров, «революцию цен» он объяснял притоком драгоценных металлов в результате последних географических открытий в Новом Свете. А в имущественном неравенстве он усматривал причины государственных переворотов⁶.

6 октября 1568 г. вышел королевский эдикт, которым предписывалось принять строгие меры против протестантов, занимавших государственные посты. Все государственные чиновники и профессора университетов должны были присягнуть на верность католицизму. Боден принес такую присягу. Но в списке «подозреваемых» от 6 марта 1569 г. находим распоряжение об аресте Жана Бодена, уроженца Анжера, по подозрению в том, что он является приверженцем новой религии и не выполняет данную им клятву. Его арестовали в Шартрском монастыре Сен-Дени. Боден не сделал при этом никаких заявлений, и у него не обнаружили ни запрещенных книг, ни подозрительных бумаг⁷. Тюремная запись о нем не упоминает, что он был когда-то кармелитом, хотя отказ от монашеского обета фигурирует в качестве обвинения в тюремных записях, касавшихся других лиц. В этом заключении видного чиновника судебной палаты имеется и другая особенность. Дела обвиняемых по «религиозным подозрениям» парламент рассматривал в срок от двух недель до трех месяцев. Большинство из них освобождалось при условии высылки из Парижа или под поручительство праведных католиков. Бодена же выпустили только по особому постановлению от 23 августа 1570 года.

Не было ли это обусловлено желанием покрепче наказать внутреннее неортодоксальную личность, поведение которой было безусловным с точки зрения закона? Или же, напротив, тут

имела место попытка некоторых влиятельных лиц защитить мыслителя пребыванием в тюремных стенах от более серьезных опасностей, угрожавших его жизни? Такими людьми могли быть генеральный прокурор Парижа Г. дю Фор де Пибрак, знавший Бодена еще по Тулузе и ставший более склонным к терпимости после казни его брата по обвинению в ереси в 1565 г., и К. де Ту, первый президент парламента Парижа. Остается фактом, что заключение не отразилось на карьере Бодена: в 1571 г. он был назначен докладчиком в Государственном совете и советником Франциска герцога Алансонского⁸.

Благодаря незаурядным дипломатическим способностям Бодена ему предоставили возможность участвовать в 15-ти посольствах. При покровительстве Пибрака он вошел в состав свиты, которая сопровождала принца Генриха Анжуйского при поездке в Польшу, где тот должен был стать королем. Но при этом Боден оставался официально на службе у герцога Алансонского, с которым связывал многие свои планы. Боден был замешан в так называемом «заговоре политиков», за который казнили ряд лиц из ближайшего окружения герцога, включая Ла Моля и пьемонтского дворянина Коконаса⁹. Анжерец, видимо, вел серьезные переговоры о помощи гугенотам со стороны Англии, где Ла Моль одно время был посланником герцога Алансонского, и его имя прямо фигурировало в списке участников заговора, но он не был наказан, поскольку расследование дела было поручено его другу де Ту. Тяжкие последствия Варфоломеевской ночи тоже миновали его.

В 1574 г. на французский престол вступил Генрих III. Несмотря на службу Бодена при Алансоне, он был принят новым королем, который в беседах наслаждался эрудицией ученого, но отказался использовать его в своих государственных делах как несговорчивого политика. Спустя два года Боден как депутат от третьего сословия округа Вермандуа участвовал в работе блуаских Генеральных Штатов. В своих выступлениях он смело обвинял короля в разбазаривании казны и отстаивал принцип веротерпимости¹⁰.

В 1577 г. монахи кармелитского ордена, членом которого был когда-то Боден, вдруг предъявили ему обвинение в отказе от обета¹¹. По-видимому, то была организованная акция, нацеленная на то, чтобы заставить замолчать лидера оппозиционной королю депутации из Вермандуа. Боден срочно уехал в Лаон. Там 25 февраля 1576 г. он заключил брачный контракт с бывшей супругой казненного священника (по обвинению в ереси), с которым познакомился в тюрьме, Франсуазой Труяр. От этого брака у Бодена были два сына и дочь. Мальчики умерли еще в раннем возрасте, а девочка, как свидетельствуют источники, «впала в слабоумие». Боден тяжело переживал семейную трагедию. Он и его жена делали тогда все, чтобы как-то «разбудить спящий разум» девочки, но тщетно. Ее болезнь прогрессировала: Жюльетта никогда не была выдана замуж и умерла 24-х лет, не позволив отцу стать дедом.

1580 г ознаменовался его сочинением «Демонomanия колдунов». Оно любопытно сочетанием трезвого взгляда на жизнь с суевериями и предрассудками, позволяющими вести «охоту на ведьм». В феврале — апреле 1581 г. Боден находился в Англии в связи с тогдашними переговорами о женитьбе Франциска Анжуйского на королеве Елизавете I Тюдор. В том же году ученый побывал в Нидерландах. Дело в том, что еще в сентябре 1580 г. штаты Северных провинций признали Франциска своим сюзереном, подписав соответствующий договор о помощи с Генрихом III. Но сторонники независимости Нидерландов предприняли попытку переворота, после чего осенью 1583 г. герцог Анжуйский потерпел в Нидерландах поражение и вскоре скоропостижно скончался. Так Боден терял одного покровителя за другим: в январе 1583 г. умер де Ту, в мае 1584 г. — де Пибрак. А в ту эпоху без высоких покровителей жить было трудно. Боден же, вернувшись в 1583 г. в Лаон, стал юридическим советником, сначала у маркиза де Моа, затем у Генриха короля Наварры в его графстве Марль. Будущий «славный король» Франции не забывал своих единомышленников. Наконец, в 1587 г. он получил наследственную должность королевского прокурора Лаона.

Между тем правоверность Бодена по-прежнему подвергалась сомнению, теперь уже лидерами Католической Лиги. По распоряжению генерального прокурора Парижа у него произвели обыск по обвинению в занятиях магией. Правда, в июне 1587 г., после строгого допроса генерал-лейтенантом Лаона, Бодена освободили на основании показаний в его пользу нескольких свидетелей, среди которых были два католических священника. Но после смерти Франциска Анжуйского действия Католической Лиги стали более активными. Их подстегивал страх перед возможным вступлением на французский трон Генриха Наваррского. Это было чревато возможным господством кальвинистов в королевстве. Когда в 1588 г. был убит Генрих Гиз герцог Лотарингский, Лига возглавила восстание против Генриха III. И Лаон должен был выполнить приказание парижского парламента о присоединении к Лиге, чье господство установилось в Лаоне по 1594 год.

Боден, будучи сторонником монархии, попал в сложное положение. Он обязан был

обосновать свой переход на сторону Лиги и в то же время не отступить от собственных принципов, которые в действительности находились в прямом противоречии с политикой Лиги. Анжерец являлся тогда королевским прокурором. Генеральный прокурор Парижа приказал всем местным прокурорам принести Лиге клятву верности, и Боден сделал это 21 марта 1589 г. с целью борьбы против тиранического правления короля, так как, по его мнению, абсолютная наследственная монархия как лучшая форма государственной власти выродилась во Францию в тиранию. Боден считал и проповедовал, что торжество закона должно служить залогом безопасности и каждого человека, и народа в целом. Но ведь в этом случае многие и многие нуждались в защите от неправомерных действий не только тирана, а и Лиги!

Поведение Бодена не было тогда чем-то исключительным. Аналогично действовал ряд его современников. Жизнь вынуждала. Например, блестящий юрист и философ, у которого Боден учился в юности, Г. дю Вер писал: «Я не вижу сейчас такой цели, ради которой должен пойти на смерть. Хитростью мы можем ослабить и уменьшить количество преступлений. Мир и согласие будут восстановлены благодаря умеренности и беспристрастному поведению законопослушных граждан»¹². Вплоть до смерти кардинала Шарля де Бурбона анжерец поддерживал Лигу, воспринимая ее действия с сугубо политической точки зрения, поскольку та боролась за «свержение тирании» Генриха III. Но, даже поддерживая Лигу, Боден не боялся постоянно выступать против сектантской религиозной войны во имя уничтожения гугенотов. Гибель Генриха III от ножа фанатика-монаха в 1589 г. по сути дела означала теперь выполнение первоначальной цели членства Бодена в Лиге, и морально он с нею не был более связан.

Не случайно с ноября 1589 г. у Бодена появляется новый яростный преследователь, иезуит Антуан Тулузский, чьи доносы привели к тому, что 20 января 1590 г. по приказанию представителей Лиги у Бодена вновь провели обыск. Теперь были найдены несколько запрещенных ортодоксами книг. Их сожгли перед его домом. Была найдена также генеалогия Генриха Наваррского, но написанная не рукой анжерца. Это помогло ему отделаться сравнительно легко: его подвергли кратковременному аресту и после данных им каких-то «разъяснений» отпустили. После такого предупреждения Боден уже не предпринимал никаких публичных действий, которые могли бы скомпрометировать его благонадежность. Ведь и без того его догматичность оставалась крайне сомнительной. Недаром ходивший в списках по рукам его «Разговор в семи частях» позволял считать его просто атеистом (вопрос об авторстве остается спорным).

Генеалогия будущего Генриха IV вовсе не случайно оказалась среди бумаг Бодена, найденных при обыске. После того, как со сцены сошел Генрих III, анжерец оправдывал свое присоединение к Лиге его поддержкой кардинала де Бурбона как законного претендента на престол. Он считал наваррца наследником в 14-м колене по степени родства, идущего от Людовика IX Святого. Кардинал Ш. де Бурбон, дядя наваррца, был 13-м коленом в степени родства. А Генрих Наваррский как бы замещал своего умершего отца А. де Бурбона, старшего брата кардинала. Боден считал, что претензии наваррца уничтожаются правами его дяди Шарля, то есть еще не коронованного «Карла X», и только после его смерти наследование наваррцем трона окажется законным. Генрих III на смертном одре назначил наваррца наследником, но при условии, что тот примет католичество. Юрист Боден называл завещание Генриха III неправомерным, так как корона не передается, вроде частной собственности, распоряжением завещателя, а наследуется на основе Салического закона о престолонаследии. В письме 1590 г. он почти открыто заявил о праве наваррца наследовать, в свою очередь, французский трон, если тот признает первенство престарелого дяди и перейдет в католическую веру. В начале 1590 Ш. де Бурбон умер, вскоре наваррец принял католичество со знаменитыми словами «Париж стоит мессы» и в июле 1594 г. был коронован. Боден был свидетелем вступления на престол первого короля Франции из династии Бурбонов — Генриха IV.

Драматичность и противоречивость эпохи, в которую жил Боден, в значительной мере объясняли сложность его личности и судьбы. Тонкий, пронзительный ум, о котором свидетельствуют, в частности, его трактаты, в том числе по юриспруденции, политической теории, педагогике, экономике, натурфилософии и теологии, показывают, что комплексное их изучение позволяет нам сформировать достаточно целостное представление о мировоззрении их автора. Его активная политическая деятельность в государственном масштабе также позволяет судить о незаурядности этого человека. Превосходный советник и первоклассный, блестяще образованный юрист, он нашел свое место и при дворе Генриха III, и в свите Франциска Анжуйского, и на службе у Генриха Наваррского. А ведь все эти люди отнюдь не были в жизни друзьями.

Но всем им Боден служил и послужил. Почему? Из желания сделать блестящую карьеру,

сколотить состояние и приобрести земли, невзирая на собственные принципы? Или из-за страха за жизнь? ¹³. Ведь религиозные взгляды Бодена были более чем уязвимы. Полагаем, что, рационально обосновав преимущества сильной государственной власти в хаосе междинастийной борьбы и религиозных войн, Боден считал себя бескорыстным слугой закона и использовал любые возможности воздействовать на сильных мира сего, пытаясь показать им возможные пути преодоления кризисного состояния королевства. Ведь любой новый правитель, обещающий блага своим подданным, хотя бы для первоначального обретения политического капитала и хотя бы на первых порах, всегда нуждается в крепких профессиональных советниках. Правда, зачастую таким правителям отдают роль «свадебных генералов», что приводит потом к разочарованиям и поискам новых союзников в борьбе за установление законности. Это тоже играло роль в незаурядной судьбе Жана Бодена. И уже вскоре после того, как в 1596 г. его не стало, он вошел в историю как крупнейший теоретик «естественного права». Добавим также, что написанный им в 1593 г., но опубликованный посмертно, «Разговор в семи частях» позволяет считать его крупным проповедником идеи «естественной религии».

Примечания

1. МАЛЛЕ-ЖОРИС Ф. Три времени ночи. М. 1992, с. 399.
2. МОНТЕНЬ М. Опыты. М.-Л. 1958, с. 465; FLINT R. The Philosophy of the History in France and Germany. Evinburgh — Lnd. 1974, p. 67.
3. La Collège de France (1530—1930). P. 1932.
4. BOUCHER J. L'incarcération de Jean Bodin pendant la Troisième Guerre de Religion. — Nouvelle revue du seizième siècle, 1983, № 1, p. 33—45.
6. КОГАН-БЕРНШТЕЙН Ф. А. Экономические взгляды Бодена. — Средние века, вып. II, 1946.
7. CHAUVIRÉ R. Jean Bodin, auteur de la «République». P. 1916, p. 524.
8. MESNARD R. La pensée religieuse de Bodin. — Revue du XVIe siècle. P. 1929, p. 399 suiv.
9. BODIN J. Les six livres de la République. P. 1572, p. 146.
10. THOU J. K. de. Histoire universelle. T. 13. P. 1589, p. 34; SAUVAL H. Histoire et recherches des antiquités de la ville de Paris. Vol. I. P. 1724, p. 343—346.
11. PONTHEUR A. Quelques documents inédits sur Bodin. — Revue du XVIe siècle. P. 1928.
12. BAUDRILLART H. Jean Bodin et son temps. P. 1853, p. 263.
13. VEIR J. du. Mémoires. P. 1598, p. 122.

Другая война: 1939–1945. М. Российский государственный гуманитарный университет. 1996. 490 с.

В сборник, вышедший под общей редакцией Ю. Н. Афанасьева, вошли научно-исследовательские и популярные работы (некоторые ранее публиковались). Помимо отечественных историков на страницах книги выступают и зарубежные авторы. В ряде публикаций используются новые архивные материалы.

Само название труда служит заявкой на то, что читателю предлагается новая, нетрадиционная трактовка истории второй мировой войны. И следует признать, что авторами действительно высказано немало свежих мыслей и оригинальных суждений. Однако не все они достаточно аргументированы, а некоторые даже противоречат общеизвестным фактам.

Больше трети сборника посвящено выяснению вопроса, готовил ли И. В. Сталин летом 1941 г. нападение на Германию. Утвердительный ответ на него дают во «Введении» Афанасьев, а также авторы статей В. А. Невежин, В. Д. Данилов и М. И. Мельтюхов. При этом повторяется гуляющий по страницам нашей печати миф, будто первым данную проблему поставил и разрешил в своих книгах В. Суворов. В действительности же приоритет тут принадлежит главарям фашистской Германии, которые 22 июня 1941 г. заявили, что война против СССР имеет превентивный характер. Лживость этого утверждения была разоблачена уже на Нюрнбергском процессе, где было доказано, что нацисты еще летом 1940 г. развернули подготовку к молниеносной войне против СССР, которую, в соответствии с планом «Барбаросса», первоначально намечалось начать 15 мая 1941 года.

Настойчивость, с которой некоторые историки и публицисты стараются реанимировать эту идею, объясняется единственным стремлением: доказать агрессивность советской внешней политики на ру-

беже 30—40-х годов. Но это вовсе не требует каких-то гипотез и натяжек в духе фантазий В. Суворова. Факты, что называется, лежат на поверхности. К их числу относятся вторжение советских войск в Польшу при наличии договора о ненападении с этой страной, нападение на Финляндию, за что СССР как страна-агрессор был исключен из Лиги наций, советская оккупация Эстонии, Латвии, Литвы, Бессарабии и Северной Буковины.

Несостоятельность тезиса о готовившемся Советским Союзом превентивном ударе по Германии убедительно доказали в своих статьях Ю. А. Горьков и А. А. Печенкин. Почти во всем солидаризируясь с их точкой зрения, выскажу несколько соображений по этому дискуссионному вопросу. Общеизвестно, что для начала войны необходимы, как минимум, решение политического руководства страны, наличие плана военных действий и, наконец, готовность армии к реализации последнего. К лету 1941 г. ничего этого в наличии не было. Никто пока не обнаружил (и, думается, не обнаружит) решения сталинского руководства о необходимости нападения СССР на Германию. Не найдено и плана военных действий против Германии. Рассматриваемый в сборнике документ «Соображения по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками» (с. 175—184) не был планом наступательных операций. И вовсе не потому, что это — никем не подписанный черновик (черновики тоже могут быть достоверными и ценными источниками), а потому, что это были именно «соображения». План же наступательных военных действий должен был содержать данные не только о составе, исходной дислокации и направлении ударов соединений и частей, но и указание точного времени, вплоть до часов, а то

и минут (хотя бы в условных обозначениях) начала наступления и последующего захвата различных объектов и рубежей. В «Соображениях» же указаны лишь три даты, да к тому же не имеющие отношения к какому-либо наступлению летом 1941 г.: — 1 января 1942 г. — время предполагаемой полной готовности вновь формируемых авиачастей, 1 июня 1941 г. — срок окончания разработок «планов обороны госграницы и ПВО», и третья — 1942 г., определяющая время строительства новых укрепрайонов на границе с Венгрией и по линии старой границы.

Не имелось к лету 1941 г. и третьей предпосылки наступательной войны — готовности и способности нашей армии к нападению на Германию. Это понимал и Сталин. Именно поэтому он делал все возможное, чтобы не дать Гитлеру повода для начала войны против СССР. А посему неправ М. М. Наринский, утверждая, что «долгие годы навязывавшийся в нашей историографии аргумент, согласно которому Сталин стремился не дать нацистской верхушке в июне 1941 г. повод для нападения на СССР, выглядит, по меньшей мере, наивным» (с. 35).

О том, что Сталин к этому стремился, свидетельствуют известные факты. Это — строжайшее запрещение командующим западными военными округами передислоцировать армейские силы непосредственно к границе. Это — запрещение нашим летчикам сбивать немецкие самолеты-разведчики, регулярно залетавшие в глубь советской территории в первой половине 1941 г., при одновременном запрещении советским летчикам перед самой войной подлетать к государственной границе ближе десяти километров. Это — разрешение на поиск немцами в советской приграничной полосе могил немецких солдат и офицеров, погибших в первую мировую войну (причем Сталин понимал, что немцы будут не могилы искать, а вести наземную разведку). Это — скрупулезное соблюдение Советским Союзом торгового соглашения с Германией вплоть до ночи на 22 июня 1941 г. при бесцеремонных нарушениях его другой стороной. Это — массовое, и по сути демонстративное, увольнение в отпуск командного состава Красной армии в мае и июне 1941 года. И это, наконец, негласное указание Сталина как можно чаще ставить в театрах оперы Р. Вагнера, исполнять по радио и на эстраде его музыку, которую, как известно, очень любил Гитлер.

Подобное поведение Сталина можно объяснить только одним: стремлением не допустить войны с Германией в 1941 г., не дать Гитлеру ни малейшего повода для придирки к Советскому Союзу, которую он мог бы использовать для нападения на СССР. Речь идет о целой системе фактов, игнорирование которых искажает представления о сталинской политике накануне войны.

В порядке постановки проблемы Афанасьев затронул вопрос о причинах поражения Красной

армии в 1941 году. Правда, автор видит лишь одну причину. Раньше, по его мнению, ее чаще всего усматривали (и он в том числе) в «преступной халатности» сталинского режима, допустившего «внезапность гитлеровского нападения на СССР». И «никто, или почти никто до последнего времени не пытался разглядеть в этой трагедии закономерного проявления и неизбежного следствия складывавшейся сталинской стратегии войны против капиталистической Европы, и прежде всего против Германии» (с. 19—20).

Если уж говорить о главной причине, обусловившей трагедию 1941 г., то это будет не «сталинская стратегия войны», а наличие в нашей стране тоталитарного режима, который позволял Сталину единолично решать кардинальные проблемы обороны страны, включая собственно военные проблемы, в которых он, по свидетельству Г. К. Жукова, был дилетантом и штафиркой.

Именно самовластие Сталина породило широкую и роковую совокупность всевозможных обстоятельств, предопределивших поражение Красной армии в начальный период войны. Это были внезапность нападения врага и массовое репрессирование командных кадров в мирное время, сталинская стратегия войны и чехарда с командным составом накануне войны, запоздание с разработкой и запуском в серийное производство новых видов боевой техники и просчет в определении направления главного удара врага, изъяны военного строительства перед войной и грубейшие ошибки в руководстве войсками в начале войны. Каждая из этих причин сыграла свою роль.

Конечно, далеко не последнее место занимала сталинская стратегия войны. Воплощенная в доктрине ведения исключительно наступательной войны на чужой территории и побед малой кровью, она помешала нашей армии теоретически и практически подготовиться к оборонительным боям (а именно такие бои пришлось ей вести в начале войны). Исходя из этой доктрины, была неразумно разоружена старая граница и столь же неразумно перед войной были расположены армейские склады непосредственно у новой границы, как и самолеты новейших типов, которые к тому же еще не освоил личный состав летных строевых частей, что позволило противнику почти полностью уничтожить или захватить их в первые же часы войны.

И все же, по своей роковой значимости для наших войск, на первое место следует поставить не «сталинскую стратегию войны», а оспариваемую в книге внезапность нападения гитлеровцев, которую обеспечил прежде всего сам Сталин. Он не разрешил С. К. Тимошенко и Жукову привести в боевую готовность силы западных военных округов. Вместо этого было опубликовано пресловутое «Заявление ТАСС», предельно раславившее страну и армию. Нападение вермахта застало наши войска в спящем состоянии, причем в буквальном

смысле этого слова. Кто знаком с теорией и практикой военного дела, тот знает, что внезапность удара позволяет победить гораздо более сильного противника. Разреши Сталин привести войска в боевую готовность, не произошло бы трагедии 1941 г., поскольку у нас было достаточно сил и возможностей, при всех недостатках и просчетах в подготовке страны к войне, чтобы дать врагу мощный отпор. Ход войны принял бы совершенно иной оборот.

В сборнике нетрадиционно поставлен вопрос о характере Великой Отечественной войны после завершения освобождения Красной армией оккупированной врагом советской территории. Афанасьев ставит под сомнение народный, освободительный характер войны после начала похода Красной армии в Европу (с. 27), а В. Л. Дорошенко считает, что война утратила характер Отечественной (с. 71).

Вообще это не новая постановка данного вопроса: впервые это сделал в 1995 г. А. Н. Сахаров, попытавшийся обосновать свою точку зрения (чего не сделали авторы сборника). Сахаров сослался на Отечественную войну начала прошлого века, когда Александр I 25 декабря 1812 г. издал манифест, в котором оповестил страну, что Отечественная война окончена, а далее русская армия вступает в Европу для освобождения ее от ига Наполеона. Царь имел на это основание, поскольку шестисоттысячная армия, которую бросил Наполеон на Россию, менее чем за полгода была практически уничтожена, а ее жалкие остатки, к тому же брошенным своим императором, уже не представляли никакой угрозы для нашего Отечества.

Совершенно иной была ситуация в 1944 г., когда Красная армия пересекла западную границу СССР. Германия все еще представляла собой мощную силу, без разгрома которой нельзя было считать ликвидированной гитлеровскую угрозу поражения нашей страны. Конечно, военные действия нашей армии за рубежом неправомерно включать вместе с событиями первой половины 1944 г. в один — третий период Великой Отечественной войны, что традиционно делается в литературе. Именно поэтому я в свое время предлагал рассматривать время с августа 1944 г. по май 1945 г. как период освобождения Красной армией народов Восточной Европы от немецко-фашистского ига и завершения полного разгрома нацистской Германии. Авторы же сборника считают, что заграничный поход Красной армии был завоевательным (с. 68), и в результате его гитлеровский тоталитаризм был заменен на сталинский (с. 72). Следует возразить авторам сборника: неправомерно оценку послевоенной политики сталинского руководства в отношении стран, освобожденных нашими войсками, переносить на заграничный поход Красной армии, имевший освободительный характер. В книге также без каких-либо доводов утверждается, что после лета 1944 г.

Отечественная война утратила и народный характер. Но хотелось бы узнать, в чем принципиально изменилось отношение нашего народа к войне и Красной армии после пересечения ею государственной границы?

Не имеет оснований утверждение Дорошенко, что вторую мировую войну развязал не Гитлер, а Сталин (с. 63—64) и тем более несостоятельно цитируемое им высказывание В. Суворова, что «точный день, когда Сталин начал вторую мировую войну, это 19 августа 1939 года» (с. 61). Вообще-то говоря, если быть придирой и педантом, некоторые основания для того, чтобы оспаривать существующую точку зрения насчет начала второй мировой войны 1 сентября 1939 г., имеются, поскольку лишь 3 сентября войну Германии объявили Франция, Англия, Австралия, Новая Зеландия и Индия. Думается все же, что это в значительной степени формальный момент. Во всяком случае, 19 августа 1939 г. никто ни на кого не напал и никто никому войны еще не объявил.

Не вполне понятен смысл слов Афанасьева: «под вопросом оказалась вся хронология основных периодов и событий Великой Отечественной войны» (с. 29). Мы согласны с тем, что традиционная периодизация войны, деление ее на три периода, как и их хронологические рамки, надуманы и неправомерны. Хотя, ради истины, следует заметить, что сомнение в адекватности этой периодизации истории войны высказывалось еще в 1988 г. на страницах «Вопросов истории» (см. № 5, с. 71). Но вряд ли стоит ставить под сомнение «всю хронологию» войны. Выходит, что и помещенной в конце сборника хронике событий не следует верить. Кстати, в эту хронику вкралась ошибка. Так, на с. 468 сказано, что немецкие войска вступили в Париж 28 мая 1940 г., хотя на самом деле это произошло 14 июня. В другом случае утверждается, что 9 октября 1942 г. в Красной армии был упразднен институт военных комиссаров, введенный в мае 1937 г. (с. 472). В действительности, упраздненный институт был учрежден во втором полугодии 1941 года.

На с. 386 А. Б. Зубов, по-существу, повторяя известные слова писателя В. П. Астафьева, пишет: «В конце концов, войну, в которой народ действительно выстрадал Победу, мы Германии все же проиграли». С этим никак нельзя согласиться. Мы в той войне победили, мы ее выиграли! И мы (вопреки сетованиям Афанасьева на с. 28) вправе гордиться этой победой и вправе праздновать ее. Не подлежит никакому пересмотру истина, что в мае 1945 г. наш народ одержал победу над силами, ставившими целью уничтожение нашей страны и превращение всего человечества в рабов «истинно арийской» расы. Конечно, празднуя день Победы, мы ощущаем боль в сердце за неслыханные жертвы, за невероятную дорогую цену, которую пришлось уплатить за эту Победу.

При всех ошибках (концептуальных и фактических, вольных и невольных, крупных и мелких)

в ранее написанных трудах о второй мировой войне имеется множество верных суждений. Подавляющая часть накопленного фактического материала достоверна. Поэтому, справедливо стремясь к освобождению от груза ложных взглядов и сведений, не следует огульно выбрасывать за борт все, что наработано исследователями в минувшее время.

«Другой» картины второй мировой войны в книге не получилось. В одних случаях более углубленно, в других — обосновано по-новому прописанными оказались лишь отдельные и сравнительно небольшие фрагменты этого колоссального по своим масштабам полотна.

А. Ф. ВАСИЛЬЕВ

В. С. БРАЧЕВ. *Русский историк Сергей Федорович Платонов. Ч. I—II.* СПб. Изд-во «Минерва». 1995. 354 с.

С. Ф. Платонов и его «школа» играли важную роль в борьбе направлений в русской историографии как до, так и после 1917 года. Однако стечение ряда драматических обстоятельств (недооценка вклада ученого в изучение истории России XVI—XVII веков в досоветской историографии, безосновательное «разоблачение» школы Платонова в 20-х годах, репрессии, связанные с сфабрикованным «Академическим делом») серьезно помешало объективной оценке и популяризации трудов Платонова.

В. С. Брачев был первым, кто обратился в конце 1980—90-х годах к трагическим страницам биографии Платонова¹. Им же было подготовлено и прокомментировано двухтомное собрание «Сочинений по русской истории» С. Ф. Платонова (СПб. 1993). В рецензируемой книге использован широкий круг источников: работы самого Платонова, труды его предшественников и коллег, архивные материалы.

Брачев рассказывает о подготовке и защите Платоновым магистерской диссертации «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник» (1888). Выяснено значение этой работы в процессе формирования научного облика Платонова — историка и его школы. В книге содержится историографический анализ «Очерков по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время)» (СПб. 1899). Разбирая «Лекции по русской истории» (П. 1917), автор стремится определить их концепционную основу, особенности общеисторических взглядов ученого. Особое внимание уделено мировоззрению, общественно-политическим взглядам историка, его научно-педагогической и научно-организаторской деятельности, роли в «борьбе на историческом фронте» 1920-х годов, а также «делу» Платонова.

Брачев считает, что работа над магистерской диссертацией стала решающим этапом в становлении Платонова как историка. Докторскую диссертацию «Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.» Брачев обоснованно

оценивает как главный труд Платонова. В его диссертациях отчетливо воплотились методологические принципы, которым он следовал в дальнейшем в своей исследовательской деятельности: позитивизм, эволюционный подход и основные установки государственной школы.

Анализ «Очерков по истории Смуты» позволил автору убедительно опровергнуть бытующее в историографии представление, что концепцию Смуты Платонов якобы заимствовал у Ключевского². Брачев считает, что эта концепция сложилась в результате анализа первоисточников и под влиянием русской историографической традиции. Брачев утверждает также, что Платонов предложил не только новаторскую точку зрения на историю Смуты, но ближе своих предшественников подошел к ее объективному освещению, идя не от политических убеждений, но следуя историческим фактам.

Не отрицая влияния Ключевского на становление Платонова, автор обратил внимание на серьезные расхождения между ними в освещении наиболее принципиальных моментов истории Смуты, в первую очередь — ее политической стороны. Речь идет о так называемых конституционных стремлениях московского боярства и «русской конституции» начала XVII в., начатки которой Ключевский усматривал в крестоцеловальной записи Василия Шуйского, договоре московских бояр с польским королевичем Владиславом и «ограничениях» 1613 г., которые якобы были навязаны Михаилу Романову при избрании на престол. Особенно далеко ушел Платонов от Ключевского, как показывает Брачев, в осмыслении итогов и последствий Смуты. По Ключевскому, она заканчивается в конечном итоге вынужденным примирением «общественных классов». Платонов же делает совсем иной вывод: поражение терпят в Смуте и верхи, и низы русского общества, выигрывают же так называемые средние классы — служилые и торговопосадские люди. Таким образом, приходит к выводу Брачев, есть все основания утверждать о создании Платоновым в конце 1890-х годов собственной концепции Смуты, свободной от либеральных наслонений (с. 116).

И в то же время Платонов следовал либе-

ральной историографии в общем понимании русского исторического процесса. Можно согласиться с Брачевым, что творчество Платонова плохо вписывается в рамки традиционных представлений о борьбе направлений в русской историографии конца XIX — начала XX веков. После работы Брачева говорить и писать о Платонове как историк-охранителе уже вряд ли кто решится.

Исторические и общественно-политические взгляды ученого рассматриваются в единстве, ибо в основе и тех и других, как показывает автор, — патриотизм, любовь к Родине. Этим, кстати, критерием определялось и отношение Платонова к людям, которых он ценил «не по взглядам и партиям, а по свойствам и душе их»; на первом месте для него была «любовь к России» и определенность «нравственного и политического катехизиса»³. Являясь убежденным сторонником «реального» знания, свободного от каких-либо историографических и политических пристрастий, Платонов в то же время сознательно избегал в своем лекционном курсе изображения темных и неприглядных сторон русской истории. Присущие его лекциям некоторая «официальность и внешние приличия» объясняются не «реакционностью» и «охранительством» учебного, как думали раньше⁴, а стремлением поддерживать в соотечественниках добрые чувства к истории своей страны, будить в них оптимизм, «искать и находить в нашем прошлом только то, что может быть здоровым корнем для будущего»⁵. Политические взгляды Платонова автор склонен определить как «либеральный консерватизм» (с. 225). Расплывчатость данного понятия, вероятно связана с достаточно противоречивым мировоззрением Платонова.

В 1920-е годы, подчеркивает автор, раскрылся потенциал Платонова как администратора и организатора науки. Интересны суждения Брачева о Платонове как о представителе той части русской интеллигенции, которая, не разделяя доктрины большевиков, сочла возможным активно сотрудничать с советской властью во имя Родины и науки (с. 223—228) для того, чтобы предупредить или нейтрализовать действия некомпетентных, но не в меру инициативных функционеров.

Описывая «Академическое дело», в котором Платонову отводилась главная роль, автор восстанавливает фактическую сторону этого «дела», характеризует действия лиц, причастных к нему, подводные течения и тайные интриги, раскрывает связь обвинений Платонова с противостоянием между ним и М. Н. Покровским.

Однако не все равноценно и бесспорно в этой работе. Выше уже отмечалось, что Брачев для оценки вклада Платонова в науку сравнивает его идеи с идеями предшественников. Но какие идеи Платонова и каким образом закрепились в трудах последующих поколений историков, этому уделено

недостаточное внимание. Иногда создается впечатление, что все суждения Платонова о Смутном времени истинны и поныне. Между тем историки, работавшие после Платонова, осветили более полно и более точно многие проблемы этого времени. Стоило и более точно и полнее охарактеризовать «школу Платонова» и вклад его самого в историческую науку.

Брачев раскрывает важную, а подчас роковую роль Покровского в судьбе Платонова, справедливо осуждает идеологические и политические крайности лидера историков марксистской ориентации. Однако несколько облегченной представляется оценка в монографии деятельности Покровского как руководителя государственных и научных учреждений⁶.

Подробности «Академического дела» иногда уводят автора от основной темы в сторону общегражданской проблематики. Автор слишком увлекается цитированием «Записки» С. Ф. Платонова в ОГПУ от 17 сентября — 5 октября 1930 г., хотя сам же оговаривается, что это — специфический документ, появившийся под давлением следствия. В то же время удачным является использование автором материалов «Академического дела» для характеристики линии поведения Платонова на следствии (с. 330).

В. С. ВОЛКОВ

Примечания

1. БРАЧЕВ В. С. «Дело» академика С. Ф. Платонова. — Вопросы истории, 1989, № 5; его же. Сергей Федорович Платонов — Отечественная история, 1993, № 1; его же. История русской государственности в освещении С. Ф. Платонова. В кн. Российская государственность: этапы становления и развития. Ч. II. Кострома. 1993; его же. Общественно-политические взгляды С. Ф. Платонова. В кн. Историческая наука в меняющемся мире. Вып. 2. Казань. 1994.
2. ЦАМУТАЛИ А. Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Л. 1986, с. 84, 85—97.
3. Археографический ежегодник (АЕ). 1994. М. 1996, с. 182.
4. ЦАМУТАЛИ А. Н. Ук. соч., с. 108—125; см. также: Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 3. М. 1963, с. 293.
5. АЕ — 1994, с. 182.
6. Ср. ДУНАЕВСКИЙ В. А. Стоит ли вновь возвращаться к М. Н. Покровскому? — Вопросы истории. 1995, № 2; ЧЕРНОБАЕВ А. А. Профессор с пикой или Три жизни историка М. Н. Покровского. М. 1992, с. 149, 162.

Я. РОКИТЯНСКИЙ, Р. МЮЛЛЕР. Красный диссидент. Академик Рязанов — оппонент Ленина, жертва Сталина. Биографический очерк. Документы. М. Изд-во. «Academia». 1996. 464 с.

Авторы — кандидат исторических наук Я. Рокитянский, обозреватель журнала «Вестник Российской академии наук» и научный сотрудник Гамбургского Института социальных исследований Р. Мюллер подробно характеризуют место Д. Б. Рязанова в руководящей когорте российских социал-демократов. Для большевистской революции Рязанов оказался чужим — и по складу ума и по своему характеру. И хотя после Октябрьского переворота его назначили сначала наркомом путей сообщения, а позднее — промышленности и торговли, ни Кагановичем, ни Микояном сын одесского коммерсанта стать не смог. С 14 лет окунувшийся в революционную деятельность, Давид и не помышлял о том, чтобы пойти по стопам отца, а когда в петербургских «Крестах» получил «высшее тюремное» образование, поглотив горы книг по истории и философии, политэкономии и юриспруденции, смысл своей жизни увидел в борьбе за освобождение пролетариата.

Однако, сверстник В. И. Ульянова с самого начала пошел отнюдь не ленинским путем. Цель российской социал-демократии он видел в просвещении рабочего класса и объединении его сил. Рязанов был уверен в том, что русскому пролетариату предстояло поддержать грядущую революцию в передовых странах Западной Европы. Среди «твердых искровцев» он прослыл оппортунистом и так и не был допущен ни на второй, ни на третий съезды РСДРП, даже с советательным голосом. А голосом Рязанов уже тогда обладал и самостоятельным и заметным. Негативно оценивая раскол социал-демократов на II съезде, 34-летний политик подметил сектантство и антидемократизм большевиков, путавших, по его мнению, тайную организацию с заговорщической, готовых «сейчас же «расстрелять» всякого демократа».

Впрочем, и к меньшевикам Рязанов не примкнул — борьба двух антагонистических течений в социал-демократии его нисколько не привлекала, и он занял особую позицию, в чем-то схожую с позицией Л. Д. Троцкого. Правда, в отличие от него, Рязанов от внутривнутрипартийных распрей ушел в науку, львиную долю своих сил и времени посвятив изучению и пропаганде литературного наследия К. Маркса и Ф. Энгельса. Этой стороной своей биографии главным образом и известен организатор и первый директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса (ИМЭ), трудом и энергией которого здесь был собран богатейший архив. Книга открывает и еще одну, куда менее известную сторону жизни Рязанова, ставя его в ряд с замечательными гуманистами нашего столетия М. Волошиным, Р. Валленбергом, С. Шиндлером и др. В отличие от Ленина, для которого главным в марксизме был тезис о насилии как повивальной бабке истории,

Рязанов в учении Маркса и Энгельса неизменно выделял гуманистическое начало.

Авторы напоминают, что именно Рязанов вызволил Ленина и Г. Зиновьева из-под ареста в начале первой мировой войны, помог добиться также освобождения из тюрьмы в 1916 г. Н. Бухарина и Г. Пятакова (кстати говоря, по личной просьбе Ленина) (с. 37). Сюда можно добавить и Троцкого, которого в августе 1917-го Временное правительство выпустило на свободу под залог в 3 тыс. руб., которые внес все тот же Рязанов от лица петроградских профсоюзов.

Вместе с группой «межрайонцев» на VI съезде РСДРП(б) в августе 1917 г. Рязанов был принят в партию, а позднее включен в состав Совнаркома, где, правда, проработал недолго. Он выступал против разгона Учредительного собрания, против Брестского мира, против запрета оппозиционных партий и газет, но за создание коалиционного социалистического правительства без Ленина и Троцкого. Постепенно Рязанова оттеснили на обочину власти, переведя на работу в профсоюзы, а когда он стал слишком рьяно выступать за их независимость, убрали и оттуда, оставив там, где он не мог никому помешать, — в Соцакадемии, реорганизованной позднее в ИМЭ. Не страдавшего тщеславием и вождизмом Рязанова это вполне устроило — он с головой погрузился в любимое дело, однако досаждал Ленину «со товарищи» резкой критикой их диктатуры не перестал, раздражая их к тому же множеством просьб спасти от произвола и насилия сотни жертв ВЧК. Деятельность Рязанова в качестве директора ИМЭ получила в книге подробное освещение.

Авторы рассказывают о том, как сбылись худшие ожидания Рязанова. Впервые публикуются находившиеся «под арестом» документы: письма и обращения в адрес Рязанова, его ходатайства за безвинно арестованных и осужденных перед красными вождями, их ответы назойливому правозащитнику. Они ярко рисуют облик мужественного и неутомимого борца с произволом, спасшего не одну человеческую жизнь.

В 1922 г. на XI съезде РКП(б) Рязанов смело бросил в лицо партийной верхушке обвинение в нарушении «всех начал внутривнутрипартийной демократии» и потребовал упразднения Центральной контрольной комиссии, которая лишила его права работать в профдвижении. Голос Рязанова все чаще звучал, как глас вопиющего в пустыне, а его постоянное заступничество за репрессированных вызывало уже не скрываемое раздражение. Ленин называл Рязанова «язвой». В конце 20-х годов Сталин инициировал кампанию травли маститого ученого, завершившуюся его арестом в феврале 1931-года. Последовали исключения из партии и Академии

наук СССР, ссылка в Саратов, а в 1937 г. — новый арест, суд по сфабрикованному обвинению и расстрел 22 февраля 1938 года.

Только через 20 лет Рязанов был реабилитирован, но практически до самой перестройки имя его оставалось под запретом. И членство в партии, и в АН СССР было возвращено ему только в 1989 и 1990 годах. Книга Рокитянского и Мюллера — запоздалая, но весьма ценная и необходимая попытка воздать должное памяти и заслугам видного ученого и самоотверженного гуманиста. Поднят громадный пласт до этого изъятых из научного оборота документов и материалов, открывающих неизвестного Рязанова. Главным образом, это документы из архивов Федеральной службы безопасности, среди которых особое внимание привлекают следственные дела и письмо Рязанова в Президиум ЦКК. Рукопись объемом почти в печатный лист, озаглавленная «Мое показание», должна была, по мысли автора, «дать для суда истории» ответ на обвинения, состряпанные в 1931 г. Сталиным и его подручными. Думается, однако, что авторы очерка о Рязанове, составляющего существенную часть книги, неоправданно акцентируют внимание на антисталинизме ученого. Он ведь и Ленину не стеснялся перечить, выступая всегда не столько против лиц, сколько против осуществляемой ими политики, если она была, по мнению Рязанова, антидемократической, античеловечной.

При всех ее достоинствах работа Рокитянского

и Мюллера нередко производит впечатление сделанной наспех. Уместно напомнить, приведенные на с. 72 две оценки редакционно-издательской деятельности самого Рязанова (А. М. Деборина и М. О. Вольфсона). Последний, в частности, писал: «Он не только с величайшей тщательностью прорабатывает всякую рукопись, которую он пускает в набор, но он также... следит за всеми стадиями производства книг, интересуется видом и оформлением книги, невероятно чувствителен к вопросу о цене издания, великолепно знает корректуру, технические процессы книжного дела». Огромное количество ошибок, опечаток не только мешают чтению книги, но часто вызывают настоящую досаду и раздражение. Особенно грешит этим биографический очерк о Рязанове, где на 130 страницах текста содержится около сотни авторских и издательских ошибок, в ряде случаев просто непростительных. Так, на с. 52 можно вычитать, будто 14 марта 1923 г. отмечалось 40-летие со дня рождения (а не смерти) К. Маркса. На с. 97 Сталин назван «индикатором» (?) вынесения смертных приговоров эсерам в июне 1922 года. Есть ошибки и в подписях под фотографиями. Хотелось бы видеть в книге полноценную библиографию, а также сводку хотя бы важнейших событий в жизни Рязанова (лучше бы, конечно, полную хронографию). Именной указатель также нуждается в основательной доработке, представляя пока элементарный перечень фамилий, нередко даже без инициалов.

В. В. САЗОНОВ

Н. А. МАШКИН. *Высшая военная школа Российской империи XIX — начала XX века*. М. Изд. центр «Академия». 1997. 348 с.

Вряд ли нуждается в особых доказательствах вывод, что наука и высшее образование в конце XIX — начале XX вв. были предметом законной гордости россиян. Труд кандидата исторических наук Н. И. Машкина убеждает, что это в полной мере относится к уровню военной науки и качеству подготовки офицерского корпуса крупнейшей в мире армии.

Книга заполняет определенную лакуну в современной историографии становления системы военного обучения в России. Советские историки, в силу разных причин, в том числе идеологического характера, не подхватили эстафету изучения этой системы, переданную им дореволюционными учеными, хотя работы последних (Н. Н. Головина, Ф. В. Грекова и других) не были ни полными, ни всеохватывающими. В лучшем случае выпускались работы, посвященные отдельным военным академиям, приуроченные по большей части к их юбилеям. С конца 80-х годов обозначился рост интереса к комплексному изучению проблемы. Появились диссертации и монографии, ставившие целью дать общее представление о проблеме, рассмотреть ее

применительно к отдельным, относительно коротким отрезкам времени (канун первой мировой войны), вписать историю академий в общую картину развития высшего образования в Российской империи. Рецензируемая книга — первый труд, посвященный высшей военной школе в нашем отечестве в XIX — начале XX века.

Достоинство книги в том, что, будучи первым, этот труд является одновременно и на редкость полным, насыщен огромным фактическим материалом. Перед читателем предстает развернутая и целостная картина структуры российских военных вузов на рубеже столетий. Используя практически весь имеющийся массив опубликованных источников, автор провел разыскания в архивах и ввел в научный оборот множество данных о составе преподавателей и слушателей учебных заведений, организации, программах и методике обучения.

В книге содержится характеристика и история семи академий (Императорской военной, Инженерной, Артиллерийской, Военно-юридической, Интендантской, Военно-медицинской, Морской), Морского корпуса, Морского инженерного училища, а так-

же учебных структур, в рамках которых офицеры могли изучать восточные языки (курс восточных языков Министерства иностранных дел, офицерский факультет Восточного института). Богатый информационный материал, включающий 26 таблиц, приводится и в отношении слушателей высших военных учебных заведений (критерии и порядок отбора, экзамены, порядок зачисления абитуриентов в каждое учебное заведение, анализ сословно-классового, национального и конфессионального состава слушателей). Дискриминация в отношении ряда национальностей (евреи, поляки) и конфессий (иудаизм, католицизм), характерная для русской строевой армии в XIX в., присутствовала и в военно-образовательной системе, хотя поражение в войне с Японией побудило правительство отойти от догматического подхода к этнической политике. Машкин приводит докладную военного министра А. Н. Куропаткина Николаю II с предложением руководствоваться при зачислении в армию инородцев такими численными критериями, которые соответствовали бы их процентному отношению к «коренному населению Империи»; император согласился с этим предложением (с. 151). Установка на недопущение евреев на офицерские должности, формально сохранялась, но на практике нарушалась, если они принимали православие, а тем более меняли фамилии (некоторые дослужились и до генеральских званий).

Интересны данные о материальном обеспечении слушателей высших военных учебных заведений. Не имея (как выявил автор) никаких дополнительных доходов, основная их масса существовала на денежное содержание, которое, однако, было привилегированным: двойное жалованье, в большинстве академий — доплаты. «на книги и учебные припасы» при переводе с курса на курс. Существовали и иные пособия, особенно для выпускников (с. 163—166).

Приведены подробные данные о профессорско-преподавательском корпусе высшей военной школы. По архивным документам составлены таблицы, дающие представление о сословной, национальной и конфессиональной принадлежности наставников, а также цифровой материал, характеризующий уровень их денежного вознаграждения. «Правительство России, — подчеркивает Машкин, — сумело наладить достаточно высокую оплату труда профессорско-преподавательского корпуса высших военно-учебных заведений страны, высоко оценивая труд военных педагогов не только во время их преподавательской деятельности, но и по выходе их на пенсию. Материальное благополучие педагогов стимулировалось почетными званиями заслуженного профессора и академика» (с. 207—208).

Материалы монографии свидетельствуют, что рутинный характер принятия решений и инертность мышления, присущие царской бюрократии, не мешали развитию системы высшей военной школы России на рубеже веков. Думается, автор прав,

оспаривая отрицательные оценки, выносимые рядом его коллег системе подготовки военной профессуры. Хотя в стране действительно не было специального учреждения или факультета, готовивших военных педагогов, существовали определенные традиции такой подготовки, сложился и порядок отбора кадров, в частности, через институт репетиторства. При этом зависимость профессора академии от административного начальства была чисто формальной и не сковывала творческого подхода к чтению учебных курсов (см. с. 190—191). Это обеспечивало достаточно высокий уровень профессиональных знаний выпускников. Когда в ходе первой мировой войны было принято решение о прекращении занятий в высших военных учебных заведениях, очень скоро в действующей армии стала ощущаться острая нехватка квалифицированных специалистов, и данное решение было пересмотрено.

Об эффективности высшей военной школы в России можно судить по тому, как происходило распределение выпускников и какова была их роль в жизнедеятельности Российского государства. Это наиболее исследованный в исторической науке аспект данной темы. Машкин вносит свой вклад в изучение ее, используя архивные документы, раскрывающие значение высокой профессиональной подготовки офицеров для успешного ведения боевых действий на Кавказе, в Средней Азии, на Дальнем Востоке.

В приложениях суммирована статистическая информация по теме исследования: «Структура высших военных учебных заведений России (в начале XX века)»; «Численность выпускников высших военных и морских учебных заведений»; «Распределение обучающихся в Военной академии по образованию и возрасту в 1884—1908 гг.»; «Распределение обучающихся в Инженерной академии по образованию и возрасту в 1882—1903 гг.»; «Распределение обучающихся в Артиллерийской академии по образованию и возрасту в 1860—1913 гг.»; «Распределение обучающихся в Военно-юридической академии по образованию и возрасту в 1866—1913 гг.»; «Распределение выпускников Интендантской академии по образованию и возрасту в 1905—1912 гг.». Книга снабжена именным указателем: более 400 упоминаемых в ней лиц, за редким исключением, описаны с полнотой, присущей обычно специальным справочникам.

К сожалению, издание содержит немало опечаток. Автору же можно адресовать ряд частных замечаний (например, о правомерности употребления устаревшего клише — «насаждение революционных идей» применительно к прогрессивно мыслящим преподавателям военных академий) и пожелание в будущей творческой работе по данной теме расширить ее пределы до анализа профессионального, культурного и духовно-нравственного облика образованного русского офицерства в контексте социальной и политической среды на рубеже веков.

Ю. И. ИГРИЦКИЙ

Между Адриатикой и Енисеем. Путешествия в прошлое

Сборник «исторических эссе» посвящен 70-летию юбилею известного швейцарского историка и архивиста Вернера Циммермана, творчество которого связано прежде всего с проблемами германской (особенно баварской) истории, а также прошлым Юго-Восточной Европы в новое время. Большинство авторов воспользовались своим путешествием в ту или иную местность для того, чтобы взглянуть на ее прошлое глазами профессионального историка, оживить собственными впечатлениями, сопоставить историю и современность. Обращение к столь оригинальному историко-сравнительному и историко-системному методу не случайно: юбилей — Циммерман — в жизни своей немало путешествовал и это возбуждало его интерес к историческим событиям, «обширным пространствам, личностям, идеям», правовым и историко-политическим вопросам. Научный путь Циммермана характеризует его коллега по кафедре, видный швейцарский историк К. Гёрке.

Статья Н. Бошковской посвящена истории македонского села Бабино, где она родилась. Автор подробно описывает существовавшие там историко-культурные традиции и обычаи, интересно рассуждает о региональной специфике в послевоенной Югославии. М. Чупец-Амрайн рассказывает о Сараево накануне гражданской войны. Здесь также содержится богатый историко-бытовой материал. Автор подчеркивает, что в 80-е годы уровень жизни жителей Сараево никогда не достигал западноевропейских стандартов. Несмотря на то, что уже в конце 70-х годов в Сараево «был достаточно богатый ассортимент отечественных и зарубежных товаров», процветал черный рынок, а к супермаркетам по утрам выстраивались «молочные очереди». В начальных классах фактически существовало «раздельное обучение мусульманских, хорватских и сербских детей» (с. 41). Обучение сводилось по большей части к чтению панегириков в честь Й. Броз-Тито (с. 42); вообще учебный процесс был сильно идеологизирован (с. 43).

Статья Гёрке «Современность прошлого в Сибири» построена как на личных впечатлениях автора и его супруги, известной швейцарской журналистки Г. Гёрке, во время путешествия по Сибири в 1993 г., так и на основе изучения источников и литературы, в частности, книги Ф. Нансена «Си-

бирь — страна будущего», изданной в 1914 г. в Лейпциге. Автор рисует обильно насыщенный личными впечатлениями исторический и современный портрет Сибири. Особо останавливается он на судьбе кетов (с. 86—90), на истории Туруханска и Курейки и т. д. Сравнивая свои впечатления со сведениями, почерпнутыми из источников, автор приходит к выводу, что за исключением «новых промышленных гетто, таких, как Игарка, Дудинка и Норильск», в селах Сибири, «несмотря на семьдесят лет социализма, время как бы остановилось» и многое, в том числе бытовые условия, носит отпечаток, характерный для XIX столетия. «Чем дальше продвигаешься на Север, тем сильнее... соприкасаешься со старой Россией, и тем явственнее видишь проявления старого первопроходческого сибирского менталитета», — пишет в заключение Гёрке.

Статья М. Вернерли-Фаззи посвящена истории Екатерининской больницы в Москве, ведущим врачом которой был ее отец доктор Август-Антон Фаззи (в России это имя часто и, пожалуй, более точно транскрибируется как Фэзи). Свое повествование автор тесно увязывает с историей медицинской науки в России XVIII и XIX столетий, в развитии которой большую и позитивную роль сыграли и иностранные специалисты. Другие статьи, посвящены таким мало затрагивавшимся в российской историографии темам, как судьба греческих беженцев, нашедших в начале 20-х годов пристанище в Швейцарии, а также история Албании начала XIX в., увиденная глазами английского путешественника. Публикуются редкие фотографии и иллюстрации, например, картина, изображающая лорда Байрона в албанской национальной одежде. Отмечается, что именно английские путешественники первыми обратили внимание в начале XIX в. на Албанию (с. 193) Р. Мументалер повествует об условиях путешествий по России во второй половине XVIII столетия. Основным источником автору послужили отчеты зарубежных путешественников, относящиеся к 1750—1800 годам. Улихь продолжает анализировать впечатления швейцарских путешественников в Советский Союз на материале послевоенного периода.

Книгу завершают две статьи о недавней истории Албании и Румынии.

И. А. ДЬЯКОНОВА

Религия и община в Древнем Риме. М. Институт всеобщей истории РАН. 1994. 214 с.; Л. Л. КОФАНОВ. *Обязательственное право в архаическом Риме: Долговой вопрос (VI–IV вв. до н. э.)*. М. Юрист. 1994. 239 с.; В. А. САВЕЛЬЕВ. *Римское частное право*. М. Юрист. 1995. 175 с.; *Законы XII таблиц*. М. Институт всеобщей истории РАН. 1996. 229 с.

В последние годы в отечественном антиковедении наблюдается переход к комплексному исследованию проблем истории и права Древнего Рима. Он связан во многом с набирающей силу деятельностью Центра романистики, который объединяет и координирует усилия ряда историков и юристов России и СНГ, преимущественно молодых, стремящихся возродить традиции изучения римского права в российской науке.

Одним из первых заделов в этом направлении можно считать коллективный труд «Религия и община в древнем Риме», посвященный И. Л. Маяк. Книга построена по тематическому принципу и прослеживает долгий путь римского права от религиозных норм к юридическим институтам гражданского общества. Авторы стремятся показать, как из недр родового строя берет свое начало сакральное право, совмещающее в себе религиозные и правовые институты. В работе систематизирован большой материал нарративных и археологических источников, выявляющих процесс отделения права от религии, роль жречества в регулировании сакрального права и многие другие аспекты.

Кофанов проследил эволюцию сакрального права от религиозных табу и человеческих жертвоприношений к правовым санкциям классового общества. А. В. Сморгоч рассмотрел полномочия жрецов-понтификов в сопоставлении с институтами государственной власти (консулами, сенатом, народными собраниями), причем предпочтение отдается власти последних. О. В. Сидорович повествует о функциях жреческой коллегии авгуров и о роли их основного инструмента — дивинации в политике раннереспубликанского Рима. Н. Г. Майорова анализирует прерогативы коллегии фециалов, которые, по мнению автора, выполняли скорее не жреческое, а чисто дипломатические функции. Автор считает фециалов не жрецами, а магистратами, что не бесспорно. Е. В. Ляпустина повествует о сущности гладиаторских боев, а С. В. Дмитриев переносит нас в древнейший Лаций конца II тыс. до н. э. и освещает характер культа Пенатов и Диоскуров. В последней главе речь идет о провинциальном городе Аквилее эпохи ранней Империи (И. М. Наджафова). В сакральных культах этого, позднего периода автор обнаруживает отражение многих характерных черт ранней эпохи, что свидетельствует об устойчивости древних религиозных традиций. Следует особо отметить представленный в собственном истолковании перевод одного из значимых античных текстов — фрагмента из Арнобия (И. В. Максимовой), где повествуется о так называемых *putina* — божествах какой-то одной

малозаметной, но важной, с точки зрения римлян, функции.

Итак, представленный в книге довольно значительный, как по тематике, так и по охвату материала, срез проблем сакрального права является одновременно и достоинством, и недостатком. И хотя авторам не удалось даже в первом приближении исчерпать объявленную тему, общее представление о предмете как едином комплексе книга дает, а отдельные вопросы изучены весьма глубоко.

Разнообразие подходов к объекту исследования и его интерпретация открывает простор для дальнейших разработок.

В монографии Кофанова «Обязательственное право в архаическом Риме» предпринята попытка дать очерк развития римского права и складывания правовых норм и установлений от эпохи царей до законов XII таблиц на фоне социально-политической борьбы в римской общине Ранней республики. Особый упор автор делает на исследовании происхождения и эволюции долгового вопроса, который вырос из норм обязательственного архаического права и, порождая институт рабства-должничества, определял, по мнению автора, сущность и остроту социальных противоречий в V–IV вв. до н. э. и прежде всего борьбу патрициев и плебеев. Автор полагает, что плебеи изначально были полноправными гражданами, имели доступ к общественной земле и составляли основную массу народа (*populus*) — простонародье, а патрицианская верхушка состояла из наиболее знатных родов, входивших в сенат (*patres*). Они сосредоточили в своих руках административную и судебную власть, следя за соблюдением и трактованием обязательственного права (особенно за сделками типа *pexum*) и распоряжаясь общественной землей (*ager publicus*), которую сенаторы сдавали в аренду плебеям на кабальных условиях. Именно в этом автор усматривает основную причину социального расслоения населения Рима, обнищания и закабаления плебса и обострения в первые два века Республики долгового вопроса, приводившего к ярким всплескам борьбы народа против сената.

Кофанов подробно анализирует, исходя из этого, причины и следствия плебейских сецессий 494 и 449 гг., в частности, учреждение плебейского трибуната и «священных законов», кодификацию римского права в законах XII таблиц и законы IV в. Лициния Столона и Петелия, направленные на запрещение долгового рабства. Однако в научной литературе все более утверждается иная трактовка характера раннеримского общества. Согласно ей, патриции рассматриваются как члены первоначальной куриатно-родовой организации, а плебеи

как неполноправное население, лишенное ряда гражданских прав и прежде всего доступа к общественной земле, находившейся в руках патрициев, что и обусловило закабаление плебеев и упорную их борьбу за равноправное положение в гражданской общине и доступ к пользованию общественной землей. Однако эта версия не умаляет выводов автора о роли долгового вопроса не только в сословной борьбе, но и в системе римского права.

Особого внимания заслуживает детальное исследование таких юридических категорий, как сделки *nexum* и *mancipium*. Первую категорию автор рассматривает как обязательственный договор между частными лицами в форме купли-продажи основных средств производства, а значит и земли. А вторую как договор между гражданской общиной в целом и отдельными ее группами. В целом убедительно обоснован вывод о том, что направление развития обязательственного права — от примитивных, сакральных форм регулирования долгового вопроса к правовым нормам гражданского общества, где основным инструментом регулирования социальных процессов выступают отношения собственности. Монография Кофанова при спорности отдельных положений (во многом связанных с фрагментарностью источниковой базы) восполняет лакуны в изучении римского права, систематизирует наши представления о его истоках, стимулирует дальнейшие исследования.

Книга Савельева «Римское частное право: проблемы истории и теории» состоит из двух частей. Первая, повествующая о лицах и вещах периода архаики и предклассического периода, углубленно освещает главным образом изменение правового статуса лиц и появление и развитие собственности. Автор рассматривает различные статусы свободных, клиентов и рабов, в том числе отпуск рабов на волю, анализирует формы брака и власть отца в семье. Эта часть является как бы введением ко второй, наиболее оригинальной части, которая касается «теории собственности» в римском классическом праве.

Метод исследования Савельева основан на строго терминологическом анализе. Автор преодолевает общепринятые точки зрения и успешно демонстрирует, насколько современные характеристики собственности отличаются от дефиниций римского классического права. Особенно наглядно он показывает различие (не только хронологическое) между понятиями собственности (*dominium*) и владения (*proprietas*) и связь между собственностью и пользованием (*usufructus*). Автор дает тщательный и во многом оригинальный анализ Институций Гая и Дигест Юстиниана и на основании этого приходит к выводу, что термин *proprietas* используется главным образом лишь в некоторых титулах этих сочинений и лишь по отношению к специфическим институтам: к *узуфрукту* и к *интердикту uti possidetis*. Отсюда вытекает заключение автора

о сосуществовании категорий *dominium* и *proprietas* в римском классическом праве. Тем самым он демонстрирует глубокое отличие римской «собственности» от собственности современной. Автор приводит доводы против современной доктрины, которая понимает категорию *in bonis esse* как одну из форм собственности (*dominium*). Строгость аргументации работы дополняется оптимальной выборкой из современных — как отечественных, так и западноевропейских — теорий.

Наконец, представляет значительный интерес издание законов XII таблиц в переводе Кофанова. Это первый полный перевод собрания сохранившихся фрагментов архаического свода древнеримского права на русский язык. Издание воспроизводит латинский текст, сделанный на основе итальянского издания фрагментов XII таблиц С. Риккобони (1941 г.) и дает параллельный русский перевод, что повышает его значение. Однако переводчик внес и некоторые свои коррективы и дополнения в латинский текст. Так, он значительно расширил первую норму VI таблицы, добавив в нее фрагменты, ранее не включавшиеся ни в одно издание, но, по мнению автора, трактуемые именно данную норму свода законов. В некоторых случаях предпринята попытка восстановить первоначальный текст источников, измененный предыдущими издателями в угоду той или иной концепции содержания законов. Скажем, во второй норме II таблицы восстановлено имя римского царя *Numa*, которое обычно некорректно и произвольно исправлялось на местоимение *pat* (ведь). Но в целом таких отклонений от классического латинского текста немного. Большой интерес представляет подборка свидетельств древних писателей о самих законах и истории их создания. Кофанову удалось найти и ввести в научный оборот ряд малоизвестных или забытых сведений нарративных источников, что весьма важно и полезно для изучения истории архаического права.

Тем не менее налицо некоторая шероховатость, а в ряде случаев и недостаточная точность перевода, что оставляет ощущение небрежности. Хотя речь идет о первом переводе законов на русский язык и первом их издании, автор и в нынешнем виде в достаточной степени старается учитывать реалии архаического Рима и известный архаизм значений многих латинских юридических терминов, что также затрудняет их адекватное отражение в русском языке.

В научном плане наибольший интерес представляет данная в приложении статья Кофанова о «палингенезе» (восстановлении) законов XII таблиц. В ней предлагается новая, оригинальная концепция самой системы законов. Она сводится к тому, что наши представления по данной проблеме должны, по идее автора, основываться прежде всего на сведениях источников, в которых утверждалось, что XII таблиц были в равной мере источником не только частного, но и публичного права.

Далее автор предлагает в восстановлении «истинной» структуры законов ориентироваться не на поздние, отличные по своим задачам и к тому же практически не сохранившиеся модели права, а на более хронологически и типологически близкие к изначальным законам. Следуя этой логике, автор пытается отыскать свидетельства для восстановления якобы утраченных норм публичного права и определить их место в своде XII таблиц. Поэтому он старается привлечь дошедшие до нас сведения источников о законодательстве царя Нумы Помпилия, которому традиция приписывала учреждение жреческих коллегий, норм сакрального и публичного права, что, впрочем, также вызывает сомнения в науке.

Любопытна попытка автора опереться на так называемые идеальные законы Цицерона, известного своим преклонением перед XII таблицами, который сформулировал эти законы в трактате «О законах». Разумеется автор не решает всех проблем восстановления «истинного» архаического свода права, более того, не все его утверждения и предположения выглядят убедительными. Так,

например, деление текстов «идеальных законов» Цицерона на таблицы и использование их для реставрации утраченной структуры XII таблиц представляется недостаточно обоснованным уподоблением их этим архаическим законам. Хотя автор и оговаривает условность такого деления, он не совсем корректно вводит его в систему своих аргументов.

Но в основном, предложенная концепция подкреплена солидным сравнительным материалом, стимулирует самый живой интерес и может стать началом дальнейшего, более досконального исследования. Если автору удастся в будущем развить свои аргументы и найти дополнительные подтверждения своим предположениям и парадоксальным догадкам, его труд явится весьма существенным вкладом в развитие современных представлений о римском архаическом праве. Указатель латинских и греческих юридических терминов к XII таблицам значительно облегчает работу с текстами и расширяет круг пользователей, что делает его весьма важным как для научной, так и для преподавательской работы.

В. Н. ТОКМАКОВ

Непредвзятое мнение читателя

Находясь нынешним летом на излечении в больнице, я обнаружил, что единственным академическим изданием, которое до недавнего времени выписывала больничная библиотека, оказался журнал «Вопросы истории». Был рад встрече, так как давно не имел случая окунуться в этот мир профессиональных исторических публикаций. Последнее такое рандеву было у меня, наверное, лет шесть назад, а за это время куда как много истории унесла стремнина Леты.

На «Вопросы истории» в нынешнем виде я посмотрел прежде всего с той точки зрения, которая ближе к моему роду деятельности, — работе в качестве заместителя главного редактора другого издания, а именно журнала «Международная жизнь», имеющего, правда, не академическую, а скорее, ведомственную окраску.

Зная по собственному опыту, сколь тонка теперь стала нить обратной связи между читателями и издателями, решил послать в адрес редакции письмо. Может быть, представит какой-то интерес мнение непредвзятого человека со стороны.

К сожалению, в моем распоряжении оказались номера журнала только за 1996 г., поскольку в нынешнем году у библиотеки не хватило средств на продолжение подписки. Да, и из прошлогодней подписки три номера (1, 8 и 9) оказались утраченными. Но зато семь оставшихся номеров я изучил основательно. Несколько компенсирующим обстоятельством фрагментарности публикаций стало и то, что больница, где я находился, принадлежит МИД России, а это значит, что читатели ее достаточно квалифицированы и их интерес к журналу, а он очевиден, является сам по себе отзывом на его содержание.

Как редакционный работник я прежде чем разобраться с первой страницей, посмотрел на пос-

леднюю. Был приятно обрадован некоторыми выходными данными. 10—11 тыс. экземпляров (а таков был ежемесячный тираж прошлого года) — совсем неплохо. Конечно, процентов 90 уходит на подписку. Сейчас у толстых журналов розницы практически нет. Какая-то часть покупается за границей, другая — уходит в библиотеки, индивидуальным подписчикам. Издание могло бы быть в пределах рентабельности, если бы ежемесячный журнал продавался в пределах 2 долл. за экземпляр. Как бы то ни было, для журнала, отвечающего научному предназначению, это — достижение. Последние номера даже были напечатаны не на газетной бумаге, как первые, а на офсетной, что говорит о пополнении редакционного кошелька. Представляю, сколько это требует нервной энергии. Желаю редакции и дальше располагать силами для успешного плавания в океане рыночных стихий.

Те экземпляры журнала, которые мне удалось прочесть, радовали еще одним свидетельством читательского интереса. Пунктуальная заведующая библиотекой отметила на формулярах все случаи обращения к журналу. Так вот, каждый номер журнала «Вопросы истории» находился у 10—14 абонентов за короткий отрезок в 6—18 месяцев. Это, пожалуй, редкостный интерес к научному журналу в библиотеке общего профиля, где внимание сосредоточивается главным образом не на исследовательской, а на развлекательной литературе. Замечу, кстати, что примерно такую же читательскую активность отражают и формуляры журнала «Новый мир» из той же библиотеки и за тот же период.

Примечательно и еще одно. По тексту некоторых статей разворачивался заочный обмен мнениями. Одни читатели ставили на полях вопросы,

междоветия, плюсы и минусы, отражающие согласие или отрицание. Другие своими пометками присоединялись или опровергали выраженные столь необычным образом взгляды. Можно осуждать такое отношение к библиотечному фонду, но можно и радоваться тому, что публикации оказываются объектом полемики.

Искренне порадовался, опять же как профессионал-редактор, широченному географическому составу авторов. Россия представлена не только столицами республик и губерний, но и другими центрами культурной традиции, такими, как, например, Таганрог. Наряду с российскими есть и иностранные авторы, хотя их немного. Жаль, что иностранцы из дальнего зарубежья превалируют над представителями ближнего, хотя по логике жизни должно бы быть наоборот.

Обращает на себя внимание, сколь скромно журнал подошел к своему 70-летнему юбилею. Красочная обложка и две страницы редакционного текста — вот и вся торжественная часть. В то же время полная драматизма биография «Исторического журнала», преобразованного в «Вопросы истории», с массой интересных фигур, входивших в состав редколлегии, давала возможность на собственном примере показать превратность судьбы печатного издания и научного коллектива в прошедшие десятилетия.

Правда, редакция отслеживает интересные отклики на свои публикации и информирует об этом читателей, что видно, например, из заметки о всемирном конгрессе историков в Монреале, где один из докладов был посвящен журналу «Вопросы истории». Можно предположить, что к своему 75-летию (а его ждать недолго) журнал поведаст читателям более подробно о перипетиях своего пути, о ярких страницах своего прошлого и жизни своих авторов.

Как я понял, при наличии в целом десяти постоянных рубрик материалы журнала формируются тремя основными массивами. Во-первых, авторские статьи на темы истории. Затем документальные свидетельства истории. И наконец, библиография. Каждый из этих массивов имел свои слагаемые. И все это вместе взятое составляет стройный ансамбль, где каждый материал оказывается не случайным гостем, а предусмотренным незримой партитурой полифонического произведения, воссоздающего многомерную картину Истории.

Авторские статьи, с которыми мне довелось познакомиться, посвящены в принципе двум темам. Первое — осмысление истории как науки, как средства познания общества, цивилизационного процесса. Второе — раскрытие отдельных событий, слагаемых истории. Не противопоставляя одно другому, хотелось бы остановиться прежде всего на публикациях, посвященных истории как таковой, исторической науке, пониманию ее роли на сцене политической жизни.

В прочитанных мною номерах журнала таких материалов оказалось, прямо надо признать, немало. Хотя именно по этим материалам больше всего и было пометок предыдущих читателей в библиотечной библиотеке, что, видимо, не случайно. Если со статьями по конкретным событиям и явлениям в истории не поспоришь, то интерпретация роли исторической науки дает пищу для полемики либо с тем, на что автор делает упор, либо с тем, что он обходит молчанием.

С моей стороны было бы большой неосмотрительностью пускаться в дискуссию со столь маститыми профессионалами, которые представлены на страницах журнала. Просто мне хотелось бы присоединиться к проступающим в ряде публикаций предостережениям, как бы нам не кинуться из одних крайностей в другие, сбросив в тар-тарары все наработки прошлого, в то время, как в части методологии, исторической периодизации далеко не все было надуманным и беспредметным. Примечательно в этом отношении мнение англичанина К. Хилла, который пишет, что ознакомление с трудами советских исследователей, с их подходом к английской истории дало ему возможность обогатить представление о прошлом своей страны (№ 5—6).

Нельзя не согласиться с нижеследующим положением программной статьи главного редактора журнала А. А. Искендерова «Историческая наука на пороге XXI века» (№ 4). «Историческая наука, — пишет он, — существует как бы в двух срезах: с одной стороны, в виде событийно-повествовательной, или нарративной, истории, истоки которой ведут к бытописательству, освещению отдельных событий, фактов, биографий исторических личностей, с другой, — в виде теоретического, сущностного исследования проблем исторического процесса, выявления в конкретно-историческом развитии общих закономерностей и особенностей, определения типов, путей, стадий и форм исторической жизни. Для успешного развития исторической науки важно, чтобы оба эти направления активно взаимодействовали друг с другом и дополняли одно другое».

Мне думается, что этот абсолютно верный вывод был бы более плодотворно проиллюстрирован журналом, если бы исторической науке как таковой были посвящены еще хотя бы три—четыре столь же развернутых статьи. Сомневаюсь, чтобы на этот счет нельзя было бы сыскать авторов. Правда, если не задаваться целью видеть среди них только единомышленников.

История, социология, политология достаточно тесно переплетаются, когда речь заходит об осмыслении происходящих в нашей стране в XX в. процессов. Можно поэтому понять выдвижение автором в качестве темы новейшей российской истории вопроса о правомерности выбора, сделанного в России в октябре 1917 года.

Но мне представляется также не менее зна-

чимым еще и смежный вопрос: как правильно именовать тот строй, ту систему, которые сложились в нашей стране после 1917 года? Говорить, что это был социализм, становится все более и более бессмысленным. В то же время, рассматривая сталинский строй как социалистический, историки, в том числе и со страниц журнала, мажут социализм как категорию однозначно черной краской и закрывают для него в сознании многих людей перспективу на будущее. Равным образом, ставя смысловой знак равенства между ленинизмом и марксизмом, возводят тем самым идеологический шлакбаум перед сторонниками учения Маркса без его российско-советской модификации.

Выход человечества на социалистический путь развития не перечеркивается провалом кровавого эксперимента на нашей родине. Процесс превращения многих ценностей и цивилизованных задач в общечеловеческие на рубеже XXI в. требует поиска выхода не в замкнутости национальных государств, сколь бы демократическими они ни были, а в чем-то более общем.

Если проецировать неизбежное ускорение развития производительных сил, связанных с освоением атомной энергии, космоса, использованием лазера и компьютеров, на следующее столетие, то от обобщающих моделей не уйти, как бы ни были они дискредитированы в угоду чьим бы то ни было амбициям, будь то прошлым или нынешним.

К сожалению, конечность истории может быть реальна. И это связано не с отсутствием рецептов общественного развития, исчерпанием «ресурса идей и принципов», а с исчерпанием ресурсов среды обитания человека. Если человечество по упрощенному счету — биомасса, то как таковая имеет перспективу развития только в пределах среды обитания, которая не беспредельна.

В условиях дефицита элементарных жизненных условий предположить возможность использования тоталитаризма во имя выживания какой-то части людей не представляется фантастическим. Как это распознать, предостеречь, ответить может история. Но и как рациональнее использовать дефицитные средства существования всего человечества тоже, пожалуй, может подсказать история. Если, конечно, она будет честной и нравственной.

Не знаю, может быть, есть какая-то договоренность между журналами, посвященными историческим темам, или внутри так называемой академической исторической науки, но мне бросилось в глаза почти полное отсутствие материалов, отражающих исторический процесс, происходящий в жизни нынешнего поколения. Интерес самих авторов к современности пробивается не за счет анализа конкретных недавних событий и фактов, а за счет четких и ясных параллелей, разбираемых давних дел с тем, что происходит на наших глазах. Даже средневековая пыль подчас сдувается с минувшего, чтобы явственнее проступало сходство

с сегодняшним днем и выявлялись болезни нашего времени.

Особенно примечательной в этом плане мне представилась концентрированная, насыщенная принципиальными выводами статья П. В. Волобуева и В. П. Булдакова «Октябрьская революция: новые подходы к изучению» (№ 5—6). Вернее сказать, не статья, а доклад на международном конгрессе историков. Достаточно привести несколько отдельных фраз, чтобы представить, как эта статья ложится на современность: «Для революции 1917 г. на деле решающее значение имели не политические конфликты в «верхах», а социальная борьба низов за выживание»; «Цели войны были непонятны; крушение старой власти воспринималось... как долгожданный поворот к социально справедливому миру»; «Социальный эгоизм имущих кланов брал верх над здравомыслием»; «Имущие классы все более провоцировали эгалитарные устремления трудящихся масс»; «Революция — дело рук «маленького человека», доведенного до отчаяния непонятными для него объективными обстоятельствами. Это погромная реакция на дурную власть» и т. д. Конечно, можно и не увидеть здесь никаких параллелей. В таком случае все характеристики относятся только к 1917 году. Но и это тоже обстоятельно раскрывает причины социальной катастрофы.

При чтении любой интересной статьи рука журналиста невольно тянется к перу, перо — к бумаге, как говорил великий классик про другие вдохновляющие обстоятельства. Но я не мог противостоять желанию взять на память что-нибудь из размышлений И. П. Лейберова, Ю. Д. Марголиса, Н. К. Юрковского, когда читал их статью «Традиции демократии и либерализма в России» (№ 2).

Хотя авторы и признают правомерность выводов предшественников, что «русский народ в конечном счете предпочел свободе государственное единство и централизацию», тем не менее, словно жемчуг, нанизывают на нитку истории самобытные проявления российской демократии. В результате перед мысленным взором вдруг оказывается венец из самоцветов народного волеизъявления, едва ли не перевешивающий на чаше весов общественного расположения металл династических атрибутов власти.

Действительно, мирской сход сельской общины; вечевой строй древнерусских городов; договорные отношения с правителями («князя, контролируемые народным вече», — приводится цитата из книги И. Я. Фроянова); казачество («христианская республика рыцарей-мужиков» — цитируется на этот раз К. Маркс, которого особо пугливые историки обходят ныне стороной); «совет всей земли», положивший конец Смуте; освободительные традиции русского старообрядчества, последовательная антимионархическая идея М. А. Бакунина; наконец, земства как совокупность местного самоуправления, — это — с одной сто-

роны. С другой, — царь-помазанник Божий; хоть и просвещенный временами, но все же абсолютизм; «чужеродная, — приводится характеристика В. А. Должикова и Л. Г. Сухотина, — монгольско-германская государственность». Идеалом здесь выступает «неограниченное самодержавие наверху и бесконтрольная власть административной бюрократии внизу».

Два разнозарядных потенциала огромной силы. И вот — испепеляющая молния: «Отстаивая модель власти неограниченной, бесконтрольной и несменяемой, — пишут авторы статьи, — самодержавие обрекло Россию на революцию снизу». Ну, а далее уже воцарился «постреволюционный псевдокоммунистический этатизм сталинщины». «Сталинская несвобода стала возможной в условиях насильственного слома богатых демократических традиций русского народа».

В статье отмечается, что современные реформы в России опираются на традиции либерализма и демократии, они знаменуют отказ от парадигмы насилия в государственной политике. Это сказано в последнем абзаце. Но в мое читательское сознание острее вошла фраза из первого абзаца предыдущей страницы: «И сегодня власть остается самодержавной и бесконтрольной до тех пор, пока не будет, наконец, утверждено в России самоуправление, естественно увенчанное всероссийским народным представительством».

В прочитанных мною номерах журнала как рефрен проходит утверждение, что история не должна быть опрокинутой в прошлое политикой. С этим нельзя не согласиться. Теперь важно, чтобы политика учитывала прошлую историю, а политики умели бы воспринимать ее уроки.

Считаю, что мне повезло, когда выпала возможность ознакомиться с публикациями «Вопросов истории» за прошлый год. Также повезет и тысячам читателей других экземпляров журнала, проявляющих интерес к историческим знаниям.

Журнал позволяет не только ознакомиться с воззрениями авторов исследований, но и соприкоснуться с документальными свидетельствами минувших дней. Дневниковые записи А. В. Головина, Н. М. Дружинина, И. И. Жилинского, П. Г. Дeyча, стенограммы совещания историков 1944 г., переписка деятелей правых взглядов, — все это дает пищу для многих размышлений. Такие вещи и составляют массовую основу документалистики, хотя они и не сродни совершенно секретным документам, хранившимся, например, в папке № 1 и передававшимся из рук в руки от одного послесталинского правителя нашей страны к другому, пока не предстали частично на страницах печати.

Мне думается, что «Вопросы истории» вполне располагают возможностью распространить практику публикации таких документов и свидетельств и на более близкие к нынешнему времени события. За последние десять лет наша страна проскочила через несколько исторических рубежей, обознача-

емых образно как «перестройка», «ГКЧП», «Белый дом», над каждым из которых стоило бы основательно поразмышлять. Однако времени тогда ни на что не хватало. Теперь те события можно просмотреть как замедленное воспроизведение на экране знаний ранее сделанной рапидной съемки.

Документов на этот счет достаточно. Интересов также много. Наверное, эти два слагаемых познания можно было бы соединить страницами исторического журнала. Даже ближняя история противостоит политике тем, что она уже состоялась. Есть и ее носители — конкретные люди с их воспоминаниями, а также документы с остановившимся в них временем.

Известно, что во многих журналах редакторы спорят, иметь или не иметь рубрику библиографии с рецензиями на вышедшие книги. Споры эти пристрастны, в частности, из того, что на редакции постоянно дают авторы книг с просьбами опубликовать отзывы, которые подчас сами и готовы написать со словами умеренной критики в собственный адрес или найти доброжелательного рецензента для такой же восхваляющей критики.

Есть журналы, которые так и следуют на поводу у авторов книг. Существует и другой подход, когда редакции, ограждая себя от писательского прессинга, вообще не публикуют рецензий на выходящую литературу. Все имеет право на жизнь. Главное, чтобы от этой логики читателям было интереснее общаться с изданием.

Возможно, часть рецензий и в «Вопросах истории» отражает больше авторскую, чем редакционную, активность. Действительно, уж коли такая рубрика есть, то к ней может быть и тот, и другой подход. Тут уж сеть от ветра не загородишься. Тем более, что рубрика «Историография» в журнале достаточно просторная, с постоянной публикацией большого числа рецензий.

Мне как читателю представились особо интересными рецензии-дискуссии, когда рецензенты, будучи специалистами в той же области знаний, включают в сферу обсуждений другие издания, опровергающие или подтверждающие мнение авторов рецензируемых книг. К счастью, такие литературные шедевры украшают почти каждый номер «Вопросов истории», отражая целеустремленную, кропотливую работу, исследовательский талант не только авторов рецензий и книг, но также и редакторов.

Стремление редакции представить читателю возможно более широкий круг исторической литературы видится и в щедром цитировании разного рода изданий в авторских статьях, в списках используемых источников, насчитывающих до 40 наименований. Возможно, в академическом издании это представляет своеобразную ценность. Но подчас, к сожалению, отдает и формализмом, когда к элементарно простой мысли, которая не нуждается ни в каком подтверждении, пристегивается какое-то издание, обедняя в целом, а не обогащая труд автора.

Отдавая должное глубокому содержанию и сжатой форме большинства материалов историко-графической рубрики, считаю правомерным сослаться на два положения, относящихся к общей характеристике журнала в том объеме, в каком я имел возможность с ним познакомиться.

В очень интересном отзыве Р. М. Шукурова на книгу С. А. Иванова «Византийское юродство» (№ 4) отмечается в ряду ее достоинств то, что исследование не оставляет равнодушным, вызывает на спор, провоцирует мысль и подталкивает к поиску аргумента. И еще сказано: текст свободен от корпоративной и квазиакадемической ограниченности, написан свежим языком, но не потерявшим при том классической фундированности.

Эту яркую характеристику я позволил бы себе распространить и на сам журнал «Вопросы истории». Убежден, что его стилистическое единство, лексическая доступность и научная обоснованность — результат не стихийного притока материалов, а целенаправленной работы редакционного коллектива.

И еще одна цитата из другой рецензии, принадлежащей моему доброму знакомому, с которым мне довелось окупнуться в историю советско-германских отношения 1939 г., О. А. Ржешевскому. Анализируя книгу Ю. А. Полякова «Наше непредсказуемое прошлое» (№ 7), он отмечает в качестве ключевой мысли этого издания то, что история становится болевой точкой сознания.

Вот так, мне показалось, подходит к предмету своего исследования и журнал «Вопросы истории» — осторожно, щадяще, не расстраивая раны, но и не оставляя без врачующего интеллектуального воздействия недуги нашего многострадального прошлого. Хотелось бы надеяться, что такая терапия поможет будущему выздоровлению общества. Может быть, поэтому так тянутся к жур-

налу читатели, свидетелем чему я стал в стенах далекого от исторической науки учреждения и о чем посчитал читательским долгом поделиться с редакцией.

Уважаемый Ахмед Ахмедович! Признаюсь, что среди побудительных мотивов к этому письму было и то, что мы с Вами знакомы. И уже давно. Хотя, возможно, в мелькании множества лиц и фамилий стерлись из памяти мои приметы, тем более, что при корневой схожести наших фамилий, моя встречается куда как чаще.

Напомню одну из наших встреч, что была без малого 30 лет тому назад. По следам 50-летия Октябрьской революции в Харькове проводилось украинское совещание лекторов, в котором принимали участие и три представителя Москвы, в том числе мы оба. После Вашей лекции проникший особым доверием высокой представитель принимающей стороны именно к Вам в узком кругу обратился с щекотливым в то время вопросом: скажите, а Хрущев действительно был ревизионистом? И я, оказавшись рядом, с интересом воспринял полезный и для меня ответ: если ревизионизм — это не синоним ругательства, то каждый, кто не догматик, пересматривает, ревизует взгляды своих предшественников. Так один из поборников либеральных взглядов, именуемых позже шестидесятниками, находил форму защиты оттепельных идей от поднимавшегося неосталинизма.

Все это мне вспомнилось при чтении «Вопросов истории». И я рад обстоятельствам, позволившим мне послать Вам сейчас привет и добрые пожелания.

*В. А. Александров,
заместитель главного редактора
журнала «Международная жизнь»*

Можно ли так публиковать архивные документы?

Облегчение доступа к архивным материалам, рассекречивание большого числа документов по истории XX века привело к настоящему буму в публикации исторических источников. К сожалению, профессиональный уровень многих публикаций оставляет желать лучшего. Одним из печальных примеров является сборник документов «Россия и США: торгово-экономические отношения 1900—1930»¹. Это издание заслуживает особого внимания, поскольку по замыслу его редактора академика Г. Н. Севостьянова оно призвано стать первым в серии документальных публикаций по истории отношений между Россией и США (с. 6).

Сравнительно недавно один из наших наиболее квалифицированных специалистов по источ-

никоведению академик Н. Н. Покровский рассказал о своем опыте работы с документами 1920-х годов и поставил вопрос о необходимости строгого соблюдения правил публикации источников, выработанных современной наукой².

Составители рассматриваемой публикации, по всей видимости, имеют довольно смутное представление о самых элементарных принципах публикации источников и современных научных методах исследования архивных документов. По-видимому, они даже не знают, что прежде чем отбирать архивные материалы надо познакомиться с уже существующими публикациями, как русскими, так и иностранными, а в конце публикации приложить список изданий, где имеются соответствующие

документы и т. д. Комментарии к документам, подготовленные Н. А. Розанцевой, Е. Ю. Сергеевым и Е. А. Юдиной, почти полностью ограничиваются сведениями о хорошо известных деятелях и организациях и какого-либо научного значения не имеют.

Самое же главное, что читатели не получают представления, как материалы готовились к публикации, почему тот или иной документ включен в данное издание, как он соотносится с другими архивными и опубликованными материалами и т. д. Отсутствует информация о выявленных документах, по тем или иным причинам не вошедших в сборник, хотя могущих представлять интерес для будущих исследователей.

В соответствии со своим названием сборник должен охватывать период с 1900 по 1930 год. Но, в действительности, самый ранний публикуемый документ относится к 1913 г., фактически же публикация начинается с 1915 г., то есть в сборник не включены документы за первую половину 30-летия, указанного в названии. «Обзор состояния российско-американской торговли за 1827—1910 гг.» датирован «не ранее 1913 г.» (с. 12). Но составителям следовало бы знать, что еще в 1912 г. уже были изданы соответствующий обзор и сопутствующие ему приложения. Воспроизводя этот и многие другие документы по типографским экзemplярам, составители даже не задумывались, что подобные материалы могли быть опубликованы ранее.

Игнорируют составители по существу и все документы иностранных архивов, включая и доступные, как в виде микрофильмов, так и печатные публикации. Единственное исключение — постановление Совета Народных Комиссаров РСФСР с выражением благодарности американскому народу за помощь голодающим в России от 10 июля 1923 года. Составители с гордостью сообщают: «Подлинник хранится в Президентской библиотеке Г. Гувера (США, штат Айова, Вест-Бранг)» (правильно Вест Бранч — *Н. Б.*), но при этом, как и в других случаях, не указывается, что данный документ давно опубликован и цитируется в общеизвестных работах³. В самых худших традициях советской историографии опущены фамилии тех, кто подписал публикуемое постановление, читателю сообщаются лишь должности подписавших: «Заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров, Управляющий делами Совета Народных Комиссаров, Секретарь Совета Народных Комиссаров» (с. 262). Если публикаторы действительно держали в руках подлинник, то совершенно непонятно, почему они опустили фамилии подписавших его. — А Каменев, Н Горбунов, Л. Фотиева, указав только их должности. Казалось бы время подобных фальсификаций уже давно прошло.

Самое удивительное, однако, заключается в том, что ответственный редактор и составители сборника умудрились обойти важнейшие пробле-

мы русско-американских отношений первой трети XX века. Трудно поверить, но читатель не найдет в сборнике никаких материалов о еврейском вопросе и отмене русско-американского торгового договора (1912 г.), что было центральной проблемой в отношениях между Россией и США до февраля 1917 года.

Вне внимания составителей оказалась и деятельность в России таких крупнейших американских компаний, как «Зингер» и «Интернешнл Харвестер», на которых в то время было занято около 60 тысяч рабочих. Число проданных швейных машин достигало 800 тысяч! Почти в каждой более или менее зажиточной семье в России имела швейная машина «Зингер», верно служившая нескольким поколениям россиян. Не упоминается даже Генри Форд, хотя на русском рынке фордовские автомобили появились еще в начале XX в., не говоря уже о том, что именно Форду принадлежит огромная роль в создании советской автомобильной промышленности, включая автогигант в Нижнем Новгороде. Остается предположить, что составители имеют довольно смутное представление об истории русско-американских экономических отношений и дают явно искаженную и однобокую картину их развития, продолжая игнорировать, в частности, еврейскую проблему (что было характерно для работ, публиковавшихся в советское время)⁴.

Нет в сборнике ни одной ссылки на уже вышедшие многочисленные документальные публикации и огромную исследовательскую литературу. Здесь нет возможности перечислить великое множество документальных и монографических изданий — для этого можно обратиться, например, к изданной еще в 1964 г. книге В. В. Лебедева или новейшей работе Н. Е. Сола, где содержится подробная библиография по истории русско-американских отношений в начале XX века⁵.

Вызывает недоумение подбор документов даже в тех случаях, когда составители выделяют специальные тематические разделы. Так, например, в разделе «Американская администрация помощи» («АРА») приводятся еженедельные меню детской столовой АРА в Петрограде 1921 года (кстати типографский экземпляр этого документа воспроизведен в каталоге выставки «Российско-американские экономические отношения»), как и меню столовой АРА в Пермской губернии от февраля 1921 г., но в то же время опущен самый важный документ — Рижский договор с АРА от 20 августа 1921 г., подписанный М. М. Литвиновым. Между тем, текст этого договора имеется во многих архивах, откуда черпались материалы для сборника (ГАРФ, РГАЭ), а с его подлинником следовало бы познакомиться в Архиве внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Не меньший интерес представляет записка Л. Б. Каменева от 18 октября 1921 г. о помощи АРА голодающим с пометками Л. Д. Троцкого, И. В. Сталина и В. И. Ле-

нина. К сожалению, такого рода документам, как и пометкам, раскрывающим позицию советских руководителей, составители не уделили должного внимания.

Оставляет желать лучшего и предисловие академика Севостьянова, которое не дает представления ни о важнейших проблемах отношений России и США, ни о том, что же нового по сравнению с предшествующими изданиями содержит вышедший сборник. Более того, предисловие обнаруживает следы прямого заимствования или во всяком случае близкого следования тексту вступительной статьи О. В. Волобуева и И. И. Кудрявцева к упомянутому каталогу выставки «Российско-американские экономические отношения 1900—1930 гг.»⁶.

В предисловии Севостьянова отмечается: «Правительство США первым признало Временное правительство России, сформированное в результате победы Февральской революции 1917 г., обеспечило ему экономическую и финансовую помощь. Временное правительство в свою очередь предприняло шаги, направленные к сближению с США, направив в Вашингтон финансово-экономическую миссию во главе с товарищем министра торговли и промышленности профессором Б. А. Бахметьевым» (с. 7). Если не считать мелких разночтений приводимый текст почти дословно повторяет вводную статью Волобуева и Кудрявцева: «Правительство Соединенных Штатов первым признало Временное правительство России, образованное в результате победы Февральской революции 1917 г., и усилило свою экономическую и финансовую помощь. В свою очередь Временное правительство предприняло ряд важных шагов к политическому и экономическому сближению с Соединенными Штатами..., направило в Соединенные Штаты «особую финансово-экономическую миссию» во главе с товарищем министра торговли и промышленности профессором Б. А. Бахметьевым».

Заимствуется и фактический материал. В предисловии Севостьянова говорится: «Накануне первой мировой войны российско-американская торговля в целом была невелика. Экспорт США в Россию составил 7% русского импорта, а вывоз в Америку — всего 0,9% российского экспорта» (с. 7). У Волобуева и Кудрявцева читаем: «В период с 1909 по 1913 гг. масштабы торговли между Россией и Америкой были сравнительно невелики. Ввоз из Соединенных Штатов составил 7% русского импорта, а вывоз в Америку и того меньше — 0,9% от русского экспорта». Здесь же в предисловии Севостьянов указывает, что администрация США финансировала русское правительство «из средств

«Займа свободы» на общую сумму 450 млн. долл. и разместила крупный заказ на изготовление 1500 паровозов и 30 тыс. вагонов». У Волобуева и Кудрявцева также отмечается, что американское правительство финансировало Россию из «средств «Займа свободы» на общую сумму 450 млн. долларов, разместило крупный заказ на изготовление 1500 паровозов и 30 тыс. вагонов». Можно было бы продолжить сравнительное цитирование, но и этого достаточно, чтобы поставить вопрос о недопустимости подобных заимствований, да к тому же без каких-либо ссылок или упоминаний Волобуева и Кудрявцева.

Общий вывод представляется очевидным. Так публиковать исторические документы нельзя. В нашей стране и за рубежом накоплен огромный опыт издания источников и тщательного изучения архивных документов по истории русско-американских отношений, игнорировать который недопустимо.

Академик Н. Н. Болховитинов

Примечания

1. Россия и США: торгово-экономические отношения 1900—1930. Сборник документов. М. Наука. 1996.
2. ПОКРОВСКИЙ Н. Н. Время публиковать источники.— Вестник РАН. Т. 67. № 2. Февраль 1997.
3. GADDIS J. L. Russia, The Soviet Union and the United States: An Interpretive History. 2nd ed. N. Y. 1990, p. 100 (1st ed. N. Y. 1978). Кстати огромный документальный материал о деятельности АРА был опубликован еще в 1927 году. См. FISHER H. The Famine in Soviet Russia, 1919—1923. N. Y. 1927.
4. См. BOLKHOVITINOV N. N., SAUL N. E. Postscript: Past, Present and Future.— Russian-American Dialogue on Cultural Relations, 1776—1914. Columbia and Lnd., p. 246; ЭНГЕЛЬ В. В. Еврейский вопрос в русско-американских отношениях. Канд. дисс. М. 1994, а также ряд статей В. И. Журавлевой, А. Миндлина и В. В. Энгеля, опубликованных в 1990—1996 гг.
5. ЛЕБЕДЕВ В. В. Русско-американские экономические отношения (1900—1917). М. 1964, с. 5—17, 369—377; SAUL N. E. Concord and Conflict. 1996, p. 601—634.
6. Чтобы дела шли. Российско-американские экономические отношения, 1900—1930 гг. Каталог выставки исторических документов. Стенфорд, Калифорния. Изд. Гуверовского института. 1992 (Stanford, Calif. 1992), с. 11—27.

Царицыно: загадки кирпичных клейм

Тема клейм кирпичей привлекает крайне ограниченное число исследователей. А ведь за клеймом кирпича порой скрывается интересная страница истории. Наиболее значительный вклад в тему кирпичных заводов прошлого внесли три исследователя: И. А. Киселев, Н. В. Воронов и А. В. Филиппов¹. Из них лишь последний сделал попытку расшифровки клейм кирпичных заводов Приказа каменных дел, возникшего при Иване Грозном в 1583—1584 гг. и существовавшего до 1701 г. с перерывом в работе в 1681—1684 годах.

С началом проведения реставрационно-восстановительных работ в Царицыне в 1972 г. в среде архитекторов-реставраторов бытовало мнение, что клейма кирпича «ПМ» (зеркальный вариант «МП») соответствует баженовскому, а клейма «ГД» — казаковскому периодам строительства в Царицыне. Причем клеймо «ГД» расшифровывалось, со ссылкой на исследование Филиппова, как «государственный дворцовый». За 20 прошедших лет такая трактовка не подвергалась пересмотру.

Поводом для проведения критического анализа послужила находка в летне-осенний период 1994 г. нескольких других клейм, что заставило нас обратиться к архивным материалам и к работам вышеупомянутых исследователей. Оказалось, что во времена Екатерины II государевых, или государственных, кирпичных заводов не было. Были заводы партикулярные, то есть арендованные на определенных условиях, и ведомственные (Воробьевский завод — Опекунского совета Воспитательного дома, завод Петра Микшича — Экспедиции кремлевского строения, Усть-Сетуньский завод — Каменного приказа, после 1782 г. переданный Каменной палате).

Об отсутствии государевых заводов прямо говорится в одном из документов Российского государственного архива древних актов², направленном в канцелярию конфискации на ее запрос о беглом дворцом человеке. Государевы кирпичные заводы существовали в Москве до 1701 г., когда был закрыт Приказ каменных дел. В связи с этим возникла необходимость расшифровки клейма «ГД», которым заклеено наибольшее количество кирпичей строений в Царицыне. Именно из этого кирпича М. Ф. Казаковым построен Большой дворец. Как побочная задача встал вопрос о расшифровке других клейм кирпичей, из которых построены парковые павильоны Царицына.

Воронов установил, что кирпич в Царицыно поставляли купеческие партикулярные заводы, расположенные на землях Донского монастыря. Кирпич поставляли Алексей Петров, Никита Павлов, Иван Корольков, Иван Кушашников и др.

Как известно, разобранный дворец Баженова в Царицыне состоял из трех строений — западного для Екатерины II, восточного для великого князя Павла с супругой и северного для наследников трона — внуков Екатерины II. Впоследствии на

месте западного и восточного строений был построен Казаковым Большой дворец. Внимательное обследование кирпичной кладки этого дворца выявило интересный факт. Оказалось, что два симметрично расположенных помещения в западной и в восточной части дворца выложены не из кирпича с маркой «ГД»: в западной части — из кирпича с клеймом «ПМ», а в восточной — с клеймом «ИК». Известно, что западное строение снесенного дворца строилось в более ранний период, чем все остальные, когда поставку кирпича в Царицыно осуществлял завод Микшича. Можно, во-первых, сделать вывод, что клеймо «ПМ» (или его зеркальный вариант) является своеобразным «автографом» Микшича, и, во-вторых, — что не все помещения дворцов Баженова были снесены полностью.

Все три снесенных впоследствии строения Баженова в своих письмах к Екатерине II называет дворцами. Так, в письме от 16 августа 1781 г. из с. Царицына он пишет: «Дворец их императорским высочествам (то есть великому князю Павлу и его супруге. — И. С.)... усведен». Следует обратить внимание на дату этого письма: дело в том, что накануне года ликвидации Каменного приказа (1782) по 1 млн кирпичей в Царицыно поставили в декабре 1780 г. Иван Корольков и за своего отца Ивана Кушашникова в январе 1781 г. — его сын Алексей, не имея на то разрешения от Каменного приказа, в связи с чем возникло целое судебное дело, и только благодаря энергичному вмешательству архитектора Баженова, принявшего всю «вину» на себя, заводчик был спасен от крупного штрафа. Таким образом, на клеймо «ИК» претендуют и Иван Корольков и Иван Кушашников. В 1782 г. ликвидацией Каменного приказа, запрещавшего продажу кирпичных заводов в частную собственность (разрешалось только брать в аренду) воспользовалась жена купца 1-й гильдии Г. М. Дроздова Д. И. Дроздова, которая купила оба завода Королькова, расположенные один на земле Андреевского монастыря, другой — вблизи Донского монастыря, за 4250 рублей³.

Со сменой завододержателя изменилось лишь клеймо (было «ИК», стало «ГД»), а поставки в Царицыно кирпича тех же стандартных размеров продолжались. Особенно много кирпича с клеймом «ГД» было поставлено в Царицыно в зиму 1784/1785 г., накануне приезда Екатерины II. Интересно, что клеймо «ГД» сохраняется до самого конца XVIII века. Из кирпичей с этим клеймом построена основная северная часть Гостиного двора в Москве (1790—1805 гг.)⁴.

Кирпичи с клеймом «ГД» применялись не только в казаковский период строительства, но и в более ранний период — баженовский, чего нельзя сказать о клейме «ПМ», или «МП», которое соответствует только баженовскому периоду строительства в Царицыне (1776—1785 гг.). Осенью 1994 г. польские реставраторы в верхнем ярусе

Виноградных ворот в Царицыне обнаружили кирпич с клеймом «МГ».

Кирпичный завод М. П. Гусятникова «за Калужской заставой, за Крутым врагом на земле Донского монастыря» известен с 1752 года. Построил завод с производительностью 600—800 тыс. кирпичей в год его отец — Петр Сергеевич, который с 1717 г. числился в окладе гостиной сотни, имел торги в Москве, а с 1729 г. состоял среди московских компанейщиков питейных сборов. Кирпичный завод ему был нужен, чтобы строить питейные лавки и погреба. В 1770-х годах завод увеличил свою производительность до 1 млн. штук кирпичей в год. М. П. Гусятников умер в 1776 году. Через шесть лет, в 1782 г. в довольно молодом возрасте, 37-ми лет от роду, умирает и его сын Михаил Михайлович, который после смерти отца успел поставить в Царицыно небольшое количество кирпича (несколько тысяч штук) — именно из этого кирпича и был выложен верхний ярус Виноградных ворот ⁵.

Перед своей смертью М. М. Гусятников вынужден был отказаться от поставок кирпича как в Царицыно, так и «для делания обжигательной печи на вновь заводимом казенном кирпичном заводе (Усть-Сетуньском. — И. С.)». Подряды за него взял на себя И. Кушашников, засвидетельствовав это своей подписью ⁶. Вот почему нигде, кроме Виноградных ворот, кирпич с клеймом «МГ» в строениях Царицына больше не встречается.

Третий кавалерийский корпус в Царицыне в основном построен из кирпича с клеймом «ПМ». Но в наружной восточной стене этого корпуса найден один кирпич с клеймом «ПС». Возможно, что внутренние стены этого корпуса также построены из кирпича с этим клеймом. Интересно, что Голландский домик в Кускове тоже построен из кирпича с клеймом «ПС». На фасаде этого домика стоит дата — 1749. На клеймо «ПС» претендуют два завододержателя из разных социальных групп. Это дворянин, коллежский асессор П. А. Смирнов, завод которого был за Донским монастырем на земле с. Воробьева, и купец 2-й гильдии П. Ф. Скорняков, заводы которого были как за Калужской, так и за Серпуховской заставами ⁷.

Кирпичи с пятью разными клеймами были обнаружены на Первом кавалерском корпусе, который носит также название «Управительский дом». На тычках кирпичей этого строения Баженова были обнаружены клейма — «ПМ», «ГД», «ЛГВ», «VK» и «ОК». Два из них — «ЛГВ» и «VK» отсутствуют в таблице датировки кирпичных клейм в публикациях Киселева.

На клеймо «ОК» претендуют два завододержателя разных социальных групп. Это крестьянин, владелец трех заводов близ Андреевского монастыря Ф. Коньков и купец, который, помимо собственного завода у Донского монастыря, арендовал еще заводы А. Милютина и Г. Серикова, — Ф. Козмин. Возможно, что клеймо «В-1», которое

встретилось в одной из башен Казаковского дворца и из кирпичей с которым построен весь павильон Нерастанкино (1803 г.) в парке Царицына, принадлежит Воробьевскому заводу Опекунского совета Воспитательного дома. Однако это лишь предположение, так как отсутствуют сведения по самому строению Воспитательного дома.

Нет каких-либо предположений по расшифровке таких кирпичных клейм, как «ИФ» (Большой мост через Большой овраг в Царицыне) и «ГЛП». Любопытно, что кирпич с клеймом «ГЛП» встретился не только на Казаковском дворце в Царицыне, но и в восточной части Петровского дворца, автором проекта которого также является Казаков.

В кирпичной кладке Фигурного моста в Царицыне, когда он в послевоенные годы был в плачевном состоянии, Н. В. Воронов обнаружил на так называемых брусовых кирпичах клеймо «ХСХЛ», или «ХСХА». Интересно, что такой же брусовый кирпич, положенный на ребро, употреблен во вставках справа и слева от восточных ворот Петровского дворца. Я такого клейма не обнаружил, и расшифровать это клеймо пока не представляется возможным.

В кирпичной кладке ограждения пандусного спуска с Фигурного моста обнаружен кирпич с неполным клеймом «Е 1...», в котором нижняя часть буквы «Е» имеет загиб под углом 45 градусов, а вторая буква клейма «выскочила» за край кирпича. Расшифровать это клеймо пока также не удалось.

И. Н. Сергеев

Примечания

1. КИСЕЛЕВ И. А. Датировка кирпичных кладок XVI—XIX вв. по визуальной характеристике. М. 1986; ВОРОНОВ Н. В. Московские кирпичные заводы в XVIII в. Автореф. канд. дисс. Т. 2. М. 1957; ФИЛИППОВ А. В. Клейма древнерусских кирпичей в Москве и их расшифровка. — Сообщения лаборатории керамической установки. Вып. 1. М. 1940.
2. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 292, Каменный приказ, кн. 39, л. 432, Промемория.
3. Там же, ф. 14, оп. 1, д. 51, ч. V(1), л. 398; ф. 292, Каменный приказ, кн. 47, л. 82—83, 87; кн. 49, л. 174—183; кн. 76, ч. 1, л. 340, 369, 375—380.
4. Там же, ф. 14, оп. 1, д. 51, ч. 7, л. 49, 108, 153; ф. 1239, оп. 3, д. 57941, л. 1.
5. ВОРОНОВ Н. В. Ук. соч., с. 527; АКСЕНОВ А. И. Генеалогия московского купечества XVIII в. М. 1988, с. 120—121, 144—145, 162—163.
6. РГАДА, ф. 292, Каменный приказ, кн. 40, л. 556.
7. ФИЛИППОВ А. В. Ук. соч., с. 6; ВОРОНОВ Н. В. Ук. соч., списки заводов под литерами А, Б, В; КИСЕЛЕВ И. А. Ук. соч., с. 16—29.

Contents

The Political Archives of the Twentieth Century. Was K. Radek Involved in the Murder of K. Liebknecht and R. Luxemburg? (An Introduction by **Ju. G. Fel'shtinskij**). Articles: **L. N. Pushkarev**. History in Public Consciousness of 17th Century Russia; **O. R. Ajrapetov**. The Balkans Entente's Strategy in 1916. Historical Profiles: **G. V. Papakin**. Pavel Petrovich Skoropadskij. From the Archives of an Historian. **A. M. Anfimov**. The Unfinished Controversy. History and Fates: **A. V. Golovnin**. A Memoir for the Few. Contributions: **V. A. Volkov**, **M. V. Kulikova**. The Kh. S. Ledentsov Society for Support of Scientific Research; People. Facts. Events: **L. S. Korotkevich**. Johann Strauss in Russia; **M. S. Bobkova**. The Life of Jean Bodin. Historiography. **Reviews on Books**: The Other War: 1939—1945; **V. S. Brachev**. A Russian Historian Sergej Fedorovich Platonov; **Ja. Rokitianskij**, **R. Miuller**. The Red Dissident: Academician Rjazanov — an Opponent of Lenin, a Victim of Stalin. A Profile. Documents; **N. A. Mashkin**. Higher Military Education of the Russian Empire of the 19th — Early 20th Century; Between Adriatics and Yenisej. Travels into the Past; Religion and Commune in Ancient Rome, **L. L. Kofanov**. Obligatory Law in Archaic Rome: The Problem of Debts [VI—IV Centuries B. C.], **V. A. Savel'ev**. Roman Private Law, The Code of 12 Tables. Letters to the Editor.

**Учредители: ТОО «Редакция журнала «Вопросы истории»
Российская академия наук**

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор А. А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

Н. Н. Болховитинов, П. В. Волобуев, А. С. Гроссман, В. П. Данилов, Р. Е. Кантор, В. И. Кузицин, Б. В. Левшин, О. А. Ржешевский, И. В. Созин (заместитель главного редактора), К. И. Седов, А. Я. Шевеленко, В. В. Шелохаев, В. Л. Янин

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку

«Вопросы истории» № 9, 1997

Адрес редакции: 103781, ГСП, Москва К-6, М. Путинковский пер., 1/2. Телефон: 209-96-21

Технический редактор Е. П. Лебедева

Сдано в набор 01.07.97. Подписано в печать 14.08.97. Формат 70 × 108/16. Бумага писче-бланочная. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. 18,70. Тираж 10 100. Заказ 2697. Индекс 70145.

ТОО «Редакция журнала «Вопросы истории»

Полиграфическая фирма «Красный пролетарий». 103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

Зарубежным подписчикам журнала "Вопросы истории"

Уважаемые господа!

С января 1997 г. в России выходит научно-теоретический журнал "Философия и общество", посвященный проблемам философии и теории истории социальной философии (затрагивается и иная тематика). В журнале "Вопросы истории" в прошлом и текущем году неоднократно печаталась его реклама. Редакция нового журнала ставит своей целью публиковать новаторские концептуальные материалы. Журнал является изданием, которое не зависит ни от каких организаций.

Выходит один раз в два месяца. Объем — 270—300 стр.

К сожалению, по причине российских общенациональных трудностей в настоящий момент новые издания не могут получить права организовывать подписку для зарубежных читателей (кроме республик бывшего СССР). Но издатели и редакция очень желали бы познакомить со своим журналом всех, кого интересует подобная тематика и кто может читать на русском языке. Для этого нужно всего лишь прислать заявку по адресу издательства, указав свой подробный адрес. Мы вышлем вам первый номер журнала **б е с п л а т н о**, а также сообщим условия приобретения следующих номеров. Если наше издание вас заинтересует, вы сможете получать его регулярно.

Адрес издательства:

Russia (Россия), 400059, г. Волгоград, п/о 59, а/я 114,
издательство "Учитель" (журнал "Философия и общество"),
тел. 42-53-91, факс 42-20-63, код 8-8442

ВИ
ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ